

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
Ленинградское отделение

А. Г. МАНЬКОВ

**УЛОЖЕНИЕ
1 6 4 9
ГОДА
КОДЕКС
ФЕОДАЛЬНОГО
ПРАВА
РОССИИ**

Ответственный редактор
К. Н. СЕРВИНА

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1980

В монографии на основе широкого круга источников и литературы, охватывающей более чем столетний период изучения в русской дореволюционной и советской историографии Уложения 1649 г., всесторонне анализируется этот крупнейший законодательный памятник феодальной России, условия его происхождения в период становления крепостного права. Через призму права показывается состояние вотчинного и помещичьего землевладения, положение господствующего и феодально-зависимого классов, государственный и политический строй, а также судопроизводство России XVII в.

Книга представляет интерес для историков и юристов, преподавателей и студентов вузов.

ВВЕДЕНИЕ

Достаточно перелистать Уложение 1649 г.,¹ чтобы убедиться в том, что оно существенно и во многих отношениях отличается от предшествующих ему законодательных памятников. Судебники XV—XVI вв. представляли собою свод постановлений преимущественно процедурного, процессуального свойства. Ближе к Уложению по духу и составу узаконений указные книги приказов, но они составляли механическое собрание законов, расположенных в хронологическом порядке и объединенных лишь ведомственной принадлежностью.

Уложение 1649 г. значительно превосходит предшествующие памятники русского права прежде всего своим содержанием, широтой охвата различных сторон действительности того времени — экономики, форм землевладения, классово-сословного строя, положения господствующих и феодально зависимых слоев населения, государственно-политического строя, судопроизводства, материального и процессуального права.

Второе отличие — структурное. В Уложении дана довольно определенная систематика норм права по предметам, которые

¹ Ни подлинный свиток Уложения, ни первые его издания 1649 г. не имеют заглавия. Правда, в самом тексте памятника он назван только одним словом «Уложение» («нынешнего Уложения», «по Уложению» и т. п.), а в предисловии употреблено и выражение: «...по нынешнему его государеву указу и соборному уложению». В изданиях Уложения, осуществленных в XIX—XX вв., два последние слова этой фразы ошибочно воспроизведены с литерной буквы: «...и Соборному Уложению», хотя указанную фразу следует понимать: «...по нынешнему государеву указу и соборному решению, определению». Дворянские историки пазывали кодекс Уложением царя Алексея Михайловича. Некоторые историки демократического и либерально-буржуазного направлений, изучившие и особо подчеркнувшие роль земщины и Земского собора 1648 г. в создании Уложения, стали именовать его Соборным уложением 1649 г. Встречается (вплоть до 1917 г.) и совмещенное наименование: Соборное уложение царя Алексея Михайловича. В советской историографии вошло в обиход «Соборное уложение 1649 г.». Между тем роль государственной власти, в том числе и правительственной комиссии П. И. Одоевского, была не меньшей, чем представителей сословий и Земского собора 1648 г. Вот почему целесообразнее называть памятник просто Уложением 1649 г.

расположены таким образом, что легко могут быть объединены по разновидностям права — государственное, воинское, правовое положение отдельных категорий населения, поместное и вотчинное, судопроизводство, гражданские правонарушения и уголовные преступления.

Третье отличие, как прямое следствие первых двух, состоит в неизмеримо большем объеме Уложения в сравнении с другими памятниками.

Наконец, Уложению принадлежит особая роль в развитии русского права вообще. И Русская правда — дальний предшественник Уложения, и судебники прекратили свое существование, оказав на Уложение в сравнении с другими его источниками (например, указными книгами приказов) довольно скромное влияние. Уложение же как действующий кодекс, хотя и дополняемое многими новыми установлениями, просуществовало свыше двухсот лет. В 30-х гг. XIX в. оно открыло собою Полное собрание законов Российской империи, не утратив и дальнейшего значения. Общая связь Уложения 1649 г. с Уложением о наказаниях 1845 г. нашла оценку в следующих словах криминалиста XIX в. Н. Неклюдова: «Несмотря на простетствие слишком двух веков, Устав царя Алексея не есть в настоящее время законодательство отжившее, мертвое; самый XV-й том свода законов есть не что иное, как тот же самый Устав, только более выполированный и переодетый, согласно духу времени, вместо ежовых рукавиц в лайковые перчатки, вместо духовной мантии — в чиновнический вицмундир; цитатами из Соборного устава испещрены все подстатейные места ныне действующего Уложения о наказаниях уголовных и исправительных».²]

И вот, несмотря на все сказанное об Уложении 1649 г., до настоящего времени нет ни одного труда, дающего всестороннюю оценку памятника, если не считать первых опытов такого рода стосорокалетней давности. В этом, однако, нет ничего парадоксального. Скорее всего именно в указанных выше обстоятельствах, связанных с Уложением, и кроется причина того, что мы не имеем в наше время обобщающего труда о нем. Уложение относится к числу весьма сложных и емких по содержанию памятников отечественной истории. Его изучение началось в первой половине XIX в. и продолжается вплоть до наших дней. И в данный момент можно сказать, что одни проблемы освещены более обстоятельно, другие — менее. Путь изучения, идущий от общего к частному, еще не завершен. И тем не менее общими усилиями ученых — историков и юристов — накоплено немало ценного.

В нашу задачу входило написание монографии, дающей обзор предыдущих исследований и общую характеристику причин и условий возникновения памятника, а также состава социально-

² Неклюдов Н. Примечания, приложения и дополнения. — В кн.: Бернер А. Ф. Учебник уголовного права, т. 1. СПб., 1865, с. 201.

экономической, классовой, политической и правовой структуры феодального общества России середины XVII в. на основании норм Уложения 1649 г.

Стремясь изложить весь круг вопросов в сравнительно небольшом объеме, мы неизбежно встали перед необходимостью лаконичного изложения при минимальном цитировании самого памятника,³ являющегося своего рода энциклопедией русской жизни XVII в. Автор сердечно благодарит Г. Б. Гальперина, А. И. Копанева, К. Н. Сербину, А. А. Вершинскую, О. Е. Иванову и сотрудников сектора истории СССР периода феодализма Л. О. института истории СССР за ценные советы и помощь в процессе написания и подготовки работы к печати.

ИСТОРИОГРАФИЯ УЛОЖЕНИЯ

Первые труды по Уложению 1649 г. связаны с периодом усиления роста капитализма и разложения феодально-крепостнической системы. Эти процессы привели к обострению классовых противоречий, что вызвало подъем дворянско-аристократической реакции, монархической по своей идейной сути.

Ведущей фигурой этого направления в историографии стал Н. М. Карамзин, убежденный защитник самодержавия и идеолог реакционной части аристократического дворянства.

Не случайно, конечно, что Уложение 1649 г. — это детище периода подъема русского самодержавия и перехода его от сословно-представительной монархии к абсолютизму — привлекло внимание реакционных дворянских историков именно в 30-е и 40-е гг. XIX в.

И хотя первая публикация об Уложении связана с внешней историей кодекса,¹ основное направление его изучения пошло по линии историко-юридической. Начало было положено В. Строевым, выпустившим специальное исследование в 1833 г.²

Необходимость создания Уложения, по мнению автора, крылась в беззаконии и отсутствии твердой власти в начале XVII в. Твердую власть установил «мудрый» Алексей, принявший Уложение. На первый взгляд оно «представляется чудовищем, кровавым и до невероятности свирепым». Но это определенная и, по мысли Строева, разумная необходимость, так как для развращенного народа нравственные меры воздействия не годились, а денежные штрафы не могли достичь цели, поскольку народ был беден, а бояре слишком богаты.³

³ Памятник объемом около 14 печ. л. освещен в книге объемом 17 печ. л.

¹ Об источниках, из коих взято Уложение царя Алексея Михайловича. — Московский телеграф, 1831, ч. XXXVIII, № 7, с. 400—415.

² Строев В. Историко-юридическое исследование Уложения, изданного царем Алексеем Михайловичем в 1649 г. СПб., 1833.

³ Там же, с. 6—10.

Строев излагает процедуру составления и утверждения Уложения книги, используя сведения из ее вступительной части. Оценивая Уложение со стороны состава правовых норм, автор считал, что Алексей Михайлович не собирался писать новые законы, а ставил целью исправить и обобщить старые.⁴ Отсюда, по мнению Строева, Уложение представляет собою не кодекс, а свод прежних законов, основное назначение которых — в установлении «гражданского равенства» «в отношении справедливости», хотя сословия и не уравнивались «в отношении к суду».⁵

Поэтому в духе времени и взглядов того круга лиц, идейным приверженцем которых был и сам Строев, в исследовании отмечалось, что французы, провозгласив в 1795 г. идею «справедливости» как новую, «и не подозревали, что идея гражданского равенства была душою Уложения».⁶

Развивая эту мысль, автор видит значение Уложения в определении характера «всего нашего отечественного законодательства» и называет отличительные черты памятника: его «истинно евангельскую кротость» и «неумолимо-суровую свирепость мер понуждения или наказания».⁷ По Строеву, кротость и высокое понятие о человеке обусловлены в Уложении его «отечественным народным характером», свирепо же Уложение только тогда, когда и поскольку «его раздражали непослушанием или непокорностью». Кротость, начиная с Уложения, по мысли автора, лежит в основе всего последующего законодательства вплоть до николаевского времени: «Все пововведения дышат тою же кротостью, тою любовью к человечеству, какими ознаменованы правила Уложения». Вторая же черта памятника — жестокие наказания, — будучи порождением временных потребностей XVII в., видоизменилась и исчезла.⁸ Как видим, в сочинении Строева дана откровенная апология Уложения и царского законодательства с позиций официальной дворянской историографии. И тем не менее следует отметить, что перед нами первое в отечественной историографии сочинение, характеризующее Уложение 1649 г. в целом — со стороны его происхождения, источников, состава и воздействия на последующее законодательство. С фактической стороны работа Строева не выходит за рамки того, что содержится в самом источнике.

Год спустя, в 1834 г., появилась брошюра, решительно оспарившая взгляд Строева.⁹ Начав с несогласия с оценкой Смуты как времени, порожденного беззаконием, ставшим причиной со-

⁴ Там же, с. 12.

⁵ Там же, с. 32—36.

⁶ Там же, с. 37.

⁷ Там же, с. 98.

⁸ Там же, с. 102.

⁹ Г. З. Взгляд на сочинение г. Строева о Уложении царя Алексея Михайловича или что было в 1649 г. и что стало в XIX столетии. СПб., 1834.

ставления Уложения, автор в конечном итоге выступил против основной идеи Строева. Он утверждал, что в Уложении «нет суда равна», наоборот — везде и всегда преобладало неправосудие. Свирепость, свойственная Уложению, была порождением крайней нищеты, невежества и жестокости народа. Другое дело при Петре — «на место грозного произвола воссел закон». И далее автор пускается в апологию петровского и последующего времени, когда, дескать, подчиненные открыто говорили правду царю, росло число законов, решительно отличающихся от Уложения, что именно с Петра начался в законодательстве переход «от свирепости к человеколюбию».¹⁰

Появление брошюры Г. З. не означало критики взглядов В. Строева с идейно иных позиций. Это был спор в рамках единого официально охранительного направления историко-правовой науки первой половины XIX в. Вот почему автор следующей работы об Уложении, не вступая в спор со своим непосредственным предшественником, в оценке Уложения пошел вслед за Строевым.¹¹ По словам Ф. Морощкина, Уложение «вечно пребудет главным источником отечественной юриспруденции» как «первообраз русского законодательного ума». При Петре Уложение «пробилось сквозь ряды иностранных регламентов», тщетны были попытки законодателей заменить его другими Уложениями. Почти двести лет просуществовало оно до введения свода законов Николаем I.¹²

Касаясь причин происхождения памятника, Морощкин, как и Строев, видит их в «безгосударственном состоянии» и беззаконии, которые были связаны с событиями начала XVII в.

Соответственно исторической миссией Уложения явилось утверждение царской власти, единства государства, безопасности личности и «святости собственности каждого».¹³

Отмечая национальные корни Уложения и называя его «Уложением Москвы», Морощкин тем не менее подчеркивал, что «оно не отвергает и чужеземного, не противится преобразованиям и усовершенствованиям».¹⁴

Касаясь источников Уложения, автор перечислил их в том виде, как они даны в предисловии к памятнику, дополнив этот список Литовским статутом.

Цепным является, во-первых, установление преемственной связи Уложения с древнерусским законодательством начиная от Русской правды и, во-вторых, признание источником Уложения «народной юриспруденции», т. е. обычного права, которое оказало

¹⁰ Там же, с. 26, 41, 44, 53—59.

¹¹ Морощкин Ф. Об Уложении и последующем его развитии. Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета. М., 1839.

¹² Там же, с. 7—8.

¹³ Там же, с. 11—12.

¹⁴ Там же, с. 8.

свое воздействие непосредственно через богатую судебную практику и опосредованно — через боярские приговоры.¹⁵ Морошкин пишет, что Уложение, включившее «не более 19 статей новых, составленных „советом бояр“», появилось в «лучшее время русской истории, именно тогда, когда привязанность к старине и влечение к новизне были еще в равновесии».¹⁶ Характеризуя Уложение по содержанию, он выделяет прежде всего «основные законы», важнейший из которых, по его мнению, состоит в утверждении самодержавия и в беспредельном повиновении народа. Затем в книге следует описание государственных (государев двор, церковь, Боярская дума, приказы) и областных учреждений. В особый раздел выделено состояние народа. К последнему автор относит дворянство, духовенство, городские сословия; сословию крестьян, точнее перечню основных его категорий, уделено всего три строки.

Морошкин утверждает, что гражданское право, данное в Уложении по идее Судебника 1550 г. и расположенное по его плану, значительно расширено. Главы о поместьях, вотчинах, крестьянах и холопах лишь развивают главы о суде. В сравнении с В. Строевым Морошкин более широко рассматривает состав Уложения, видя его истоки в многовековом развитии обычного права и богатой судебной практике от царского Судебника до Уложения. Однако по основной идейной направленности Морошкин целиком стоит на позициях Строева, утверждая, что «неограниченная власть царя... была чаянием всей нашей истории».¹⁷

Итак, для начального этапа историографии Уложения характерен анализ памятника в целом — его источников, причин и обстоятельств составления, места в ряду других законодательных памятников, общего значения и т. д. Такой анализ строился преимущественно на основе данных, заключенных в самом Уложении, из него самого, лишь с незначительным привлечением дополнительного материала. По мере роста объема знаний о памятнике и накопления материала исследователи переходили от общей характеристики кодекса к изучению отдельных проблем, связанных с ним.

Судоустройству и судопроизводству по Уложению посвятил работу К. Д. Кавелин, один из основоположников «государственной школы». По мысли автора, Уложение складывается из двух начал — «народного обычая», т. е. обычного права, и законодательного права, которое растет в этот и последующий периоды. В Уложении преобладало еще обычное право. Отсюда его казуистический характер. Внешние «юридические начала» Уложения бедны, но их «богатство скрыто под оболочкой частных реше-

¹⁵ Там же, с. 16, 17, 18, 20, 22.

¹⁶ Там же, с. 13.

¹⁷ Там же.

ний».¹⁸ Кавелин справедливо утверждал, что судоустройство времен Уложения строилось на «исторических началах», почему суд и не был отделен от управления. В управлении же преобладало единовластное начало — от царя и государевой думы до воеводы на местах.¹⁹ Само же судопроизводство по Уложению рассматривается Кавелиным с формально-юридической точки зрения. Приложение законодательства к жизни, т. е. судебная практика, автором не затронуто.

В. Линовский в исследовании начал уголовного права видел в Уложении памятник кодификации, являющийся в «полном смысле уголовным кодексом», в котором закон получает полное выражение, а «обычай и судебная практика теряют силу самостоятельного источника юрисдикции».²⁰ Этот взгляд радикально расходился с точкой зрения Морошкина и Кавелина. Явная идеализация Уложения и отсутствие исторического подхода к его оценке видны и в другом утверждении автора: что главным стремлением Уложения было якобы «основать наказание на чистых началах правды и справедливости, а не на временных и преходящих».²¹

Линовский подвергает уголовное право Уложения чисто формальному анализу и излагает его в такой последовательности: первая часть отведена рассмотрению видов преступления, вторая — наказаниям, третья — «внутреннему отношению наказания к преступлению» и четвертая — судопроизводству. Достоинство книги Линовского в том, что она богато иллюстрирована примерами, почерпнутыми из актового материала, опубликованного в Актах исторических, Дополнениях к актам историческим, Актах Археографической экспедиции и в других изданиях. Однако в подавляющей массе эти акты относятся к периоду до Уложения. П. П. Елифанов справедливо отметил, что Линовский допустил явное преувеличение в оценке объема юрисдикции Уложения 1649 г. В действительности, как видно даже из самой книги Линовского, на практике применялись виды наказания, не предусмотренные действующим законодательством.²² Автора интересовали лишь сам закон и казусы, вызывавшие его к жизни.

Характеристика уголовного права по Уложению заняла существенное место в работе А. Н. Попова об уголовных судах

¹⁸ Кавелин К. Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до учреждения о губерниях. М., 1844, с. 1—2.

¹⁹ Там же, с. 11, 13, 16.

²⁰ Линовский В. Исследование начал уголовного права, изложенных в Уложении царя Алексея Михайловича. Одесса, 1847, с. 1, 2.

²¹ Там же.

²² Елифанов П. П. Соборное Уложение 1649 г. в исторической литературе. — В кн.: Тихомиров М. Н., Елифанов П. П. Соборное уложение 1649 г. М., 1961, с. 40—41.

Московского царства.²³ Попов выделяет три вида уголовных дел — татьба, душегубство и разбой. По наблюдению автора, они с древнейших времен отделились от других преступлений и составили предмет ведомства губных судов и Разбойного приказа. Из дел этих ведомств они и попали в Уложение 1649 г.

Пolemический характер носит работа Я. Г. Есиповича,²⁴ утверждающего, что ни преступления, ни наказания не носят в Уложении определенного характера. Преступление четко не определено и смешивается часто с гражданскими правонарушениями. Еще неопределеннее многие санкции: «наказати нещадно», «без пощады», «без милосердия», «что государь укажет» и т. п. Поэтому целью наказания по Уложению является устрашение, как «в других современных законодательствах». Вместе с тем Есипович отмечает, что Уложение — «законодательство вполне русское, народное» и сложилось оно исторически, ведя истоки от Русской правды. Уложение «народно и по источникам и по началам». Поэтому Уложением закончилась древняя юридическая жизнь старой России и началась жизнь новая. Эта переходная стадия законодательства вызвала определенные противоречия и незавершенности.²⁵

Оспаривая суждение Строева о «гражданском равенстве» в Уложении, Есипович подчеркивает его сословный характер: Уложение не одинаково наказывает и судит знатного и простого человека. Отмечены жестокость, суровость уголовного права: «Уложение всегда охотнее верит виновности, нежели невинности подсудимого; виновности оно поверит и на слово, чтоб усомниться в ней, оно предписывает пытать». Так же как Строев и Морощкин, Есипович связывает происхождение памятника с междуусобиями начала XVII в. и видит его назначение в восстановлении порядка и государства в России.²⁶ Таким образом, Есипович отверг одни оценки Уложения, высказанные в работах его предшественников, и синтезировал другие, оставаясь при этом на тех же позициях охранительных начал дворянской историко-правовой науки.

Одной из ранних работ буржуазного направления в историографии, включающей в себя и некоторые взгляды как официального направления, так и славянофильства, была работа С. М. Шпилевского об Уложении.²⁷ Под благоустройством автор понимает

²³ Попов А. Об устройстве уголовных судов в Московском царстве. — Журнал министерства народного просвещения (в дальнейшем — ЖМНП), 1848, ч. X, с. 77—136.

²⁴ Есипович Я. Г. Литературная разработка и общая характеристика Уложения 1649 г. — Журнал министерства юстиции (в дальнейшем — ЖМЮ), 1859, октябрь, ч. II.

²⁵ Там же, с. 1, 2, 6, 21, 23, 25.

²⁶ Там же, с. 3, 24, 27, 34.

²⁷ Шпилевский С. М. О благоустройстве по Уложению и современным ему памятникам. — Временник Московского общества истории и древностей Российских, кн. 24. М., 1856, с. 1—116.

«систему права общественного благосостояния», делящегося на материальное и моральное. К материальному он относит промышленность, торговлю, сельское хозяйство; к моральному — знания, нравственность и религию. Источником и гарантом благосостояния народа Шпилевский считает правительство, которое создает определенную систему законов, обеспечивающих народное благосостояние.

Под этим углом зрения и применительно к предмету своей работы автор рассматривает на материале Уложения следующий круг вопросов: личная свобода и поземельное владение, пути сообщения, «сельская или земледельческая промышленность», «ремесленная и заводская промышленность», торговля, народонаселение, «умственное образование», эстетическое и нравственно-религиозное образование, сохранение имущества, «сохранение народа от голода, болезней и нищеты», предупреждение преступлений.

Шпилевский анализирует различные стороны общественного строя, в том числе социально-экономические, с позиций их правовых основ, воплощенных в Уложении, и трактует их идеалистически. Но в отличие от предшествующих ученых Шпилевский большое внимание уделил вопросам хозяйства, промышленности, земельной собственности.

Рассматривая вопрос о личной свободе, как главном условии благосостояния, Шпилевский утверждает, что положение полных холопов по Уложению улучшилось, а кабальных — осталось прежним. В оценке положения крестьян автор предвосхищал взгляды И. Д. Беляева, признавая «прикрепление крестьян к земле», что «не лишало их прав личности и собственности».

Посадские люди, по его мнению, прикреплены не к земле, а к сословию. Справедливо подчеркивалось промежуточное положение служилых людей по прибору между свободными и тяглыми сословиями. Словом, в наблюдениях Шпилевского немало верного, рационалистического относительно отдельных явлений общественной жизни XVII в.

Еще одна особенность работы Шпилевского состоит в превознесении роли общины. Автор выделяет общинное владение как на государственных, так и на частных (вотчины, поместья) землях. По его мнению, общинное владение «не могло быть уничтожено никаким частным произволом, черных земель нельзя было ни продать, ни заложить, ни подарить». Общинное землевладение оставалось неприкосновенным и на вотчинных землях, ибо крестьяне были прикреплены к земле. С помощью общины устанавливается «правильное отношение землевладельцев к земледельцам, господ к крестьянам». Общинный быт содействовал и развитию ремесла. Государство не разрушает издревле сложившегося общинного порядка, но подает ему «руку помощи». Отсюда общий вывод Шпилевского о роли общины: «Община была в древ-

ней России важнейшим деятелем в развитии и сохранении народного благосостояния».²⁸

В пореформенное время историография Уложения, как и общая историография, стала развиваться в основном в буржуазно-либеральном направлении. Накопление знаний об Уложении и общее изменение взглядов на исторический процесс у историков буржуазного и демократического направлений вызвали их критическое отношение к оценке Уложения в официальной дворянской историографии. Историки обратили серьезное внимание на обстоятельства, связанные с подготовкой Уложения. Центральное место занял вопрос о значении земщины, т. е. о роли в составлении Уложения выборных «от земли» на Земском соборе 1648—1649 гг. Первым вопрос о роли земщины в выработке Уложения поставил яркий представитель демократического направления в историографии А. П. Шапов. Статья, посвященная этому предмету, была написана им в начале 60-х гг., когда Шапов стоял на позициях земско-областной теории.²⁹ Шапов первый обратил внимание на то, что в предисловии к Уложению наряду с государственными делами речь идет и о земских. Последние он понимал как «народные», хотя народ и не был представлен на Соборе 1648 г. Да и сам Шапов подчеркивал, что на Соборе «крестьян не было». Историк оспорил свидетельство официального предисловия о том, что выборные лишь «руки приложили». На самом деле, говорит Шапов, роль выборных была активной и выразилась в подаче ряда челобитных, которые легли в основание многих статей Уложения.³⁰

Таким образом, сколь ни велико было тяготение царя к централизации и бюрократизации, все же без земского совета он не решился издать Уложение. Отсюда Уложение — Соборное и является «великим земским делом». В целом Уложение, по Шапову, представляет собою соединение «всех правительственных юридических понятий, какие выработало Московское государство», и «народного законодательства — союзного, соединенно-областного, земского».³¹

В. И. Сергеевич утверждал, что около половины статей XIX главы «О посадских людях» составлены «почти буквально по челобитным выборных людей».³²

Наиболее аргументированные данные относительно роли выборных людей в составлении Уложения принадлежат другому

²⁸ Там же, с. 8, 18, 19, 33—35, 41, 115.

²⁹ Шапов А. П. Соч., т. 1. СПб., 1906, с. 718—752 (статья «Земский собор 1648—1649 и собрание депутатов 1767 годов» впервые опубликована в журнале «Отечественные записки» в 1862 г.).

³⁰ Там же, с. 720—722.

³¹ Там же, с. 727.

³² Сергеевич В. И. Земские соборы в Московском государстве. — В кн.: Сборник государственных знаний. Под ред. В. П. Безобразова, т. 2. СПб., 1875, с. 43.

историку русского права — Н. П. Загоскину.³³ Его книга построена на анализе большого материала, охватывает обширный круг вопросов и тем самым выгодно отличается от предшествующих работ. Обращаясь к историографии Уложения, Загоскин отметил два ее этапа. Первый, связанный главным образом с именем Строева, характеризуется слабым использованием опубликованных источников и соответственно утверждением пассивного участия депутатов Земского собора 1648—1649 гг. в выработке Уложения. Для нового этапа (Щапов, Сергеевич) характерно привлечение к исследованию челобитных выборных людей Собора 1648 г. и разработка вопроса об активной роли земщины в составлении Уложения.

По мнению Загоскина, причинами создания Уложенной книги послужило обилие и неупорядоченность законодательства и ослабление государственного строя в результате событий начала XVII в. Вмешательство земщины определило направление законодательной деятельности, поскольку, как считал Загоскин, представители земли просили о создании Уложения еще на Соборе 1645 г.³⁴ Московское восстание 1648 г., по Загоскину — «бунт», было следствием злоупотребления правящих лиц, близких к царю. Такие события послужили лишь толчком к составлению Уложения. Подчеркивая при этом инициативу земщины, Загоскин называет и другой случай ее воздействия на государственные дела: влияние на процесс становления самодержавия при Иване Грозном.

Касаясь комиссии Н. И. Одоевского, Загоскин утверждал, что она собрала и систематизировала материалы прошлого законодательства, что перед ней не ставилась цель выработки законодательных новелл, которыми, кстати, занялся Земский собор с активным участием выборных людей. Итоги деятельности Собора, по мнению Загоскина, были значительными. Если по пометам на Уложенном столбце насчитывается 17 новых статей, а, как считали Шпилевский и Щапов, к ним следует добавить еще несколько, то по данным Загоскина на Соборе составлено 82 статьи по 8 главам, т. е. 8,5% всех статей Уложения.³⁵

У Загоскина понятие «земщина» сливается с высшими слоями общества — дворянством и купечеством. С другой стороны, автор стоит на компромиссных позициях с официальной версией происхождения Уложения. Загоскин пишет о «высоком доверии земщины к своему царю», о «тесном союзе земли и государства», которым «всегда силен был русский народ», и возражает против

³³ Загоскин Н. П. Уложение царя и великого князя Алексея Михайловича и Земский собор 1648—1649 гг. — Известия и ученые записки Казанского университета, 1879, январь—февраль, отд. III, с. 157—234.

³⁴ Там же, с. 160—165, 167.

³⁵ Там же, с. 168—185, 211.

взглядов «на Московскую Русь, как на эпоху господства грубой силы, как на вотчинно-полицейское государство».³⁶

Взгляды Загоскина оказали влияние на современных ему и последующих представителей буржуазной историографии. М. Ф. Владимирский-Буданов отметил, что в Уложение вошли материалы челобитных, поданных еще задолго до Собора 1648 г. Точно так же роль Собора не ограничивалась составлением только новых законов, но распространялась на пересмотр и подтверждение старых. Владимирский-Буданов признавал за Собором не только совещательную, но и законодательную роль.³⁷

В другом случае тот же автор, приводя установленные в литературе факты челобитий служилых чинов и посадских людей и реализации их просьб в Уложении, писал, что «активное участие Собора в деле составления и утверждения Уложения не подлежит сомнению».³⁸ В том же духе высказывался С. Ф. Платонов: «Все крупнейшие Новины Уложения возникли по коллективным челобитьям выборных людей, по их инициативе».³⁹ Эти мысли были поддержаны и другими представителями историко-правовой науки — В. Н. Латкиным, А. Н. Филипповым⁴⁰ и др.

Несколько иную позицию в оценке роли выборных людей заняли крупнейшие представители буржуазной историографии — С. М. Соловьев и В. О. Ключевский. По мнению С. М. Соловьева, «жалобы, накопившиеся в царствование Михаила, произвели варыв в Москве и в других городах в начале царствования Алексея, следствием чего было Соборное Уложение... но всего любопытнее то, что Уложение Соборное, составленное с ведома, за подписью выборных из всяких чинов людей, составленное под влиянием страха перед восстаниями горожан, для их успокоения, с явными уступками их требованиям, — это Уложение является враждебным мирскому самоуправлению: так, оно вполне представляет суд воеводам и приказным людям; по Уложению в суде уже не сидят старосты, целовальники и земские дьяки».⁴¹ В приведенной цитате отражена наиболее принципиальная часть оценки С. М. Соловьевым Уложения, которого он в своем классическом труде коснулся лишь очень бегло. Следует подчеркнуть, однако, что историк указал на противоречие между причиной, вызвавшей Уложение, и следствием, которое оно принесло с собой.

³⁶ Там же, с. 181.

³⁷ Владимирский-Буданов М. Ф. Новые открытия в истории Уложения царя Алексея Михайловича. — Университетские известия, Киев, 1880, № 2, отд. III, с. 7—27.

³⁸ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд. 4-е. Киев, 1905, с. 229.

³⁹ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1905, с. 324.

⁴⁰ Латкин В. Н. Лекции по истории русского права. СПб., 1912, с. 104—105; Филиппов А. Н. Учебник истории русского права, ч. 1. Юрьев, 1912, с. 298.

⁴¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. 7. М., 1962, с. 40—41.

Отличную позицию в определении роли выборных людей занял и В. О. Ключевский. Он дает такую схему составления свода: инициатива исходила от государя и Боярской думы; проект свода выработан «канцелярским порядком» комиссией, составленной Думой, при содействии приказов; затем прочитан выборным людям и дан им на подпись. Однако роль выборных не была пассивной. «Знакомясь с изготовлявшимся» проектом, выборные, как сведущие люди, указывали кодификаторам, что в нем следует изменить или пополнить, заявляли о своих нуждах, а комиссия облекала эти заявления и указания в форму земских челобитных, которые вносили в Думу. Там по этим челобитным «приговаривали», давали решения, которые объявлялись выборным как законы и вносились в Уложение. Уточняя эту мысль, Ключевский указывал три формы участия выборных в работе над Уложением (XVII, 42): совещательные указания членам кодификационной комиссии, представление через нее челобитий в Думу и вынесение приговоров совместно с царем и Думой, как например в отношении запрета отчуждения вотчин в пользу церкви.⁴²

В определении роли выборных людей на соборе 1648 г. Ключевский безусловно ближе к истине, чем его предшественники, допуская преувеличение роли земщины в выработке Уложения. В этой связи любопытно отметить такие основные звенья работы, намеченные Ключевским: кодификация, совещания, ревизии, законодательное решение и заручная скрепа. В этой пятичленной схеме выборные люди имели отношение к двум звеньям — совещаниям и заручной скрепе.⁴³ Следовательно, ведущее значение в составлении Уложения Ключевский отводил государственной власти. Однако, как приверженец теории безуказного закрепощения крестьян, он в данном отношении умалял роль законодательного памятника. Вместе с тем следует указать: характеризуя Уложение в целом, Ключевский отметил, что в отличие от судебников «оно пытается уже проникнуть в состав общества, определить положение и взаимные отношения различных его классов...».⁴⁴

Другая область, в которой буржуазная историография Уложения, начиная с пореформенного периода, достигла значительных результатов, связана с изучением источников памятника. В данном случае сказался общий подъем источниковедения и палеографии, имевший место во второй половине XIX в. И хотя, как отмечено выше, начало изучения внешней истории Уложения и его источников положено еще в 30-е гг. XIX в. публикацией сведений о подлинном свитке Уложения,⁴⁵ значительный размах этого изучения с применением научных методов текстологии на-

⁴² Ключевский В. О. Сочинения, т. III. М., 1957, с. 137—138.

⁴³ Там же, с. 139.

⁴⁴ Там же, с. 142.

⁴⁵ См. с. 5 данной книги.

чался во второй половине века и продолжался в начале XX столетия. В области изучения источников Уложения наметились два основных направления — изучение рецепции иноземного права и установление источников отечественного происхождения. На оба эти пути наталкивал официальный наказ, данный комиссии Н. И. Одоевского, вошедший в предисловие к Уложению: «... которые статьи написаны в правилах святых апостол, и святых отец, и в градских законах греческих царей, а пристойны те статьи к государственным и к земским делам, и те бы статьи выписать, и чтобы прежних великих государей... указы и боярские приговоры на всякие государственные и на земские дела собрать, и те государские указы и боярские приговоры с старыми судебниками справити».⁴⁶ По этой номенклатуре в подлинном столбце Уложения сделаны пометы об источниках у 177 из 967 статей памятника. Среди помет встречаются указания и на Литовский статут,⁴⁷ который в официальном перечне источников не упомянут.

Первым подчеркнул значение Литовского статута как одного из источников Уложения В. Линовский. Он считал статут самым обильным источником уголовных постановлений — относительно преступлений государственных, воинских, против частных лиц и их имущества.⁴⁸ Однако особое решение вопроса о Литовском статуте, о рецепции литовского права в русское было предложено в специальной работе М. Ф. Владимирского-Буданова.⁴⁹ Путем сравнительного анализа текстов обоих памятников автор пришел к выводу, что главы II, III, IV, V, VII и IX, а также 51 статья из X главы, 24 статьи из VII главы Уложения «составляют целиком или буквальный перевод, или довольно точный перефраз Статута».⁵⁰

При всей формальности текстологического и юридического решения поставленной задачи Владимирский-Буданов признавал наличие творческого подхода русских законодателей к использованию Литовского статута, что выражалось, по его мнению, в уточнениях норм права применительно к особенностям и конкретным обстоятельствам русской действительности. В отдельных, исключительных случаях он признавал и непосредственное влияние обстоятельств текущей политической жизни на формулирование норм Уложения. Так, он допускал, что статьи 18—22 главы II «очевидно прибавлены составителями ввиду тогдашних

⁴⁶ Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Указ. соч., с. 67.

⁴⁷ Об источниках, из коих взято Уложение царя Алексея Михайловича. — Московский телеграф, 1831, ч. XXXVIII, № 7, с. 402—408.

⁴⁸ Линовский В. Указ. соч., с. 17—18.

⁴⁹ Владимирский-Буданов М. Ф. Отношения между Литовским статутом и Уложением царя Алексея Михайловича. — В кн.: Сборник государственных знаний. Под ред. В. П. Безобразова, т. IV. СПб., 1877, с. 3—38.

⁵⁰ Там же, с. 7, 8, 10—11, 12, 13—17.

живых впечатлений бунтов в городах». Раздел Статута о военной службе приспособлен к условиям военной службы в России (не упомянуто шляхетство — гл. VII). Войну в Литве объявлял сейм, в России — царь.

Плодотворной является мысль историка, что Статут в значительной части основан на древнерусском праве. Отсюда возникла гипотеза о наличии обратной связи — рецепции норм Литовского права в русские законодательные памятники еще до Уложения и тем самым опосредованного влияния Статута на Уложение. Общий вывод исследования гласил, что система Уложения в значительной части есть система Статута, нарушенная главами XI—XX, отражавшими наиболее характерные особенности русского гражданского права. Затем опять следуют главы, включающие уголовное право по Статуту (главным образом глава XXII).⁵¹

Тема рецепции норм Литовского статута в Уложение была подхвачена в ряде последующих работ. Мнения авторов о гипотезе опосредованной рецепции разделились. Шмелев поддержал мнение Владимирского-Буданова, сославшись на то, что в так называемом Эрмитажном сборнике дополнительных указов к Судебнику имеются статьи из Литовского статута, но вслед за Латкиным не исключил возможности в отдельных случаях непосредственной рецепции из Статута.⁵² В этой же связи Латкин, признавая вероятность гипотезы Владимирского-Буданова, вместе с тем обратил внимание на то, что многие статьи Уложения ближе по содержанию к Статуту, нежели к указным книгам приказов. В решении вопроса о роли Литовского статута как источника Уложения большой интерес представляет мнение В. О. Ключевского, высказанное им в «Курсе русской истории»: «Составители Уложения, пользуясь этим кодексом, следовали ему, особенно при составлении первых глав, в расположении предметов, даже в порядке статей, в подборе казусов и отпощений... в постановке правовых вопросов, но ответов искали всегда в своем туземном праве, брали формулы самых форм, правовых положений, но только общих тому и другому праву или безразличных, устраняя все ненужное и несродное праву и судебному порядку московскому, вообще перерабатывали все, что заимствовали. Таким образом, Статут послужил не столько юридическим источником Уложения, сколько кодификационным пособием для его составителей, давал им готовую программу».⁵³

Особо важным и сложным оказался вопрос о рецепции в Уложение норм римско-византийского права. В предисловии к Уложению и среди пометок об источниках отдельных статей в подлинном свитке Уложения содержатся указания на использование

⁵¹ Там же, с. 8, 19, 20, 25, 31.

⁵² Шмелев Г. Об источниках Соборного Уложения 1649 г. — ЖМНП, 1900, октябрь, с. 383; Латкин В. Н. Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1890, с. 126—127.

⁵³ Ключевский В. О. Соч., т. III. М., 1957, с. 136—137.

«Градских законов греческих царей» (или кратко «из градских»). Одним из первых наиболее крупных сочинений по данному вопросу является работа Н. Калачева,⁵⁴ в которой автор прослеживает использование в русском законодательстве первых и последующих веков византийского законодательства через Кормчие — сборники церковно-византийского права, источником которых служили Эклога, Прохирон, «Закон судный людем».

Наиболее значимым и крупным исследованием этого вопроса является труд Н. И. Тиктина.⁵⁵ Автор утверждает, что византийское право оказало значительное влияние на Уложение, но главным образом не непосредственно, а опосредованно, поскольку рецепция византийского права в русском проходила с древнейших времен и постепенно через посредство древнерусских законодательных сборников — Номоканон, Кормчая и др. К XVII в., пишет Тиктин, «некоторые начала византийского права проникли в самую глубь народной жизни и, будучи переработаны в недрах этой последней, слились с началами туземными до такой степени, что разграничить их в некоторых случаях представляется делом очень трудным».

Тиктин говорит, таким образом, о некотором сплаве, синтезе византийского и русского права и добавляет, что в Уложении заимствовалось лишь то, что «уже раньше было усвоено народным сознанием и потому не находилось... в противоречии с действительной жизнью». Тем самым отношение Уложения к византийским источникам было вполне свободным, хотя составители использовали их не только в славянском переводе, но и в оригинале.⁵⁶ Тиктин составил «Таблицу статей Соборного уложения и Новоуказных, заключающих в себе византийские нормы, и соответственно этим статьям мест византийских и римских источников», согласно которой 161 статья Уложения и 48 статей Новоуказных имели своим источником византийское право.⁵⁷

Тогда же работа Тиктина вызвала критику за преувеличение роли византийского права в составлении Уложения. Отмечалось, что не все статьи Уложения, сходные по содержанию с византийскими источниками, обязательно заимствованы из них.⁵⁸

Основой для заключений о рецепции византийского права в Уложение у Тиктина служила и общность правовых норм.

⁵⁴ Калачев Н. О значении Кормчей в системе древнего русского права. Чтения Общества истории и древностей Российских (в дальнейшем — Чтения ОИДР), 1847, кн. 3, с. 1—28; кн. 4, с. 1—80.

⁵⁵ Тиктин Н. И. Византийское право как источник Уложения 1648 г. и Новоуказных статей. — Записки имп. Новороссийского университета, т. 73. Одесса, 1898.

⁵⁶ Там же, с. 283, 292, 294.

⁵⁷ Там же, с. 464—482.

⁵⁸ Шмелев Г. Указ. соч., с. 383—384; Беличев П. Рецензия на книгу Н. И. Тиктина. — ЖМЮ, 1899, № 2, с. 293—296. — М. Ф. Владимирский-Буданов считал заимствования Уложением из Кормчей «немногочисленными и фрагментарными» (см. его «Обзор истории русского права», с. 209).

Например, одинаковая цель наказания как в Эклоге и Прохироне, так и в Уложении, а именно — устрашение, служила основанием для вывода о преемственности права. Тиктин, таким образом, ограничился формально-юридическим сравнительным анализом русского и византийского права, не касаясь социально-экономических условий заимствования и возможности одинаковых путей развития права при сходных исторических условиях.

Другое направление в изучении источников Уложения — поиски источников отечественного происхождения. Наибольшее внимание было уделено указным книгам приказов и судебникам. Еще К. Кавелин в виде гипотезы поставил вопрос об использовании в качестве составителей Уложения указных книг приказов.⁵⁹ Конкретные подтверждения заимствований из указных книг приказов в Уложении дал М. Ф. Владимирский-Буданов.⁶⁰ В специальном плане и в полном объеме этот вопрос исследован В. Н. Сторожевым применительно к указной книге Поместного приказа.⁶¹ Сторожев одновременно сличил указы книги со статьями XVI (О поместных землях) и XVII (О вотчинах) глав Уложения и пришел к выводу, что указная книга Поместного приказа почти целиком вошла в Уложение, в его XVI и XVII главы. Только очень немногие указы (частного характера) не были включены в Уложение, использованные же или заимствованные полностью получили более стройную редакцию или были снабжены поправками и дополнениями.⁶²

В конце XIX в. была предпринята попытка установления источников всех статей кодекса.⁶³ В основе такого опыта лежало сплошное сличение статей памятника с предшествующими указами, судебниками и другими юридическими сборниками — с учетом, разумеется, всего того, что было в этой части сделано предшествующими авторами. К. Верховский подтвердил справедливость пометок об источниках в отношении 177 статей, сделанных в подлинном свитке Уложения. Вслед за Владимирским-Будановым он выводил многие статьи Уложения из Литовского статута, но в отличие от известного историка права склонился к мысли о преобладании непосредственной рецепции норм Статута в Уложении. Другое значение работы Верховского состоит в подтверждении и расширении наблюдений об использовании составителями Уложения предшествующих указов и юридических сборни-

⁵⁹ Кавелин К. Рецензия на т. 1 «Архива» Калачева. — Отечественные записки, 1850, т. 70, раздел 5, с. 4—5.

⁶⁰ Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права, вып. 3. Киев, 1885, с. 45—243 (примечания).

⁶¹ Сторожев В. Н. Указная книга Поместного приказа. — В кн.: Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции, кн. 6. М., 1889, с. 1—242.

⁶² Там же.

⁶³ Верховский К. Источники Уложения царя Алексея Михайловича. — Юридический вестник, 1889, т. III, ноябрь, с. 369—388.

ков: использование во II главе «надкрестных записей»,⁶⁴ в X — указов из книги ведомства казначеев и Земского приказа, а также различных указных книг приказов, в XVI главе — Поместного приказа, в XX — главе о холопах — указной книги Холопьяго приказа, в XXI — главе «О разбойных и татиных делех» — указной книги Разбойного приказа.

В содержании глав VIII — «Об искуплении пленных», XI — «Суд о крестьянех», XIX — «О посадских людех» Верховский видел сильное влияние выборных людей Земского собора 1648 г., их челобитий и инициативы, а также челобитий служилых людей предшествующих лет. Источники XVIII, XXIII, XXIV и XXV глав остались нераскрытыми за неимением данных.

Труд Верховского не только подытожил результаты исследования источников Уложения, но и заметно продвинул вперед изучение вопроса — главным образом в части установления отечественных источников. Дальнейшие исследования пошли именно в этом направлении.

Другая область, в которой историки второй половины XIX в. достигли важных результатов, связана с изучением внешней истории Уложения. Это относится прежде всего к структурным и палеографическим данным подлинника Уложения и к его первым изданиям в XVII в. Начало изучения подлинника было положено публикацией важнейших данных о нем в «Московском телеграфе» в 1831 г.⁶⁵ Ряд ценных сведений о рукописи Уложения и его первопечатных изданиях опубликовал И. Е. Забелин в 1850 г.⁶⁶ В публикацию вошли: перечень лиц, подписавших Уложение, общим числом 315 человек, группировка этих лиц по сословным категориям, перечень дьяков, скрепивших сставы свитка как на лицевой, так и на оборотной сторонах, данные о длине, ширине и весе свитка по измерениям Миллера. Опубликованы также поштатные указания на источники, содержащиеся в подлинном тексте Уложения, и сличение вариантов текста изданий Уложения в 1649 и 1737 гг.

Заметно продвинули вперед археографическое изучение подлинника Уложения слушатели Петербургского археологического института П. Е. Ваденюк и Д. М. Мейчик. Кроме того, Ваденюк и Мейчик дали подробное палеографическое описание рукописи, подчеркнув особенности правописания и орфографии.⁶⁷

⁶⁴ Акты археографической экспедиции (в дальнейшем — ААЭ), II. СПб., 1836, № 10, 37, 44; Собрание государственных грамот и договоров (в дальнейшем — СГГИД), т. III. М., 1822, № 5.

⁶⁵ Московский телеграф, 1831, ч. XXXVIII, № 7, с. 371—388.

⁶⁶ Забелин И. Е. Сведения о подлинном Уложении царя Алексея Михайловича. — В кн.: Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, изданных Н. Калачевым, кн. 1. СПб., 1850, отд. II, с. 1—20.

⁶⁷ Ваденюк П., Мейчик Д. Поездка слушателей института в Москву. — В кн.: Сборник Археологического института, кн. 2. СПб., 1879, с. 10—30; Мейчик Д. Дополнительные данные к истории Уложения. —

Изучение внешних признаков подлинника Уложения перешло в анализ его первых изданий.

Еще в 1767 г. Г. Ф. Миллер произвел сличение первопечатного издания Уложенной книги с изданием 1737 г., которое он ошибочно считал вторым.⁶⁸ В предисловии к первому тому «Полного собрания законов Российской империи», вышедшему в 1830 г., говорится о трех изданиях, относящихся к одному году.⁶⁹ Затем в 1831 г. вместе с описанием подлинного свитка Уложения в «Московском телеграфе» была напечатана заметка «О различии первого и второго издания Уложения, напечатанного церковными буквами», в которой обращено внимание на существенные различия в тексте двух изданий памятника, относящихся к 1649 г.⁷⁰ Н. П. Загоскин в своей речи об Уложении, прочитанной в Казанском университете в 1879 г., также говорил о двух изданиях и в результате самостоятельного сличения дал уточненную картину различий как текстуального, так и смыслового характера. Загоскин высказал и предположения о причинах второго издания, увидев в этом руку Никона и князя А. М. Львова, ведавшего Печатным двором.⁷¹

С объяснением причин второго издания, предложенных Загоскиным, не согласился М. Ф. Владимирский-Буданов, говоря, что не было двух изданий, а имела место лишь перепечатка отдельных листов Уложения.⁷² В пользу мнения о наличии «не менее трех изданий» высказались Ваденюк и Мейчик, пришедшие к этому выводу в результате сличения до 15 экземпляров старопечатного Уложения. Заслуга этих авторов — найденные ими документальные доказательства печатания Уложения в первом издании с 7 апреля по 20 мая и во втором — с 27 августа по 21 декабря 1649 г. Дата 29 января 1649 г., стоящая в конце подлинного и печатного текстов Уложения, означает, следовательно, не время выхода первого издания, как полагали ранее, а время окончания рукописи и ее официального утверждения. Вопрос о третьем издании Уложения в XVII в. остался открытым. Ваденюк и Мейчик приводят также ценные данные о продаже первопечатного Уложения.⁷³

Последней попыткой в дореволюционной историографии решить вопрос о первых изданиях Уложения была статья В. Бори-

Там же, кн. 3. СПб., 1880, с. 85—139. — К публикации Ваденюка и Мейчика приложены снимки отдельных листов текста рукописи Уложения, подлинного знака и фрагментов подписей на Уложении.

⁶⁸ О работе Миллера стало известно в 1850 г. из публикации И. Е. Забелина (Забелин И. Е. Указ. соч., с. 32).

⁶⁹ Полное собрание законов (в дальнейшем — ПСЗ). СПб., 1830, I, Предисловие, с. XXII.

⁷⁰ Московский телеграф, 1831, ч. XXXVIII, № 7, с. 409—410.

⁷¹ Загоскин Н. П. Указ. соч., с. 63—79, 408—410.

⁷² Владимирский-Буданов М. Ф. Новые открытия в истории Уложения царя Алексея Михайловича, с. 21.

⁷³ Ваденюк П., Мейчик Д. Указ. соч., с. 10—23; Мейчик Д. Указ. соч., с. 85—139. — Подробнее см. далее (с. 54—55).

сова.⁷⁴ Проверив текстуальные разночтения первопечатных изданий, Борисов отверг гипотезу о трех его изданиях. По его наблюдениям, твердо устанавливаются два издания, а между ними имеется «переходная» группа старопечатных экземпляров Уложения. По набору, заставкам, переносам слов, т. е. по внешним признакам, они относятся к первому изданию, но имеют ряд текстуальных особенностей, которые свойственны второму изданию. Отсюда вывод, что промежуточную группу нельзя считать отдельным изданием, ее появление следует отнести за счет перепечатки и вклейки в часть тиража исправленных листов.

Как видно, в изучении источников Уложения 1649 г. значительная часть дореволюционных историков, в том числе историков права, применяла формально-текстологический и формально-юридический методы, основанные на допущении того обстоятельства, что при определенных условиях правовые нормы способны кочевать из одного памятника права в другой, хотя при этом и приспособлялись к условиям данного времени и права. Преобладающим поэтому при составлении нового законодательного свода был прием кодификации. Отсюда мнение историков права сводилось к тому, что Уложение 1649 г. было сводом предшествующего права, а не кодексом. М. Ф. Владимирский-Буданов писал: «Несмотря на чужие источники и на новые статьи свои, Уложение есть не более, как итог ко всему предшествующему законодательству Московского государства, свод его».⁷⁵

На этой же основе формально-текстологического подхода к установлению источников Уложения возникло различие мнений по вопросу о том, в какой мере Уложение можно считать национальным памятником права. К. Верховский, Н. И. Тиктин, Г. Н. Шмелев, М. А. Дьяконов полагали, что по составу источников Уложение не может рассматриваться как национальный памятник. В противовес такому мнению М. Ф. Владимирский-Буданов подчеркивал со всей определенностью, что, «несмотря на такое множество заимствований из чужих источников, Уложение не есть компиляция иноземного права, а кодекс вполне национальный, переработавший чужой материал по духу старо-московского права, чем он совершенно отличается от переводных законов XVIII в.».⁷⁶ Это мнение видного историка русского права решительно поддержал В. Н. Латкин.⁷⁷

⁷⁴ Борисов В. К вопросу об издании Уложения 1649 г. — Вестник археологии и истории, 1899, вып. 12, с. 14—28.

⁷⁵ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права, с. 231. — Такого же мнения придерживались Я. Г. Есипович, Н. Калачев и В. Н. Латкин. Последний писал: «Уложение не создало новых юридических начал и отношений, а только отразило в себе все то, что было выработано предшествующим законодательством» (Латкин В. Н. Лекции по внешней истории русского права, с. 139—140).

⁷⁶ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права, с. 231.

⁷⁷ Латкин В. Н. Лекции по внешней истории русского права, с. 138.

Взгляда об исключительной роли прошлых источников права в создании Уложения придерживались, однако, не все историки. Те из них, которые глубже подходили к оценке событий начала XVII в. и 1648 г., к пониманию связи Уложения с ними, не отвергая роли юридических сборников любого состава как источников, подчеркивали преобладающее воздействие в данном процессе самой русской действительности и закономерного хода развития русского права. Например, не отрицая значения Литовского статута как источника II главы Уложения, посвященной государственным преступлениям, Г. Г. Тельберг не склонен был считать, что именно Статутом была навеяна мысль о политических преступлениях. «... скорее можно предположить, — пишет он, — что к Статуту обратились тогда, когда самая мысль об этом сложилась у московских кодификаторов».⁷⁸ А сложилась она в итоге развития русской государственности и права. В этом смысле Тельберг видел источники II главы в ограничительных записях В. И. Шуйского, в приговоре ляпуновского ополчения и в восстании 1648 г. Одна из особенностей работы Тельберга состоит как раз в том, что нормы государственного права и политические преступления проецируются в ней на реальную действительность первой половины XVII в.

Результаты изучения Уложенной книги за XIX в. были подведены в лекционных курсах по общей истории русского права и в ряде специальных исследований по отдельным отраслям права.⁷⁹

К началу XX столетия было завершено изучение источников Уложения на основе крупнейших памятников права (Судебники, Стоглав, Литовский статут и др.), юридических сборников (указные книга приказов, кормчие и др.) и других опубликованных к тому времени документов. Начался неизбежный новый этап — обращение к архивным фондам, которые дали возможность, во-первых, восполнить новым ценным материалом представления об обстоятельствах, вызвавших составление Уложения, и о ходе самой работы над кодексом и, во-вторых, установить источники тех глав, в отношении которых известное уже законодательство ничего не давало.

В первом случае видную роль сыграли новые материалы, опубликованные П. П. Смирновым.⁸⁰ Челобитные дворян и детей бояр-

⁷⁸ Тельберг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М., 1912, с. 29, 46, 55, 56, 76 и др.

⁷⁹ См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права; Латкин В. Н. Лекции по внешней истории русского права; Ланге Н. И. Древне-русское уголовное судопроизводство. СПб., 1884; Сергеевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII в. СПб., 1887.

⁸⁰ Смирнов П. П. 1) Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в. — Чтения ОИДР, 1915, кн. 3, с. 1—70; 2) Несколько документов к истории Соборного Уложения и Земского собора 1648—1649. — Там же, 1913, кн. 4, отд. IV, с. 1—20; 3) О начале Соборного Уложения и Земского собора 1648—1649 гг. — ЖМНП, 1913, IX, с. 36—66.

ских вскрыли давние истоки требований служилых людей укрепить законность, пресечь произвол воеводской и приказной администрации и упорядочить судопроизводство в стране путем принятия Уложенной книги. Две другие работы П. П. Смирнова пролили новый свет на ход подготовки Собора 1648—1649 г., позицию правительства, роль выборных людей и, в частности, установили наличие Земского собора 16 июля 1648 г., ранее неизвестного.

Комплексному подходу к вопросам права и судопроизводства, содержащихся в Уложении, способствовали материалы, опубликованные Н. Я. Новомбергским.⁸¹ С привлечением большого числа новых материалов правовую природу государственных преступлений по Уложению проанализировал в своей монографии Г. Г. Тельберг.⁸²

Изучение источников Уложения на основе архивных материалов было начато статьей С. Б. Веселовского об источниках XVIII главы «О печатных пошлинах».⁸³ В фонде Преображенского приказа бывшего Московского архива Министерства юстиции (ныне ЦГАДА) С. Б. Веселовский обнаружил столбец с докладами (и указами по ним) 1624—1625 гг. начальства Печатного приказа — боярина Ф. И. Шереметева и дьяка Григория Нечаева. Сопоставление этих данных и статей XVIII главы показало, что из 71 статьи главы 34 статьи в значительной мере, лишь с небольшими изменениями, повторяют доклады или указы к ним. Уложенная комиссия даже порядок статей сохранила в том виде, в каком располагались доклады и указы в столбце. В целом XVIII глава, по мнению автора, образовалась из указной практики Печатного приказа, и следует считать, что источником главы были не доклады, а указная книга этого приказа, которая не сохранилась. Именно в этом находит объяснение то обстоятельство, что в XVIII главу не вошли некоторые печатные пошлины, взимавшиеся, например, Поместным приказом, и, наоборот, вошли такие, которые не являются печатными, — четвертные с поместных актов и рублевые с откупов.⁸⁴

Аналогичным образом С. Б. Веселовский пришел к решению вопроса об источниках XXV главы — «Указ о корчмах». Приказ Новой чети передал Уложенной комиссии свои указы о корчемстве и корчемниках, предназначенные только для Москвы, поскольку этими делами в столице ведал именно приказ Новой чети. Комиссия Одоевского положила указанные материалы в основу XXV главы, но, как следует из последней, 21-й статьи, распространила их и на провинциальные города. Работа С. Б. Веселов-

⁸¹ Новомбергский Н. Я. Слово и дело государевы, т. I. М., 1911.

⁸² Тельберг Г. Г. Указ. соч.

⁸³ Веселовский С. Б. Источники XVIII главы Уложения царя Алексея. — В кн.: Древности. Труды археографической комиссии имп. Московского Археологического общества, т. III. М., 1913, с. 168—187 и отдельно. М., 1913.

⁸⁴ Там же, с. 2, 3, 7—17, 26, 27.

ского, с одной стороны, показала роль указной практики приказов в подготовке законодательных материалов для Уложения, а с другой — выявила, что эти материалы включены в Уложение далеко не полностью. В XXV главу, например, не попали многие указы приказов по кабацкому делу. Отсюда напрашивается вывод, что значительная часть приказного законодательства не вошла в Уложение.⁸⁵

В начале XX в. начато выявление архивных материалов о политике правительства конца XVI—первой половины XVII в. в отношении посадов. В ходе такой работы были установлены источники XIX главы Уложения («О посадских людех»), что дало возможность пересмотреть и дополнить прежние представления по данному вопросу. В статье Н. Шаховской показана политика правительства в отношении сыска посадских беглецов-закладчиков в первой половине XVII в. и на этой основе вскрыто значение его заинтересованности в создании тех узаконений, которые вошли в XIX главу Уложения. По наблюдению автора, некоторые указы 40-х гг. XVII в. полностью вошли в XIX главу Уложения, образовав ряд ее статей (ст. 23, 26, 27, 33 и др.).⁸⁶

В это же время П. П. Смирнов положил начало своей большой работе по истории русского города-посада, позволившей в конечном итоге детально рассмотреть деятельность Земского собора 1648—1649 гг. и в полном объеме представить источники XIX главы Уложения.⁸⁷

В том же направлении большое исследование по пересмотру источников XIX главы Уложения провел М. А. Дьяконов.⁸⁸ И хотя его статья издана в 1919 г., ее написание следует отнести к дореволюционному времени и оценить в русле той историографической струи, которая в данном вопросе определилась в первые два десятилетия XX в. Дьяконов отверг мнение предшественников о составлении большинства статей XIX главы на основе челобитных посадских людей и показал, что челобитные послужили толчком для комиссии Н. И. Одоевского обратиться к законодательным материалам указной книги Сысканого приказа 1637—1642 гг., которые и были положены в основу значительной части статей XIX главы.⁸⁹

В эти же годы предпринята попытка подкрепить роль Литовского статута в составлении Уложения в связи с тем, что в это

⁸⁵ Веселовский С. Б. К вопросу о составе и источниках XXV главы Уложения царя Алексея Михайловича. — Русский исторический журнал, 1917, кн. 1—2, с. 27—45.

⁸⁶ Шаховская Н. Сыск посадских беглецов и закладчиков в первой половине XVII в. — ЖМНП, 1914, октябрь, с. 250—322.

⁸⁷ Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII в., т. 1, вып. 1. Кнгов, 1917; т. 1, вып. 2. Киев, 1919; см. также далее (с. 137—153).

⁸⁸ Дьяконов М. А. Источники девятнадцатой главы Соборного Уложения 1649 г. — Исторический архив, кн. 1. Пг., 1919, с. 240—249.

⁸⁹ См. подробнее далее (с. 138—140).

время И. И. Лапшо обнаружили текст Литовского статута, переведенного в XVII в. на русский язык. А. В. Соловьев, подвергнув перевод Статута изучению, пришел к выводу, что в Уложении заимствовано из него до 60 статей.⁹⁰ Таким образом, версия о большом значении Литовского статута как источника Уложения дошла до советского времени.

В дореволюционной историографии частично затронут вопрос о внутренней систематике материала отдельных глав Уложения. Предметом суждений по этому поводу стала наиболее крупная глава — «О суде». В. И. Сергеевич ставил последовательность статей этой главы в связь с судебниками: «Подобно судебникам, она начинается с перечисления лиц, которым принадлежит суд, затем идут статьи о порядке суда, о вызове, о языке на суд и т. п. процессуальные постановления. Потом следуют статьи о преступлениях, а в конце находим постановления, касающиеся гражданского права».⁹¹ В противоположность этому В. Н. Латкина утверждал, что X глава — «О суде» — обработана «хуже всех глав, так как при разнородности предметов, входящих в состав ее содержания, она не излагает их в последовательном порядке, но представляет ряд постановлений, касающихся как формального, так и материального права и не соединенных друг с другом никакой логической связью».⁹²

Касаясь того же вопроса применительно к XVIII главе — «О печатных поплинах», С. Б. Веселовский, отметив логическую непоследовательность расположения статей в этой главе и объяснив ее тем, что составители без внутренней перестройки непосредственно заимствовали материал указной книги Печатного приказа, в которой он расположен в хронологическом порядке, счит все же нужным оговориться: «Не следует, впрочем, преувеличивать непоследовательности статей XVIII главы. Ведь у людей XVII в. была не совсем такая логика, как у нас, и их способ мыслить отличается от нашего».⁹³ Опираясь на эту мысль, Ф. В. Тарановский правомерно упрекнул В. Н. Латкина в том, что в его суждениях о X главе «неправильно применены к старому памятнику современные нам представления о системе». Основу юридической систематики в памятниках прошлого, по мнению Тарановского, составляло «понятие судебного действия, последовательное движение которого определяло собою порядок расположения положений как формального, так и материального характера». Соответственно такому взгляду Тарановский делил X главу на три части: 1) предварительное установление компетентного суда и

⁹⁰ Соловьев А. В. Вновь открытый московский перевод Литовского статута. — Исторические известия, 1917, № 1, с. 39—42.

⁹¹ Сергеевич В. И. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883, с. 607—608.

⁹² Латкина В. Н. Лекции по внешней истории русского права, с. 142.

⁹³ Веселовский С. Б. Источники XVIII главы Уложения..., с. 27—28.

предмета тяжбы (статьи 1—100), 2) самый «суд» (ст. 101—193) и 3) вершение дела (ст. 194—287). Соответственно этому принципу автор производит и дальнейшее членение статей X главы на подгруппы. По такой же методе Тарановским предложена схема главы VII — «О службе всяких ратных людей Московского государства».⁹⁴

В дореволюционное время предпринят ряд изданий самого текста Уложения. Все они представляют собою перепечатку текста из Полного собрания законов. Не составляет исключения и издание, предпринятое к 300-летию дома Романовых.⁹⁵ Отличающееся ценными полиграфическими данными, это издание содержит важные приложения: сравнение различий в тексте двух первых изданий 1649 г.; фотовоспроизведение предисловия и двух первых глав из подлинного свитка и также подписей под Уложением; список лиц, подписавших Уложение; указания на источники в статьях подлинного свитка.

На Уложение 1649 г. обращено заметное внимание и в современной зарубежной историографии. И здесь на первое место должна быть поставлена монография польского историка Дануты Черской,⁹⁶ основанная на использовании весьма широкого круга русской специальной литературы — как дореволюционной, так и в особенности советской. Полный учет результатов изучения советскими учеными социально-экономической и политической истории России XVI—XVII вв. дал автору возможность убедительно показать отражение в крупнейшем памятнике феодального права процесса формирования абсолютизма в России. Изучив Уложение под этим углом зрения, Д. Черская глубоко раскрыла на его материале ряд важных проблем: феодальное землевладение — как светское, так и духовное, — правовое и экономическое положение крестьян и городского населения, а также правовые основы укрепления церковной и царской власти. Книга не рисует государственный и политический строй России в том виде, как он дан в Уложении, — от центральных до местных органов власти, а также судостроительство, судопроизводство и право в полном объеме. Это не умаляет, однако, большого значения работы Д. Черской, дающей на основе марксистско-ленинской методологии изучение законодательного памятника XVII в. и глубокую картину социально-экономических процессов России того времени. Поэтому вполне резонно историк Германской Демократической Республики П. Хофман противопоставляет в своей рецензии⁹⁷ книгу

⁹⁴ Тарановский Ф. В. Новые данные по истории Уложения царя Алексея Михайловича. — ЖМЮ, 1914, сентябрь, с. 93—100.

⁹⁵ Уложение государя царя и великого князя Алексея Михайловича. [СПб.], 1913.

⁹⁶ Czerska D. Sobornoje ulozhenije 1649 roku. Zagadnienia spoleczno-ustrojowe. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1970.

⁹⁷ Рецензию на книги Д. Черской и Т. Глотцера см.: Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. 16/1. Berlin, 1972, S. 251—254.

Д. Черской работе В. Глотцнера,⁹⁸ в значительной мере формализованной и оторванной от социально-экономической действительности. Глотцнер кратко останавливается на истории создания Уложения и его источниках, опираясь на досоветскую историографию. В своей основной части его книга содержит формально-юридический разбор уголовно-правовой терминологии памятника.

В работе американского историка Р. Хелли «Закрепощение и изменения в области военного дела в Московии» Уложение используется в качестве важнейшего источника. Хелли скрупулезно анализирует источники, литературу, фактический материал. Основной тезис его книги — тесное взаимодействие подъема и падения военно-служилого сословия, т. е. дворянства, с процессом закрепощения крестьян. Возрастание роли дворянства после событий 1611—1613 гг. ведет к Уложению 1649 г., в котором воплощены четко осознанные сословные интересы служилых людей и крепостное состояние крестьянства. Однако положение последнего еще существенно отличается от положения рабов.⁹⁹

В советской историографии изучение Уложения шло в основном в трех направлениях: 1) выявление и анализ источников, 2) рассмотрение права и судопроизводства по Уложению и примыкающим к нему памятникам (указные книги приказов, новоподанные статьи) и 3) изучение социально-экономического и политического развития России первой половины XVII в. Труды в этой области сыграли важную роль для понимания причин и условий возникновения крупнейшего законодательного памятника феодальной России, смысла и значения его отдельных глав и статей.

В установление источников Уложения крупный вклад внес П. П. Смирнов, продолживший исследования, начатые им еще в дореволюционный период. Смирнов поддержал выводы М. А. Дьяконова об источниках XIX главы Уложения и дополнил их новыми важными материалами и наблюдениями. Как материалы для других глав Уложения были подготовлены в соответствующих приказах, а комиссией Одоевского сведены и отредактированы, так и XIX глава разработана в Сыскном приказе в виде его указной книги. Радикально пересматривая суждение исследователей XIX в. о том, что глава о посадских людях написана заново на основании челобитных посадских людей и выборных Земского собора, П. П. Смирнов пришел к выводу, что «вся или почти вся XIX глава Уложения составлена на основании старого московского законодательства последнего десятилетия (1638—1648 гг.), которое возникало и падало в ожесточенной классовой борьбе посадских людей против землевладельцев-феодалов за свое раз-

⁹⁸ Glötzner V. Die stafrrechtliche Terminologie des Ulozenie 1649. Wiesbaden, 1967.

⁹⁹ Hellie R. Enserfment and Military change in Muscovy. Chicago—London, 1971. — См. рецензию на эту книгу А. Н. Сахарова: История СССР, 1973, № 2, с. 194—196.

витие и привилегии как средневекового ремесленно-торгового города».¹⁰⁰

Работа Смирнова имеет общее принципиальное значение, поскольку связывает возникновение законодательных норм Уложения с классовой борьбой и с непосредственно предшествующим законодательством, вскрывает приемы работы Уложенной комиссии и тем самым выводит поиск источников Уложения на магистральную линию.

Другие попытки установления источников носят более частный характер, хотя и имеют существенно важное значение. Ю. И. Гессен, например, показал, что источником важной по значению 66-й статьи XX главы Уложения, говорящей о пленных периода русско-польской войны 1632—1634 гг., является боярский приговор 1634 г., сохранившийся в книге приказного стола Разрядного приказа.¹⁰¹ Тот же автор еще раньше выступил против мнения М. Дьяконова, утверждавшего, что источником VIII главы «О искуплении пленных» являются челобитные выборных Земского собора,¹⁰² и привел доводы в пользу того, что Уложение осуществило в этой главе меру, предложенную Стоглавом.¹⁰³ А. А. Зимин убедительно трактовал статейные списки уложений 11 января и 17 ноября 1628 г. как один из источников Соборного уложения (см. табл. 1).¹⁰⁴ Уложения 1628 г. рассылались по разным московским приказам, а отсюда могли попасть в комиссию Н. И. Одоевского. А. А. Зимин дает такое заключение: статейные списки 1628 г. были использованы при составлении ряда глав и статей Уложения. Характер использования статейных списков как источника должен быть, по мысли А. А. Зимина, изучен дополнительно.¹⁰⁵

Пересмотрен вопрос об источниках V и IX глав Уложения, корни которых после специального труда М. Ф. Владимирского-Буданова историки видели в Литовском статуте. Против концепции заимствования норм Статута составителями Уложения выступил В. М. Чернов. В небольшой статье в гипотетической форме он поставил вопрос о возможности происхождения Уложения 1649 г. и Литовского статута от одного общего корня, который видел в одновременном развитии права как в Западной, так и в

¹⁰⁰ Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. II. М.—Л., 1948, с. 293—294.

¹⁰¹ Гессен Ю. И. Источник одной из статей Уложения 1649 г. — В кн.: Проблемы источниковедения, кн. 3. Л., 1940, с. 394—397.

¹⁰² Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя. Изд. 4-е. СПб., 1912, с. 224.

¹⁰³ Гессен Ю. И. Пленные в России с древних времен. Пг., 1918, с. 65.

¹⁰⁴ Зимин А. А. Статейные списки уложений 11 января и 17 ноября 1628 г. как источник Соборного уложения 1649 г. — В кн.: Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. XIII. М., 1952, с. 164—176.

¹⁰⁵ Там же, с. 166.

Таблица 1
Использование статейных списков в Уложении

Статья списка		Глава и статья Уложения	
I	II	I	II
1	1	X, 117	X, 156
2	2	X, 112	XIV, 8
3	3	X, 110, 113	X, 157
4	4	X, 118—120	X, 118
7	5	X, 261, 262, 264	X, 112
8	7	X, 51, 52	X, 246
6	9	XI, 25, 26	X, 262
	10		X, 155
	12		X, 158

Примечание. Статейные списки уложений 1628 г.: I — от 11 января; II — от 17 ноября.

Восточной Руси. И вопреки мнению М. Ф. Владимирского-Буданова о том, что «система Уложения есть система Статута», В. М. Чернов полагал, что своеобразный характер системы Уложения определялся особенностями общественного уклада Московского государства того периода.¹⁰⁶ В новой работе тот же автор тщательно рассмотрел вопрос об источниках V («О денежных мастерах, которые учнут делати воровские деньги») и IX («О мытах и о перевозех, и о мостах») глав Уложения и предпринял попытку найти в связи с ними корни русского права, существовавшего еще до Литовского статута и Уложения, которое могло быть общим источником разных памятников.¹⁰⁷ Касаясь V главы, Чернов пришел к заключению, что различия текстов этой главы и соответствующих разделов Статута значительны, а между тем охрана целостности монеты была древним делом, отраженным как в ранних памятниках права, так и в позднейших. Например, в грамоте от 10 февраля 1637 г. в Пермь Великую о фальшивомонетчиках говорится в выражениях, сходных с текстом V главы Уложения.¹⁰⁸ Отсюда вывод, что в основе этой главы лежит длительная практика борьбы с фальшивомонетничеством и отражение ее в указах и грамотах. Аналогичным образом решается вопрос и об источниках IX главы. Источником 9—12-й статей IX главы могли быть нормы русского права, отраженные в княжеских

¹⁰⁶ Чернов В. М. К вопросу о влиянии Литовского статута на Соборное Уложение. — Краткие сообщения Института славяноведения, 1958, № 24, с. 83—89.

¹⁰⁷ Чернов В. М. Можно ли считать доказанным, что Литовский статут является источником V и IX глав Соборного Уложения? — В кн.: Славянский архив. М., 1963, с. 78—80.

¹⁰⁸ ААЭ, III, № 226.

жалованных и договорных грамотах XIV—XV вв. Источник 19-й и 20-й статей — указ 1642 г. Древними были мит и обязанности содержать в исправности мосты, перевозки и дороги.

Общий вывод Чернова гласит: 1) нет достаточных оснований считать источником 9—14-й, 16—18-й статей IX главы московский перевод — редакцию Литовского статута;¹⁰⁹ 2) статьи Уложения близки к артикулам Литовского статута вследствие наличия у этих памятников общего источника — древнерусского права.¹¹⁰ Чернов подчеркивает русские правовые истоки Литовского статута в соответствии с данными литературы по этому вопросу. Необходимо, однако, подчеркнуть, что источники статута помимо Русской правды были многообразными — нормы обычного права, привилегии, Судебник Казимира 1468 г., судебные решения, польское и немецкое право. Таким образом, статуты были кодексами феодального права, действовавшими на территории Великого княжества Литовского.¹¹¹

Заметные результаты достигнуты у советских историков в издании и комментировании одного из наиболее массовых источников права: уставных и указных книг приказов — Разбойного, Земского, Поместного, Ямского и приказа Холопья суда.¹¹² Ранее известный состав уставных книг Разбойного приказа пополнен найденной А. А. Зиминой книгой 1635—1648 гг., непосредственно примыкающей к Уложению. Новое издание уставных и указных книг приказов расширяет возможности оценки приказных книг как источника Уложения.¹¹³ Важным пополнением данного круга источников Уложения служит вновь найденная указная книга Московского судного приказа.¹¹⁴ Неизвестные ранее приговоры и указы, помещенные в книге, служили источником ряда статей XX и X глав Уложения, т. е. по холопьям и судным делам.¹¹⁵ В том же смысле должна быть расценена статья К. Н. Сербиной об указных книгах Земского приказа, хотя и не устанавливающая непосредственную связь материала этих книг

¹⁰⁹ См. далее (с. 203—204).

¹¹⁰ Чернов В. М. Указ. соч., с. 90—95.

¹¹¹ Пичета В. И. Литовский статут 1529 г. и его источники. — Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР, т. V. М., 1952, с. 244—258; Ляпко И. И. Литовский статут 1588 г., т. 1—2. Каунас, 1934—1938.

¹¹² Памятники русского права (в дальнейшем — ПРП), вып. IV. М., 1956, с. 356—381; ПРП, V. М., 1959, с. 128—238, 329—392, 431—483, 539—547.

¹¹³ Изучение уставных и указных книг в «Памятниках русского права» снабжено ценными комментариями, нередко содержащими отсылки к соответствующим статьям Уложения. Строго выдержан аппарат таких отсылок в комментариях к уставным книгам Разбойного приказа, составленных А. Г. Поляком. Отсылка к Уложению содержится в начале каждого постановочного комментария. Текст Поляка представляет большой интерес в историко-правовом отношении.

¹¹⁴ Назаров В. Д. Указная книга Московского судного приказа. — В кн.: Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963, с. 462—484.

¹¹⁵ Там же, с. 469.

с Уложением.¹¹⁶ В ряде исследований по истории крестьян, холопов, классовой борьбы XVI—XVII вв. содержатся ценные, иногда высказанные попутно, замечания относительно источников или истоков тех или иных норм Уложения.¹¹⁷ В советской историографии имеется небольшой специальный очерк об источниках Уложения, не раскрывающий, однако, этого вопроса в историографическом и фактическом планах во всем объеме.¹¹⁸

Бесспорно важное значение для проблемы происхождения Уложения и его истоков имеет сравнительно-историческое изучение Уложения и Правил Василе Лупу 1646 г. в части закрепощения крестьян, принятые Л. В. Черепниным. Автор установил наличие сходных условий — развития экономики, роста феодально-крепостнического гнета и классовой борьбы — в России и Молдавии. Поэтому в обоих памятниках много общего относительно политических, уголовных преступлений и гражданских правонарушений. Много внимания уделяется судебнo-следственному процессу и судопроизводству. Имеет место почти полное совпадение главы Уложения «О разбойных и татинных делах» и раздела Правил «О ворах на больших дорогах, о разбое», а также разделов о фальшивомонетчиках; близки нормы памятников, касающиеся охраны феодального землевладения. В части закрепощения крестьян общими являются нормы об урочных летах, о крестьянской крепости без урочных лет, запрет принимать беглых крестьян и установление материальной ответственности за их прием.¹¹⁹

Не случайно, что в обеих странах почти в одно и то же время возникли правовые кодексы с определенной феодально-крепостнической направленностью, хотя влияния Правил Василе Лупу на Уложение не наблюдается, поскольку нет никаких данных о том, что составители Уложения пользовались Правилами. Исследования, подобные работе Л. В. Черепнина, чрезвычайно важны, так как в поисках источников и истоков того или иного законодательного памятника они не позволяют ограничиваться только установлением аналогичных формул в предшествующих памятниках права, а требуют подойти к проблеме шире: ведь при сходных социально-экономических и политических условиях могли возникнуть сходные правовые нормы.

¹¹⁶ Сербина К. Н. Указанные книги Земского приказа второй половины XVII в. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964, с. 337—344.

¹¹⁷ См., например: Панеях В. М. Холопство в XVI—нач. XVII в. Л., 1975, с. 238—242; Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975, с. 312—341.

¹¹⁸ Черных П. Я. Язык Уложения 1649 года. М., 1953, с. 24—51. — Здесь же имеется интересная по материалу глава «Редакционная коллегия Уложенной книги» (с. 52—79).

¹¹⁹ Черепнин Л. В. «Соборное Уложение» 1649 г. и «Правила Василю Лупу» 1646 г. как источники по истории закрепощения крестьян в России и в Молдавии. — В кн.: О румыно-русских и румыно-советских связях. М., 1960, с. 57—69.

Общая оценка Уложения как памятника права и характеристика основных правовых норм содержатся в неоднократно издававшихся и принадлежащих обычно коллективам авторов учебных пособиях по истории государства и права СССР.¹²⁰ В этих пособиях правовые нормы Уложения не выделены и растворены в общей характеристике права определенного периода (XVI—XVII вв. или вторая половина XVI—первая половина XVII в.) в зависимости от принятой периодизации. Такие оценки носят, разумеется, весьма суммарный характер. Аналогичным образом обстоит дело и в учебных пособиях по истории СССР и даже в обобщающих многотомных трудах по тому же предмету — с той лишь разницей, что здесь обычно выделяются крупнейшие законодательные нормы Уложения, связанные с феодальным землевладением и историей крестьянства. В ряду учебных пособий следует отметить и брошюру К. А. Софроненко.¹²¹ В ней дается краткая характеристика экономического и общественно-политического положения Русского государства середины XVII в., обстоятельств созыва Земского собора 1648—1649 гг. и выработки Уложения, правового положения классов по Уложению и основных моментов в развитии русского феодального права. Правовые основы государственно-политического строя по Уложению у К. А. Софроненко не затронуты. Этот пробел в плане учебных пособий восполняет отдельно изданная лекция С. С. Иванова, дающая, правда, характеристику государственного строя России на основе всей совокупности памятников права второй половины XVI—первой половины XVII в.¹²²

Широко использованы нормы Уложения применительно к изучению организации вооруженных сил XVII в. в книге Ф. И. Калинычева.¹²³ С учебными целями предпринят ряд изданий текста Уложения выборочно и полностью. Уложение издано в Памятниках русского права¹²⁴ и снабжено постатейными комментариями, к сожалению, далеко не равноценными по главам.

Лучшим в данный момент является издание, подготовленное М. Н. Тихомировым и П. П. Епифановым, выпущенное как учебное пособие для высшей школы, но несомненно имеющее науч-

¹²⁰ Наиболее известный курс по истории государства и права СССР принадлежит проф. С. В. Юшкову (см.: Юшков С. В. История государства и права СССР, ч. 1. Изд. 4-е. М., 1961). Последний по времени курс вышел в 1972 г. и принадлежит коллективу авторов (см.: История государства и права СССР, ч. 1. М., 1972).

¹²¹ Софроненко К. А. Соборное уложение 1649 г. — кодекс русского феодального права. М., 1958.

¹²² Иванов С. С. Государство и право России в период сословно-представительной монархии. М., 1960.

¹²³ Калинычев Ф. И. Правовые вопросы военной организации русского государства второй половины XVII в. М., 1954.

¹²⁴ Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. — ПРП, вып. VI. М., 1957. — Издание воспроизводит содержащий погрешности текст памятника по Полному собранию законов и добавляет к ним немало новых опечаток.

ное значение¹²⁵ благодаря точной передаче первопечатного текста и наличию двух оригинальных вступительных статей.¹²⁶

В советской историографии значительную научную разработку получили вопросы социально-экономического и политического развития России в первой половине XVII в.: феодальное землевладение; экономическое и правовое положение крестьян, холопов, посадских людей, служилых людей по прибору и феодалов; классовая борьба, прежде всего Крестьянская война начала XVII в. и городские восстания 40-х гг.; государственный и военный строй России и т. п. Эти и другие проблемы нашли яркое выражение в крупнейших трудах С. В. Бахрушина, Н. А. Горской, Б. Д. Грекова, В. И. Корецкого, А. А. Новосельского, В. М. Панеяха, А. А. Преображенского, К. Н. Сербиной, И. И. Смирнова, П. П. Смирнова, М. Н. Тихомирова, Ю. А. Тихонова, С. В. Устюгова, Л. В. Черепнина, А. В. Чернова, Е. В. Чистяковой и др.¹²⁷

Труды указанных авторов в значительной мере способствуют глубокому и всестороннему пониманию правовых основ феодального землевладения, классового и политического строя России, отраженных в Уложении 1649 г. В еще большей степени значительна их роль в научной разработке причин, предпосылок и ус-

¹²⁵ Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Указ. соч. — Текст памятника воспроизведен по первоначальному изданию 1649 г. в соответствии с правилами печатания документов XVI—XVII вв. К изданию приложены образцы подписей депутатов Земского Собора 1648—1649 гг. на подлинном списке Уложения, список лиц, подписавших Уложение, снимки переплета, первой и последней страниц издания 1649 г. и обширная библиография.

¹²⁶ Тихомиров М. Н. Соборное Уложение и городские восстания середины XVII в. — Там же, с. 5—26; Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 г. в исторической литературе. — Там же, с. 27—64.

¹²⁷ Бахрушин С. В. Научные труды, т. I. М., 1952; т. II. М., 1954, с. 46—255; Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. Изд. 2-е, кн. 2-я. М., 1954, с. 333—390; Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. М., 1977; Корейский В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975; Новосельский А. А. Разделы о социально-экономическом строе и классовой борьбе. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. М., 1955, с. 34—56, 139—197, 224—248, 277—314; Панеях В. М. Холопство в XVI—начале XVII в. Л., 1975; Смирнов И. И. Восстание Болотникова. 1606—1607 гг. М., 1951; Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. II. М.—Л., 1948; Сербина К. Н. Очерки по социально-экономической истории Русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. М.—Л., 1951; Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969; Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. М., 1974; Устюгов Н. В. Разделы. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. М., 1955, с. 57—138, 366—383; Черепнин Л. В. 1) «Соборное уложение» 1649 г. и «Правила» Василия Лопу 1649 года как источники по истории закрепощения крестьян в России и в Молдавии. — В кн.: О румыно-русских и румыно-советских связях. М., 1960; 2) Земские соборы Русского государства XVI—XVII вв. М., 1978; Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954; Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII в. (30—40-е годы). Воронеж, 1975.

ловий появления законодательного памятника. Обоснован тезис о связи Уложения с классовой борьбой и восстаниями 1648 г. В данном отношении достигнуты, пожалуй, наибольшие результаты, и вряд ли можно ожидать каких-либо существенных дополнений материала по этой проблеме.

В ряде названных работ как источник использовано и Уложение. В наибольшей мере его нормы использованы при рассмотрении проблемы закрепощения крестьян (ликвидация «урочных лет» сыска беглых крестьян) и положения посадских людей (посадское строение). Наиболее глубоко первой проблемы — ликвидации урочных лет — коснулся Б. Д. Греков в разделе «Борьба помещика за освоение поместья и отмену „урочных лет“ и Уложение 1649 г.» в своей монографии о крестьянах.¹²⁸ Эта попытка предпринята преимущественно в рамках XI главы Уложения («Суд о крестьянах») с привлечением материала лишь отдельных статей других глав в подкрепление положений, вытекающих из XI главы. Ценной стороной работы Грекова является критический разбор взглядов дворянско-буржуазных историков на роль Уложения, в частности его XI главы, в истории крестьянства — М. Ф. Владимирского-Буданова, И. Д. Беляева, В. И. Сергеевича, В. О. Ключевского, М. А. Дьяконова. Греков дал мотивированный отвод нигилистическому суждению М. А. Дьяконова о том, что правила XI главы Уложения об отмене урочных лет «не могут считаться общим-действительным законом о прикреплении крестьян».¹²⁹ Однако «общий смысл постановлений Уложения о крестьянах» Греков сводит к установлениям XI главы и не дает анализа правового положения крестьян на основе совокупности всех норм Уложения, имеющих отношение к данному предмету. Другая область широкого использования норм Уложения связана с историей посада и посадского строения, раскрытого с большой полнотой в известном исследовании П. П. Смирнова, не свободном, однако, от неверных трактовок ряда процессов по существу.¹³⁰

В заключение обзора советской историографии Уложения отметим, что специальному монографическому изучению подвергнут язык памятника со стороны фонетики и морфологии, а также письмо Уложенной книги (графика, орфография).¹³¹ Для историка книга П. Я. Черных ценна прежде всего тем, что она объясняет одну из причин быстрого распространения тиража кодекса в результате двух его изданий 1649 г., что дает полное основание

¹²⁸ Греков Б. Д. Указ. соч., с. 358—390.

¹²⁹ Там же, с. 377—379.

¹³⁰ Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба..., т. II, с. 158—717. — Критические замечания по ряду суждений П. П. Смирнова см.: Там же, с. 725—736. — Как отправной пункт для изучения развития крепостного права во 2-й половине XVII в. анализ правовых норм XI и XIX («О посадских людях») глав Уложения содержится в книге: Мамонков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.—Л., 1962, с. 179—182, 248—256.

¹³¹ Черных П. Я. Указ. соч.

говорить о потребности в XVII в. в такого рода изданиях. Поскольку язык Уложения П. Я. Черных изучает в связи с историей составления кодекса, он впервые в советской историографии дает обстоятельные очерки истории Уложенной книги, ее источников, состава и деятельности комиссии Н. И. Одоевского, а также изданий старопечатного Уложения.¹³² Эти разделы книги П. Я. Черных, содержащие сводку результатов предшествующих исследований и обширный материал, имеют большое значение. Наконец, заслуживает упоминания первый и пока единственный в литературе очерк историографии Уложения 1649 г.¹³³

Как видим, результаты советских исследований Уложения и проблем, примыкающих к нему, значительны, но они идут преимущественно в русле изучения отдельных вопросов истории и состава памятника; специальных же исследований широкого плана и обобщающих работ об Уложении 1649 г. ни собственно историками, ни историками права до сих пор не создано.¹³⁴

Подытоживая результаты изучения источников Уложения, отметим, что дореволюционная историография внесла в этот вопрос значительный вклад. И вместе с тем очевидно, что ряд дворянских и буржуазных историков, ограничиваясь формально-текстологическим и формально-юридическим подходом к вопросу, допустили явное преувеличение роли иноземных памятников права и правовых норм как источников Уложения. Отсюда возникло у некоторых авторов сомнение в национальном характере Уложения. Такой направленности поисков источников и перекоосу в определении их роли в какой-то мере способствовали официальные указания на источники в самом Уложении. На первое место здесь поставлены правила «святых апостол и святых отец» и «градские законы греческих царей»,¹³⁵ т. е. византийское право, а в подлинном свитке, на полях которого есть указания на источ-

¹³² Там же, с. 5—79, 111—134.

¹³³ Елифанов П. П. Соборное Уложение 1649 г. в исторической литературе. — В кн.: Тихомиров М. Н., Елифанов П. П. *Соборное Уложение 1649 г.*, с. 27—64.

¹³⁴ Имеется только статья, дающая общую оценку Уложения, изданная к его 300-летию (Мартысевич И. Д. *Соборное Уложение 1649 г.* — памятник русского права. — Советское государство и право, 1949, № 6, с. 47—53). — В Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки Саратовского государственного университета хранится рукопись незаданной работы Василия Матвеевича Чернова об Уложении 1649 г. Рукопись представляет собою машинописный текст с обильной правкой, из чего следует, что она является черновиком. Работа состоит из четырех неравноценных по качеству и объему глав: 1) История изучения памятника, 2) История составления Соборного Уложения, 3) Источники Соборного Уложения, 4) Значение Соборного Уложения. Наиболее обстоятельной и обширной является 3-я глава, где произведено сплошное сопоставление текстов Уложения и его источников. Вся работа написана в том же ключе, как и статьи В. М. Чернова (см. выше — с. 29—31).

¹³⁵ Тихомиров М. Н., Елифанов П. П. Указ. соч., с. 67.

ники 177 статей, нередко встречаются ссылки на Литовский статут.

Что касается использования правил святых апостолов и отцов церкви, а также «градских законов», то еще патриарх Никон, обрушившийся на Уложение с резкой критикой, писал, что Н. И. Одоевский «солгал, из правил святых апостол и святых отец и благочестивых царей градских законов ничего не выписывал... А где и написал, будто из правил святых апостол и святых отец, таковых правил нет и во всей его книге».¹³⁶ В письме к цареградскому патриарху в 1666 г. Никон говорил об Уложении, что в нем «все ложно», «святых апостол и святых правилом прежних греческих царей законом противно».¹³⁷ Делая поправки на крайне запальчивое отношение Никона к Уложению, трудно все же допустить, что патриарх стал бы отрицать использование священного писания, если бы оно имело место. Мы располагаем суждением ученого богослова XIX в., который признал правоту Никона и, несмотря на наличие в Уложении ссылки на Василия Великого и Льва Премудрого (XIV, 10), пришел к заключению, что Уложение мало руководствовалось этими правилами, а статьи I главы «О богохульниках и церковных мятежниках» написаны, по мнению того же автора, в соответствии с требованиями «жизненных явлений».¹³⁸

Советский историк права С. В. Юшков также отметил преувеличенные свидетельства буржуазной литературы о заимствованиях Уложением положений иноземного права, подчеркнув вместе с тем, что ссылками на использование византийского права составители стремились усилить авторитетность их законодательной деятельности.¹³⁹ Этот взгляд разделяют и авторы одного из последних учебных пособий для высшей школы по истории государства и права СССР.¹⁴⁰

Важна, наконец, мысль С. В. Юшкова, что составители Уложения, используя законодательные памятники прошлого как источники, «часто... заимствовали не норму, а форму выражения этой нормы, юридическую терминологию». Наконец, заимствуя ту или иную норму, составители часто подвергали ее радикальной переработке.¹⁴¹

¹³⁶ Мнения патриарха Никона об Уложении. — В кн.: Записки отделения Русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества, т. 2. СПб., 1861, с. 427, 450.

¹³⁷ Цит. по: Черных П. Я. Указ, соч., с. 113.

¹³⁸ Архангельский М. О Соборном уложении царя Алексея Михайловича в отношении к православной церкви. — Христианские чтения, 1881, кн. 10, с. 461.

¹³⁹ Юшков С. В. Указ, соч., с. 277.

¹⁴⁰ История государства и права СССР, ч. 1. М., 1967, с. 327.

¹⁴¹ Здесь уместно привести мнение В. М. Черпова, высказанное в итоге его неопубликованной монографии об Уложении: «Основной и главный источник Уложения — Судебники, указные книги, царские указы и боярские приговоры, т. е. судебная практика и законодательство периода с 1550 г. по 1649 г. ... Поэтому Уложение есть свод законодательства не

В значительной мере сложность изучения источников Уложения связана с тем, что архива Уложенной комиссии Н. И. Одоевского не сохранилось. Однако твердо определившееся в историографии направление, представленное работами В. Н. Сторожева, М. Ф. Владимирского-Буданова, М. А. Дьяконова, С. Б. Веселовского, публикациями последнего времени, показывает, что наиболее перспективный путь исследования источников Уложения диктует необходимость более широкого изучения указных книг приказов и законодательных актов первой половины XVII в. и сопоставления их с нормами Уложения. Поскольку текущее законодательство было откликом на события экономической, общественной и политической жизни России в период, предшествующий Уложению, и отражением этих событий в правовой сфере, то безусловно должно быть усилено внимание к уяснению непосредственной связи многих норм Уложения с событиями первых десятилетий XVII в. и в особенности с событиями, непосредственно предшествовавшими Уложению.

По сей день еще не ясны источники ряда глав: XXII («Указ за какие вины кому чинити смертная казнь и за какие вины смертию не казнити, а чинити наказание»), XXIII («О стрельцах»), XXIV («Указ о атаманех и о казакех»). Нет исследований об источниках и происхождении таких важных глав, как XI («Суд о крестьянех»), XX («Суд о холопех»), хотя в литературе имеется ряд указаний о связи отдельных норм этих глав с событиями и законодательными актами конца XVI и первой половины XVII в.

Следует отметить как самостоятельную задачу дальнейшее и более обстоятельное, чем до сих пор, изучение вопроса о соотношении норм Уложения с предшествующим законодательством. На первый взгляд может показаться, что данный вопрос аналогичен вопросу об источниках Уложения. Это не совсем так. При всей общности этих двух вопросов у первого из них есть своя большая специфика. Состоит она в историко-правовом аспекте, в изучении норм права в развитии. Отмечая, что составители Уложения часто подвергали предшествующие нормы радикальной переработке, С. В. Юшков писал, что «Соборное уложение явилось кодексом, в котором получили дальнейшее развитие начала русского права, выраженные в Русской правде и в судебниках».¹⁴² Отсюда возникает новый аспект анализа Уложения. Подчас важны не дотошные поиски того, откуда заимствована та или иная норма, — что рассматривалось в качестве неперменной задачи дореволюционными историками, оценивавшими Уложение как свод

всего предыдущего периода — старого, древнего законодательства, а нового, слагавшегося как судебная практика периода образования многонационального государства». Влияния Литовского статута и других источников иностранного происхождения В. М. Чернов не устанавливает. О рукописи В. М. Чернова см. ранее (с. 36).

¹⁴² Юшков С. В. Указ. соч., с. 277—278.

предшествующего законодательства, — а установление того, что стояло за этой нормой в середине XVII в. и как следует ее трактовать в связи с совокупностью других норм кодекса.

Крайне важно и сравнительно-историческое изучение Уложения и синхронных ему зарубежных памятников, прежде всего стран Восточной Европы, наиболее близко стоящих к России по уровню социально-экономического развития. Как показало сравнительное изучение Л. В. Черепниним Уложения 1649 г. и правил Василия Лупу 1646 г. в части закрепощения крестьян, сходные социально-экономические условия могут порождать аналогичные правовые нормы при отсутствии непосредственного влияния законодательных памятников друг на друга и при отсутствии общего их источника. Сходство процессов, протекавших в России, Литве, Польше, Прибалтике и Восточной Пруссии, отметил Б. Д. Греков.¹⁴³ Однако сравнительно-историческое изучение памятников права у нас поставлено крайне слабо. Только при соблюдении выше указанных подходов к Уложению будет возможно оценить его как новый и значительно более высокий этап в развитии русского феодального права.

СОСТАВЛЕНИЕ КОДЕКСА, ПЕРВЫЕ ЕГО ИЗДАНИЯ, СТРУКТУРА

Выше отмечено, что в советской историографии обстоятельно изучено московское восстание 1648 г., установлена канва его важнейших событий, вскрыты движущие силы восстания. Все это позволило глубже подойти к определению непосредственных причин, вызвавших составление законодательного кодекса, и охарактеризовать его, говоря словами М. Н. Тихомирова, как памятник «определенной эпохи и определенной классовой среды».¹ Здесь нет необходимости воспроизводить ход восстания 1648 г.² Остановим внимание лишь на тех событиях, которые непосредственно привели к составлению Уложения.

Восстание 1648 г., стихийно вспыхнувшее 1 июня, в течение десяти дней представляло собою выступление московских посадских людей, поддержанных стрельцами, против правящей верхушки во главе с Б. И. Морозовым. В какой-то мере участие в восстании приняла боярская дворня, холопы, составлявшие вместе с крестьянами, временно наезжавшими в столицу, значительную часть населения Москвы. Наиболее драматические события развернулись в первые пять дней восстания. У себя в доме был убит повстанцами думный дьяк Н. Чистый, а затем казнены выданные правительством народу глава Земского приказа

¹⁴³ Греков Б. Д. Указ. соч., с. 390.

¹ Тихомиров М. Н., Лифанов П. П. Соборное Уложение 1649 г. М., 1961, с. 15.

² Наиболее полное изложение его см.: Чистякова В. В. Городские восстания в России в первой половине XVII в. (30—40-е годы). Воронеж, 1975, с. 62—106.

Л. С. Плещеев и глава Пушкарского приказа П. Т. Траханиотов. В первые же дни восставшие произвели массовый погром дворов бояр, московских дворян, дьяков, приказных людей. В первую очередь пострадали дворы начальника приказа Большой казны, Стрелецкого и Аптекарского приказов Морозова и близко стоящих к нему лиц — Чистого, Плещеева, Траханиотова, богатого гостя В. Шорина и многих других знатных господ и торговых людей. Анализ состава лиц, пострадавших от погрома, показывает, что повстанцы, прежде всего черные посадские люди, видели своих главных врагов в группе правящей боярской знати.³

На третий день восстания в Москве вспыхнули пожары. Летописи называют от 4 до 10 тысяч сгоревших дворов. Пострадали в наибольшей мере аристократические районы города, в том числе Белый город, где сосредоточивались преимущественно дворы бояр, дворян и крупных торговых людей. В сильной мере от пожара пострадали дворянские районы города.⁴ Царь ценой больших усилий, лично умоляя и уговаривая повстанцев, сумел отстоять своего «дядьку» (воспитателя) Морозова и спасти его от суда народа. Но власть правительства над городом была утрачена. В последующее время волна народных восстаний затронула многие города Юга, Севера и Северо-Востока России.

Внимательный анализ событий первых дней восстания показывает, что городовые дворяне и дети боярские, преимущественно замосковных городов, собравшиеся в столице с целью дальнейшего проезда на юг для несения сторожевой службы, в первые дни июня участия в антиправительственных выступлениях не принимали. Однако игнорировать их роль на протяжении всего восстания было бы ошибкой. Начиная с 10 июня, городовые дворяне и дети боярские вкуче с верхами торговых людей, стремясь предотвратить дальнейшее развитие восстания, взяли инициативу в переговорах с царем в свои руки.⁵ Именно 10 июня состоялось совещание дворян, гостей, «всяких разных сотен и слобод торговых людей», на которое обратил внимание П. П. Смирнов.⁶ На совещании была выработана челобитная царю, авторы которой говорили от лица «всенародного множества московского государства», от «всего мира» и жаловались на коррупцию приказной администрации и тяжкие притеснения с ее стороны.

Челобитчики выдвинули требование созвать Земский собор «из стольников и из дворян московских и из жильцов и из городовых дворян и детей боярских выборным лучшим людям». Посадские люди здесь даже не упомянуты. Другое требование служилых и торговых людей — упорядочение законодательства и составле-

³ Чистякова Е. В. Указ. соч., с. 69—71.

⁴ Там же, с. 73—75.

⁵ Там же, с. 78.

⁶ Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. II. М.—Л., 1948, с. 190—191.

ние новой Уложенной книги. Эта мысль занимала их давно. Еще в челобитной 1637 г., составленной во время очередного сбора в Москве, служилые люди просили: «...и вели, государь, выбрать в городех из дворян и из земских людей и вели, государь, нас, холопей своих, судить в городех по своему государеву указу и по своей государевой улаженной судебной книге для нашей бедности и разоренья и для дальново пути и для московские волокиты и проести».⁷ А в челобитной 10 июня ее авторы, усматривая в издании Уложенной книги важное условие упрочения государственного строя, давали совет царю последовать примеру Юстиниана: «Как в его время кара божьего гнева угрожала греческой земле, но за справедливый приговор и указ, который он повелел издать, чтобы во всей его земле были прекращены всякая неправда и притеснение бедных, бог такое наказание отвел и гнев на милость преложил». Так же должен поступить, по мнению челобитчиков, и русский царь, если хочет «избежать божьей казни».⁸

Таким образом [дворянство, по мере консолидации его рядов как класса-сословия, становящегося основной опорой сословно-представительной монархии, переходящей в абсолютизм, исподволь вынашивало мысль о создании нового кодекса законов и подготавливало идейное обоснование этого шага.

Одной из причин таких требований были неупорядоченность и запутанность законодательства, влекущие судебные «московские волокиты», больно ударявшие по широким кругам дворянства и посадских людей.

Если непосредственной причиной создания Уложения 1649 г. послужило восстание 1648 г. в Москве и обострение классовых и сословных противоречий, то глубинные причины лежали в эволюции социального и политического строя России, в процессах консолидации основных классов-сословий того времени — крестьян, посадских людей и дворянства — и начавшемся переходе от сословно-представительной монархии к абсолютизму. Указанные процессы сопровождались заметным ростом законодательной деятельности, стремлением законодателя подвергнуть правовой регламентации возможно больше сторон и явлений общественной и государственной жизни.

Интенсивный рост числа указов за период от Судебника 1550 г. до Уложения 1649 г. виден из следующих данных: 1550—1600 гг. — 80 указов; 1601—1610 гг. — 17; 1611—1620 гг. — 97; 1621—1630 гг. — 90; 1631—1640 гг. — 98; 1641—1648 гг. — 63 указа. Всего за 1611—1648 гг. — 348, а за 1550—1648 гг. — 445 указов.⁹

⁷ Смирнов П. П. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в. — Чтения ОИДР, 1915, кн. 3, с. 41.

⁸ Там же, с. 57; Чистякова Е. В. Указ, соч., с. 78.

⁹ Данные получены мною на основании машинописной рукописи законодательных актов, подготовленных Р. Б. Мюллер для намеченного

Резкое увеличение числа указов и значительное расширение их тематики связано с периодом 1611—1648 гг. На гребне этой волны и возникло Уложение 1649 г.

Напуганное восстанием черного посадского люда, желая предотвратить возможность объединения сил народа и служилых людей, правительство срочно пошло навстречу требованиям дворянства. Буквально через день, 12 июня, Морозов был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь. Новое правительство Романова-Черкасского составляет в приказах «десятины денежной раздачи», согласно которым дворяне и дети боярские по государевым указам наделяются жалованьем и землей. От имени Морозова выдаются грамоты, разрешающие получение из его вотчин беглых крестьян, принадлежавших дворянам. Наконец, дворянам возвращают отнятые у них земли и выдают денежные награды по 14 и 20 рублей.¹⁰ Удовлетворив экономические требования челобитной 10 июня 1648 г., новое правительство пошло и навстречу требованиям политическим.

16 июля 1648 г. был созван Земский собор, на котором помимо бояр, думных людей и освященного собора были, как требовали челобитчики, выборные люди от стольников, московских дворян, жильцов, городских дворян и детей боярских. Однако на Собор были приглашены и представители торговых кругов, не упомянутые в челобитной: «...да на Соборе ж были гости, и гостинные и суконные и всяких разных сотен и слобод лутчие люди».¹¹ Черные или посадские люди и здесь не упомянуты. Таким образом, авторами челобитной и участниками Земского собора были дворяне всех рангов и посадская верхушка. Проанализировав эти материалы и состав участников московского восстания 1648 г., М. Н. Тихомиров обоснованно отверг суждения П. П. Смирнова о «единачестве» дворян и посадских людей и пришел к выводу, что если и можно говорить о «единачестве», то только между дворянами и верхами посадского мира.¹² А это значит, что правительство, напуганное ходом событий, стремилось вбить клин между посадскими людьми и дворянством и немало преуспело в этом, пойдя на уступки дворянству и тем самым изолировав его от посадского мира и других общественных сил, поддержавших восстание.

На Соборе 16 июля 1648 г. было подано челобитье о составлении Уложения, «чтоб вперед по той Уложенной книге всякие

в Ленинградском отделении Института истории СССР АН СССР издания «Законодательные акты от Судебника 1550 г. до Уложения 1649 г.». Сводные материалы (уложения, уставные книги, статейные списки) учтены по количеству заключенных в них указов или статей.

¹⁰ Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба... с. 191—195.

¹¹ Там же, с. 205—206.

¹² Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969, с. 178—184.

дела делать и вершить». ¹³ Для выработки Уложения была создана специальная комиссия (по тем временам — приказ) во главе с князем Н. И. Одоевским. В нее вошли князь С. В. Прозоровский, окольничий князь Ф. Ф. Волконский и два дьяка — Гаврила Леонтьев и будущий историк Федор Грибоедов. Согласно предисловию к Уложению, в котором дана официальная версия составления кодекса, в задачу комиссии входило из прошлого законодательства — правил апостолов и святых отцов, «градских законов греческих царей», из указов прежних русских царей и боярских приговоров — выписать статьи, которые «пристойны... к государственным и к земским делам», «и те государские указы и боярские приговоры с старыми судебниками справить». По тем вопросам, на которые «в судебныхниках указу не положено, и боярских приговоров на те статьи не было, и те бы статьи по тому же написать и изложить по его государеву указу общим советом». Комиссии было велено «то все собрать, и в доклад написать». ¹⁴ В более краткой форме задача комиссии Н. И. Одоевского в указе царя в связи с решением Собора 16 июля определялась так: «...указал то ведать — Уложенную книгу писать... примеряся прежних государей к судебникам и уложением и блаженные памяти отца его государева, великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси, указу и уложению». ¹⁵

Рассмотрение проекта Уложения намечалось на новом Земском соборе. Тогда же, 16 июля, принято решение назначить открытие нового Собора на 1 сентября. Были намечены и нормы представительства: от столыпиных, стряпчих, московских дворян и жильцов — по два человека от чина, от городских дворян, детей боярских из больших городов — по два человека, из маленьких — по одному, от новгородцев — с пятины по человеку, от гостей — три человека, от гостиной и сукопной сотен — по два, от посадских людей «с городов, с посадов по человеку, добрых имышленных людей». ¹⁶ Как видим, новый Земский собор в отличие от Собора 16 июля намечался в более широком составе и с участием представителей посадских общин. Здесь несомненно сказалось воздействие все продолжавшегося восстания и ведущей роли в нем черных посадских людей. В грамотах, разосланных в города (известны грамоты в города Новгородской четверти), предписывалось выбирать дворян и детей боярских и торговых людей «добрых лутчих, человека добра, и смышленных людей, которым бы такие государевы и земские всякие дела за обычей...». ¹⁷

¹³ Смирнов П. П. Несколько документов из истории Соборного Уложения и Земского собора 1648—1649 гг. — Чтения ОИДР, 1913, кн. 4, отд. IV, с. 6.

¹⁴ Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Указ. соч., с. 67.

¹⁵ Смирнов П. П. Несколько документов... — Чтения ОИДР, 1913, кн. 4, отд. IV, с. 6.

¹⁶ Там же, с. 67—68.

¹⁷ Там же, с. 7, 9.

Комиссия Н. И. Одоевского сразу же приступила к работе по сбору прошлого законодательства и в сравнительно короткий срок, в два с половиной месяца, составила первоначальный вариант Уложения. Законодательный материал для комиссии собирали и копировали приказы. Имеется свидетельство о подготовке таких материалов подьячими Поместного приказа: «А с указные книги списав, государевы указы и боярские приговоры о поместных и вотчинных землях посланы ис Поместного приказа, по памяти, за дьячьею приписью, в приказ к бояром ко князю Никите Ивановичю Одоевскому да ко князю Семену Васильевичю Прозоровскому да к околичному ко князю Федору Федоровичю Волконскому да к диаком Гаврилу Леонтьеву да к Федору Грибоедову, для государева и земского великого дела».¹⁸ Запись позволяет заключить, что приказы по памяти производили извлечение из своих указных книг результативной части — указов и боярских приговоров — и отсылали их, удостоверив подписью дьяка, в комиссию. То обстоятельство, что присылались только указы и приговоры, без докладов, значительно облегчило работу над Уложением. К сожалению, архива комиссии не сохранилось и потому нет возможности составить сколько-нибудь конкретное представление об этапах такой работы и ее результатах. Весьма скудные данные имеются и о членах комиссии. Вопрос о роли каждого из них в работе над Уложением целиком относится к области догадок, предположений и косвенных построений. Тем не менее все это заслуживает внимания, поскольку правительственная комиссия является авторским коллективом, которому принадлежит честь составления хотя бы первоначального варианта Уложения.

Мнения историков о степени участия в работе двух основных групп комиссии — знатной и незнатной — расходятся. Одни заслугу создания Уложенной книги почти целиком приписывают дьякам, другие, не отрицая важной роли дьяков, подчеркивают заслуги Одоевского как главы комиссии. От Н. Полевого идет категорическое утверждение, что «Одоевский, Прозоровский и Волконский... люди, ничем не заметные в истории, разумеется, только сидели и толковали; делали и писали Леонтьев и Грибоедов».¹⁹ Этот взгляд поддержал М. Ф. Владимирский-Буданов, подчеркнувший наличие в комиссии «почетных» членов,²⁰ а в другом случае определенно указавший на то, что главная работа по составлению Уложения припала на дьяков, поскольку они были

¹⁸ Расходные книги и столпы Поместного приказа (1626—1659). Под ред. Н. Н. Ардашева. М., 1910, с. 139.

¹⁹ Полевой Н. Предисловие к публикации. — Московский телеграф, 1831, № 14, с. 275.

²⁰ Владимирский-Буданов М. Ф. Отношения между Литовским статутом и Уложением царя Алексея Михайловича. — В кн.: Сборник государственных знаний, т. IV. СПб., 1877, с. 6.

наиболее опытные в законоведении и юридической практике.²¹ Легко заметить, что у обоих авторов суждения носят априорный характер и строятся на допущениях логического свойства. Правда, соображениями общего характера подкрепляется и противоположная точка зрения у В. Строева, первым высказавшего ее в 1831 г. Полемизируя с Н. Полевым, В. Строев утверждал, что Одоевский, Прозоровский и Волконский принимали активное участие в работе над Уложением.²² Н. П. Загоскин, исходя из того, что для признания в равной мере активной работы всех членов комиссии имеется мало данных, счел возможным выделить ее главу — Одоевского: «...душою и главным деятелем в работе этой комиссии был боярин Н. И. Одоевский, этот Сперанский XVII в.». Загоскин подчеркивал важную роль и других членов комиссии, считая, что «все эти лица были опытными законооведами своего времени, лицами образованными и лучшими представителями своей эпохи». Основным доводом для Загоскина служил факт быстрого завершения весьма трудоемкой работы.²³

В советской историографии имеется опыт сведения всех имеющихся в литературе и в опубликованных источниках данных о членах комиссии Одоевского и возможной роли их в составлении Уложения.²⁴ П. Я. Черных приводит биографические данные относительно каждого члена комиссии.

Никита Иванович Одоевский (1604—1689) происходил из древнего и знатного боярского рода, ведя его от Михаила Всеволодовича Черниговского, погибшего в Орде в 1246 г. Ближайшие предки и родственники Никиты занимали высшие правительственные должности. Сам Никита Иванович в 1618—1619 гг. был уже стольником, а в 1640 г. его пожаловали в бояре, минуя промежуточный чин окольничего, так как Одоевские относились к девятнадцати аристократическим фамилиям, на которые распространялось это преимущество. До 1643 г. Одоевский был воеводой в Астрахани, затем управлял Казанским дворцом и Сибирским приказом. При Б. И. Морозове он впал в немилость и был направлен полковым воеводой в Ливны и Белгород. Падение Морозова открыло ему дорогу в Москву, которую с возвращением царского «дядьки» пришлось оставить снова. В 1651 г. Одоевский — воевода в Казани, затем он принимает активное участие в войне с Польшей 1654—1667 гг. как военачальник и ди-

²¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Судебник 1589 г. Его значение и источники. Киев, 1902, с. 18—19.

²² Строев В. Историко-юридическое исследование Уложения, изданного царем Алексеем Михайловичем в 1649 г. СПб., 1833, с. 14, 18.

²³ Загоскин Н. П. История права Московского государства, вып. 1. Казань, 1877, с. 77.

²⁴ Черных П. Я. Язык Уложения 1649 г. М., 1953, с. 52—79 (гл. III: Редакционная коллегия Уложенной книги). — Ниже мы даем краткую сводку важнейших данных о членах комиссии по этой работе, отсылая к ней читателя за более подробными сведениями.

пломат. После войны Одоевский возглавлял приказы Большой казны, Иноземский, Рейтарский, выполняя дипломатические поручения. В последние годы жизни стоял во главе Аптекарского приказа.

Типичная для представителя боярских кругов XVII в. служебная карьера сама по себе едва ли говорит о многом, но противостояние Одоевского правящей клике во главе с Б. И. Морозовым в сочетании с его послужным списком позволяет видеть в нем принципиального, энергичного и, видимо, неглупого человека. В пользу этого говорит и проведенное им в период воеводства в Казани строительство «Закамской черты», затем руководство русской делегацией на мирных переговорах в Вильне в 1656 г., где он добился видных уступок польской стороны, а также ведение им переговоров с польской делегацией в Москве в 1678 г., закончившихся заключением нового перемирия на 13 лет с условием уступки Киева России. С другой стороны, в своей переписке с Галицкой вотчиной Одоевский выступает как жестокий и черствый феодал своего времени.²⁵ «Интересы феодальной монархии и крепостнического режима, — пишет П. Я. Черных, — всегда у него стояли на первом месте».²⁶

Сохранилось несколько отзывов современников об Одоевском как человеке и государственном деятеле. Один из них принадлежит шляхтичу Павлу Потоцкому, взятому в плен в 1655 г. и надолго поселившемуся в Москве. Потоцкий — автор нескольких сочинений, в том числе «Moscovia» (1670 г.). В нем об Одоевском сказано, что он «имеет основательные познания в славянском языке» и «по своему благоразумию (не всегда однако ж проникательному) и по благородным чувствованиям, не истребившимся в его сердце, он достоин лучшей участи и отечества».²⁷ Положительный характер отзыва бросается в глаза на фоне сдержанных и даже резко отрицательных отзывов того же автора о других вельможах из окружения царя.²⁸ Другой иностранец, ученый медик и дипломат Лаврентий Рингубер, в своем донесении 1677 г. герцогу саксонскому Фридриху говорит об Н. И. Одоевском как «по происхождению первом вельможе империи, в высшей степени достойном уважения» и «мудром старце».²⁹

П. Я. Черных прав, когда из ряда отзывов о Н. И. Одоевском наибольший акцент ставит на «мнениях» патриарха Никона об Уложении. Мнение о законодательном своде у Никона отрицательное, его составление он почти полностью приписывал Одоев-

²⁵ Арсеньев К. И. Ближний боярин князь Н. И. Одоевский и его переписка с Галицкой вотчиной (1650—1684). М., 1903.

²⁶ Черных П. Я. Указ. соч., с. 56.

²⁷ Цит. по: Черных П. Я. Указ. соч., с. 60.

²⁸ Исключения составляют только отзывы Потоцкого об А. Л. Ордине-Нащокине и сыне Одоевского — Якове.

²⁹ Черных П. Я. Указ. соч., с. 60—62. — В 1677 г. Одоевский стоял во главе Аптекарского приказа.

скому: «Злодеи и разорители закона евангельского и заповедей... умыслиша, яко же ты, князь Никита, новой закон написал советом Антихриста, учителя твоего». Встречаем у Никона и такие фразы: «пишешь в своем сложении», «в своем ложном и проклятом писании», «в Уложенной книге твоего списания», «горе тебе и списанию твоему».³⁰

Стремясь дать уничтожающую характеристику Одоевскому, Никон прибегает к самому вескому аргументу того времени — обвинению в незнании божественного писания и отсутствии страха божия: «...а он, князь Никита, человек прегордой, страху божия в сердце не имеет и божественного писания и правил святых апостолов и святых отец ниже чтет, ниже разумеет и жити в них не хочет и живущих в них ненавидит, яко врагов сущих, сам быв враг всякой истине».³¹ Резко отрицательный отзыв дает Никон и обо всех членах уложенной комиссии, говоря, что они «люди простые (умственно ограниченные, — А. М.) и божественного писания не ведущие», а в отношении дьяков допускал даже резкий выпад: «...а дьяки, ведомые враги божие и дневные разбойники, без всякая боязни в день людей божиих гуют».³²

Еще В. М. Ундольский подметил одну любопытную особенность: «Ополчаясь всею силою против ненавистного ему приказа (Монастырского), Никон обращается не к царю, не к Стрешневу и Лигариду (с которыми он полемизировал), но к Одоевскому». Как современник, весьма близкий к царю «он лучше всякого другого мог знать главных действующих и составителей сего законодательного памятника».³³ Ундольский решительно утверждал: «Одоевский был первым при составлении Уложения не по имени только, но первенствовал и на самом деле».³⁴ С мнением Ундольского следует согласиться.

Можно добавить еще два момента. В свое время отмечено, что «Учение и хитрость ратного строя» было переведено в Посольском приказе по инициативе Н. И. Одоевского и издано в 1647 г. по его настоянию.³⁵ Второе обстоятельство связано с высказыванием самого Одоевского о законолюбии царя Алексея, сделанным в письме к царю в 1652 г. и отражающим отношение автора письма к Уложению: «...подаровал бог премудрость, якоже древле царю Соломону» и «возлюбил суд и правду и мплость и

³⁰ Мнения патриарха Никона об Уложении (из ответов боярину Стрешневу). — В кн.: Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, т. 2. СПб., 1861, с. 430, 431, 436, 441, 448.

³¹ Там же, с. 426.

³² Там же.

³³ Ундольский В. М. Отзыв патриарха Никона об Уложении. — Русский архив, 1886, кн. 8, с. 618—619.

³⁴ Там же.

³⁵ Соловьев А. В. Вновь открытый Московский перевод Литовского статута. — Исторические известия, 1917, кн. 1, с. 37—38.

возненавидел беззаконие». ³⁶ Сказанное, в особенности резко негативный отзыв Никона, позволяет сделать вывод определенно позитивного свойства: главой и в значительной мере душой в работе над Уложением был именно Н. И. Одоевский. Но у него были видные и опытные помощники.

Второй член комиссии, князь Семен Васильевич Прозоровский, в 1616 г. был стольником (год рождения не известен), с 1630 г. — окольничий, затем судья Поместного приказа, а в 1633—1641 гг. — глава Судного приказа; в течение 8 лет управлял Ямским приказом. Был на воеводствах в Путивле и Веневе, командовал войском в Русско-Польскую войну 1632—1634 гг., судим за государственную измену, сослан в Сибирь, но вскоре возвращен в Нижний Новгород и Москву. ³⁷

Третий член комиссии, князь Федор Федорович Волконский, как и остальные, на лестнице чинов получил чин стольника, затем окольничего, длительное время был в товарищах по управлению Челобитным приказом, — чем, видимо, и объясняется его назначение в комиссию по составлению Уложения, — затем товарищем воеводы в Астрахани. Уже после составления Уложенной книги выступил в роли незадачливого усмирителя псковского восстания 1650 г., но тем не менее пожалован в бояре.

Немного известно о дьяке Гавриле Леонтьеве. С 1628 по 1634 г. он был дьяком Патриаршего двора «у духовных дел». Д. Мейчик предполагал, что «это дает основание приписывать ему составление первой главы Уложения», а также переводы из Кормчей книги. ³⁸ Г. Леонтьев был в Астрахани дьяком вместе с Ф. Ф. Волконским. В 1648 г. — дьяк Земского приказа в Москве при Плещееве и после его гибели. Другой дьяк, Федор Акимович Грибоедов, по мнению ряда исследователей, наряду с Н. И. Одоевским принимал наиболее активное участие в составлении Уложения. ³⁹

Предположение о польском происхождении Ф. Грибоедова, видимо, не имеет достаточных оснований. Во всяком случае «История» Грибоедова проникнута антипольскими настроениями. С конца 30-х гг. Грибоедов работал подьячим приказа Казанского дворца. В июле 1648 г., в разгар событий в Москве, он был произведен в дьяки и включен в состав комиссии Н. И. Одоевского, который мог узнать его в период управления Казанским и Сибирским приказами с 1643 г.

³⁶ Москвитянин, 1851, ч. IV, № 14, с. 146 и сл. — Именно эта идея положена в основу Уложения.

³⁷ Черных П. Я. Указ. соч., с. 62.

³⁸ Мейчик Д. Дополнительные данные к истории Уложения. — В кн.: Сборник Археологического института, кн. 2. СПб., 1879, с. 130; Черных П. Я. Указ. соч., с. 63—64.

³⁹ Биографические данные Ф. Грибоедова см.: Грибоедов Ф. История о великих князьях и дарах земли Русской. Сообщение С. Ф. Платонова и В. В. Майкова. — В кн.: Памятники древней письменности, т. СХХI. М., 1896, с. I—V.

В 60-е гг. Ф. Грибоедов работал в Разрядном приказе. В 1669 г. по приказу Алексея Михайловича он написал руководство по русской истории для царских детей — «Историю о царях — великих князьях земли русской». История была типичной для того времени компиляцией. Умер Ф. Грибоедов в 1673 г. Мнения исследователей о его роли в составлении Уложения расходятся. С. Ф. Платонов и В. В. Майков полагали, что «на долю Грибоедова, как младшего дьяка законодательной комиссии боярина Одоевского, выпадали не правообразовательные работы, а второстепенный канцелярский труд».⁴⁰ А. И. Яковлев, наоборот, считал Грибоедова «творцом Уложения».⁴¹ П. Я. Черных справедливо полагает, что для исполнения технической работы не было необходимости срочно производить Грибоедова в дьяки, значит, роль его в составлении Уложения была существенной.⁴² Однако, допуская на основе ряда показаний источников, что наиболее видная роль в составлении Уложения принадлежала Н. И. Одоевскому и Ф. А. Грибоедову, нельзя сбрасывать со счетов участие в работе, видимо немалое, всего состава комиссии. Иначе трудно допустить, что большой законодательный свод был составлен (пусть в первом варианте, а в дальнейшем дополнялся на Соброре) в предельно короткий срок — в два с половиной месяца.

1 сентября 1648 г. собрался Земский собор расширенного состава с участием представителей посадских людей. Преобладающее место на Соброре заняли дворяне и торговые люди. «К сожалению, о самом Соброре и его заседаниях, — пишет М. Н. Тихомиров, — мы имеем неточные и, может быть, нарочито искаженные сведения. Записи о Соброре не сохранилось... Исчезновение записи о Соброре 1648 г., возможно, и не случайность... в предисловии к Уложению о самих заседаниях Собора говорится как-то нарочито сбивчиво, хотя в нем упоминается общий совет, который постановил учинить в государстве одинаковый суд и расправу для всех людей».⁴³

3 октября, согласно предисловию к Уложению, началось слушание проекта кодекса на Соброре в обеих его палатах: в одной были царь, Боярская дума и Освященный собор; в другой, получившей официальное название «Ответной палаты», — выборные люди всяких чинов под председательством князя Ю. А. Долгорукова. У нас нет данных о ходе обсуждения кодекса в, условно говоря, Верхней палате, зато активное участие Ответной палаты несомненно. Оно оказало немалое влияние на состав памятника и послужило предметом больших споров в дальнейшей научной литературе. Чтение Уложения в Ответной палате не всегда про-

⁴⁰ Памятники древней письменности, т. СХХІ, с. II.

⁴¹ Яковлев А. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., т. 1. М.—Л., 1943, с. 272.

⁴² Черных П. Я. Указ. соч., с. 66.

⁴³ Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 183.

исходило в порядке расположения глав. Некоторые части XIX главы, например, докладывались 18 декабря и даже 15 января 1649 г., за две недели до окончания работы над Уложением. Основная же ее часть утверждена царем 25 ноября 1648 г. Последней рассматривалась VII глава о ратных людях. Есть все основания полагать, что проект кодекса, подготовленный комиссией Одоевского, подвергся существенным изменениям в период его обсуждения на Соборе. Изменения и дополнения в проект Уложения не следует относить только за счет чтения его в обеих палатах Собора. Параллельно шла активная работа самой комиссии, которая составляла доклады по челобитным выборных людей и докладывала их царю: «...в нынешнем во 157-м году (1648/49 г.), в разных месяцах и числах, били челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси в Столовой избе выборные из городов посадские и во всех посадских людей место и подали челобитные за руками о разных своих делах. И из тех их челобитен выписано, и по выписке государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси докладывали бояре князь Никита Иванович Одоевский (далее идет перечисление остальных членов комиссии)».⁴⁴ Один из случаев такого доклада по челобитью стольников, стряпчих и других чинов от 30 октября 1648 г. относится к 13 ноября, к периоду наиболее интенсивной работы Собора над Уложением. По докладу был принят указ об отписке к посадам белых слобод в городах с их торгово-промышленным населением. Указ вошел в записную книгу Сыскаго приказа Ю. А. Долгорукова и одновременно включен в XIX главу Уложения.⁴⁵

⁴⁴ Смирнов П. П. Указ. соч., т. II, с. 216.

⁴⁵ ААЭ, IV, № 32, с. 44—47. — В дореволюционной литературе высказаны мнения о роли выборных дворян и посадских людей в подготовке Уложения. В. Н. Латкин на основании опубликованных документов (см.: Латкин В. Н. Материалы для истории земских соборов XVII столетия. СПб., 1884) из свидетельства о том, что служилые люди были «на Москве для государевых и земских дел в приказе с бояры со князем Никитою Ивановичем Одоевским...» (там же, с. 69), сделал вывод: «...некоторые выборные входили в состав комиссии князя Одоевского и участвовали в ее работах» (Латкин В. Н. Лекции по истории русского права. СПб., 1912, с. 104). Между тем в ряде других аналогичных случаев дворяне в своих челобитных указывали, что они прибыли в Москву по выбору «для государева земского дела», без упоминания приказа. А в одном случае имеется такое уточнение: «Ожидая на Москве твоего государева и земского дела вершения...» (Латкин В. Н. Материалы..., с. 51—52). Поскольку во всех документах речь идет о выдаче жалования выборным людям, прибывшим в Москву для участия в Земском соборе, на наш взгляд, нет оснований выделять те из челобитных, где наряду с «государевым и Земским делом» указан и «приказ князя Одоевского». В данном случае имеется лишь уточнение адреса и цели пребывания в Москве. Не более убедительной выглядит аналогичная попытка П. П. Смирнова судить об участии выборных в комиссии Одоевского на основании таких умозаключений: «Таким образом, целый ряд замосковных городов, если только не все они, сразу получили в Москве депутатов для будущего Собора и, весьма вероятно, депутатами оказались те же лица, что и на совещаниях

Шведский резидент К. Поммеренинг в сообщении от 4 октября писал, что царь «ежедневно работает сам со своими сотрудниками, чтобы устроить хорошие порядки, дабы народ, насколько возможно, был удовлетворен».⁴⁶ В донесении от 18 октября он снова подчеркивает, что «здесь работают все еще прилежно над тем, чтобы простолудины и прочие были удовлетворены хорошими законами и свободой».⁴⁷ Сказанным объясняется, что слушание Уложения и его доработка затянулись на четыре месяца. Но из того, как шла подготовка Уложения, следует и другое важное обстоятельство. Пойдя навстречу требованиям дворян и верхов посада — как в части создания самого Уложения, так и узаконения значительного числа норм, отвечающих непосредственным интересам именно этих кругов, — правительство, с одной стороны, вбило клин между ними и народом и тем самым предотвратило возможность опасного контакта вооруженных служилых людей с повстанцами, а с другой — широкой оглаской мероприятий по подготовке «хороших законов» предприняло маневр в сторону успокоения народа и отвлечения его внимания. Донесения К. Поммеренинга красноречиво говорят об этом.

А положение в Москве оставалось тревожным. В сентябре — поябре представители посада и дворян в ходе заседания Земского

16-го июля. Эта важная деталь позволяет утверждать, что приказ князя Н. И. Одоевского с товарищами с самого начала, т. е. с 16-го июля 1648 года, не один приступил к подготовке проекта Уложения, а с выборными от дворян и детей боярских от замосковных городов. Более чем вероятно, что и выборные от московских чинов... были просто перечислены затем в депутаты Земского собора 1648—1649 гг. и, следовательно, также могли с самого начала принимать участие в работах редакционной комиссии князя Одоевского» (Смирнов П. О начале Уложения и Земского собора 1648—1649 гг. — ЖМНП, 1913, сент., с. 57. Подчеркнуто мною, — А. М.).

В построении П. П. Смирнова имеется ряд предположений и допущений, что лишает его позицию необходимой убедительности. Словом, прямых и определенных свидетельств участия (пусть не всех) выборных в комиссии Одоевского не имеется. В. О. Ключевский также был склонен считать, что «земские представители... вводились в состав кодификационной комиссии или при ней состояли». Однако в окончательном выводе он, на наш взгляд, ближе к истине: «...совещательные указания членам кодификационной комиссии и представление через нее челобитной в Думу — таковы две формы участия выборных в составлении Уложения». Но была и третья форма: «...когда царь с думой являлся среди выборных и вместе с ними произносил приговор по возбужденному вопросу». В. О. Ключевский ссылается здесь на 42-ю статью XVII главы о вотчинах, где сказано, что запрет отчуждать земли в пользу церкви «сбором уложжи» (Ключевский В. О. Сочинения, т. III. М., 1957, с. 137—138). Сказанное ставит под сомнение возможность вхождения некоторой части выборных в состав комиссии Н. И. Одоевского. Однако активное участие выборных дворян и посадских людей в подготовке Уложения путем подачи челобитных и обсуждения статей в Ответной палате не подлежит сомнению (см.: Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства XVI—XVII вв. М., 1978, с. 297—305).

⁴⁶ Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897, с. 424.

⁴⁷ Там же, с. 424—429.

собора усилили давление на правительство. 25 ноября, еще до завершения работы над Уложением, был издан указ об отписании слобод на посадах «без лет и без сыску... всем быть его государевым».⁴⁸ Видимо, с этим связано то обстоятельство, что в декабре—январе 1649 г. волнения усилились; главная роль в них принадлежала закладчикам, недовольным возвращением в посадское тягло. К ним примкнули холопы и часть стрельцов. По Москве поползли слухи — «быть де заматне в Крещение» (6 января). О назревавшем восстании писал шведской королеве Христине и Поммеренинг. Начались расправы и новые казни.⁴⁹

[В такой обстановке 29 января 1649 г. было закончено составление и редактирование текста Уложения в ходе заседаний Земского собора.] Этой даты в предисловии к Уложению нет. Долгое время 29 января принимали за дату окончания первого издания Уложения на том основании, что текст печатного Уложения, именно его последнюю XXV главу, включает такая фраза: «Совершена сия книга повелением великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, вся России самодержца, в третье лето богом хранимая его державы, и при сыне его государеве благоверном царевиче и великом князе Дмитрие Алексеевиче, в первое лето рожения его, лета 7157-го генваря в 29 день».⁵⁰ Однако еще в 1831 г. в анонимной статье об источниках Уложения было отмечено, что точно такой же фразой заканчивается подлинный свиток Уложения.⁵¹ Наличие такой концовки в подлинном тексте подтверждено в 1879 г. в статье слушателей Археологического института П. Ваденюка и Д. Мейчика. Они же установили, что печатание Уложения началось 7 апреля 1649 г.⁵² Стало очевидным, что 29 января завершено составление и редактирование кодекса. Это была, видимо, и дата окончательного его утверждения Земским собором и царем. Но возник вопрос: почему в записи сказано «книга», тогда как Уложение написано первоначально на свитке?

Остановимся лишь на новейших объяснениях этого обстоятельства. М. Н. Тихомиров писал: «Слово „книга“ показывает, что Соборное уложение, написанное на столбцах (или свитках), предназначалось для напечатания, что и было сделано».⁵³ Сложнее решает вопрос П. Я. Черных. Развивая позицию Н. П. Загоскина, он доказывает, что утвержденное 29 января Уложение представляло собою «приведенное в известную систему собрание выписок из источников и дополнения к ним, возникшие в про-

⁴⁸ ААЭ, IV, СПб., 1838, № 32.

⁴⁹ Чистякова Е. В. Указ, соч., с. 100—105.

⁵⁰ Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Указ, соч., с. 300—301.

⁵¹ Об источниках, из коих взято Уложение царя Алексея Михайловича. — Московский телеграф, 1831, ч. XXXVIII, № 7, с. 400—415.

⁵² Ваденюк П., Мейчик Д. Поездка слушателей института в Москву. — В кн.: Сборник Археологического института, кн. 2. СПб., 1879, с. 10—30.

⁵³ Тихомиров М. Н. Указ, соч., с. 184.

цессе обсуждения Кодекса». С этого материала было изготовлено два списка, один из которых — в виде свитка — рассматривался как официальный подлинник, имеющий подписи членов Собора и скрепы дьяков.⁵⁴ Другой список был изготовлен в виде книги и предназначался для Печатного двора. Это допущение строится на следующих словах предисловия к Уложению: «И указал государь то все Уложение написать на список и закрепить тот список святейшему Иосифу... и митрополитом... и своим государевым бояром... и выборным дворяном... и торговым и посадским людем... А закрепя Уложение руками, указал государь списати в книгу... а с тою книгою для утверженья на Москве во все приказы и в города напечатать многие книги, и всякие дела делать по тому Уложению».⁵⁵ В заглавии «Описи поправкам», находящейся при свитке, есть такие слова: «...а в книгах же все статьи и в письменной написаны и в печатной напечатаны без приправки чисто».⁵⁶ Таким образом, предположение о составлении второго списка кодекса в виде книги вполне обосновано, тем более что набор книги при ее печатании могли осуществить только с рукописи в форме книги. Однако эта рукопись не сохранилась. Но ведь и свиток Уложения едва не погиб во время московского пожара 1812 г.⁵⁷

П. Ваденюк и Д. Мейчик дали подробное палеографическое описание подлинника Уложения. Длина свитка, по измерению сотрудников архива министерства иностранных дел, составила 433 аршина 9 вершков; ширина столбца — 3 $\frac{1}{2}$ вершка; в свитке 959 столбцов (сставов). На лицевой стороне — текст Уложения, на оборотной — 315 подписей участников Земского собора.⁵⁸ Текст написан пятью почерками. По склейкам лицевой стороны скрепа: «Думной д-ак Ив Га-вре-нев». На оборотной стороне по склейкам скрепа думных дьяков Федора Елизарьева и Михаила Волоше-нинова и дьяков Гаврилы Леонтьева и Федора Грибоедова. В ру-

⁵⁴ В настоящее время хранится в ЦГАДА.

⁵⁵ Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Указ. соч., с. 68—69.

⁵⁶ Ваденюк П., Мейчик Д. Указ. соч., с. 23.

⁵⁷ Ундольский В. М. Отзыв патриарха Никона об Уложении. — Русский архив, 1886, кн. 8, с. 618 и след.

⁵⁸ По подсчетам И. Е. Забелина, подписавшие Уложение разбиваются на следующие группы: Патриарх Иосиф, митрополитов — 2, архиепископов — 3, епископ — 1, архимандритов — 5, игумен — 1, бояр — 15, окольничих — 10, печатник — 1, думный дьяк — 1, Благовещенский протопоп — духовник государя, дворян московских — 5, дворян городских — 148, гостей — 3, выборных от московских сотен и слобод — 12, выборных из городов посадских людей — 89, выборных от московских стрелецких приказов — 15. Всего — 315 человек (Забелин И. Е. Сведения о подлинном Уложении царя Алексея Михайловича. — Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачевым, кн. 1. Изд. 2. СПб., 1876, с. 2—3). По данным В. Н. Латкина, участников Земского собора 1648 г., включая лиц, не подписавших Уложение, было 335 человек. Латкин дает список представителей дворян, детей боярских и посадских людей по 117 городам. (См.: Латкин В. Н. Материалы для истории земских соборов XVII столетия, с. 12—47).

копий отсутствует заглавие. В обозначении глав I—X использованы древнерусские цифры, с XI — нет порядкового обозначения глав, XII—XV — без названий, главы XVI—XIX, XXI названы в свитке указами. Сверх основных сведений о рукописи П. Ваденюк и Д. Мейчик определили особенности правописания и орфографии памятника и опубликовали несколько снимков из рукописи — фрагмент водяного знака, отдельные листы свитка и отдельные подписи под Уложением. Кроме того, ими воспроизведена «Опись поправкам», скрепленная дьяками Г. Леонтьевым и Ф. Грибоедовым.⁵⁹

По данным расходной книги Печатного двора, Уложение начали печатать 7 апреля 1649 г. и кончили 20 мая. Отпечатано было 1200 экземпляров.¹ Однако вопрос о количестве изданий Уложения в XVII в. нельзя считать решенным. П. Я. Черных вслед за Загоскиным склонен считать, что в 1649 г. было два издания. Второе издание по царскому указу началось в конце августа и закончилось в конце декабря. Вновь было издано 1200 экземпляров.⁶⁰ Из расходной книги Печатного двора известно, что в первом издании — надо полагать, во всем тираже — переделывали 72 листа. На поправки израсходовано 124 руб. 26 коп. Всего на первое издание Уложения, включая переделку, по подсчетам С. П. Луппова, потрачено 903 руб. 26 коп. Почти половину себестоимости составляла цена бумаги и около $\frac{1}{3}$ — стоимость рабочей силы. Себестоимость каждой книги, идущей в продажу, составила 76 коп. (по данным Печатного двора — 62 коп.).⁶¹ В связи с первым изданием Уложения стоит челобитная гостей на дьяков Г. Леонтьева и Ф. Грибоедова, что «будто они, Гаврило и Федор, хотя их, гостей, затеснить, написали в Уложенной книге после всех чинов людей последними людьми, а свой чин написали выше их, гостей, многими месты». Указ царя «гостей в Уложенной книге написать против старых столбачников выше дьяков, oprичь думных дьяков» был дан 17 августа 1649 г., т. е. после переделки 72 листов первого издания.⁶² Следовательно, текст Уложения подвергался дополнительным исправлениям.

Имеются данные о продаже Уложения первого издания. «Книга записная книжной продаже со 151-го году по 158 год» содержит указ царя Алексея Михайловича продавать Уложение «по рублю книга в тетратех...». В продажу было пущено 1183 книги.⁶³ Уложение расходилось быстро. «Книга приходная

⁵⁹ Ваденюк П., Мейчик Д. Указ. соч., с. 10—30; Мейчик Д. Дополнительные данные к истории Уложения. — В кн.: Сборник Археологического института, кн. 3. СПб., 1880, с. 85—139.

⁶⁰ Черных П. Я. Указ. соч., с. 21.

⁶¹ Луппов С. П. Книга в России в XVII в. Л., 1970, с. 56—58.

⁶² Черных П. Я. Указ. соч., с. 22—23.

⁶³ Из 1200 экз. 9 книг преподнесено царю, 3 книги — патриарху и 5 экз. — справщикам (Луппов С. П. Указ. соч., с. 56).

приказу Книжного печатного дела... со 158-го году по 162 год при госте Володимере Борзово» сообщает, что всего было продано «Книг Уложения всяких чинов людям тысяча сто семьдесят три книги, по рублю книга...».⁶⁴ Успех издания следует объяснить прежде всего назревшей потребностью в нем. Способствовали этому также общий характер книги и ее языковые данные: «Уложенная книга — произведение, написанное на языке, очень близком к разговорной (диалогической) речи городского населения Москвы, ориентированное на массового читателя и слуша-теля...».⁶⁵

Уложение было первым печатным памятником русского права. Общевой формой оповещения законов до Уложения было оглашение наиболее важных из них бирючами на торговых площадях и в храмах. Н. Я. Новомбергский писал по этому поводу, что даже «присутствовавшие при этом люди не имели возможности ни вникнуть в суть дела, ни сохранить объявленного указа в памяти. Таким образом, единственными законоведами и безапелляционными истолкователями законов были приказные дьяки, которые широко использовали свои знания в корыстных целях».⁶⁶ Издание Уложения явилось в данном случае важной вехой. Не следует думать, однако, что злоупотребления приказных и воевод в результате этого исчезли. Тем не менее широкие возможности таких злоупотреблений были все же подорваны. Н. Я. Новомбергский отметил, что после рассылки печатного Уложения по уездам с мест последовали жалобы о невысылке Уложения и просьбы выслать его. Такие жалобы из отдельных городов поступали вплоть до конца XVII в. В данном случае Н. Я. Новомбергский не исключал возможности жульнических махинаций воевод.⁶⁷

В какой мере появление печатного Уложения явилось крупным событием, показывает то обстоятельство, что в XVII и в начале XVIII в. было сделано несколько переводов кодекса на иностранные языки. В 1663 г. Уложение было переведено на латинский язык бароном Майербергом, в 1688 г. — на французский (в Лейдене), в первой четверти XVIII в. переведено на датский и немецкий языки. Немецкое издание 1722 г. вышло под названием «Allgemeines Russisches Landrecht».⁶⁸ В отличие от прошлых русских законодательных памятников Уложение 1649 г. имеет не только неизмеримо больший объем, но и более сложную и строгую систему построения. Оно состоит из 25 глав, разделен-

⁶⁴ Мейчик Д. Дополнительные данные к истории Уложения, с. 85—139.

⁶⁵ Черных П. Я. Указ. соч., с. 75.

⁶⁶ Новомбергский Н. Я. К вопросу о внешней истории Соборного Уложения 1649 г. — Исторические записки, 1947, № 21, с. 44—45.

⁶⁷ Там же, с. 45—48.

⁶⁸ Латкин В. Н. Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1888, с. 111. — Ценные сведения о рассылке Уложения из Москвы и продаже его в «рядах» см.: Новомбергский Н. Я. Указ. соч., с. 43—50.

ных на статьи, общее количество которых составляет 967. Главам предшествует краткое введение, содержащее официальное объяснение мотивов и истории составления кодекса. По словам одного из историков, введение представляет собою «памятник скорее публицистической ловкости, нежели исторической достоверности».⁶⁹ М. Н. Тихомиров подчеркнул нарочито сбивчивое изложение в предисловии вопроса о заседаниях соборов. Уложение имеет следующие главы:

Глава I. А в ней 9 статей о богохульниках и церковных мятежниках.

Глава II. О государьской чести, и как его государское здоровье оберегать, а в ней 22 статьи.

Глава III. О государеве дворе, чтоб на государеве дворе ни от кого никакова бесчинства и брани не было.

Глава IV. О подпизчикех, и которые печати подделывают.

Глава V. О денежных мастерах, которые учнут делати воровские деньги.

Глава VI. О проезжих грамотах в и(ы)ные государства.

Глава VII. О службе всяких ратных людей Московского государства.

Глава VIII. О искуплении пленных.

Глава IX. О мытах и о перевозех, и о мостах.

Глава X. О суде.

Глава XI. Суд о крестьянех, а в ней 34 статьи.

Глава XII. О суде патриарших приказных, и дворовых всяких людей, и крестьян, а в ней 3 статьи.

Глава XIII. О Монастырском приказе, а в ней 7 статей.

Глава XIV. О крестном целовании, а в ней 10 статей.

Глава XV. О вершеных делах, а в ней 5 статей.

Глава XVI. О поместных землях, а в ней 69 статей.

Глава XVII. О вотчинах, а в ней 55 статей.

Глава XVIII. О печатных пошлинах, а в ней 71 статья.

Глава XIX. О посадских людях, а в ней 40 статей.

Глава XX. Суд о холопах, а в ней 119 статей.

Глава XXI. О разбойных и о татиных делах, а в ней 104 статьи.

Глава XXII. А в ней 26 статей. Указ за какие вины кому чинити смертная казнь, и за какие вины смертию не казнити, а чинити наказание.

Глава XXIII. О стрельцах, а в ней 3 статьи.

Глава XXIV. Указ о атаманех и о казаках, а в ней 3 статьи.

Глава XXV. Указ о корчмах, а в ней 21 статья.

⁶⁹ Смирнов П. П. О начале Уложения и Земского собора 1648—1649. — ЖМНП, 1913, № 9, с. 41.

Попытка непосредственной систематики глав Уложения дала основание для такой группировки их по видам права.

Нормы государственного права — особенно главы I—IX; судостроительства и судопроизводства — больше всего главы X—XV; вещного права — главы XVI, XVII, XIX, XX; уголовного права — главы XXI и XXII, а также статьи в первых главах.⁷⁰

Изложение права в Уложении, прежде всего в его X главе «О суде», дано не по отраслям права, а по тому или иному объекту правонарушений, который рассмотрен одновременно со всех сторон. Поэтому часто в одной статье или в группе соседних статей даются вкупе нормы материального и процессуального права. А общее построение главы дано по обычной для того времени последовательности — от возбуждения дела до исполнения судебного решения.⁷¹ Такая особенность структуры X и ряда других глав создает определенные сложности при анализе права Уложения по его отраслям.

⁷⁰ История государства и права СССР, ч. 1. М., 1972, с. 220.

⁷¹ ПРП, VI, с. 415.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ И ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КЛАССОВ

1. ФЕОДАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И КЛАСО ФЕОДАЛОВ

ПОМЕСТНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ, ПОМЕЩИКИ

В Уложении 1649 г. поместным землям как одной из господствующих форм феодальной собственности отведена специальная (XVI) глава, включающая 69 статей. Однако удельный вес правовых норм, имеющих отношение к поместному землевладению, далеко не исчерпывается одной этой главой (см. табл. 2).

Таким образом, в 16 главах 175 статей Уложения, составляющих почти $\frac{1}{6}$ общего количества статей свода, непосредственно касаются поместных земель и, следовательно, прав на вотчины и

Т а б л и ц а 2

Количество статей по главам Уложения, имеющих отношение к поместьям

№ главы	Наименование главы	Количество статей в главе	Количество статей, имеющих отношение к поместьям
II	О государственной чести и как его государское здорovie оберегать	22	5
VI	О проезжих грамотах в и(ы)ные государства	6	2
VII	О службе всяких ратных людей Московского государства	32	5
VIII	О искуплении пленных	7	1
IX	О мытах и о перевозех, и о мостах	20	7
X	О суде	287	19
XI	Суд о крестьянех	34	22
XIII	О Монастырском приказе	7	1
XV	О вершеных делах	5	2
XVI	О поместных землях	69	69
XVII	О вотчинах	55	16
XVIII	О печатных пошлинах	71	14
XIX	О посадских людех	40	4
XX	Суд о холопех	119	3
XXI	О разбойных и татинных делех	104	4
XXV	Указ о корчмах	21	1

поместья и связанные с ними привилегии. Право-привилегия в части поместной собственности получило свое выражение в системе окладов при верстании¹ поместьями. Общие оклады, характеризующие внутрисословную градацию класса феодалов, в XVI в. и в первой половине XVII в. достигали больших размеров.²

✓Предметом особого внимания правительства было наделение служилых чинов Москвы и дворян других городов, служивших в Москве по выбору, поместьями, находящимися в непосредственной близости от столицы. Для испомещения предоставлялись значительные земельные пространства Подмоскovie. По сметному списку 1630/31 г. в Москве числилось 2642 человека (14 бояр, 275 стольников, 455 патриарших стольников, 105 стряпчих, 883 дворянина московских).³

Регламентация подмосковных окладов связана с указом 1587 г., который и послужил источником первой статьи главы о поместных землях.⁴ Согласно этим данным, размер поместий (в четвертях) в Московском уезде в зависимости от чина служилого человека выглядел так:

Бояре	200
Окольничие, думные дьяки ⁵	150
Стольники, стряпчие, дворяне, стрелецкие головы	100
Степенные, путные ключники	100
Городовые дворяне, которые служат по выбору	70
Жильцы, стремянные, конохи, сотники московских стрельцов	50
Дворовые люди, стряпчие, сытники, царицын чин, дети боярские	10 четвертей

Сравнение размеров подмосковных поместий с размерами общих окладов позволяет заключить, что если, как это принято считать, в Уложении речь идет об особом рода подмосковных окладах, то во всяком случае они ближе к реальным размерам владений и скорее могут считаться дачами. В пользу

¹ См. Словник использованных в книге терминов Уложения (с. 259—265).

² Боярам — 1000 четвертей, стольникам — 750—900, стряпчим — 600—1500, московским дворянам — 700—900, дворянам выборным из городов — 300—700, стрелецким головам и сотникам — 100—250 четвертей (Рожественский С. В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897, с. 249—252, 259; Памятники русского права (далее — ПРП), вып. V. М., 1959, с. 486).

³ Временник Общества истории и древностей российских (в дальнейшем — ОИДР), 1849, кн. IV, Смесь, с. 18 и сл.; ПРП, V, с. 486.

⁴ Сторожев В. Н. Указная книга Поместного приказа. — В кн.: Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции, кн. 6. М., 1889, отд. III; ПРП, V, с. 485—486. — Неточным является утверждение И. Д. Мартысевича, что «Уложение... установило порядок службы» с поместных окладов (ПРП, VI. М., 1957, с. 221), поскольку это было сделано до Уложения.

⁵ В Уложении не упомянуты думные дворяне. Новоуказные статьи 1676 г. приравнивают их к окольничим, т. е. определяют их подмосковный оклад в 150 четвертей (ПРП, VII. М., 1963, с. 147).

такого предположения говорит приписка в конце статьи, сообщающая о размере подмосковных поместий младшей категории служилых людей (стягиче, сытники, дети боярские, «парицына чина»): «... с поместных их окладов со ста четвертей по десяти четвертей».⁶

Первая статья главы о поместьях касается московских служилых чинов — наиболее привилегированной прослойки господствующего класса, находившейся при дворе, на плечи которой пожились повседневные и наиболее ответственные поручения правительства. Уложение регламентировало наделение поместьями не только столичных чинов, но и определенные разряды провинциальных служилых людей. В обстановке непрерывающейся угрозы вторжения крымских татар предметом заботы правительства было испомещение детей боярских в украинских и северских городах. Законодательная регламентация этого предмета приняла определенную форму в указе от 12 апреля 1648 г., незадолго до Уложения, и полностью вошла в 40-ю статью XVI главы. В ней речь идет о выдаче поместий из порозжих земель украинских городов детям боярским по их челобитью. Такое наделение поместьями допускалось из порозжих земель в зависимости от размеров оклада. Оклад 400 четвертей допускал размер поместной дачи в 70 четвертей; 300 — в 60; 250 — в 50; 150 — в 40; 100 — в 30; 70 — в 25 четвертей. И в целом для поместного землевладения характерно значительное расхождение между окладом и дачей (реальным владением). По данным А. В. Чернова, дворяне владели от 5 до 40% оклада.⁷ Испомещению подлежали также стрелецкие головы и сотники (XVIII, 49). Однако акту раздачи порозжих и диких земель в поместья должен был предшествовать сыск с целью подтверждения их действительной пустоты. Затем должна следовать отписка этих земель на государя (XVIII, 5). Подобный сыск требовался и в отношении порозжих бортных ухажьев, прежде чем пустить их в поместную раздачу. Так правительство, используя сигналы (челобитья) с мест со стороны лиц, заинтересованных в испомещении, осуществляло мобилизацию и учет земель, пригодных для расширения поместного фонда.

⁶ Дворяне еще до указа 1613 г., повторенного в Уложении (XVI, 24), взамен запустевших отцовских поместий в разоренных городах могли получить новые поместья. Опираясь на законодательство первой половины XVII в., Уложение закрепляло

⁶ Уложение, XVI, 1. — В. Н. Сторожев, заметил по этому поводу, что думные чины, московские дворяне и выборные из городов имели строго определенный подмосковный поместный оклад, тогда как дети боярские и другие мелкие чины, упомянутые в последней группе 1-й статьи XVI главы, получали подмосковные поместья в размере 10% от их поместного городского оклада (Сторожев В. Н. Указ. соч., с. 150).

⁷ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954, с. 157.

прежние раздачи в вотчину и поместье.⁸ Эти законы не были, однако, обращены только в прошлое. Запустение могло иметь место и в будущем, и тогда закон вступал в силу. Таким образом, возникнув из конкретно-исторической ситуации прошлого и фиксируя конкретный казус, закон обретал общее значение, становился нормой. В целом законодательство первой половины XVII в., включая Уложение, стояло на позиции сохранения земельных раздач, связанных с событиями начала XVII в. Особый предмет внимания законодателя составили поместные земли феодалов — выходцев из народов Поволжья: татар, мордвы, чувашей, башкир и т. д. И в данном случае розданные в прошлом этим лицам запустевшие старинные русские земли оставались за ними при условии продолжения службы. Однако впредь закон запрещал русские поместные земли раздавать представителям господствующих классов других национальностей, населявших Россию. В равной мере воспрещалось изъятие земель, отведенных этим народам (XVI, 41). Изъятию подлежали только оброчные земли (XVI, 42). Стремление правительства сохранить и укрепить сословие феодалов среди народностей Поволжья как свою опору особенно ярко выступает в законе, запрещающем всем разрядам русских служилых людей, начиная с бояр, отчуждать любыми способами (покупка, мена, аренда) поместные земли князей и мурз (XVI, 43). Тем самым Уложение закрепляло за территорией обитания ясачных народов статус собственности царя.⁹

Под особой опекой самодержавия были те из представителей феодальной верхушки национальных меньшинств, которые приняли православие: «А которые князи, и мурзы, и татаровя, и мордва, и чуваша, и черемиса, и вотяки крестилися в православную христианскую веру, и у тех новокрещенов поместных земель не отымати и татаром не отдавати» (XVI, 44).

Так царизм укреплял и расширял феодальную собственность на землю, распространял феодальную идеологию и прежде всего ее ведущую форму — православие. С другой стороны, из числа феодалов национальных меньшинств складывалась отдельная сословно-замкнутая группа феодалов.

Широкое привлечение иностранцев на царскую службу, прежде всего военную, влекло за собой образование другой замкнутой прослойки — помещиков-иноземцев. Первоначально закон 27 ноября 1613 г.,¹⁰ а затем и Уложение (XVI, 14) предписывали освободившиеся земли иноземцев передавать только беспомест-

⁸ Например, закреплялись поместья и вотчины за теми дворянами, которые хотя и были в Тушине и в иных городах у самозванца, но после этого поддерживали воевод царя против интервентов (XVII, 25). Если вотчины и поместья дворян, бывших в Тушине, розданы другим лицам при Василии Шуйском, то такая раздача оставалась в силе.

⁹ Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибир (XVII—начало XIX века). Якутск, 1978, с. 13.

¹⁰ Сторожев В. Н. Указ. соч., с. 175; ПРП, V, с. 446.

ным и малопоместным иноземцам, т. е. закрепляли за этими землями сословную принадлежность.

Закрепляя правовые основы поместной системы и узаконяя дальнейшие пути ее развития, Уложение вместе с тем стремилось сохранить в определенных рамках ее сословно-классовый характер.

Ограничения раздачи поместий имели как бы два среза — горизонтальный и вертикальный. Стремление законодателя не испомещать и тем самым не приближать к служилым людям по отчеству низшие разряды служилых людей получило выражение в запрете наделять поместьями решеточных приказчиков Земского приказа.¹¹ Те из них, кто имел поместья, обязаны перейти на более ответственную «государеву службу». Отсюда следует, что другой, не менее важной стороной закона было пресечение попыток служилых чинов уклониться от более ответственных видов государственной службы (XVI, 67).

Запрещалось давать поместья патриаршим детям боярским, для испомещения которых предназначались домовые земли патриаршего двора (XVI, 66). Наконец, вводились определенные территориальные ограничения. Наиболее показательна в данном отношении норма, восходящая, по Верховскому, к указу 135 г. (1626/27 г.)¹² о лишении прав новгородских и псковских дворян, «написанных по московскому списку», на их прежние имения по Новгороду и Пскову, которые должны идти в раздачу новгородцам и псковичам (XVI, 68). Цель закона очевидна — сохранить в неприкосновенности поместно-вотчинный фонд приграничных уездов ввиду их военного значения.

Подвижный и растущий поместно-вотчинный фонд требовал постоянных источников пополнения. После событий начала XVII в. основным источником раздачи земель в вотчины и поместья были черные и дворцовые земли.¹³ В итоге черные земли в центральных и прилегающих к ним уездах исчезли, а дворцовые в такой степени сократились, что правительство указом от 26 февраля 1627 г. запретило отчуждение дворцовых земель. Этот запрет, однако, не выполнялся; раздача дворцовых земель продолжалась в 30—40-е гг., хотя и в меньших размерах.¹⁴ Уложение 1649 г. вновь признало возможным раздачу дворцовых и

¹¹ По указу Ивана IV решеточные приказчики имели право на небольшие поместья (5 *вытей* или 5 *обжей*). Уложение отменило это право (Сторожев В. Н. Указ соч., с. 180).

¹² Верховский К. Источники Уложения царя Алексея Михайловича. — Юридический вестник, 1889, т. III, ноябрь, с. 385.

¹³ По данным Ю. В. Готье, только в 1612—1613 гг. в замосковских уездах роздано думным и московским чином не менее 45 500 десятин дворцовых земель (Готье Ю. В. Замосковский край. М., 1937, с. 207—210). — В. Седашев по 16 центральным уездам дает такие размеры раздачи: из дворцовых земель — 40 000 четвертей (или 60 000 десятин в трех полях), из черносошных — 10 1/4 четверти (Седашев В. Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII в. М., 1912, с. 6).

¹⁴ Готье Ю. В. Указ. соч., с. 211—213; ПРП, V, с. 452—453, 503—504.

черных волостей в поместья и вотчины (XVII, 24). Такая позиция в области правового решения вопроса о дворцовых и черных землях как источнике пополнения поместно-вотчинного фонда отражала насущные потребности в его укреплении и развитии. Но Уложение допускало и ряд других источников пополнения поместий и вотчин, которые либо вовсе не могли быть использованы в условиях по крайней мере первой четверти XVII в., либо имели крайне ограниченные возможности. Продвижение границ государства на юг, укрепление там власти, опору которой как раз и составляло землевладение служилых людей, еще с XVI в. позволило просторы «дикого поля» рассматривать как источник испомещения детей боярских украинских городов (XVIII, 5; XVI, 40). В обстановке заметного преодоления хозяйственной разрухи первых десятилетий XVII в. закон санкционировал использование разоренных, запустевших земель, в особенности в таких районах, как Северские города (XVI, 35) и южная окраина государства. Разновидностью этих категорий земель являются порожние земли, пустоши — как в Московском, так и в других уездах, — подлежащие учету и раздаче в поместья и вотчины. Законодательство стремилось стимулировать усилия помещиков по разысканию бесхозных земель, вод, рыбных ловель и т. п., общая передать заявителю эти угодья в четвертную пашню (XVI, 36). Исключение составляли пустоши, отданные из приказа Большого двorca и Четвертей в оброк думным и другим московским чинам. Их запрещалось выводить из оброка и продавать в вотчины (XVI, 39).¹⁵ Уложение запрещало и раздачу оброчных земель (в том числе и оброчных бортных ухажьев) в поместья (XVI, 35). Такие земли были источником денежных средств для казны.

Но этот запрет не носил абсолютного характера. Разрешалось, например, оброчные пустоши по челобитным беспоместных и малопоместных дворян отдавать к их прежним поместьям в счет оклада. При переходе в поместный оклад такие земли исключались из оброка (XVI, 39). Завесу над подобной метаморфозой приоткрывает указ от 22 июля 1644 г., послуживший источником 39-й статьи XVI главы. В ней в качестве мотивировки решения о передаче оброчных пустошей беспоместным дворянам указано: «...теми оброчными землями ево государевы служилые люди беспоместные были испомещены, а малопоместные поместьями пополнились».¹⁶ Цель ясна. В Уложении нет, таким образом, совмещения двух разноречивых указов (XVI, 35 и 39), о чем говорил В. Н. Сторожев.¹⁷

¹⁵ Для уяснения смысла этой нормы интересно указание В. Седашева на то, что до писцового наказа 1622 г. существовали поместья, данные из оброчных земель, владельцы которых платили оброк. По наказу 1622 г. все поместья были включены в посешное тягло с освобождением от оброчных платежей. Это и закреплено в Уложении (XVI, 39) (Седашев В. Указ. соч., с. 71).

¹⁶ Сторожев В. Н. Указ. соч., с. 131.

¹⁷ Там же, с. 211—212.

Перед нами выступает четкая линия поддержки поместного землевладения в целом, в жертву которому при определенных обстоятельствах приносятся интересы государственного фиска. Это же подтверждает и закон об изъятии у феодалов Поволжья земель, находящихся у них на оброке, с целью передачи дворянам в поместья.¹⁸ Наконец, закон предусматривает сохранение в составе поместно-вотчинных земель выморочных владений путем передачи их по челобитным в другие руки при отсутствии наследников умершего владельца (XVI, 37). Попытки выдать поместные земли за вотчинные карались конфискацией поместных земель: «Не называяй поместной земли вотчинною землею» (XVI, 51).

Таким образом, опираясь на законодательство второго-пятого десятилетий XVII в., Уложение 1649 г. суммировало нормы, касающиеся узаконения источников поместно-вотчинного землевладения. При этом под влиянием изменений в хозяйственной и внутриполитической обстановке делается очевидный крен от дворцовых и черносопных земель — почти единственного источника пополнения поместно-вотчинного фонда в начале XVII в. — в сторону запустевших, бесхозных, выморочных и не в последнюю очередь вновь осваиваемых земель раздвигающихся окраин России.

Основанием получения поместного владения была служба государю во всех основных ее направлениях, присущих тому времени, — военная, посольская, административная и т. п. Этой идеей проникнуто все Уложение, и прежде всего главы о поместьях и вотчинах. Однако к середине XVII в. дворянство как класс-сословие в значительной мере уже сформировалось, вхождение в его состав недворянских элементов все более затруднялось, а потому наделение поместьями по службе стало ограничиваться сословно-классовыми перегородками. Поместное владение все более становилось монопольным правом дворянства. Отсюда в Уложении заметен принцип — не по службе поместье, а по поместью служба. Лишая решеточных приказчиков Земского приказа права владеть поместьями, Уложение предписывает (в виде общей нормы) «по поместью государева служба служить с городом» (XVI, 67).

Собственно этот же принцип лежит в основании наследования поместий и оставления их за дворянами, освобожденными по старости или увечью от военной службы. В таком случае дворяне и дети боярские, отставленные от полковой службы и переведенные на осадную службу или по увечью в отставку, при отсутствии наследников имели право до конца жизни владеть своим поместьем. Но чтобы поместье полностью не выходило из службы, предписывалось с таких владений брать даточных людей или взамен их деньги (XVI, 61; VII, 17). Таким образом, и права

¹⁸ Впервые изложен в указе от 2 июля 1615 г. и повторен в Уложении (XVI, 42).

дворян не ущемлялись, и поместье не выходило из службы. В какой мере право-привилегия на поместья закреплялось за помещиками, видно из закона, по которому дворяне, находившиеся в плену 10—25 и более лет, поместья которых (отцовские и личные) были розданы за это время другим лицам, получали право на их возврат «по рассмотрению» (XVI, 29), т. е. по обследовании всех обстоятельств дела.

Служебно-сословная основа поместья четко вырисовывается и в той части законодательства, которая карает за нарушение норм службы. Наиболее массовый вид нарушения служебного долга дворянами — побег ратных людей с государственной службы — карался дифференцированно: за первый побег — битье кнутом; за второй — кнут и убавка как поместного оклада на 50 четвертей, так и денежного оклада со ста четвертей по 1 рублю; третий побег влек наказание кнутом и полную конфискацию поместий (VII, 8). Побег с поля сражения карался суровее: виноватый лишался половины поместного и денежного окладов; предписывалась конфискация половины его реальных поместных владений (дач). Сверх этого виновный наказывался кнутом (VII, 19). Уложение карало кнутом и ссылкой в полки «с приставы» тех дворян, которые, продав свои вотчины с целью избежать государственной службы, пытались укрыться где-либо. У тех, кто купил или взял под заклад эти вотчины, они конфисковались и возвращались прежним владельцам.¹⁹ В отношении беглых помещиков Уложение дополняло экономические санкции Указной книги Поместного приказа наказанием кнутом.²⁰ Измена государю или злой умысел против него кроме казни виновного влекли конфискацию его поместий и имущества. То же распространялось и на родственников, если они жили с виновным и знали об измене (II, 5, 9). Возвращение перебежчика из-за рубежа могло по воле государя привести к прощению вины, но и в таком случае возврата поместий не производилось. Их нужно было заслужить вновь (II, 11). Кроме того, поместья полностью или частично становились объектом конфискации (или иных видов взысканий) при совершении их владельцами уголовных преступлений. При осуществлении угрозы убийства, если была оформлена «опасная грамота» на 5—7 тыс. рублей, помимо казни убийцы или подосланного им лица, совершившего убийство, взыскивалась «указная заповедь» половина которой шла государству, половина — семье или родичам потерпевшего (X, 133). Поместье подлежало изъятию и передаче другим, если его владелец укрывал в нем разбойников из числа своих людей и крестьян, даже наказав («побив») их самолично, но не передав в губу (XXI, 79).

¹⁹ Указная книга Поместного приказа такой нормы не знает (Сторожев В. Н. Указ. соч., с. 204). Верховский возводит ее к указу 1635—1636 г. (Верховский Р. Указ. соч., с. 385).

²⁰ Сторожев В. Н. Указ. соч., с. 203.

Наконец, Уложение, идя навстречу требованиям посадских людей,²¹ предписывало конфискацию всех поместий и вотчин, примыкавших к посаду (XIX, 8).

Конфискация поместий во всех указанных случаях распространялась только на земли и строения, не затрагивая хозяйственных результатов текущего года. Если поместье отбиралось и шло в раздачу, то со ржи, посеянной на крестьянской пахоте, новый помещик получал только семена, а урожай (приполон) надлежало отдать старому помещику (XVI, 38).

Из сказанного относительно конфискации поместий видно, что Уложение, стоя на страже прав помещиков, неприкосновенности поместий, санкционировало их конфискацию лишь в крайних случаях. Отсюда, естественно, основным предметом, которому Уложение уделяет наибольшее внимание, является определение объема прав на поместья. Как и всякому объекту собственности или владения, поместьям было присуще право отчуждения. Однако — по крайней мере в законодательно оформленном виде — оно появилось далеко не сразу после зарождения поместной системы.

Один из первых указов, регулировавших мену поместьями, по предположению В. Н. Сторожева, относится к XVI в. Указ допускал мену поместьями с разрешения Поместного приказа и при условии, что они равны (по размеру и хозяйственным показателям) и что мена не повлечет какого-либо ущерба для государства.²² Дальнейшее законодательное развитие этой темы связано с Указной книгой Поместного приказа, в основном с уложением о вотчинах и поместьях от 15 декабря 1636 г. Уложение 1649 г. в значительной мере опирается на этот источник, беря из него, однако, не все и отменяя отдельные его нормы. Уложение подтвердило взаимный обмен поместьями без каких-либо ограничительных условий, разрешенный впервые незадолго до этого по указу от 13 августа 1647 г. (XVI, 2). Мена поместьями допускалась между всеми разрядами служилых людей, независимо от родовитости, чина и служебного положения.²³ Снимался прежний запрет мены поместьями с иностранцами. В хозяйственном отношении состояние объектов мены могло быть различным — не только жилое поместье на жилое и пустое на пустое, как ранее, но и жилое на пустое. При наличии крестьян в поместье одной из сторон они еще до обмена могли быть переведены в другое поместье (XVI, 7). В отношении размера «меновных поместий» Уложение отступало от прежних требований их ра-

²¹ См. далее (с. 137—153).

²² Указ не сохранился. Сторожев устанавливает его содержание на основании актов (см.: Сторожев В. Н. Указ, соч., с. 205).

²³ По уложению о вотчинах и поместьях 1636 г. мена поместьями между московскими и городовыми чинами запрещалась (Сторожев В. Н. Указ, соч., с. 205). Отмена этой нормы означала расширение права распоряжения поместьями.

венства — разрешалась мена с небольшим превышением четвертей («немногие четверти»). Во всех таких случаях закон предлагал расписывать «меновные поместья» по «полюбовному челобитию и по заручным челобитьям» сторон (XVI, 3). Естественно, что разрешение мены поместьями различных размеров и качеств не могло не влечь за собой денежной компенсации. Тем самым мена стала смыкаться с продажей.

Разрешалась, наконец, ранее запрещенная мена поместных и вотчинных земель на монастырские вотчинные земли (XVI, 4). Такая мена преследовала цель устранения чересполосицы помещичьих и монастырских земель.²⁴

Самым важным нововведением Уложения 1649 г. в области обмена земельной собственностью было разрешение мены поместий на вотчины и вотчин на поместья. При сохранении основных правовых отличий того и другого вида земельной собственности такой акт был крупным шагом на пути их сближения.²⁵

Заметно раздвигая правовые возможности мены поместьями, Уложение вместе с тем подвергало этот процесс определенной регламентации, включающей и некоторые виды его ограничения. Так, вслед за указом от 1 марта 1636 г. запрещалось помещикам Белоозера менять свои поместья и вотчины (XVI, 49).²⁶ Запрещен обмен поместными землями с помещиками народов Поволжья (XVI, 43). Наконец, в отдельной статье оговорен случай, когда опекуны могли менять свои земли с выгодой для себя на поместья несовершеннолетних опекаемых, доставшиеся им по наследству. По челобитию последних, если они достигли пятнадцатилетнего возраста, производился сыск (очная ставка и т. п.). При подтверждении факта такой мены закон предписывал возвращать поместья владельцам (XVI, 54). Законными признавались только мены, зарегистрированные в Поместном приказе. Регистрация в руках правительства была средством контроля за передвижением земельного фонда, его распределением между различным вида землевладельцами и формами землевладения. Весьма важное значение имела и фискальная сторона дела, поскольку каждый акт поземельной сделки облагался пошлиной.²⁷

Процедура мены поместьями и регистрация ее в Поместном приказе состояла в следующем. Стороны составляли меновные

²⁴ Там же, с. 124, 205; ПРП, V, с. 477, 520.

²⁵ Г. Котошихин, подтверждая практику обмена поместий на вотчины, в таких словах определяет смысл операции: «И кто выменяет поместье на вотчину, ему то поместье в вотчину, а после того ему волю и продать и заложить; а тому, кто выменяет вотчину на поместье, продать и заложить тое вотчины неволю, потому что за то его поместье, которое променяет, та вотчина будет поместная земля» (Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4-е. СПб., 1906, с. 95).

²⁶ А. И. Копанев к белоозерцам относит служилых людей из Смоленщины и других окранных мест, отошедших к Польше, испомещенных в 1613—1615 гг. на Белоозеро (ПРП, V, с. 514).

²⁷ См. далее (с. 160—161).

записи и затем обращались в Поместный приказ с «полюбовными челобитьями» о регистрации («расписке») «меновных поместий». Такая же процедура соблюдалась и при мене с «перехожими четвертями», с монастырскими владениями и, наконец, при мене поместий на вотчины. Законом оговорено лишь одно обстоятельство. Если стороны после мены поместьями владели ими только по меновным записям, не обращаясь в приказ, то по смерти одной из сторон по ходатайству другой стороны регистрация не могла состояться (XVI, 6). Наконец, регистрация челобитных заочно, без присутствия и допроса сторон либо лиц, подписавших вместо них челобитные (отцы духовные, родственники и т. п.), не допускалась, дабы впредь «о меновных поместьях ни у кого спору не было» (XVI, 54). Разрешение свободного обмена содержалось уже в законе. Обращались в приказ лишь для регистрации обмена, которая была обязательной. Единственное исключение из декларированной Уложением свободы обмена поместьями состояло в запрете русским феодалам всех рангов менять и покупать поместья у феодалов народов Поволжья и Западной Сибири. Русское самодержавие стремилось укрепить и оградить от расхищения феодальное землевладение восточных окраин России, как опору господства местных феодалов и царизма.

Важным звеном в цепи законодательно закрепленных признаков сближения поместья с вотчиной является разрешение продажи поместья в вотчину. Такая продажа существовала еще во второй половине XVI в. В 20-х гг. XVII в. в ответ на челобитья приказных дьяков был дан ряд указов о продаже им подмосковных поместий в вотчину, но лишь по царскому указу в каждом случае.²⁸ Это установление без изменений закреплено в Уложении, но уже в виде общей нормы, хотя именной указ при этом сохранялся, что придавало данному акту характер царского пожалования (XVII, 9). Такая продажа была актом пожалования не только формально, но и по существу, поскольку исключалась возможность получения поместья путем пожалования (XVII, 48). Продажа поместий в вотчины²⁹ по существу была переводом одного вида землевладения в другой. Продажа была лишь формой, преследовавшей фискальные цели казны.

Предметом забот правительства были и пустующие земли, которые оно стремилось продать в вотчины, если их никто не брал в поместья. Если же одновременно с челобитьем о продаже земли в вотчину поступало челобитье об отдаче земли в поместье, то землю надлежало отдать в поместье (XVII, 46, 47). Господствующий класс и феодальное государство начинают широко ис-

²⁸ Сторожев В. Н. Указ. соч., с. 91—92, 97, 191—192; ПРП, V, с. 510—511.

²⁹ По данным Ю. В. Готье, продажа поместий в вотчины «составляла весьма редкое явление в первое время царствования Михаила» (Готье Ю. В. Указ, соч., с. 257).

пользовать в своих интересах формы отчуждения материальных ценностей, свойственные периоду высокоразвитого товарно-денежного обращения.

В факте наследования поместий правовое сближение поместья с вотчиной нашло наиболее яркое выражение. В силу этого право наследования являлось важнейшей частью феодального права. Именно через него реализуется принцип сословно-классового закрепления феодальной собственности на землю.

Первое законодательное выражение принципа наследования отцовского поместья сыном, годным к службе, получило в указе 1555 г.: «... отцовских поместий не отписывать у сыновей, если они пригодны в службу».³⁰ В законодательстве второй половины XVI—первой половины XVII в. были выработаны следующие положения: 1) поместья наследуются сыновьями; часть их передается на прожиток вдовам и дочерям; 2) при отсутствии сыновей или смерти братьев часть поместья в форме прожитка наследуют дочери; остальное передается ближайшим беспоместным и малопоместным родичам, а при отсутствии таковых — в распоряжение государства для раздачи служилым людям того города, к которому принадлежал умерший; 3) при отсутствии прямых наследников поместье передается в род, а за неимением родичей — государству.³¹ Эти правовые основы наследования поместий Уложение восприняло целиком (XVI, 13, 37, 62).

Добавления и новшества касались отдельных сторон вопроса. В Уложении о вотчинах и поместьях 1636 г., например, предписывалось отказывать старшим сыновьям, которые «верстаны в отвод», т. е. получили поместье по воле дачи при наличии поместья у отца, в их просьбе делиться поместьями с младшими братьями, которых отец «припустил» к поместью «по сдаче» при своей жизни. Участие в дележе отцовского поместья допускалось только для старших беспоместных сыновей.³² Уложение 1649 г. внесло в этот закон уточнение: старшие сыновья получали право на участие в дележе отцовского поместья, если их дача (поместье) была меньше той доли, которую получили младшие братья. В таком случае «отца их поместье, смешав с новою их дачею, разделить всем братьям поровну и пзверстав живущее и пустое повытпо» (XVI, 34). Так закреплялась связь старшего сына, ранее определенного «в отвод», с отцовским поместьем.³³ Закон брал под защиту право наследования поместий осиротев-

³⁰ Акты археографической экспедиции (в дальнейшем — ААЭ), т. 1. СПб., 1836, № 225; Дополнение к актам историческим (в дальнейшем — ДАИ), т. 1. СПб., 1846, № 523.

³¹ Сторожев В. Н. Указ. соч., с. 23, 193—197; ПРП, V, с. 497, 498. — В. Н. Сторожев, видимо, противоречит себе, когда, рассматривая законодательную практику наследования поместий, утверждает, что «поместная система не знала юридического наследования» (Сторожев В. Н. Указ. соч., с. 193).

³² Сторожев В. Н. Указ. соч., с. 119, 241; ПРП, V, с. 474, 518.

³³ Седашев В. Указ. соч., с. 83.

ших малолеток, опекуны которых могли использовать свое положение в ущерб опекаемым (XVI, 54). При наследовании родичами выморочных поместий «со вдовами и девками вместе» вдовам и девкам выделялось усадище и к нему папшня на прожиток, а остальное переходило в распоряжение родственников или в другой род (XVI, 55).

В развитии правового статуса поместья особое значение имел прожиток, т. е. часть поместья, выделяемая после смерти его владельца на содержание вдовы, дочерей, престарелых родителей, несовершеннолетних детей.³⁴ Насколько большое внимание уделяли законодатели вопросу о прожиточных поместьях, видно из того, что из 69 статей главы Уложения о поместьях прожитку посвящено 13 статей, в то время как в главе о вотчинах статей о прожитке всего две.³⁵ Это объясняется тем, что поместья давались для службы, женщины не могли наследовать их. Однако, беря под защиту закона помещика и его обеспечение земель, правительство должно было после событий начала XVII в. и последующих лет (война 30-х гг.) взять на себя законодательное обеспечение вдов, дочерей и детей-сирот земельными наделами из поместного фонда как источника их существования.³⁶ Следы пережитой эпохи видны в Уложении. Повторяя закон 1636 г., одна из статей говорит об обеспечении прожитком матерей, жен, дочерей, недорослей дворян, погибших под Смоленском (XVI, 22); другая говорит об отцовских поместьях «в розоренных городах» (XVI, 24) и т. п. Вырастая из чисто утилитарной потребности, вызванной жизненными обстоятельствами, прожиток как институт права становится существенным звеном в закреплении сословно-классовых прав дворян на поместье. Прожиток выступает как одна из форм наследования поместья и тем самым становится его разновидностью, играя вместе с тем очень важную роль в процессе средостения поместья с вотчиной.

Из сказанного очевидно, что источником прожитка служили выморочные поместья (XVI, 13, 32), включая те, владельцы которых погибли на войне, не оставив прямых наследников (XVI, 22, 30, 31). Источником прожитка могли быть и конфискованные земли (II, 7). Право на получение прожитка имели прежде всего вдовы, оставшиеся как с малолетними детьми, так и бездетные. Прожиток получали жены от третьего брака включительно (XVI, 20, 21). Вдовы и дети от четвертого брака лишались права на получение прожитка, поскольку четвертый брак

³⁴ Разновидностью прожитка было поместье, которое в полном размере оставалось за престарелыми и увечными дворянами, отставленными от службы (XVI, 8). Ниже речь идет о прожитке, выделяемом неслуживым и несовершеннолетним членам семьи дворянина после его смерти.

³⁵ Всего в Уложении прожитку посвящено 17 статей (кроме двух вышеуказанных статей во II и VII главах).

³⁶ Фактическое обеспечение прожитком вдов и детей из поместий умерших мужей известно по Новгородским писцовым книгам середины XVI в. Но прожиток как института права тогда еще не существовало.

по церковным законам того времени не допускался (XVI, 15). На общих основаниях имели право на прожиток вдовы убитых в боях иноземцев (XVI, 30). Прожиток дочерям, живущим при братьях после смерти отцов, мог быть выделен только из поместий отцов, а вотчины шли сыновьям (XVII, 2). Из поместий, унаследованных неверстанными детьми, в случае если они и умрут неверстанными, прожиток выделялся их женам и дочерям в том случае, если отцы этих неверстанных убиты или умерли на государственной службе. Прожиток получали малолетние дети обоего пола, обычно совместно с матерью (XVI, 23, 58), и дочери до замужества (XVI, 56).

Относительно состава прожитка имеются довольно точные сведения. Это «усадище и к нему пашня» (XVI, 55). Есть данные и о размере прожитка. Размер зависел от величины оклада и от обстоятельств смерти главы семьи. Если глава семьи был убит в сражении, то со 100 четвертей оклада полагалось 20 четвертей женам, 10 — дочерям (XVI, 30); если он умер в полку на государственной службе, то женам — 15, дочерям — 7 четвертей (XVI, 31); если же глава семьи умер дома, вне службы, женам полагалось 10, дочерям — 5 четвертей (XVI, 32).

Смысл такой градации ясен. В наибольшей степени вознаграждалась потеря кормильца в бою. В случае смерти неверстанных наследников поместий их жены при отсутствии сведений об окладе отцов умерших получали на прожиток «против окладу повичпой большой и средней статьи», если отцы умерли на службе, и «против окладу средней и меньшей статьи», если умерли дома (XVI, 33). Размер прожитка определялся и по усмотрению царя — в отношении «изменщичьих» поместий и вотчин, при условии, что жены и дочери изменщика, живя с ним, не знали об его замыслах.

Во всех случаях вдовам и дочерям на прожиток шла часть поместий, потерявшего владельца и не имеющего прямых наследников. Остальное шло родителям («в род»), но лишь беспоместным и малопоместным. Если в роду таких не было, то поместье подлежало передаче в чужой род, «кого государь пожалует». В этом легко усмотреть двойственную природу поместья. Оно становилось родовой собственностью, но лишь условно — в рамках поместного оклада.

Уложение допускало передачу женам, оставшимся с детьми, всех поместий умерших мужей, боря при этом под защиту права матерей, если дети отказывались содержать и почитать их. По челобитию матерей закон предписывал выделение им прожитка. Предусматривались два случая. Если наследовалось поместье «полная дача», то «из мужских поместей давать на прожиток с окладу мужей, по указу, от детей их особно». При наследовании поместья «малой дачи», когда не было возможно выделить прожиток в соответствии с размером оклада, предписывалось такие поместья делить с детьми по жребии, «изверстав живущее и пустое по-

вытно, по четвертям» (XVI, 58). Жеребьевке подвергалось при дележе и наследство, состоящее из поместья «малой дачи» в сочетании с небольшими выслуженными и родовыми вотчинами. При этом вдовам на прожиток выделялось из поместий, а вотчины шли детям (XVI, 57). Закон защищал в подобной ситуации и права наследования малолетних детей, если последние «будут избиты». По достижении совершеннолетия (15 лет) они получали право бить челом об обиде, и по расследовании дела (очная ставка и проч.) назначался передел поместья (XVI, 23).³⁷ Право апелляции сохранялось за ними до двадцатилетнего возраста. Определенным сроком ограничивалось и право подачи жалоб вдовами и дочерьми в случае ущемления их интересов при выделе прожитка. Таким сроком с момента раздела был год, по истечении которого жалобы не принимались. В течение годового срока после передела была возможна подача челобитной о новом переделе. И так до трех раз. Каждый передел, связанный с выделением прожитка, оформлялся передельной грамотой (XVI, 55).

Вдовы и девки (дочери, сестры, племянницы) обладали определенными правами распоряжения своим прожитком. Одно из них в первой половине XVII в. состояло в праве сдавать прожиточное поместье родственникам при условии, что они будут содержать владельцев прожитка, а девок выдадут замуж. Указ 1620—1622 гг., впервые законодательно фиксировавший эту норму, говорит о ней как о существующей на практике и вводит установление о возвращении вдовам и девкам их прожитков, если родственники не выполняли взятых на себя обязательств.³⁸

Уложение, восприняв этот закон, разрешило сдавать прожитки не только родственникам, но и любым людям на тех же условиях, но потребовало о сдаче поместья «писать записи за руками». Таким образом, акт сдачи прожитка получал официальное оформление. При нарушении условий содержания вдов и девок по их челобитию поместье могло быть возвращено им, а запись теряла силу (XVI, 10). Девки могли сдавать прожиточное поместье по достижении пятнадцатилетнего возраста. Сдача—прием прожитков подлежали оформлению не только со стороны лиц, сдающих их и обязанных оформить сдаточную запись, но и со стороны лиц, принимающих прожитки. Оформление состояло в подаче в Поместный приказ челобитья на имя государя, где поместье записывалось за новым владельцем. Отсутствие такой регистрации влекло конфискацию прожиточного поместья с передачей ее лицу, подавшему челобитную о таком нарушении закона (XVI, 12).³⁹ Право распоряжения прожитков состояло и в том,

³⁷ Прецедентом статьи служит указ по докладу дьяков 6 февраля 1645 г. (Сторожев В. Н. Указ. соч., с. 132).

³⁸ Там же, с. 47, 207; ПРП, V, с. 450, 501.

³⁹ В. Н. Сторожев и А. И. Копанев считают, что данная статья включила в себя указ от 9 сентября 1642 г., который запрещал вдовам отдавать свои поместья «без имидного указу» (Сторожев В. Н. Указ. соч.,

что, выходя замуж, вдова и девка могли передать его мужу. Прожиток в данном случае становился приданым. Такой порядок на практике установился, по всей вероятности, не позднее второго десятилетия XVII в., получив первое законодательное выражение в 1620 г.⁴⁰ Уложение 1649 г. закрепило ряд законоположений по этому вопросу, суммировав те из них, которые касались прав невесты и жениха на прожиток. Закон ставил условием, что, беря невесту (вдову, девку) с прожитком, жених должен «справить» — т. е. оформить за собою — прожиток «до женитвы своей». Если же челобитье об оформлении прав на прожиток подавалось после женитьбы, то в просьбе следовало отказать, а поместье «отдать в род беспоместным и малопоместным по рассмотрению».⁴¹

При отсутствии в роду первого мужа вдовы или отца девицы беспоместных или малопоместных родичей прожиточное поместье, как обычно, передавалось в чужой род — челобитчикам, которые возбудили вопрос (XVI, 20).⁴² Помещикам, взявшим жен с прожиточным поместьем, ставилось в вину, если они, оформляя за собою прожиток жены, утаивали поместья, унаследованные ими от своих отцов. Однако такая вина мужа не влекла ущерба для жены. В случае смерти второго (третьего) мужа вдова, как обычно, получала свой прожиток обратно (XVI, 24). Вдова теряла право на прожиток только в случае, если получала его при наличии малолетних детей и с ними вновь выходила замуж. По достижении пятнадцатилетнего возраста дети могли бить челом о получении поместий своего отца (XVI, 22). По указу 1619/20 г., вошедшему в Уложение, при женитьбе на вдове, имеющей дочь со своим прожитком, жених получал право только на прожиток жены; при женитьбе на дочери — только на ее прожиток (XVI, 17).⁴³

Развивая тему о правах жепщи на прожиток, одна из новых статей Уложения рассматривала два возможных случая придачи

с. 208; ПРП, V, с. 524—522). — Нам представляется, что здесь возможно иное толкование. Ст. 12 гл. XVI Уложения предписывала регистрацию прожитков в приказе и никакого отношения к указу от 9 сентября 1642 г. не имела. Ссылку же в ней на государев указ надо понимать в том смысле, что владение прожитком без регистрации было нарушением государственного указа. Эта статья связана с 10-й, обе они требовали регистрации сделки от ее контрагентов.

⁴⁰ Сторожев В. Н. Указ, соч., с. 206; ПРП, V, с. 449.

⁴¹ Имеются в виду родичи первого мужа вдовы или отца девицы.

⁴² Прецедентом этой статьи является указ от 7 июля 1648 г., припущенный по делу о прожиточном поместье Окулины Власевой в Козельском уезде, вышедшей замуж за жепца Ортемпя Воейкова. Предписывая передать прожиток мужу Окулины Воейкову — как бы в виде исключения, — указ устанавливал на дальнейшее: «... а впредь хто будет не справя за собою прожиточного поместья жепца, и такие поместья прожиточные указал государь, а бояре приговорили отдавать челобитчикам» (Сторожев В. Н. Указ, соч., с. 136).

⁴³ ПРП, V, с. 449.

прожитка к имению жениха, у которого были дети от первого брака: прожиток «немалой дачи» присоединялся к малым и пустым поместьям; «малые прожиточные поместья» и «пустые дачи» присоединялись к большим поместьям. В обоих случаях после смерти мужей жены получали прожиток в зависимости от размера оклада мужа: в первом случае он мог стать меньше прежнего прожитка, во втором, наоборот, больше. Остальное передавалось детям мужа. Новый прожиток состоял обязательно из земель старого прожитка с добавлением, в случае надобности, только из поместных земель мужа (XVI, 56, 57).

Быше отмечалось, что законодательство первой половины XVII в. знало и другой вид прожитка — полное поместье, которое оставлялось за его владельцами пожизненно в случае отставки от службы по старости или увечью и при отсутствии прямых наследников. В связи с этим еще указами 1620 и 1622 гг. отменялся прежний обычай отдавать эти поместья «в пожить».⁴⁴ За престарелыми владельцами сохранялось право сдавать поместья родственникам (племянницам, братьям) при условии: содержать стариков до смерти. Такая сделка должна была быть оформлена «сдаточной записью» и зарегистрирована в приказе. При нарушении условий сделки поместье возвращалось прежнему владельцу (XVI, 9). Из сказанного видно, что Уложение всесторонне разработало статус прожиточного поместья, охраняя его от покушений со стороны.

Нами рассмотрен обширный комплекс правовых норм, связанных с наследованием поместий. Наследование поместий оформлялось ввозными и отказными грамотами, при регистрации которых стороны уплачивали пошлины (XVIII, 14, 19). Закрепляя за дворянами широкие права распоряжения поместьями, Уложение вместе с тем стремилось пресечь злоупотребления, направленные главным образом на утайку владений. Утайка прежних поместий могла быть связана с обстановкой пережитого времени. Так, дворяне, имевшие отцовские поместья в разоренных городах, прося новые поместья, обязаны были «объявлять» старые, разоренные. Новое давалось, если старое пусто и служить было «не с чего». При обнаружении утайки или прописки прежних имений у виновного отбирали из повой дачи землю в размере утаенного. Утайка в вину не ставилась, если утаивший сам заявлял о ней до того, как на него «доведут» другие. Но если челобитье стороннего лица об утайке или прописке имений опережало

⁴⁴ Сторожев В. Н. Указ. соч., с. 47, 179; ПРП, V, с. 500. — А. И. Копанев дает такое определение термину «в пожить»: «...назначение тому или иному служилому человеку в придачу к его поместью придаточного поместья вдовы, девицы или оставленного от службы служилого человека. Однако лишь со смертью владельца прожиточного имения (или выхода замуж вдовы или девицы) лицо, получившее поместье „в пожить“, становилось фактическим обладателем его» (ПРП. V, с. 506).

челобитье владельца утаенных имений, то они отбирались и передавались челобитчику. В случае же ложного челобитья об утайке и прописке поместья виновный уплачивал оклеветанному «проести и волокиты» «по две гривны на день» (XVI, 24, 25, 26, 27, 28, 35). Для решения дела по челобитью об утаенных и пустых землях устанавливался трехмесячный срок, в течение которого подавший челобитную должен получить «выписку». Невявка за нею в срок лишала права на получение просимых земель. Уважительной признавалась неявка по причине отвлечения на государеву службу, но и в таком случае должна быть подана «отсрочная челобитная» (XVI, 64, 65). Наличие в Уложении детальной регламентации исполнения и учета поместного фонда, включая запустевшие имения, показывает, в какой мере законодательный свод отразил насущные вопросы своего времени.

Высокий удельный вес поместной системы не только в политической и военной сферах, но и в сфере народнохозяйственной поставил правительство перед необходимостью законодательно регулировать поземельный строй поместного владения. Последнее выступает перед нами как хозяйственный комплекс, в котором наряду с собственной пахотной землей (усадище) и угодьями (леса, луга) имелись угодья (леса), находившиеся в общем владении помещиков данной округи (XVI, 60). При пожалованиях дворцовых и черных земель в поместья и вотчины предписывалось наделять передаваемые деревни хоромным и дровяным лесом и иными угодьями «против пашни», т. е. пропорционально ее размерам и в соответствии с размером дачи (XVII, 24). Уложение в этой части содержит стройное развитие тех положений, которые имелись уже в наказе писцам 1622 г. Помещикам и вотчинникам предоставлялось право расчищать пашню и покосы, бортные ухажья и леса, пахотные в их межах и граях, зафиксированных в писцовых книгах. На новорасчищенных землях разрешалось ставить села и деревни. Об этих расчистках, о включении их в дачи и в четвертную пашню должно быть подано челобитье. Более того, закон разрешал просить участки леса для расчистки под пашню за пределами поместья «в разных урочищах», опять-таки с включением их в четвертную пашню, облагаемую палогом, но при условии, что эти леса не входят в состав общих владений окрестных помещиков. В случае жалоб со стороны последних «то земли из дач поворотити, а быти тем землям за всеми помещиками и вотчинниками вопче» (XVI, 60). В вопросе размежевания земель власти были обязаны строго придерживаться показаний писцовых книг. По челобитьям о порожних землях предписывалось проведение сыска, который должен подтвердить, что просимые земли никому не отмежеваны в поместья или вотчины (XVI, 63). В. Седашев прав, утверждая, что Уложение не мыслит повораспаханные земли вне дачи даже в собственных лесах и угодьях помещиков. На первое место выдвигается «учет экономических сил вла-

дельца» с целью наложения тягла и определения службы.⁴⁵ И все же в свете сказанного, на наш взгляд, было бы односторонне видеть в данном случае только фискальные цели. Законодательство проявляло заинтересованность в развитии поместного землевладения и его интенсификации как фактора хозяйственной жизни страны. Правда, обе задачи, фискальная и хозяйственная, были тесно взаимосвязаны. Это хорошо видно из нормы, согласно которой помещик, нашедший ничейные озера или рыбные ловли, мог по челобитью получить их в придачу к своей четвертной пашне (XVI, 36).

Поддержка поместного землевладения видна и в системе одаб्रивания, которое в отношении вотчин было запрещено.⁴⁶ Приемы одаб्रивания поместных земель, пожалованных из дворцовых и черных волостей, за счет примерных земель даны в указе от 19 марта 1620 г., который полностью вошел в Уложение (XVI, 46, 47, 48). Одабривание производилось путем прибавки земли из низшего (худая) и среднего качества к пожалованному участку аналогичного качества из расчета, установленного законом: к средней земле добавляется средняя земля из расчета на 100 четвертей — 20 четвертей; к худой земле добавляется худая земля на 100 четвертей — 50 четвертей. В таком отношении закон уравнивал среднюю и худую землю с хорошей (доброй) землей (XVI, 48). Одабривание тем самым ставило целью создание равных возможностей, обеспечивающих несение службы с земли разного качества. При отсутствии примерных земель одабривание не производилось, поскольку убавлять землю из дач воспрещалось (XVI, 46). Запрещалось одабривание выслуженных вотчин, как и всех других, но в случаях, когда вотчины раздавались в поместья, одабривание допускалось на общих основаниях (XVI, 47, 48). Система одабривания показывает, что расчет делался исключительно на природные ресурсы, без учета вложения труда и степени культивации земли, которая по тем временам была весьма низкой.⁴⁷

Необходимым звеном в правовой защите поместья как хозяйственного комплекса явились установления, касающиеся охраны поместных и вотчинных угодий от вторжения ратных людей при их походах. Последним предписывалось «на дороге и на станех никаким людем никакова насильства и убытка не чинити, своих и конских кормов ни у кого безденежно не имати» (VII, 2), хлеб и в «запертых лугах сенных покосов не травити». Беспрепятственно разрешалось «становиться» только на «не-

⁴⁵ Седашев В. Указ. соч., с. 94, 117.

⁴⁶ Сторожев В. Н. Указ. соч., с. 99. — Комментатор XVI главы Уложения допускает ошибку, говоря, что в Уложении было установлено одабривание поместной и вотчинной земли (ПРП, VI, с. 235).

⁴⁷ Фактический материал и мнения об одабривании см.: Лаппо-Данилевский А. Организация прямого обложения, СПб., 1890, с. 233—238; Седашев В. Указ. соч., с. 48—58.

запертых лугах», а при «запертых лугах» «становится... от дороги на одну сторону поперег в пять сажен безпенно же», при этом «травы не толочити и лошадыми не травити» (VII, 3, 4).

Подводя итог сказанному в плане характеристики правового статуса поместья, отметим, что поместная система, существовавшая уже в XVI в. как развитый институт, не имела, однако, сколько-либо полного законодательного оформления. Оно складывалось постепенно, прошло через стадию Указной книги Поместного приказа, фиксировавшей указы по мере их принятия, и наконец получило полное систематическое выражение в Уложении 1649 г. не только в специальной главе о поместьях, но и в ряде других глав. Это произошло, однако, в ту пору, когда протекал необратимый процесс слияния поместья с вотчиной, который наложил отпечаток двойственности на правовой статус поместья. С одной стороны, получил наиболее яркое выражение принцип: не по службе — поместье, а по поместью — служба. Это видно из четкой, дифференцированной и детально разработанной системы и шкалы поместных окладов и поместных дач. Уложение включало в себя законодательные нормы, направленные на поддержку не только средних и крупных поместий, но и мелких поместных владений, в особенности на южных и западных окраинах, как основы поместной армии, составлявшей еще в первой половине XVII в. костяк вооруженных сил страны. Более того, законодатель решал эту задачу глобально и бескомпромиссно, будучи озабочен изысканием и законодательным санкционированием способов развития и расширения поместного землевладения, включая поддержку поисков и освоения помещиками запущенных земель, расширения культурного клина внутри поместий и других форм помещичьего предпринимательства. С другой стороны, Уложение подытожило и восполнило законодательные нормы прошлого, направленные на сближение поместья с вотчиной. Это получило выражение в основательно разработанной системе наследования поместий, включая такую его форму, как прожиточные поместья, значительный объем прав распоряжения которыми разработан весьма детально. С установлением законодательно санкционированной и разветвленной системы наследования поместий, важнейшей разновидностью которой становилось наследование вдовами, дочерьми и сестрами, поместье из средства обеспечения государевой службы становилось средством обеспечения всего класса помещиков как служилого сословия.

То обстоятельство, что на владение поместьями при условии несения службы в равной мере имели право все разряды господствующего класса — от городских детей боярских до бояр, — создавало важную предпосылку для слияния поместий с вотчинами. Принципиально важным в этом направлении было разрешение в Уложении обмена поместных земель на вотчинные и

в особенности продажи поместья в вотчину. В данном случае не лишено значения и то обстоятельство, что основным юридическим основанием прав в равной мере на поместные и вотчинные земли становились писцовые и переписные книги. Принадлежность земель к той или иной категории определялась писцами, и их решение приобретало официальную силу (XVI, 51, 63). Закон требовал полного соответствия любых видов земельной документации показаниям писцовых книг (XVI, 52). Писцовые книги служили главным основанием решения спорных дел о земле (XVI, 63). Как объект сервитутного права и материальных взысканий при уголовных преступлениях и гражданских правонарушениях поместья и вотчины выступали на равных основаниях (XI, X, 133).

Однако в целом поместное землевладение, в сравнении с вотчинным, подвергалось более строгой законодательной регламентации, что свидетельствовало об определенном ограничении прав и частной инициативы владельцев поместий в вопросах владения и распоряжения землей и крестьянами.

Контроль за исполнением законодательства о поместьях правительство в значительной мере осуществляло с помощью самих помещиков, стимулируя челобитья (доносы) о нарушениях, вознаграждая за это доносителей передачей в их руки части или всего поместья, принадлежавшего нарушителю. Так карались утайка поместий, выдача поместных земель за вотчинные, совершение сделок без оформления и регистрации документов и т. п.⁴⁸

Широко развязывая «общественную» инициативу контроля за соблюдением закона, законодатель вместе с тем регламентировал ее действие. Так, например, доносы на отсутствие оформления наследования выморочными поместьями влекли лишь обязательство оформить соответствующие грамоты с взысканием при этом печатной пошлины в двойном размере (XVI, 53). Ложные челобитные карались штрафом за «проести и волокиты» в размере по 2 гривны за день в пользу потерпевшего лица (XVI, 26). Система помещичьего самоконтроля, сопряженная с переходом поместий из рук в руки, показывала, насколько поместье как форма поземельной собственности было неустойчиво и подвижно в те времена.

Суммируя сказанное, отметим, что Уложение подводило итог и намечало новые перспективы еще далеко не завершенного к тому времени процесса превращения поместных земель, верховным собственником которых было феодальное государство, в монопольную собственность класса феодалов.

⁴⁸ См., например, гл. XVI, ст. 24, 25, 28, 51, 59,

ВОТЧИННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ, ВОТЧИННИКИ

Другой разновидностью феодальной собственности на землю было вотчинное землевладение. В Уложении 1649 г. вотчинам, как и поместьям, отведена самостоятельная, XVII глава. Но и в данном случае правовые нормы, относящиеся к вотчинам, не исчерпываются только XVII главой и в той или иной мере представлены в ряде других глав Уложения (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Количество статей по главам Уложения, имеющих отношение к вотчинам

№ главы	Наименование главы	Количество статей в главе	Количество статей, имеющих отношение к вотчинам
II	О государственной чести, и как его государское здоровье оберегать	22	5
VI	О проезжих грамотах в и(ы)ные государства	6	2
VII	О службе всяких ратных людей Московского государства	32	4
IX	О мытах и о перевозех, и о мостах	20	7
X	О суде	287	23
XI	Суд о крестьянех	34	21
XII	О суде патриарших приказных и дворовых всяких людей и крестьян	3	1
XIII	О монастырском приказе	7	2
XV	О вершеных делах	5	2
XVI	О поместных землях	69	17
XVII	О вотчинах	55	55
XVIII	О печатных пошлинах	71	11
XIX	О посадских людех	40	5
XXI	О разбойных и татинных делех	104	3
XXII	Указ за какие вины кому чинити смертная казнь, и за какие вины смертию не казнити, а чинити наказание	26	1

Итак, в 15 главах 159 статей имеют отношение к вотчинам. Число статей, которые относятся к поместьям,¹ незначительно преобладает (175:159). При дальнейшей корректировке этих цифр можно отметить, во-первых, что около 100 статей, т. е. более половины каждого из указанных чисел, содержат нормы, общие для поместий и вотчин; во-вторых, в Уложении нетрудно насчитать еще несколько десятков статей, в которых объектом правовой защиты служат те или иные хозяйственные комплексы — нивы, лесные угодья, тони, борти и т. п., — в равной мере принадлежащие поместьям и вотчинам.² В итоге получаем, что число статей, общих для обоих видов землевладения, значительно

¹ См. ранее (с. 58).

² Только в X главе (о суде) таких статей насчитывается более 30.

превосходит число специфичных для каждого из них. В этом факте находят отражение два обстоятельства: то, что развивающееся поземельное феодальное право брало под защиту собственность на землю в целом, и то, что ко времени Уложения значительно продвинулся процесс слияния поместий и вотчин. Одним из важных исходных моментов этого процесса было установление в середине XVI в. обязанности военной службы с вотчин. Тем не менее вплоть до Уложения 1649 г. основным предметом правотворчества законодателя было поместье, а не вотчина. Например, из 14 статей Уложения о вотчинах и поместьях 1636 г. только 4 относятся к вотчинам.³ Сравнение этих данных с теми, что приведены выше относительно Уложения 1649 г., показывает, в какой мере выравнивалось и сливалось законодательство о поместьях и вотчинах. В сфере самого землевладения имел место процесс постепенного вытеснения поместья вотчиной. Исследователи К. А. Неволин, Ю. В. Готье, Е. Д. Сташевский, Н. Огановский, А. А. Преображенский и другие показали неуклонный рост в XVII в. вотчинного землевладения и соответственно сокращение землевладения поместного. Применительно к разным уездам за различные годы указанными авторами установлено примерно одно и то же соотношение площадей поместий и вотчин — в первой половине XVII в. 6:4, во второй 4:6.⁴ Таким образом, особенности развития поземельного законодательства отражали объективные процессы, происходившие в сфере землевладения.

В отличие от поместья, которое при всей своей эволюции в направлении слияния с вотчиной оставалось на каждом этапе своего развития единым и однородным, вотчина уже в XVI в. распадалась на отдельные разновидности, владельцы которых и их наследники обладали различным объемом прав.

Уложение 1649 г. знает три основных вида вотчин: родовые, выслуженные и купленные. Встречается и смешанный тип. К родовым вотчинам относились вотчины, передававшиеся из рода в род (отчина, дедина, прадедина). По происхождению они делились на исконные родовые, купленные у родичей и купленные у чужеземцев.⁵ Выслуженная вотчина была вознаграждением за

³ Сторожев В. Н. Указная книга Поместного приказа. — В кн.: Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции, кн. 6. М., 1889, с. 204; ПРП, V. М., 1959, с. 515. — Разумеется, этим не исчерпывается законодательство о поместьях и вотчинах в период до Уложения 1649 г. (см.: Сторожев В. Н. Указ. соч., с. 8—26, 181—187; ПРП, IV. М., 1956, V).

⁴ Готье Ю. Замосковский край в XVII в. М., 1937, с. 256—259; Сташевский Е. Д. Землевладение московского дворянства в первой половине XVII в. М., 1911, с. 17; Огановский И. Закономерность аграрной эволюции, ч. II. Саратов, 1914, с. 144; Преображенский А. А. Об эволюции феодальной земельной собственности в России XVII—начала XIX века. — Вопросы истории, 1977, № 5, с. 47—49.

⁵ Сторожев В. Н. Указ. соч., с. 186.

службу, введенным в практику со второй половины XVI в. Вознаграждением могло быть и поместье, но вотчина была более высоким служебным отличием землевладельца.⁶ Наконец, купленные вотчины также различались по происхождению: 1) вотчины, купленные у других землевладельцев, 2) купленные у казны из порозжих земель, 3) купленные из поместий, в том числе из собственных по государеву указу, 4) вотчины, полученные чужеродцами по духовному завещанию.⁷ В истории вотчинного землевладения первая половина XVII столетия отмечена массовой раздачей черносошных, дворцовых (главным образом в первые два десятилетия), а затем порозжих поместных земель в вотчины в качестве вознаграждения за осадные сидения (1610, 1618 гг.) и другие военные заслуги.⁸ В итоге в первой половине века наблюдается более быстрый рост вотчинного землевладения относительно поместного, а в составе вотчин пожалованные начинают заметно преобладать над старинными, родовыми.⁹ Сташевский установил, что у московских дворян к 1632 г. выслуженные вотчины составляли 43%, полученные путем покупки, заклада, приданого и по завещанию — 31%, а родовые — всего 14%.¹⁰

Реальный процесс роста фонда вотчинных земель в XVII в. засвидетельствован в литературе. Он получил свое закрепление и в законодательстве, включая Уложение. Уложение оставляло в силе пожалования вотчин «за осадное сиденье», осуществленные В. Шуйским и Михаилом Федоровичем, при паличии у владельцев этих вотчин жалованных грамот или фиксации акта пожалования в писцовых книгах (XVII, 16). Ликвидация пожалования допускалась только при установлении факта, что владелец «в осаде не сидел, а взял вотчину ложно» (XVII, 17).¹¹ Пожалование вотчин как проявление воли государя предусматривалось и на будущее. Одной из форм такого пожалования оставалось пожалование поместий в вотчину их же владельцам (XVIII, 6). Другим каналом роста вотчинных земель была продажа помещикам принадлежащих им поместных земель в вотчину. Она допускалась только по государеву указу в каждом отдельном случае и рассматривалась как разновидность пожалования (XVII, 9).

Еще более существенное значение в расширении фонда вотчинных земель имела продажа порозжих земель в вотчину. Порозжие земли пополнялись за счет запустевших (выморочных

⁶ Лаппо-Данилевский А. С. Выслуженные вотчины в Московском государстве XVI—XVII вв. Историческое обозрение. Под ред. Н. И. Карсеева. М., 1894, с. 109—110.

⁷ Сторожев В. Н. Указ. соч., с. 191—192.

⁸ Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч., с. 110.

⁹ Готье Ю. В. Указ. соч., с. 256—257.

¹⁰ Сташевский Е. Д. Указ. соч., с. 19. — Остальные 12% составляли смешанный тип вотчин.

¹¹ Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч., с. 117—118.

и т. п.) поместий, которые поступали в распоряжение государства и вновь шли в раздачу или продажу.¹² Продажа порозжих земель имела целью пополнить государственную казну и получила широкий размах с 20-х гг. XVII в. В 1628 г. были изданы два указа о продаже порозжих земель в вотчину. Первый (7 февраля) допускал такую продажу лишь в Московском уезде и вводил ограниченные права распоряжения купленной из казны вотчиной. Она не могла наследоваться родичами и быть переданной в монастырь. Указ от 16 февраля 1628 г. допускал практику продажи еще в трех уездах Замосковского края, а главное — в ответ на челобитные дворян узаконил наследование купленных из казны вотчин женою и родом. При отсутствии наследников вотчины подлежали возврату в казну, а в монастыри «на помин души» давались деньги.¹³

Оба указа вошли в Уложение 1649 г., образовав одну статью (XVII, 45). Двумя другими статьями Уложение распространяло право продажи порозжих земель в вотчину на всю территорию государства (XVII, 46, 47), оставляя в силе права наследования ими, установленные указом от 16 февраля 1628 г. Вместе с тем Уложение вводило и некоторые ограничения в процесс продажи порозжих земель в вотчины: за исключением центральных уездов, в которых согласно указам 1628 г. разрешалась продажа порозжих земель не только дворянам, но и гостям и не служилым людям, на остальной части территории (периферийные и приграничные уезды) право покупки порозжих земель принадлежало исключительно служилым дворянам и детям боярским. Из него исключались не верстаные и не находившиеся на государственной службе дворяне (XVII, 47). Тем самым законодательство, укрепляя феодальное землевладение в вотчинной форме, наиболее отвечавшей классовым интересам дворянства, не допускало ослабления связи любой формы землевладения с военной и иной службой феодалов.

В то же время законодатель стремился поощрять хозяйственную инициативу феодалов, направленную на интенсификацию хозяйства путем изменения его внутривотчинной структуры.

Из указа от 12 марта 1620 г. в Уложение перешла норма, закреплявшая права вотчинников на примерные земли, которые распаханы ими в своих старинных и родовых вотчинах из своих же угодий, лесов и лугов и на которых поставлены деревни и починки. Уложение подтверждало правомерность такой практики (XVII, 18).¹⁴ Примерные земли, освоенные в своих «межах и границах», получали законную силу и в купленных вотчинах, не

¹² По данным Ю. В. Готье, в северной и западной частях Московского уезда порозжие земли составляли до 28%, в пограничных же уездах — в Ржевском до 59%, а в Новоторжском до 70% (Готье Ю. В. Указ. соч., с. 254).

¹³ Сторожев В. Н. Указ. соч., с. 81—82; ПРП, V, с. 461—463, 507—508.

¹⁴ Там же, с. 56, 175.

исключая тех, которые куплены из порозжих поместных земель (XVII, 45). Из этого правила исключались выслуженные вотчины новой дачи, занимавшие по ряду юридических признаков промежуточное положение между вотчинами и поместьями.¹⁵ Расширение пашенного и сенокосного клина допускалось в своих же межах и гранях за счет бортовых ухажьев, фиксированных в писцовых книгах (XVII, 21; X, 243). Уложение не подразумевало, однако, новораспаханные земли вне обложения. Каждое новое описание земель учитывало пашенную землю в полном объеме.¹⁶

Формой поддержки и укрепления хозяйственного потенциала феодальных владений была правовая защита их основных хозяйственных объектов — посевов, лугов, скота, бортей, хмеля и т. п. Для вотчин и поместий нормы в таких случаях были общими.

Захват чужой земли с целью высева своего хлеба влек конфискацию посева в пользу владельца земли. Потрава этого хлеба в ходе следствия расценивалась уже как уголовное преступление, наказуемое взысканием двойной цены потравленного хлеба в пользу потерпевшего и в двойном размере государевой пошлины (X, 211). За потраву травы и посевов владелец скота возмещал стоимость ущерба. За ущерб, нанесенный скоту, причинившему потраву, предписывалось взыскание указной цены скота в пользу его владельца (X, 208, 209). По иску же возмещались ущербы, причиненные лесу, хмелю, бобровым гнездам, бортям, фруктовым садам и огородам (X, 220, 214, 215, 216, 218, 221, 223). В перечисленных случаях преобладала гражданско-правовая ответственность, но при отдельных обстоятельствах применялись и уголовные санкции вплоть до бития кнутом. В процессе укрепления феодальной собственности на землю важное значение приобретало межевание земель, т. е. установление границ между владениями. Уложение уделяло этому большое внимание, предписывая не только сам факт межевания (по челобитным феодалов), но и его процедуру: по межевым грамотам и выписям из писцовых книг межевание производилось межевщиками с участием «окольных людей» и закреплялось установкой пограничных знаков — ям, столбов и проч. В спорных случаях предписывался розыск (опрос местных жителей), а при отсутствии доказательств допускались хождение с иконой и жеребьевка (XVII, 50, 51, 52, 53).

Права на владение вотчинами, как и поместьями, закреплялись в писцовых, переписных и дозорных книгах, в выписях из них, в жалованных, отказных, купчих и других грамотах (XVI, 51, 52).

¹⁵ Лаппо-Данплевский А. С. Указ. соч., с. 129—130.

¹⁶ Седашев В. Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII в. М., 1912, с. 115—117.

Документальное закрепление прав на вотчины к середине XVII в. становится непреложной нормой. Уложение вслед за указами первой половины XVII в. включает требование о возобновлении жалованных грамот на вотчины взамен утраченных в бурные годы начала XVII в. (XVIII, 7). В спорных случаях в качестве основания привлекались свидетельские показания «окольных людей» (X, 235).

Важнейшей стороной правового статуса вотчинного землевладения было право наследования вотчин. Оно лежало в основе отличий вотчин от поместий. Процесс сближения обоих видов землевладения и начался главным образом с распространения на поместье права наследования.

В первой половине XVII в. определились различия в наследовании родовых и выслуженных вотчин, с одной стороны, и купленных — с другой. Эти различия получили отражение в указах от 3 декабря 1627 г. и 23 мая 1628 г.,¹⁷ которые приравнивали выслуженные вотчины к родовым и послужили источником первых статей XVII главы Уложения. Уложение видоизменило и дополнило указы 1627 и 1628 гг. рядом новых норм.

В целом принципы наследования родовых и выслуженных вотчин представляются в следующем виде. При наличии у вотчинника детей вотчины наследуют сыновья; дочери же получают на прожиток из поместий отца. В случае смерти бездетных братьев вотчины переходили к сестрам. Уложение, таким образом, сохраняло норму, существовавшую еще со времен Русской правды, — сестра при братьях не вотчинница. Но если у умершего вотчинника сыновей не было, его родовые и выслуженные вотчины наследовали дочери и сестры, включая замужних. К такой цепи наследования, сложившейся еще в практике и законодательстве прошлого времени, Уложение добавило еще одно звено — «у которых дочерей будут дети, и те вотчины детям их и внучатом» (XVII, 4).

Одна из норм в наследовании выслуженных вотчин, фиксированная еще в указах 1627 и 1628 гг., состояла в том, что бездетные вдовы лишались права наследования.¹⁸ Закон выделял им четвертую часть имущества мужей и возвращал приданое. Вотчины же оставались в роду мужа, переходя «к братьям родным и двоюродным и в род, кто кому ближе». При отсутствии братьев наследовали сестры, племянницы, внуки и правнучки умершего, если он завещал им вотчины по духовной (XVII, 1). Исключая вслед за указом 1627 и 1628 гг. бездетных вдов из числа наследников, Уложение тем не менее дополняло комплекс норм наследования существенной оговоркой. При отсутствии у умерших поместий и купленных вотчин оставшимся после них одиноким матерям, которые жили с ними и не имели своего прожитка, и без-

¹⁷ Сторожев В. Н. Указ. соч., с. 63, 65; ПРП, V, с. 453, 464.

¹⁸ Лапко-Даниловский А. С. Указ. соч., с. 120—122.

детным вдовам выделялось на прожиток из выслуженных вотчин. Закон лишал, однако, прав распоряжения таким прожитком. Его нельзя было продать, заложить, отдать в монастырь и передать в качестве приданого. При выходе замуж, пострижении или смерти владелицы прожитка вотчины возвращались в род мужа (XVII, 2, 3, 10, 12).¹⁹ Полностью исключались из круга наследников незаконнорожденные дети (X, 280). Итак, родичам вотчинника принадлежало исключительное право на наследование родовых и выслуженных вотчин — по прямой и боковой линиям. Преимущественное право наследования принадлежало в роду мужчинам. В совокупности этих норм заметно стремление закона сохранить и укрепить связь вотчины со службой. Однако законодательство первой половины XVII в., в том числе и Уложение, не исключало при определенных обстоятельствах прав наследования родовых и выслуженных вотчин лицами женского пола в границах рода.²⁰ Исключение вдов из круга наследников на практике встречало противодействие вотчинников, приводившее к нарушениям закона.²¹

Отказывая вдовам в наследовании родовых и выслуженных вотчин, указ от 13 декабря 1627 г., а вслед за ним и Уложение содержат оговорку: «... опричь купленных вотчин». Выше отмечено, что в первой половине XVII в. продажа порозжих земель и поместий в вотчину приняли широкий размах. Уложение 1649 г. в ряде статей конкретизировало и уточнило норму о наследовании купленных вотчин вдовами. Прежде всего выделяются два вида купленных вотчин: вотчины, купленные из своих поместий, и вотчины, купленные у своих сородичей из числа родовых и выслуженных. Закон запрещал передачу последних вдовам и предписывал возвращать их в род умершего «для того, что те вотчины их родственники и выслуженныя». Деньги, полученные по купчей родственниками, должны быть вложены в монастырь «по душе» умершего вотчинника.

Вотчины же, купленные из своих поместий,²² могли наследоваться вдовами, но лишь до выхода замуж, пострижения в монахини, наконец пожизненно и при этом без права продажи и за-

¹⁹ Эта норма имела прецедент. Выслуженные вотчины, отданные после смерти мужей их вдовам до указа от 3 декабря 1627 г., после указа были возвращены в род мужей. Но по указу от 5 февраля 1632 г. они вновь отданы вдовам «по их живот» без права распоряжения ими (Сторожев В. П. Указ. соч., с. 104—105). Справка об изменении политики правительства относительно выслуженных вотчин приводится и в Уложении (XVII, 10, 12).

²⁰ Едва ли прав поэтому А. С. Лаппо-Данилевский, увидевший в развитии законодательства о наследовании выслуженных вотчин «постепенное и возможно более определенное» ограничение прав наследования женщин (Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч., с. 122).

²¹ Полное собрание законов (в дальнейшем — ПСЗ), т. 1. СПб., 1830, № 34; Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч., с. 122.

²² Сюда, надо полагать, относятся и вотчины, купленные из порозжих земель.

лога. Замужество, пострижение, смерть влекли за собой возврат вотчины в род мужа (XVII, 8). Завещание купленной вотчины жене с оговоркой вышеуказанных условий могло быть оформлено в духовной. Если умерший располагал только купленными вотчинами, они делились между его наследниками — детьми от первого и до третьего брака и женой — путем жеребьевки, поровну. При этом Уложение подчеркивало неприкосновенность той части купленных вотчин, которая досталась вдове (XVII, 5, 6, 7).

Таким образом, Уложение допускало наследование вдовами определенной части купленных вотчин, такое наследование играло роль прожитка в чистом виде. И в данном случае законодатель, с одной стороны, преследовал цель удержать все виды купленных вотчин в собственности рода вотчинника и тем самым предупредить выход вотчин из службы, а с другой — рассматривал их как средство обеспечения класса феодалов в целом. Право вдовы на получение прожитка из вотчин, купленных из поместий, как и из самого поместья, сохраняло за этими видами землевладения определенную общность правовых черт.

Из принципа родового наследования вотчин непосредственно вытекало право их выкупа. Основные черты права родового выкупа перешли в Уложение из Судебника 1550 г. (ст. 85) и последующего законодательства вплоть до указа от 12 августа 1646 г.²³ Уложение различает право выкупа проданных вотчин и право выкупа заклада. Для того и другого устанавливался единый срок — сорок лет, по истечении которого иски о выкупе теряли силу (XVII, 30). Вслед за указом 1646 г. выкуп как проданных, так и заложенных родовых и выслуженных вотчин был запрещен по нисходящей линии — для детей и внуков вотчинника. Теряли право на выкуп тех же вотчин и представители боковой линии родственников — братья и племянники, но лишь в том случае, если они закрепляли купчую своими подписями. При отсутствии их подписей на актах сделки закон разрешал родичам вотчинника — братьям и племянникам — выкуп вотчин по купчим и закладным (XVII, 27). Родичи имели преимущественное право выкупа вотчин, предназначенных в судебном порядке к продаже для погашения исков, возбужденных в отношении владельца (X, 263). Из сказанного следует, что документально оформленное согласие самого владельца и его родственников на продажу и заклад родовых и выслуженных вотчин снимало вопрос о их выкупе. Право выкупа знало и другие ограничения. Его лишались изменники, т. е. лица, изменившие государству и бежавшие за рубеж (XVII, 38).

Отличия правового статуса купленных вотчин имели место и в данном случае. При их перепродаже и залоге право выкупа на

²³ Сторожев В. Н. Указ. соч., с. 133, 185 (обзор законодательства о выкупе вотчин до Уложения см. также на с. 164—166); ПРП, V, с. 523—524.

них не распространялось. Его лишались как сам владелец, так и его сородичи (XVII, 31).²⁴

Вотчинник как субъект феодальной собственности наиболее полными правами распоряжения обладал в отношении вотчин. Ему принадлежало право на все виды отчуждения объекта. На вотчины распространялось и залоговое право. Заклад родовых, выслуженных и купленных вотчин допускался на срок и оформлялся закладной кабалой. Владелец вотчин имел право выкупа их досрочно или в срок. При неуплате долга в срок заложенная вотчина переходила в собственность займодавца и подлежала записи по закладной в книги Поместного приказа. Закон вставал на защиту прав вотчинника в том случае, если займодавец отказывался принять деньги и вернуть вотчину. Спор по челобитию заинтересованного лица решался в Судном приказе, куда заемщик должен представить деньги до истечения срока залога. Приказ отбирал у займодавца закладную и передавал ее заемщику, а деньги возвращал займодавцу (XVII, 32, 33).

При всех видах выкупа вотчин — как проданных, так и заложенных — закон предусматривал оплату «прибылого вотчинного строения», т. е. всех хозяйственных нововведений и новых крестьянских дворов. Такая оплата производилась «по суду и по сыску» и была строго регламентирована.²⁵ Если право мены поместьями регламентировалось и в какой-то мере ограничивалось Уложением,²⁶ то в отношении мены вотчинами ограничений не существовало. В данном случае показательно «молчание» XVII главы о менах вотчинами. Зато о разрешении мены вотчин на поместья речь идет в главе о поместных землях. Такая мена допускалась при условии, что статус владений соответственно менялся — вотчина переходила в поместье, а поместье в вотчину, что и фиксировалось в приказе (XVI, 5). Подобная мена не влекла одностороннего перераспределения видов феодальной собственности. Но Уложение приоткрывало лазейку для такого перераспределения, разрешив вслед за указом 1631 г. помещикам и вотчинникам менять свои поместья и вотчины на монастырские вотчины с условием регистрации такой мены (XVI, 4).

Право феодальной собственности на землю наибольшее выражение получило в актах продажи вотчин. Однако как в законо-

²⁴ В. Н. Сторожев отметил, что в практике встречались случаи выкупа проданных «купель» (Сторожев В. Н. Указ. соч., с. 185). Следует, однако, оговорить, что при всей принципиальной важности права родового выкупа вотчин в практике выкуп был явлением редким.

²⁵ Оплата устанавливалась в следующем виде: за крестьянский двор с людьми — 50 руб.; за пашню, расчищенную из-под леса, — по 3 руб. за десятину; за церковное строение, боярские и людские дворы платить «по оценке сторонних людей» (XVII, 27, 28). Если же в новых дворах окажутся дети крестьян, значащиеся в купчей вместе с родителями, то такие дворы за «прибылые» не считались. Оплата «прибылого» допускалась и на условиях, оговоренных в купчих (XVII, 28).

²⁶ См. выше (с. 66—68).

дательстве до Уложения, так и в самом Уложении ряд законоположений ставил целью не столько гарантировать само право продажи, сколько обставить его рядом условий и тем самым ввести процесс отчуждения вотчин в определенное русло. Более того, Уложению принадлежит ряд установлений, которые не встречаются ранее. Продажа вотчины была свободным делом, но если она связана со стремлением уклониться от службы (например, побег вотчинника после продажи вотчины), то считалась незаконной. Беглец подлежал сыску, наказанию кнутом, а вотчина отбиралась у купившего ее лица безвозмездно (XVI, 69). Правительство брало под контроль процесс продажи вотчин, устанавливая обязательность регистрации купчих в Поместном приказе. В связи с этим закон предусматривал такой казус: если вотчина продана и не зарегистрирована, а затем вторично продана другому лицу и сделка записана в приказе, то оставалась за вторым покупателем. Продавца же в этом случае за вторичную продажу той же вотчины били кнутом перед приказом. Отсутствие регистрации при вторичной продаже уже проданной вотчины влекло передачу объекта продажи первому покупателю с обязательной регистрацией в книгах приказа (XVII, 34). Закон решительно преследовал подделки подписей на купчих и закладных. Карались и попытки отрицания неграмотными людьми своих просьб к грамотным подписать за них акты сделки на вотчины (XVII, 35, 36). Регистрация всех видов сделок на вотчины преследовала и фискальные цели. В XVIII главе Уложения детально разработана шкала взысканий печатных и других пошлин при регистрации актов сделок в приказах.

Вотчины отчуждались и с населяющими их крестьянами. В Уложении это обстоятельство зафиксировано лишь косвенно — в статье, обязывающей продавца вотчины передавать в проданную им вотчину вместо беглых крестьян (если такие вдруг окажутся и по закону будут возвращены своему хозяину — некоему третьему лицу) в качестве компенсации других крестьян или соответствующую сумму денег.

При наследовании вотчины двумя-тремя и более сыновьями права на наследство принадлежали всем в равной мере. Закон допускал совладение. Права на отчуждение вотчины также принадлежали в равной мере всем ее наследникам. Таким путем закон защищал права на вотчины несовершеннолетних совладельцев. Если старший из совладельцев закладывал или продавал вотчину «для своей корысти», то младшие по достижении совершеннолетия могли оспаривать право на возвращение своей части в указные 40 лет. Они получали и право выкупа доли своего старшего брата. В равной мере Уложение обеспечивало право дефективных (глухих, немых) детей, если их интересы ущемлялись братьями и сестрами при общем владении вотчиной. Спор решался в таком случае разделом вотчины по жеребьевке (XVII, 15).

Право заклада или продажи своей части при совладении потенциально принадлежало каждому его участнику. Однако с целью предотвратить дробление вотчин закон представлял совладельцам право выкупа доли у того из них, кто пожелал бы продать или заложить свою долю.

Ограничения права владения вотчинами касались прежде всего круга лиц-вотчинников как субъектов права. Этот круг определялся происхождением и непреложной связью владельцев вотчин со службой (XVII, 37; XVI, 69). Отсюда вытекало установление, согласно которому «изстари природные дети боярские», включая и находящихся на службе у церковных иерархов, имели право покупать порожние поместные земли в вотчину, а «не служилых отцов дети, и не природные дети боярские» при совершении той же купли обязаны записаться в «государеву службу с городами». При отказе с их стороны нести службу купленные ими вотчины отбирались «на государя» и шли в раздачу служилым людям (XVII, 37). Права покупки вотчины лишались боярские люди и монастырские слуги (XVII, 41). Лишались этого права и монастыри, как духовные корпорации. Законодательное запрещение покупки вотчин монастырями и заклада вотчин в монастыри «по душе» имело давнюю историю, начиная с соборного приговора 1581 г. Однако на практике имели место нарушения закона, допускавшиеся даже самим правительством. Это вызывало необходимость повторных законодательных запретов.²⁷ Уложение отталкивается от установлений жалованных вотчинных грамот периода после 1628 г., разрешавших продавать, закладывать и отдавать в монастыри «по душе» выслуженные вотчины с правом последующего их выкупа родичами. При отсутствии родичей или при отказе выкупа жалованные грамоты предписывали возврат вотчин в казну с выплатой за них монастырям по полтине за четверть. Указывая эти установления как действующие, Уложение запрещало впредь высшим духовным чинам и монастырям покупать и брать в заклад родовые, выслуженные и купленные вотчины. Передача в монастыри по духовным допускалась только в отношении денежного эквивалента, но не самих вотчин (XVII, 42). В новом виде дан запрет передавать вотчины в монастыри или владеть ими самим при пострижении в монахи. При пострижении допускалась передача родовых и выслуженных вотчин родичам-вотчинникам, которым вменялось в обязанность давать в монастырь средства на содержание постригшихся родственников. В данном случае мы сталкиваемся с одним из первых установлений, касающихся опеки. При нарушении ее условий постригшиеся в монахи могли с разрешения царя продать свои родовые и выслуженные вотчины родичам или на сторону. В отношении купленных вотчин постригшиеся в монахи обладали

²⁷ Обзор законодательства по этому вопросу до Уложения 1649 г. см.: Сторожев В. Н. Указ, соч., с. 158—161.

большими правами распоряжения. Они могли продать их или уступить безденежно кому угодно (XVII, 43). Изложенное является новым законом, на что указывает 44-я статья, которая распространяет его действие и на лиц, постригшихся в монахи до «сего государева указу».

Ограничения распоряжения вотчинами, так же как и поместьями, включали и запрет продажи и иных способов отчуждения в пользу феодальной верхушки нерусских народов. Лишались права владеть вотчинами и незаконнорожденные дети (X, 280).

Наконец, на вотчины и поместные владения распространялось сервитутное право. Одной из форм его было прохождение через вотчины и поместья государевых дорог и торговых путей с их собственным статусом сбора проезжих, торговых и иных пошлин.²⁸ Отсюда ограничения права вотчинников на пользование мытами и перевозами в пределах их вотчин; обязанности чинить гати, мосты, перевозки. В этой связи допускались только те перепланировки земельных угодий и хозяйственные сооружения, которые не наносили ущерба дорогам. На судоходных реках в пределах вотчин запрещалось строительство мельниц и плотин, если они препятствовали прохождению судов (IX, 17). Возможность строительства гидросооружений в своей вотчине или поместье ставилась в зависимость от того, наносило ли это ущерб таким же сооружениям или лугам, примыкающим к реке, у других владельцев (X, 238).

Сервитутное право на те или иные хозяйственные объекты, расположенные в пределах чужих владений, могло принадлежать любому лицу. К числу таких объектов могли относиться борти, отдельные дупла с ульями, места рыбной ловли, озера, сенные покосы. Они могли быть расположены как в государственных лесах, так и в лесах, принадлежащих вотчинникам. Право владения этими объектами допускалось лишь в пределах установленной межи и в рамках нормального их функционирования. Уложение детально регламентирует права как владельца земли, так и лица, имеющего на эту землю сервитутное право. Нарушение прав собственности другой стороны влекло компенсацию причиненного ущерба (X, 239—242).²⁹

Вотчины и поместья и все их хозяйственное оснащение, как недвижимая собственность феодалов, становились в судебном порядке объектом взыскания по гражданским искам долгов, возмещения каких-либо убытков, а по уголовным делам — средством материальной компенсации за поругание чести, членовредительство, убийство и причинение вреда имуществу. За уголовно-правовые преступления виновные несли двойную ответственность —

²⁸ См. далее (с. 204—206).

²⁹ В какой мере было детализировано сервитутное право, видно из того, что в случае падения находящегося в чужом лесу дерева с пчелами хозяин улья и пчел мог вывезти их из леса при условии оставления хозяину леса верхушки и корней дерева (X, 239).

в уголовном и материальном порядке в форме штрафа или возмещения ущерба, которые взыскивались с вотчин и поместий. Стремление правительства упорядочить делопроизводство по искам о вотчинах и поместьях очевидно прежде всего из новых статей Уложения, оставляющих в силе все прежние судебные и полюбовные решения дел о вотчинах и отклоняющих на будущее попытки какой-либо из сторон опротестовать их законность (XV, 2, 3; XVII, 55). Кроме того, заметно стремление законодателя сосредоточить рассмотрение поместно-вотчинных дел в центральных приказах. Рассмотрение этих дел не входило в компетенцию большинства уездных городов. Исключение предоставлялось лишь городам, в которых при воеводах имелись дьяки, и пониженным городам, находящимся в ведении приказа Казанского дворца (XIII, 3). Смерть владельца вотчины в период судебного разбирательства прав на нее или исков к владельцу не прерывала самого процесса. И если спор о вотчине решался после смерти вотчинника не в его пользу, то иск мог быть предъявлен его наследникам. Это был один из частных случаев общего законоположения, согласно которому наследники вотчины были ответственны за долги наследователя (X, 132, 203, 207, 245). Такой принцип соотвествовал общей системе феодального поземельного права, возник задолго до Уложения и получил, в частности, отражение и в Литовском статуте. Однако необходимо подчеркнуть, что закон и в данном случае стоял на страже неприкосновенности феодальной земельной собственности, предписывая взыскивать долги в первую очередь за счет движимого и недвижимого имущества самого феодала или за счет имущества его крестьян и холопов (X, 262). И только в том случае, если этих источников погашения иска было недостаточно или они отсутствовали («вотчина... пуста»), закон допускал ее продажу, если истец захочет получить удовлетворение в денежной форме. И в данном случае за родичами оставалось преимущественное право выкупа вотчины (X, 263).

Для уяснения правовой природы феодальной земельной собственности важно учесть как обширную практику конфискации вотчин, так и те основания ее, которые получили отражение в законодательстве и в самом Уложении.

Связь вотчинного владения со службой государю давала основание великим князьям, а затем царям прибегать к пассивным мерам отобрания вотчин от лиц, нарушивших второе звено этой связи. Массовые конфискации вотчин в период опричнины, хорошо известные по литературе,³⁰ — одна из наиболее ярких страниц осуществления верховной властью своей прерогативы. Конфискации вотчин и поместий широко производились в начале XVII в. вследствие переходов землевладельцев в период интервен-

³⁰ Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, с. 306—359; Крыльников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966, с. 271—307.

ции и Крестьянской войны от одних властителей к другим.³¹ Уложение, выделяя в специальный раздел защиту чести и неприкосновенности государя, а за ним интересов и независимости государства, возводит смертную казнь и сопровождающую ее конфискацию вотчин и поместий в ранг высшей санкции за все виды умыслов против государя и измены государству, включая бегство за рубеж или переход на сторону неприятеля в ходе военных действий (II, 5; VII, 20). Конфискованные за измену вотчины в случае добровольного возвращения изменника и при условии его прощения не подлежали, однако, возврату. Вопрос о вотчинах решался в таком случае по усмотрению царя (VII, 11). Вотчина, недвижимое имущество и население в ее пределах были объектом материальных взысканий в порядке обычного гражданского и уголовного преследования. Наконец, Уложение продемонстрировало на примере закона об изъятии у бояр и монастырей белых слобод на посадах и приписки их к городам прерогативу верховной власти неограниченно распоряжаться вотчинами в интересах достижения каких-либо внутривотчинных целей.³²

Наряду с отмеченным выше правовым выражением экономического и социального значения вотчинного землевладения в XVII в. в Уложении отражена и его политическая роль. Феодалное землевладение лежало в основе всей государственности, начиная от царя³³ и кончая подьячими и губными целовальниками. Закладывая первый кирпич в основание мощного здания российского самодержавия, Уложение предписывало: «А за которым вотчинником или за помещиком будет в поместье или в вотчине менши двадцати крестьянинов, и ис тех поместей и из вотчин к губным делам целовальников и сторожей и подьячих не выбирать, а имати целовальников к губным делам з больших поместей и вотчин» (XXI, 98).

Само правительство, ставя вотчины выше поместий, наказывало землевладельцев при определенных обстоятельствах переводом первых во вторые. И наоборот — перевод поместий в вотчины являлся актом вознаграждения. Поместные и вотчинные земли подвергались строжайшей законодательной регламентации, что свидетельствовало об ограниченной частной инициативе феодалов в вопросах владения и распоряжения землей.³⁴ В основе

³¹ Сухотин Л. М. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. М., 1944; Бибиков Г. Н. Земельные пожалования в период крестьянской войны и польской интервенции нач. XVII в. — Учен. зап. Московского пед. ин-та, т. 2, вып. 1. М., 1941, с. 183—210.

³² См. далее (с. 137—153).

³³ Заозерский А. И. Царская вотчина XVII в. М., 1937.

³⁴ Принцип невмешательства государства в частнособственнические интересы утверждается в России лишь во 2-й половине XVIII в. Историки права относят к тому времени появление в законодательстве определения гражданского права как права, сохраняющего собственность всякого гражданина.

этого лежали особенности феодальной собственности на землю. Буржуазные историки, в том числе и историки права, рассматривали вотчину как землевладение, основанное на праве частной собственности, которое они отождествляли с правом буржуазной частной собственности. В действительности вотчина не была безусловной собственностью, а землевладением условным, связанным со службой царю. Различие между вотчиной и поместьем состояло в том, что вотчина была феодальным наследственным владением, а поместье — пожизненным. Естественно поэтому, что слияние поместья с вотчиной шло по пути усвоения поместьем прав всех видов наследования и распоряжения, свойственных вотчине. Уложение 1649 г. сводит воедино, развивает и дополняет эти правовые нормы.

2. ФЕОДАЛЬНО ЗАВИСИМЫЕ ЛЮДИ

КРЕСТЬЯНЕ

Уложение 1649 г. содержит совокупность правовых норм о крестьянстве, определяющих его место в общественной структуре того времени. XI глава Уложения, посвященная крестьянам, названа «Суд о крестьянех». Из всех 25 глав свода только еще одна глава имеет подобное наименование — глава XX («Суд о холопах»). Обе главы, следовательно, рассматривают крупнейшие разновидности эксплуатируемых слоев населения под одним углом зрения — как объекты права.)

В названных главах собраны законы, регулирующие правовые взаимоотношения феодалов по вопросам владения как крестьянами, так и холопами. Тем не менее правовые нормы, касающиеся крестьян, не сводятся в Уложении только к нормам XI главы. Значительная часть их находится во многих других главах (см. табл. 4).

Из таблицы следует, что законодательные нормы о крестьянах представлены в наиболее важных разделах Уложения, регулирующих как базисную, так и надстроечную сферу. Удельный вес их в ряде глав весьма значителен. Здесь-то и выступает первое отличие положения крестьян от положения холопов. Если законодательство о холопах выделено в одну главу, то о крестьянах говорится в той или иной мере в 17 из 25 глав Уложения.

Итак, 111 статей в 17 главах Уложения упоминают о крестьянах. Сказанное означает, что роль крестьянства в общественной жизни России того времени была значительной, от его жизнедеятельности зависели очень многие сферы общественной и государственной жизни феодального строя. Это нашло отражение в том, что законы, касающиеся крестьян, находятся во многих разделах русского права XVII в. Поэтому трудно согласиться с мнением тех историков, которые все значение Уложения в отношении

Т а б л и ц а 4

Количество статей по главам Уложения, в которых упомянуты крестьяне

№ главы	Наименование главы	Количество статей в главе	Количество статей, в которых упомянуты крестьяне
II	О государьской чести и как его государьское здоровье оберегать	22	1
VI	О проезжих грамотах в и(ы)ные государства	6	2
VIII	О искуплении пленных	7	2
IX	О мытах и о перевозех, и о мостах	20	3
X	О суде	287	16
XI	Суд о крестьянех	34	34
XII	О суде патриарших приказных и дворовых всяких людей и крестьян	3	2
XIII	О Монастырском приказе	7	4
XIV	О крестном целовании	10	2
XV	О вершених делах	5	2
XVI	О поместных землях	69	5
XVII	О вотчинах	55	2
XVIII	О печатных пошлинах	71	7
XIX	О посадских людех	40	9
XX	Суд о холопех	119	7
XXI	О разбойных и татиних делех	104	12
XXV	Указ о корчмах	21	1

крестьян сводят к XI главе, а эту последнюю к одной норме — отмене урочных лет.¹

В равной мере неправомерно и мнение тех дореволюционных авторов (В. О. Ключевский, М. А. Дьяконов), которые, исходя из общей концепции безуказного закрепощения крестьян, не придавали в этом процессе большого значения Уложению.² В советской историографии вопрос о роли Уложения в судьбе русского крестьянства рассматривается шире и глубже. На основе высказанных в литературе мнений эта роль представляется в следующем виде.

В конце XVI в. был узаконен принцип крестьянской крепости по писцовым книгам, но крепости не полной и окончательной, а ограниченной. Институтом, ограничивающим действие крестьянской крепости, были урочные годы, введенные указом от 24 по-

¹ По мнению Ю. В. Готье, «вся эта глава (XI, — А. М.) есть устав о беглых. Это была задача Уложения и оно ее выполняло... Никаких других целей касательно крестьянства оно себе не ставило» (см.: Великая реформа, т. 1. М., 1911, с. 31). В значительной мере к этому же сводится и рассуждение С. В. Рождественского (см.: Три века. Исторический сборник, т. 1. М., 1912, с. 171).

² Свод мнений историков о значении XI главы Уложения см.: Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., кн. 2. Изд. 2-е. М., 1954, с. 376—390.

ября 1597 г.³ Отсюда в основе самого закона о прикреплении крестьян и в практике его применения сложилось противоречие, суть которого удачно выражена А. А. Новосельским. Наличие указов об урочных годах, по его словам, «находилось в противоречии с установившимся признанием писцовых книг решающим документом в делах о крепостной зависимости крестьян. Указы об урочных годах как бы снижали значение писцовых книг».⁴ Данное противоречие и было снято Уложением 1649 г. Уложение признало неизблемой и постоянной крепостную зависимость по писцовым и переписным книгам и в силу этого отменило урочные годы, как противоречившие указанному назначению писцовых и переписных книг. Такое нововведение было принято правительством в ответ на настоятельные челобитья дворян и детей боярских большинства центральных уездов страны.⁵

Челобитная 1645 г. послужила толчком для составления наказа писцам 1646 г., в котором содержалось следующее обещание: «А как крестьян и бобылей и дворы их перепишут и по тем переписным книгам крестьяне и бобыли, и их дети, и братья, и племянники будут крепки и без урочных лет».⁶ Исследуя наказ писцам 1646 г., С. Б. Веселовский пришел к заключению, что «перепись не преследовала финансовые цели. Ее цель и цель «последующей записки вольных людей состояла в переписке и прикреплении людей к тяглу».⁷ Указанные положения писцового наказа 1646 г. легли в основание первых статей XI главы Уложения. Но Уложению предшествовали и более близкие по времени события — челобитная служилых людей, выборных Земского собора 1648 г., об отмене урочных лет⁸ и соборный приговор от 2 января 1649 г. о том же. По мнению Энгельмапа и Владимирского-Буданова, приговор этот не заимствовал из Уложения, а вошел в него.⁹ Н. П. Загоскин пришел к выводу, что 1—14-я статьи XI главы «Суд о крестьянех» составлены по инициативе выборных собора 1648 г.¹⁰ Таким образом, крестьянская глава Уложе-

³ Корещкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970, с. 89—161.

⁴ Новосельский А. А. К вопросу о значении «урочных лет» в первой половине XVII в. — В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. Сб. статей. М., 1952, с. 182.

⁵ Сташевский Е. К истории дворянских челобитных. М., 1948, с. 7, 21; Смирнов П. П. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в. — Чтения ОИДР, 1915, кн. 3, с. 42.

⁶ ААЭ, т. IV, № 14.

⁷ Веселовский С. Б. 1) Сошное письмо, т. II. М., 1916, с. 228—229; 2) Материалы по истории общего описания всех земель Русского государства в конце XVII в. — Исторический архив, т. VII. М., 1951, с. 303.

⁸ См. грамоту 1649 г. зветпгородскому воеводе (Акты исторические, IV. СПб., 1843, № 30).

⁹ Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права, вып. 3. Изд. 3. СПб., 1889, с. 155.

¹⁰ Загоскин Н. П. Уложение царя и великого князя Алексея Михайловича и Земский собор 1648—1649 гг. Казань, 1879, с. 53—56.

ния 1649 г. принадлежит к числу тех глав кодекса, которые наиболее тесно связаны с событиями 1648 г. и непосредственно предшествующих лет.

Монопольное право владения крестьянами закреплялось в Уложении за всеми категориями служилых чинов по отечеству (XI, 1, 2). Закон о наследственном (для феодалов) и потомственном (для крепостных) прикреплении крестьян является наиболее крупной и радикальной нормой Уложения, а отмена урочных лет сыска беглых стала необходимым следствием и условием претворения этой нормы в жизнь. Ничего подобного ни по значению, ни по последствиям другие главы Уложения не содержат.

Закон о прикреплении Уложение распространяет на все категории крестьян и бобылей. Оно делит крестьян на две крупные разновидности: крестьяне государевы — дворцовые и черносошные («государевы дворцовых сел и черных волостей крестьяне и бобыли») и крестьяне вотчин и поместий служилых людей по отечеству. Подвидом частновладельческих крестьян предстают крестьяне патриарших, властелинских (митрополичьих, епископских) и монастырских вотчин. Препарируя эту классификацию, следует отметить, что в Уложении речь идет о двух основных разновидностях крестьян и бобылей — частновладельческих и государственных.¹¹ Уложение провозглашало закон о прикреплении черносошных крестьян к своим наделам наряду с прикреплением крестьян частновладельческих. Основанием прикреплении тех и других становились писцовые книги 1626 г. (XI, 1). Правительство, следовательно, пошло дальше обещаний, данных в наказе писцам 1646 г.¹² В отношении вотчинных и поместных крестьян для периода после 1626 г. законом устанавливались дополнительные основания крепости — отдельные или отказные книги, в которых крестьяне и бобыли или их дети записаны «по новым дачам» «после тех писцовых книг» (XI, 2). Основанием возврата крестьян, бежавших как с черносошных, так и с частновладельческих земель, признавался факт записи в писцовых книгах 1626 г. их самих или их отцов. Возврату подлежали одновременно жепы и дети беглых (XI, 1, 2, 3). Уложение, следовательно, закрепляло потомственную крепостную принадлежность, распространяя ее на членов семьи крестьянина и бобыля.

В качестве другого основания крепостной зависимости на будущее время устанавливались переписные книги 1646—1648 гг., которые учитывали мужское население крестьянских и бобыльских дворов любого возраста. На будущее значительно расширялся круг родственников крестьян и бобылей, на которых рас-

¹¹ К государственным крестьянам в литературе последнего времени принято относить черносошных, а дворцовых, как принадлежащих государеву двору, — к частновладельческим.

¹² В наказе прикреплению было обещано на основании переписных книг 1646—1648 гг. (ААЭ, т. IV, № 14).

пространялась крепостная зависимость. Помимо жен и детей, закрепощенных писцовыми книгами 20-х гг., в этот круг по переписным книгам 1646—1648 гг. включались братья, племянники и внучата с женами и детьми (XI, 9). Уложение, следовательно, распространяло потомственную крепостную принадлежность по прямой нисходящей до четвертого колена (правнуки) и по боковой нисходящей до третьего колена (дети племянников), включая жен и мужей. Писцовые книги 20-х гг. и переписные 40-х гг. как основание крепостной зависимости могли дополнять друг друга (отцы могли значиться в первых, а дети — во вторых) или выступать независимо друг от друга: крепостная принадлежность устанавливалась 1) по записи отцов в писцовых книгах, если даже дети почему-либо не попали в переписные; 2) по записи в переписных книгах, если отцы записанных в них не значились в писцовых книгах (XI, 11).

Правительство рассматривало переписные книги 40-х гг. как наиболее точный и исчерпывающий по своим данным документ, в силу чего считало их показания окончательными. Отказывая в приеме челобитных об утаенных крестьянских дворах с 1 сентября 1648 г., законодатель мотивировал этот шаг тем, что в 1646—1647 гг. переписывали крестьян и бобылей «стольники и дворяне московские за крестным целованием». «А которые писали не по правде и в те места посылаемы переписывати вдрогряд, а за неправое письмо переписчиком учинено жестокое наказание» (XI, 24). Еще до Уложения были широко распространены «полюбовные» сделки о крестьянах, в том числе о беглых, главным образом в форме поступных грамот. Уложение признало законным прошлые «полюбовные» сделки на беглых крестьян и бобылей, предписав отказывать просьбам о их пересмотре (XI, 8).¹³ Для последующего времени в случаях отчуждения крестьян — как с землей, так и отдельно — в качестве основания их прикрепления Уложение санкционировало отказные, отдельные книги, выписи из переписных и иных книг, а также поступные, полюбовные, духовные, купчие и другие акты сделок на крестьян. Регистрация в приказах всех сделок на земле с крестьянами и на крестьян без земли — в Поместном, Монастырском и Большого Дворца — становилась обязательной. В противном случае сделки теряли законную силу. И хотя отдельные указы об обязательности регистрации актов сделок появились еще в первой половине XVII в., с Уложением 1649 г. следует связать окончательное установление зарегистрированных в приказах и санкционированных государством документальных оснований крепостной неволи. Во всех этих установлениях наряду с крестьянами упоминаются и бобыли. Уложение, таким образом, завершило процесс

¹³ На практике такие «полюбовные» сделки нередко являлись замаскированной куплей и продажей крестьян без земли (см.: Греков Б. Д. Указ. соч., с. 386—387).

правового сближения бобылей с крестьянами, распространив и на бобылей равную меру крепостной зависимости.¹⁴

Крепостное право включало в себя две формы прикрепления непосредственного производителя: прикрепление к земле — к феодальному владению и прикрепление к личности феодала — к вотчиннику и помещику. На протяжении истории крепостного права в России соотношение этих форм прикрепления менялось. На первой стадии развития (включая XVII в.) преобладала первая, на поздней стадии (XVIII в.—половина XIX в.) — вторая.

Первенствующая роль прикрепления крестьян к земле, а не к ее владельцу в значительной мере была связана с высокими удельным весом поместной системы в феодальном землевладении. В первой половине XVII в. поместная система даже преобладала.¹⁵

Все сказанное, естественно, отражено в Уложении 1649 г. Крестьянин выступает в нем как органическая принадлежность поместья и вотчины независимо от личности владельца. Это очевидно прежде всего из запрета переводить крестьян из поместий в вотчины даже в пределах одного владения. Стоя на позициях охраны поместного землевладения и мотивируя запрет перевода крестьян опасением, что в противном случае поместья могут запустеть, законодатель исходил из принципа прикрепления крестьян к земле, а потому и распространял запрет перевода на тех крестьян, которые записаны в книгах за поместьями (XI, 30). Мена земельных владений между феодалами допускалась при условии равного состояния имений — пустое на пустое и жилое на жилое, т. е. без крестьян и с крестьянами (XVI, 3, 4, 5). Мена жилого поместья или вотчинного владения на пустое разрешалась, если владелец вывозил крестьян в другие свои поместья или вотчины (XVI, 7). Признание экономической связи феодального владения с крестьянским хозяйством очевидно из защиты законом имущества крестьянина от произвола феодала. За грабеж помещиком крестьянского хозяйства предусматривалось наказание по усмотрению царя (XVI, 45).¹⁶ При переходе по судебному иску вотчины или поместья из одних рук в другие устанавлива-

¹⁴ О предшествующем этапе правового сближения бобылей с крестьянами и о мнениях историков по этому поводу см.: Греков Б. Д. Указ. соч., с. 185—209; Шапиро А. Л. Бобыльство в России в XVI—XVII вв., — История СССР, 1960, № 4, с. 49—68.

¹⁵ См. выше (с. 80).

¹⁶ Г. Котошихин сообщает: «А будет которой помещик и вотчинник, не хотя за собою крестьян своих держати, и хочет вотчинных крестьян продати, и наперед учтет с них имати поборы великие, не против силы... на такого помещика и вотчинника будет челобитье, что он над ними так чинил и сторонние люди про то ведают и скажут по сыску правду, и у таких помещиков и вотчинников поместья их и вотчины, которые даны будут от царя, возмут назад на царя... А будет кто учтет чинить таким же обычаем над своими вотчинными купленными мужиками, и у него тех крестьян возмут безденежно...» (Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4-е. СПб., 1906, с. 142).

лось возмещение в двойном размере ущерба, причиненного крестьянам их прежним владельцем (XVI, 37). Закон рассматривал вотчинников и помещиков как представителей государственной власти на местах прежде всего в пределах своих владений, сообщая им не только определенные права, но и обязанности. При обнаружении какого-либо «дурна», «шатости», измены среди своих людей и крестьян, в особенности в порубежных уездах, помещики и вотчинники обязаны подавать воеводам «изветные челобитные» и приводить к ним подозреваемых крестьян, в отношении которых должен быть произведен сыск (VI, 6). При нападении разбойников и татей среди своих же крестьян владелец обязан, не прибегая к самосуду, привести таких крестьян в губу. В случае отказа выдать крестьян публичной власти и применения самосуда закон предписывал «у такова помещика за такое воровство отнять поместье, и отдати в роздачу, да на них же велеть доправити исцовы иски» (XXI, 79).¹⁷ Столь решительные меры против самосуда показывают вместе с тем стремление законодателя поставить государственное судебное преследование по крайней мере в отношении наиболее крупных преступлений выше частного.¹⁸ Закон защищал крестьянский хлеб от погравы. Наконец, предписание ряда указов, а затем и Уложения о возвращении беглых крестьян с их имуществом, включая высеянный хлеб, говорит также о связи крестьянина и его хозяйства с феодальным владением. Крестьянин выступает в Уложении как активно действующее в хозяйственном процессе лицо не только на своем паделе, но и во всем хозяйственном комплексе вотчины и поместья. Он имеет право задержать любую чужую скотину, погравившую его хлеб или хлеб его помещика, и потребовать возмещения ущерба (X, 208). Он признается паравпе с помещиком возможным соучастником папесения хозяйственного ущерба соседнему владению (например, угоп бобров и разорение бобрового гнезда) и несет в таком случае равную с помещиком ответственность.

С возникновением крепостного права объект собственности феодала становится комплексным — земля и сидящий на пей крестьянин. Собственность феодала на крестьянина в отличие от собственности рабовладельца на раба никогда не была полной, по объем ее менялся с развитием крепостного права. В пору его наивысшего развития и вместе с тем разложения (вторая поло-

¹⁷ Источником этой статьи служила ст. 60 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., которая не определяла санкций помещикам, отказавшимся доставить властям своих крестьян, замешанных в татьбе и разбое, и применившим самосуд, хотя и была направлена против таких деяний (ПРП, V, М., 1959, с. 200). Уложение категорически запрещало самовольную расправу, определяя за нее для феодалов конфискацию поместий, а для лиц, зависящих от них и осуществивших самосуд без ведома помещика, смертную казнь (XXI, 79, 80).

¹⁸ ПРП, V, с. 272.

вина XVIII в.—первая половина XIX в.) положение крепостного крестьянина наиболее приближалось к положению раба.

В середине XVII в. крестьянин был уже объектом феодального права, круг правомочий феодала в отношении крестьянина был достаточно широк, и наряду с этим крестьянин обладал как субъект права, определенными правами владения своим наделом и хозяйством. В Уложении 1649 г. обе эти взаимосвязанные стороны правового положения крестьянина как объекта феодального права и как субъекта права, обладающего определенным, хотя и ограниченным, комплексом гражданско-правовых полномочий, нашли свое отражение. Своеобразным фокусом пересечения обязанностей и прав дворян в отношении крестьян своих владений служил закон, согласно которому дворяне «за крестьян своих ищут и отвечают... во всяких делах, кроме татьбы и разбою, и поличного и смертных убийств» (XIII, 7). Эта общая и емкая формула открывала широкий простор для внутривотчинного судопроизводства феодалов, определяя вместе с тем четкий водораздел между частной и публичной юрисдикциями. Реальный объем юрисдикции помещиков в XVII в. был шире и глубже тех определений, которые даны в законе.¹⁹ Фактически в пределах вотчин и поместий юрисдикция феодалов не регламентировалась законодательством. Однако имущество и жизнь крестьянина ограждались законом от крайнего проявления своеволия феодалов. Одновременно в права распоряжения как имениями, так и крестьянами правительство вмешивалось довольно энергично. Связано это было прежде всего с наличием двух групп крестьян — вотчинных и поместных. Правовой статус каждой из них имел отличительные признаки.

Различен был объем прав феодалов на вотчинных и поместных крестьян. Запрещался перевод крестьян, записанных в книгах за поместьями, на вотчинные земли (XI, 30, 31). В другом случае сформулирован закон о запрещении отпускать на волю и давать отпускные поместным крестьянам. В случае перехода поместья к иному владельцу по его челобитью отпущенный на волю крестьянин подлежал возврату. Наоборот, выдача отпускной вотчинному крестьянину допускалась, и такой акт оставался в силе при переходе вотчины из одних рук в другие (XV, 3). Вслед за указом от 9 марта 1642 г.²⁰ в Уложении нашел отражение закон, запрещающий кабалить, т. е. превращать в кабальных холопов и закреплять ссудой своих крестьян, бобылей и членов их семей. Санкция в таком случае определялась по усмотрению государя (XX, 113). В равной мере запрещалось оформление служилых кабал и ссудных записей на беглых крестьян и бобы-

¹⁹ Заозерская Е. И. Из истории феодальной вотчины и положения крестьян в первой половине XVII в. — В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, сб. IV. М., 1960; Петрикеев Д. И. Крупное крепостное хозяйство в XVII в. Л., 1967, с. 155—163.

²⁰ ПРП, V, с. 364.

лей. При возврате беглых законному владельцу закабалитель терял право на возврат ссуды за незаконное держание беглых крестьян (XI, 23). Запрещалось кабалить наймитов из крестьян. По истечении срока найма такие крестьяне должны были вернуться к своему владельцу (XI, 32). Закон предписывал Холопьюму приказу рассылать по городам воеводам и приказным людям государевы грамоты с запрещением оформлять и давать кабалы на крестьян и крестьянских детей (XX, 6). В общем запрете должностным лицам (воеводам, приказным людям, губным старостам) брать себе в холопы или в крестьяне как находящихся в тюрьмах убийц, татей и разбойников, так и оправданных после следствия и суда заметна общая тенденция ограничения произвола в закрепощении и похолопливании крестьян.²¹ Закон карал феодалов за убийство крестьянина. Уложение повторяло боярский приговор 1625 г. об ответственности за неумышленное и преднамеренное убийство крестьян, подходя в определении санкции дифференцированно — в зависимости от мотивов преступления и социальной принадлежности убийцы. За убийство чужого крестьянина в драке или в пьяном состоянии, но без умысла (что устанавливалось путем пытки виновного) феодал был обязан отдать хозяину убитого лучшего своего крестьянина с семьей и имуществом, возместить кабалные долги убитого, а сам подвергался тюремному заключению «до государева указу» (XXI, 7). Если убийцей при тех же обстоятельствах был крестьянин (или холоп), то он подвергался наказанию кнутом и передавался с семьей и имуществом взамен убитого крестьянина.²² В таком различии санкций нашел отражение характерный для феодализма принцип права — привилегии. В случае непредумышленного убийства крестьянина крестьянином назначалось, как видим, двойное наказание: для крестьянина — кнут и перемена владельца, а для его хозяина — потеря рабочих рук. Тем самым и в данном случае срабатывала установленная законом ответственность феодала за своего крестьянина. И в то же время законодатель был озабочен возмещением во всех случаях потери рабочей силы, понесенной владельцами убитых. Интересы же семьи пострадавшего крестьянина ни в какой мере не принимались во внимание.²³ И лишь преднамеренное убийство

²¹ Эти нормы заимствованы Уложением из указных книг приказов Холопьяго суда и Разбойного приказа (Владимирский-Буданов в М. Ф. Хрестоматия..., с. 86—110; ПРП, V, с. 188—319).

²² Если владелец убитого отказывался взять убийцу (на том основании, что он «ведомой вор») и просил взамен его другого крестьянина, указывая имя, то в таком случае предписывалось отдать ему названного крестьянина. А убийцу, бив кнутом, оставляли у его хозяина (XXI, 73). Жены и дети убитых крестьян оставались у своих владельцев.

²³ ПРП, V, с. 278—279; VI. М., 1957, с. 424. — Г. Котошихин по поводу последствий убийства феодалом крестьянина сообщает: «А будет которой боярин и думной и ближний человек, или и всякий помещик и вотчинник учинит над крестьяны своим убийство смертное, или какое паругатель-

крестьянина влекло смертную казнь убийцы независимо от его социальной принадлежности (XXI, 72, 89). Иначе обстояло дело в отношении холопов. Уложение ограничивалось лишь рекомендацией холоповладельцам не убивать и не увечить беглого холопа, не предусматривая за это никакого наказания господину (XX, 92).²⁴

Приведенные нами законоположения о запрете похолопливания крестьян и охране их жизни наряду с основным законом о полном закрепощении крестьян и значительном расширении власти над ними феодалов свидетельствуют о стремлении законодателя сохранить крестьян как класс-сословие в интересах феодалов и феодального государства. Эти наблюдения можно продолжить и дальше.

Законодательство XVII в., включая Уложение, рассматривало крестьянина и его имущество (инвентарь, скот, хлеб во всех видах) в неразрывном единстве. Отсюда категорические требования закона о возврате беглых крестьян вместе с имуществом (XI, 1, 3, 9, 10). Едва ли, однако, правы те историки, которые на данном основании считают, что имущество крестьянина было собственностью помещика.²⁵ Приводя свод мнений историков по этому поводу, А. В. Венедиктов усматривает в такой постановке вопроса противоречие основному принципу феодального строя: паделение непосредственного производителя средствами производства и наличие у крестьянина единоличной собственности на орудия производства.²⁶ Помимо общей постановки вопроса можно указать и на некоторые особенности его правового решения в самом Уложении.

Закон в одинаковой мере требовал возвращения крестьян с имуществом независимо от того, из каких земель они бежали — частновладельческих или черносопных. Черносопные крестьяне

ство, нехристианским обычаем, и будут на него челобитчики, и такому злочинцу о указе написано подлинно в Уложенной книге. А не будут на него в смертном деле челобитчики, и таким делам за мертвых людей бывает истец сам царь» (Котлопихин Г. Указ. соч., с. 142).

²⁴ Анализ норм Уложения относительно охраны жизни и имущества крепостного крестьянина показывает, что вопрос был гораздо сложнее, нежели он нередко трактуется в учебной и даже в научной литературе. Так, например, в одном из сборников документов по истории государства и права СССР говорится, что Уложением был установлен «полный произвол крепостников, крестьянство было отдано на поток и разграбление...». Помещик мог делать, «что заблагорассудится, вплоть до убийства» (История государства и права СССР. Сборник документов. М., 1968, с. 16). Ничего подобного в Уложении 1649 г. нет, поскольку любое общество, тем более в пору расцвета, может существовать только при упорядоченных правоотношениях, призванных обеспечить нормальный ход производства и общественной жизни.

²⁵ См., например: ПРП, VI, с. 175. — Такая позиция приводит к уравниванию правового положения крестьянина и холопа, что в отношении XVII в. едва ли справедливо (там же, с. 423).

²⁶ Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М., 1948, с. 240.

сидели на земле, принадлежавшей государству, но дворы, скот, инвентарь и другое имущество крестьянского двора было собственностью крестьян.

Наконец, поскольку с отменой урочных лет сыск беглых становился бессрочным, возврат беглого с имуществом через большой промежуток времени мог означать, что крестьянин возвращался с имуществом, приобретенным на новом месте, у нового хозяина. Закон не оговаривал, что последний лишался крестьянского имущества в виде санкции за держание беглого (как, например, это оговорено в Уложении относительно ссуды). Имущество и в данном случае принадлежало крестьянину. В Уложении закреплено право помещика и вотчинника наряду с предъявлением иска к кому-либо о своем беглом крестьянине предъявлять иск и об имуществе (животах) беглого. Если при этом истец не укажет ни состава, ни цены животов, все равно иск об имуществе удовлетворялся (в размере пяти рублей), невзирая на утверждение ответчика, будто беглый крестьянин пришел к нему без животов. Такие животы назывались «глухими» (XI, 26, 26). Если на суде ответчик отрицал наличие беглых крестьян и их имущества, а затем признавался в их сокрытии при крестоцеловании, то все равно он нес наказание — возмещал стоимость крестьянского имущества. Законодатель мотивировал это стремлением покорыстоваться крестьянским имуществом (XI, 29). Во всех указанных случаях закон исходил из понимания неразрывной связи крестьянина с имуществом как исходного условия его производительной деятельности.²⁷ Более того, по той же причине земля фактически принадлежала крестьянину, что влекло за собой закрепление за ним определенного (весьма ограниченного и условного) права владения и пользования ею. Особенно ясно это обстоятельство прослеживается на черпосопных землях в перпод развитого феодализма. Крестьяне и крестьянские общины закладывали и продавали земли (с передачей податных обязанностей), выступая нередко в качестве истцов и ответчиков в спорах о земле.²⁸

В период после Уложения эти права все более ограничиваются. В обстановке крепящихся крепостнических отношений экономическая связь крестьянского и помещичьего хозяйства получала в правовой сфере выражение в форме растущих правомочий собственника-феодала на совокупный объект собственности — землю и крестьян с их имуществом. Отсюда вытекало установле-

²⁷ В. О. Ключевский писал: «...инвентарь крестьянина был только его хозяйственной принадлежностью как крестьянина, а не его правовую собственность как правоспособного лица...» (Ключевский В. О. Сочинения, т. III. М., 1957, с. 181). С такой постановкой вопроса можно согласиться, если иметь в виду, что Ключевский под собственностью понимал правоотложение буржуазного перпода.

²⁸ Копанев А. И. Крестьянское землевладение Подвинья в XVI в. — В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972, с. 103—137.

ние материальной ответственности крестьянина за своего помещика. Когда дворянин за отказ удовлетворить обращенный к нему материальный иск будет поставлен на правеж, Уложение разрешало (если на правеже ответчик в течение месяца не погашал долга) отдать «в истцов иск» его дворы и имущество или погасить иск за счет имущества его людей и крестьян (X, 262). Точно так же взыскание иска, обращенного к поручителям, допускалось с их людей и крестьян (X, 122). Закон, следовательно, рассматривал материальное взыскание с имущества крепостных крестьян как санкцию, равную по значению взысканию с самого феодала. Но и в данном случае допущенные законом вторжения феодалов в пределы крестьянской собственности говорят лишь об определенной степени условности, ограниченности собственности крепостного, но не о полном ее отсутствии. Закон не ставил преград крестьянину в сфере его непосредственной производственной деятельности — сельскохозяйственной и связанной с ней промысловой. Поместный и вотчинный крестьянин в дополнение к своему наделу имел право на оброчное держание сенных покосов, бобровых гоней и других угодий. Неприкосновенность оброчных держаний оговаривалась в законе (XVII, 23). Однако за пределами сельскохозяйственного производства законодатель ограничивал хозяйственную деятельность крестьян. В целях охраны сословных интересов посадского населения была запрещена крестьянская собственность на посадах (дворы, лавки, соляные промыслы) и связанная с нею торгово-промысловая деятельность крестьян в пределах посадков (XIX, 5, 15). Торговля крестьян в городах разрешалась только с возов и стругов (XIX, 18). Уложение предусматривало возможные пути проникновения частновладельческих крестьян в посад и пыталось нейтрализовать их. Даже женитьба беглых крестьян на дочерях посадских людей и на тяглых вдовах не влекла за собой прикрепления их к посадскому тяглу, в то время как женитьба на тяглой посадской вдове вольного человека прикрепляла его к посаду (XIX, 22, 37). В Уложении имеется единственный казус, с которым связан перевод владельческого крестьянина в посад. Это женитьба его на беглой или подговоренной дочери посадского человека (XIX, 38). Наличие, однако, обратного казуса — возвращения помещику бежавшего в город и женившегося там на посадской дочери или вдове его крестьянина вместе с новой семьей — показывает, что законодатель расценивал обе формы как санкцию за прием беглых (XIX, 37). Из сказанного видно, что Уложение пыталось замкнуть и посад, и крестьянство в сословные рамки, ставя преграды проникновению представителей одного сословия в другое.

Однако такая политика была предпринята исключительно в отношении частновладельческих крестьян в интересах феодалов. Относительно государственных крестьян в Уложении не содержится прямого запрета их перехода в посад. Государственные

крестьяне имели и более широкие права хозяйственной деятельности. В этом отношении их положение было ближе к положению посадских людей, нежели помещичьих и вотчинных крестьян. Наряду с посадскими людьми черносошные крестьяне получали право брать на откуп таможи, кабаки и другие статьи государственного дохода. Частновладельческие крестьяне лишались этого права (XVIII, 23).

Ролью крестьянина в сельскохозяйственном производстве и заинтересованностью феодалов в этом объясняется стремление законодателя сохранить крестьянскую семью как производственную ячейку. Все законоположения относительно возврата крестьян и крестьянок, вступивших в брак в бегах, предусматривали возврат или (по отсутствию законных для него оснований — записей в писцовых и переписных книгах самих беглых или их отцов) оставление на новом месте всей семьи (мужа, жены, детей) (XI, 3, 12, 15, 18). Что материальная санкция за прием беглого в данном случае не была определяющей, видно из того казуса, что выход беглой крестьянки замуж за вдовца, имевшего детей от первого брака, не влек возврата последних вместе с их отцом и мачехой ее хозяину (XI, 13). А при возврате беглых, вступивших в брак за рубежом, в целях сохранения семьи применялась жеребьевка между владельцами мужа и жены (XI, 34). Закон не ограничивал вступление крестьян в брак. Практически этот процесс мог целиком зависеть от воли феодала. Однако при выдаче девок или вдов замуж в другое имение обязательно было оформление отпускной и выплаты вывода «по договору» (XI, 19).²⁹ Принадлежность крестьянки помещику определялась по отцу или по мужу, поскольку только мужчины вносились в писцовые и переписные книги и другие акты крепостной зависимости.

Подсудность крестьян вне компетенции поместьи-вотчинной юрисдикции осуществлялась по гражданским искам посторонних лиц и по уголовным делам в тех приказах, «где кто судим». Уложение внесло еще большую дробность в состав судебных инстанций учреждением Монастырского приказа, которому по недуховным делам были подведомственны духовенство и зависимые от церкви и монастырей люди, в том числе и крестьяне.³⁰ За преступления против религии и церкви духовенство и зависимые от них люди отвечали в церковном суде.

Прирост количества частновладельческих крестьян происходил прежде всего путем царского пожалования, о котором в разной связи и по разным поводам говорится в ряде статей и глав Уло-

²⁹ Вывод был старым феодальным институтом. Поэтому едва ли можно согласиться с автором комментария 19-й статьи, когда он говорит, что при наличии выплаты вывода «крестьянин становится товаром» (ПРП, VI, с. 180).

³⁰ За исключением патриарших крестьян, которые были подсудны Патриаршему двору (XII, 1).

жения. Это пожалование в вотчину или поместье населенных дворцовых или государевых черносошных земель — процесс, хорошо изученный в нашей литературе. В условиях, во-первых, неполного закрепощения всего крестьянства и, во-вторых, узаконенной практики отпуска препостных крестьян и кабальных холопов на волю существовала возможность пополнения феодально зависимого населения вотчин и поместий за счет гулящих «вольных» людей. Уложение вслед за писцовым наказом 1646 г. вводило в практику прием в крестьяне и бобыли пришлых людей, которые «скажутся вольными»; если у них не было отпускных, устанавливалось их свободное состояние. Запись пришлых в крестьяне осуществлялась в Москве — в Поместном приказе, в Казани — в приказе Казанского дворца, для новгородцев — в Новгороде, для псковичей — во Пскове (XI, 20). Если кто-либо, не установив свободного состояния пришлых людей, приведет к записи беглых крестьян, то за это, а в равной мере и за держание беглых, в качестве санкции назначался «за государевы подати и за вотчинниковы доходы» штраф по 10 рублей в год за каждого крестьянина (XI, 21). Использование чужих и черносошных крестьян на работах в вотчинах и поместьях допускалось лишь в форме краткосрочного найма по записям и без них. Ставилось условием жилых и ссудных записей и служилых кабал от наймитов не брать и отпускать их беспрепятственно по окончании срока пайма (XI, 32).

Законодательная регламентация путей увеличения численности феодально зависимого населения вотчин и поместий в незначительной мере связана с тем, что внутрисполитическое значение феодальных владений определялось не пространством их земельных площадей, а количеством крепостного населения. Уложение запрещало выбирать к губным делам целовальников, сторожей и подъячих из вотчин и поместий, имевших менее 20 крестьян (XXI, 98).

По Уложению частновладельческий крестьянин был прежде всего крепостным, т. е. принадлежащим землевладельцу. Ограничение прав крестьян в процессе лишало их дееспособности по значительной массе дел. Однако было бы ошибкой видеть в Уложении только эту сторону. Как следует из 7-й же статьи XIII главы, по уголовным делам крестьянин остается субъектом преступления: «за крестьян своих ищут и отвечают... дворяне во всяких делах, кроме татбы и разбою и поличного и смертных убийств». Но и в ряде гражданско-правовых деяний он выступал в качестве лица, обладавшего определенной правоспособностью. Со стороны городских людей разных чинов ему мог быть предъявлен материальный иск, как в равной мере и крестьянин мог вчинить иск тем же лицам (XIII, 3).³¹

³¹ В городах, где при воеводах нет дьяков, такие иски не могли превышать сумму в 20 рублей (XIII, 3).

В поземельных спорах — за нарушение межи между владениями или внутри волостей между наделами — крестьянин нес равное с другими лицами наказание — битье кнутом. Уложение предусматривало различные формы участия крестьян в следственном и судебном процессах. Наряду с другими лицами крестьяне могли быть участниками «повального обыска» — массового опроса населения (X, 161). А крестьяне дворцовых или черных волостей при спорах о межах с феодалами сами могли ссылаться на показания окольных людей (X, 235). Истец или ответчик имел право ссылаться на показания крестьян (не менее чем на десять человек) в исках, не превышающих 20 рублей (X, 159). По показаниям крестьян о незаконном взимании с них мыта и мостовщины при транспортировке ими господского имущества мытчики возмещали ущерб втрое (IX, 3).

Закон допускал изветы людей и крестьян на своих господ в случаях их замыслов об измене или причинении зла государю, но требовал непреложных доказательств под угрозой наказания за ложный извет (II, 13). Широко применявшаяся в практике феодального судебного процесса система доказательства в форме крестоцелования, практиковавшаяся в отношении низших разрядов населения, была совершенно обязательной при всех свидетельских показаниях феодально зависимых людей (X, 173).³² Признавались достаточными показания крестьян и холопов, полученные под пыткой, если они совпадали с показаниями на предварительном допросе (XX, 25; XXV, 14).

Классовый характер феодального суда очевиден из способов применения средств дознания. При допоре каких-либо лиц на дворянина и его людей и крестьян в разбое первыми подвергались пытке оговоренные люди и крестьяне, если предварительная стадия в виде очной ставки не выясняла дела. Однако показания людей и крестьян под пыткой о причастности их господ к разбою служили основанием назначения пытки и самим господам. С другой стороны, привод дворянином своих людей и крестьян с обвинением их в разбое и татьбе служил достаточным основанием назначения им пытки даже при отсутствии других свидетельских показаний (XXI, 47, 48).

Судебную пошлину крестьянин платил на общих с представителями других сословий основаниях.

О палиции у крестьянина определенных гражданских прав говорил шкала штрафов за бесчестье, построенная в полном соответствии с иерархией феодального общества, на низшей ступени которого нашлось место крестьянину. Степень наказуемости за бесчестье была пропорциональна положению оскорбленного. Уложение вводило в данном случае большую дифференциацию наказаний: от выдачи головой за оскорбление патриарха, от возмещения 400 рублей за оскорбление митрополита до 1 рубля за

³² Крестоцелование в Уложении отведено отдельная глава — XIV.

оскорбление крестьянина. Вопрос об уплате бесчестья крестьянам выделен в статью, которая устанавливала выплату бесчестья всем людям недворянского происхождения и не являвшимся слугами господ — от именитых людей Строгановых, гостей и через различные категории городского населения до крестьян. И здесь дифференциация была большой. За бесчестье Строгановым полагалось 100 рублей, гостю — 50 рублей, а крестьянину — 1 рубль (X, 94).³³ Единый размер бесчестья для черносошных и частновладельческих крестьян подчеркивает общность их социального положения. В отношении крестьян вопрос о бесчестьи сопряжен в законе с вопросом об увечьи. Увечье квалифицировалось одновременно и как бесчестье и каралось штрафом в пользу потерпевшего по 10 рублей человеку; за битье крестьянина без причинения увечья назначался штраф в размере 2 рублей.

Из приведенного материала видно, что крестьяне, будучи в социально-правовом отношении приниженным классом-сословием, от которого господствующий класс был отделен значительными перегородками права-привилегии, тем не менее обладали определенными правомочиями и дееспособностью.

Борьба с побегими крестьян была важнейшей задачей Уложения и прежде всего его XI главы. Крупной вехой на пути достижения этой цели в ответ на требования дворянства явилась отмена урочных лет сыска беглых. И несмотря на то что никакие законы не были в состоянии приостановить побег, как и другие формы протеста крестьян, отмена урочных лет облегчила все же господствующему классу, его основной массе — дворянству, возвращение беглых крестьян и тем самым открыла пути к наиболее полной реализации права на зависимое население.

Другое важное обстоятельство, облегчавшее возвращение беглых крестьян, состояло в законодательном закреплении широкого круга документальных оснований сыска — писцовых, переписных книг, актов пожалования вотчин и поместий с крестьянами, актов сделок на крестьян между их владельцами и т. п. В порядке борьбы с побегими крестьян Уложение стремилось исключить возможность получения ими убежища. Отсюда запрет «впредь (после Уложения) отнюдь никому чужих крестьян не принимать и за собою не держать» (XI, 9). Соответственно устанавливалась ответственность за прием беглых и определялась санкция — в качестве возмещения государственных податей и помещичьего дохода за каждого беглого крестьянина и бобыля назначался штраф в размере 10 рублей в год в пользу истца (XI, 10). Уложение не устанавливало новой системы сыска беглых, но ликвидация урочных лет создавала условия для сыска массового, обезличенного и государственно организованного, который и получил раз-

³³ Выше крестьянина стояли посадские люди меньшей статьи и ямские охотники, которым бесчестье полагалось в размере 5 рублей.

витие во второй половине XVII в.³⁴ Вместе с тем Уложение фиксировало целый ряд норм, положенных в основу сыска беглых крестьян. При обвинении кого-либо в держании беглых ему давался срок для проверки этого обстоятельства в своем имении (X, 229). Устанавливалось в порядке судопроизводства о беглых крестоцелование, а в случаях клятвoprеступления — битие кнутом по торгам в течение трех дней и заключение в тюрьму на год (XI, 27, 29). Отказ беглых крестьян и холопов на очной ставке от своих родителей и иных родственников влек пытку. Но если беглые не винулись со второй пытки, то оставались у тех, кому дали служилые кабалы (XX, 24). Процедура возврата беглых их владельцам включала составление отписей «впредь для спору», которые в дворцовых селах и черных волостях передавались приказчикам, а в вотчинах и поместьях — владельцам. В Москве и городах отписи составляли площадные подьячие, а в селах и деревнях — земские и церковные дьячки. Самых же беглых крестьян и бобылей, возвращенных по сыску, суду и просто по Уложению, надлежало регистрировать в Поместном приказе за их владельцами (XI, 4, 6). Таким образом, Уложение шло по пути увеличения видов крепостной документации, возникшей в итоге сыска беглых и возвращения их прежним владельцам. Узаконялось и вчинение исков об имуществе беглых крестьян. Решение спора о животах с применением крестоцелования допускалось в пределах 5 рублей, «а в больших животах вершится по суду» (XI, 25). В порядке судебного разбирательства решались дела и о сносе имущества беглыми. В соответствии с общим упорядочением судопроизводства все полюбовные сделки и судебные решения о беглых, осуществленные до Уложения, оставались в силе и не подлежали обжалованию (XI, 8). Уложение закрепляло непреложный закон возврата беглых с семьей и родственниками по прямой и боковой линиям и со всем принадлежащим им имуществом.

Подводя итог анализу норм Уложения, относящихся к крестьянству, отметим, что с Уложением 1649 г. связано установление постоянной наследственной и потомственной крепостной зависимости крестьян, включая их семьи, а также прямых и боковых родственников. В силу этого были отменены урочные годы сыска беглых. Сыск становился бессрочным.

К волостным общинам приклеплялись и черпососные крестьяне, подлежавшие сыску и возврату на прежние наделы на общих основаниях. И если, как пишет Н. М. Дружинин, «петровскими указами 1719—1724 гг. было закончено формирование особого сословия феодальных держателей государственной земли,

³⁴ Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.—Л., 1962, с. 22—119.

обязанных уплачивать казне докапиталистическую ренту»,³⁵ то для предшествующего периода формирования этого сословия Уложение 1649 г. было крупнейшим и решающим этапом. Оно закрепляло монопольное право владения крестьянами за всеми категориями служилых чинов по отечеству. Юридическим основанием прав на крестьян, их прикрепления и сыска служили писцовые книги 20-х гг. XVII в., а для периода после Уложения в дополнение к ним — переписные книги 1646—1648 гг., отдельные и отказные книги, жалованные грамоты, акты сделок на крестьян между феодалами, отписи возврата крестьян в результате сыска. Уложению принадлежит разработка правовых основ сыска беглых крестьян. Для придания частным актам сделок на крестьян официальной силы была обязательна их регистрация в Поместном приказе.

Уложение завершило процесс правового сближения бобылей с крестьянами, распространив на бобылей равную меру крепостной зависимости. Будучи важным этапом на пути правового сближения поместий и вотчин, Уложение вместе с тем в целях сохранения поместной системы, преобладавшей еще в первой половине XVII в., ограничивало права распоряжения крестьянами, записанными в книгах за поместьями: запрещалось переводить их на вотчинные земли и давать им отпускные. Права на вотчинных крестьян были полнее. Признание экономической связи феодального владения с крестьянским хозяйством нашло выражение в защите законом имущества и жизни крестьянина от произвола феодала, хотя санкция феодалу в таких случаях определялась значительно слабее, чем представителям низших сословий (за исключением преднамеренного убийства крестьянина). Таким образом, Уложение, следуя за непосредственно предшествующим законодательством и дополняя его, решало поземельный и крестьянский вопросы во взаимосвязи, подчиняя вопрос о крестьянстве поземельному вопросу.

По основной массе дел дееспособность крестьян была ограничена (за них «искали» и «отвечали» помещики), но в уголовных делах они оставались субъектом преступления. Как субъект права крестьянин мог участвовать в судебном процессе в качестве свидетеля, быть участником повального обыска. В гражданско-правовой сфере он мог предъявлять материальные иски в пределах 20 рублей. В факте возмещения за бесчестье и увечье, предусмотренного Уложением, крестьянин наряду с другими сословиями получил признание (с позиций феодального общества) — определенный комплекс гражданских прав, присущих низшему классу-сословию этого общества. Крестьянин, по Уложению, обладал определенной право- и дееспособностью. У чернососных крестьян объем этих прав был больше, чем у частновладельческих.

³⁵ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. 1. М.—Л., 1946, с. 31—34.

Холопство со времен Древней Руси до полного его исчезновения в начале XVIII в. было вторым по численности феодально зависимым сословием. Естественно, что Уложение 1649 г., отражая классово-сословную структуру феодальной России середины XVII в., уделяло холопству большое внимание, посвятив ему отдельную, XX («Суд о холопах») главу, состоящую из 119 статей. Эта глава знаменует определенный этап в сложной эволюции холопства — как в правовом, так и социальном отношениях. Она регламентирует правоотношения не только в сфере различных видов собственно холопства, но в отличие от главы о крестьянах носит более универсальный характер, содержит почти весь комплекс норм, затрагивающих и все формы личной зависимости, лежащие за пределами основного классово-сословного деления феодального общества на крестьян и феодалов и возникающие в условиях феодального общества на основе вольного найма, добровольной службы, займа и т. п. И холопское право отнюдь не доминирует в Уложении, как это утверждал А. И. Яковлев.¹ В XX главе представлены все виды холопства, присущие развитой стадии феодализма: полное холопство, старинное, докладное, добровольное, кабальное и, наконец, купленные люди. Однако удельный вес этих видов холопства в социальной и правовой сферах середины XVII в. был весьма различным. Соответственно и в Уложении они занимают далеко не равное место.

Бесспорно доказанным является то, что полное холопство, характеризующееся бессрочной потомственной и наследственной формой зависимости, как жизнеспособный институт прократило свое существование к концу XVI в., будучи вытеснено преимущественно кавальным холопством.² Правда, потомки полных холопов еще долгое время были многочисленны.³ Поэтому вывод

¹ А. Яковлев допускает некоторое преувеличение, утверждая, что «Уложение 1649 г. холопством пропитано пascвозь». Без достаточного основания значительную часть упоминания «людей» он относит к холопам, посчитав таким образом более 200 статей Уложения, прямо или косвенно имеющих отношение к холопам (Яковлев в А. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М.—Л., 1943, с. 54). В действительности помимо XX главы (119 статей) слово «холоп» встречается в двух статьях X главы (92, 174) и в одной статье XXI главы (69). Слово же «люди» употреблялось тогда в широком смысле. Под ним могли подразумеваться холопы и крестьяне на равных основаниях. Холопы же могли иметь отношение к следующим обозначениям людей: беглые люди, боярские, дворовые, деловые, старинные, мастеровые. В Уложении эти обозначения встречаются в 11 главах в 42 случаях.

² Валк С. Н. Грамоты полные. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пгр., 1922, с. 117—118; Колычева Е. И. Холопство и крепостничество (конец XV—XVI в.). М., 1974, с. 11—23; Папаян В. М. Холопство в XVI—начале XVII в. Л., 1975, с. 7—10, 243.

³ Колычева Е. И. Указ. соч., с. 23.

С. Н. Валка о том, что упоминание полных грамот в пяти статьях XX главы Уложения 1649 г. является кодификационным дефектом, вызванным «недостаточной проработкой источников тех или иных статей», представляется излишне категоричным.⁴ Бесспорно суждение того же автора, что полная грамота прекращает существование не позднее начала XVII в.⁵ Его следует, однако, понимать в смысле прекращения выдачи новых полных грамот в связи с изживанием самого института полного холопства.⁶ Но полные грамоты от конца XVI в. и ранее могли быть еще во времени Уложения 1649 г. на руках какой-то части холоповладельцев. Именно это обстоятельство имеет в виду 101-я статья XX главы, отказывающая в правах на холопа по полной грамоте деда, коль скоро права внуков на холопа в ней не оговорены. Иски по полной грамоте деда к середине XVII в. не были, видимо, большой редкостью, чем и вызвано появление данной статьи и ее назначение: удовлетворять иски о холопах по полной грамоте родителей. Такое допущение подкрепляется двумя статьями (21, 32), признающими права владельца более старой полной грамоты в случае столкновения полной и кабалы или двух полных на одного и того же холопа. Принцип старины, старшинства закрепощающего акта законодательно отразился в Уложении и относительно крестьянства: Уложение сохраняло прежний обычай включения полных холопов в духовные, рядные, данные и прочие грамоты наряду со всем остальным имуществом (XX, 61). Беглый полный холоп подлежал сыску и возврату своему владельцу вместе с женой и детьми, которые значатся с ним в одной крепости или родились в холопстве (XX, 4). Уложение вслед за прошлым законодательством не допускало оформления служилой кабалы на человека, связанного какой-либо иной формой зависимости, в том числе и полной грамотой (XX, 21). За это, однако, санкция не назначалась: норма закона могла быть реализована лишь в случае возбуждения иска со стороны владельца полной грамоты и при условии регистрации ее в кабальных книгах. Однако Уложение не исключало вовсе оформление кабалы на полных холопов и, следовательно, переход их из одного состояния в другое. Такое предпочтение кабального холопства полному видно в норме, оставляющей в силе кабалу в том случае, если на то же лицо предъявлена полная грамота деда (XX, 101).

В целом Уложение включает незначительное число статей, относящихся к полному холопству. Но все они содержат важнейшие нормы правового положения полного холопа, отличаю-

⁴ Валк С. Н. Указ. соч., с. 117—118. — То обстоятельство, что источником этих статей служили статьи Судебника 1550 г., едва ли может быть основанием подобного заключения. Судебник 1550 г. является источником многих статей других глав Уложения.

⁵ Там же, с. 118.

⁶ Колычева Е. И. Указ. соч., с. 22.

щие его от холопа кабального. При таком положении дела едва ли возможно видеть в данном случае кодификационный дефект. Но бесспорно и другое. В Уложении полное холопство выступает как пережиточное, рудиментарное явление. Уложение подталкивало процесс его полного отмирания, оказывая явное предпочтение кабальному холопству перед всеми остальными видами холопской неволи.

Другой разновидностью старого холопства было холопство старинное. Оно не было известно Судебнику 1497 г. и всего однажды упомянуто в Судебнике 1550 г.⁷ По общему мнению историков, в юридическом плане старинное холопство сродни холопству полному и генетически в значительной мере связано с ним. Однако ряды старинных холопов в XVI в. пополняли потомки не только полных холопов, но и холопов докладных, кабальных и других разновидностей объектов холопской неволи. Уже в XVI в. наряду с изживанием холопства полного происходит изживание старинного холопства, хотя этот процесс протекал значительно медленнее.⁸ Именно этим следует объяснить, что Уложение 1649 г. уделяет заметное внимание старинному холопству,⁹ давая широкий спектр его правового положения. Более того, основной водораздел в законах о холопах в Уложении 1649 г. проходит между холопством старинным, которое в таком случае становится собирательным термином, включающим в себя многие старые, отживающие формы холопства, в том числе и полное, и холопством кабальным как новой его разновидностью.¹⁰ Главная черта правового положения старинного холопа состоит в том, что он передавался по наследству; основанием в таком случае служило наличие старинных крепостей (XX, 13).¹¹ Отсюда и право включать старинных холопов в духовные, рядные и приданные грамоты (XX, 31, 77).

Право наследования старинных холопов не было абсолютным. В случае выдачи холопу отпускной при жизни владельца или по его завещанию родственники господина теряли право наследования (XX, 53). Это право не распространялось на мужей наследовательниц (сестер, дочерей господина). В случае их смерти

⁷ Статья 78; см.: Валк С. Н. Указ. соч., с. 116.

⁸ Панеях В. М. Указ. соч., с. 9—10, 252.

⁹ В главе о холопах насчитывается более 20 статей о старинных холопах и «людах».

¹⁰ Так, 14-я статья XX главы предписывает в отношении тех, кто не имел отпускных, устанавливать путем допроса, на каком основании они служили у прежнего господина — «по старинному ли холопству, или по кабалям»; 15-я статья в случае внезапной смерти владельца холопов требует отпускать их на волю, если они кабальные, а не старинные; другие примеры см. по ходу дальнейшего изложения.

¹¹ Термин «старинные крепости» имеет родовой, а не видовой характер. Под ним подразумевался любой вид старых крепостей, в том числе и полные грамоты. Это понятие противопоставлялось кабальным крепостям.

холопы подлежали возврату по рядным записям прежним владельцам. Старинное холопство, как и полное, было не только наследственно, но и потомственно. Старый принцип, идущий от Русской правды и закрепленный в судебниках — «по робе холоп, по холопу роба», — оставался в силе и в Уложении: «А которые старинные холопы написаны кому в духовной и по рядной в приданных и те люди по духовной и по рядной записи по рабе холоп и по холопе раба» (XX, 31). На этой основе холопское состояние распространялось на свободного, вступившего в брак с холопом или холопкой (XX, 87). Тем самым брак продолжал оставаться одним из источников холопской неволи.

Уложение охраняло неприкосновенность статуса старинного холопа и права владельца на него. В основу этого положен принцип старины, столь характерный вообще для феодального права. В случае столкновения в отношении одного и того же лица старинной крепости и служилой кабалы предпочтение отдавалось первой (XX, 21). При той же ситуации принцип старины мог восторжествовать и при отсутствии документального основания, но при условии, если старина будет подтверждена обычными людьми в ходе повального обыска (XX, 108). Старина же, доказанная документально или в результате следствия, служила основанием сыска и возвращения беглых старинных холопов (XX, 84, 87).¹² Итак, основанием права на старинных холопов служили различного рода старинные крепости и новые духовные, рядные, приданные, а также правые грамоты, полученные в результате судебного разбирательства прав на холопа (XX, 82). При утрате крепостей на старинных холопов в период интервенции и крестьянской войны начала XVII в. Уложение вслед за указом 1613 г.¹³ признавало основанием прав на холопов явки, сделанные господами согласно указам 1613 и 1614 гг. При утрате крепостей и отсутствии явок основанием владельческих прав могли служить показания обыскных людей (XX, 29).

Возникновение третьего вида холопства — холопства докладного — датируется концом XV — началом XVI в. Оно было немногочисленным, поскольку оформляло зависимость сельской верхушки холопией иерархии, привилегированных слуг — министериалов. И этот вид холопства претерпевал процесс постепенного изживания. В законодательстве до Уложения 1649 г. докладные грамоты упоминаются с 1550 по 1609 г.¹⁴

Упоминания докладных людей в Уложении немногочисленны всего в четырех статьях. Одна из них устанавливает, как и в отношении полных купленных людей, право наследственного владения докладными холопами по прямой нисходящей линии,

¹² О сыске беглых холопов см. с. 131—132.

¹³ Максимович Л. Указатель российских законов, т. 1. М., 1807, с. 153.

¹⁴ Колычева Е. И. Указ, соч., с. 27; Панейх В. И. Указ, соч., с. 10—11.

вплоть до правнуков, на основании духовных, рядных, данных и т. п. (XX, 61). Соответственно Уложение охраняло права на докладного холопа, если на него будет взята кабала без отпускнутой и без установления его холопского состояния. В таком случае холопа надлежало «по сыску отдать тому, чья крепость старее» (XX, 21). Принцип старины положен и в основу решения спора в случае столкновения двух докладных на одного и того же холопа (XX, 32). Обе докладные в данной ситуации предполагаются относящимися к прошлому.

На основе совокупности всех приведенных данных правомерен вывод, что Уложение исключало выдачу докладных грамот в дальнейшем. И докладное холопство выступает в нем как пережиточное и отмирающее состояние.

Юридически однородным с вышеуказанными видами холопства было положение купленных людей. Но у них было одно существенное отличие — это была возобновляемая категория, хотя источник ее пополнения по Уложению ограничивался только татарами Сибири и Нижнего Поволжья.¹⁵ Примечательна попытка законодателя, пусть косвенно, очертить границы понятия купленных людей. Устанавливая обязательность жеребьевки относительно поженившихся в бегах холопа и холопки, принадлежащих разным владельцам, с тем чтобы не разбивать семьи, Уложение предписывало тому, кто по жеребью получит супружескую пару, выплатить стороше, утратившей холопа или холопку, 10 рублей, оговаривая при этом, что «купленными людьми... тех людей не называть» (XX, 115). Но, разумеется, что в числе унаследованных купленных людей к середине XVII в. были не только татары. Отменяя указ от 1623—1624 гг., запрещавший покупку татар в Сибири и Астрахани, Уложение возобновляло эту практику, лишая права покупки татар лишь воевод и приказных людей, находящихся на службе в Астрахани и Сибири (XX, 117).¹⁶ Разрешая покупку и продажу татар, законодатель стремился пресечь пасыльственный их захват и кражу, наказывая за подобные действия «жестокое наказание» и возврат украденных по принадлежности. Этот закон, надо полагать, имел целью упорядочить взаимоотношения среди холоповладельцев путем пресечения взаимных краж и пасыльственных захватов холопов.

Регистрация купчих и давших на татар в приказе Холопского суда была обязательной при условии, что купчих не оспариваются татарами и писаны не «за очи». В отношении опротестованных купчих назначался сыск, и если устанавливалось, что

¹⁵ Разумеется, под понятие татар могли попадать представители других народностей указанных областей.

¹⁶ Из другой статьи видно, что покупка татар допускалась и на Дону, и в «городах» — без указания, в каких именно, — или «кто возьмет сам попомом» (XX, 99).

они поддельные или писаны «за очи», то в книги приказа не заносились, а в отношении виновных предписывалось «чинити по них указ, до чего доведется» (XX, 74, 99).

Права распоряжения купленными людьми, в том числе и татарами, были широкими: их завещали, включая в духовные, дарили, оформляя данные, давали в приданое, продавали. В итоге таких сделок права на купленных людей наследовались женами, а по прямой линии родства до четвертого колена (правнучата) (XX, 61, 77, 98). Права наследования переходили даже в том случае, если купленные люди не были указаны в духовной умершего владельца (XX, 100). Но, как и в отношении старинных холопов, права на купленных людей не передавались мужьям дочерей и сестер холоповладельца в случае их смерти. По рядным записям купленные люди возвращались прежнему владельцу (XX, 62). Продажа запрещалась лишь в отношении новокрещеных, как и оформление на них служилых кабал в приказе. Крещенные в православную веру получали право освобождения от холопской зависимости, в которой находились до крещения (XX, 97). Это было, возможно, исключением из общего правила, поскольку нормами русского права продажа православных допускалась.¹⁷ Однако в данном случае нельзя не видеть один из симптомов изживания института купленных людей. В еще большей мере эта тенденция сказывается в норме Уложения, допускающей оформление служилых кабал на купленных татар (XX, 117).

К категории безусловного и наследственного холопства принадлежали и полоняники. В России плен никогда не играл решающей роли в пополнении рядов холопства. Длительные войны XVI в. с Польско-Литовским государством, Швецией, а на востоке с Казанским и Астраханским ханствами влекли значительное получение полна. Однако уже тогда русское правительство практиковало дифференцированный подход к пленным. Представители шляхты, мещане, ремесленники приглашались на государственную службу, а пленные из социальных низов становились холопами феодалов. Регламентация правового положения пленных возникла в 50-х гг. XVI в. Именно к этому времени историки относят резкое изменение положения пленников-холопов, что было связано прежде всего с указом 1558 г. о службе полоняников по смерти господина.¹⁸ К тому же году относится второй указ о пленных, обязывающий тех из них, которые приняты православие, служить царю. Лишь отставленные от службы по возрасту и состоянию здоровья могли поступать в полные,

¹⁷ Не исключено, что норма об освобождении новокрещеных носила декларативный характер. В другом случае Уложение узаконивало наследование новокрещеных татар даже в том случае, если они не указаны в духовной (XX, 100).

¹⁸ ПРП, IV. М., 1956, с. 551.

докладные или кабальные холопы, оформляя свою неволю через доклад казначеев.¹⁹

В первой половине XVII в. истончики полона были те же. Иностранная интервенция и война с Польшей 1632—1634 гг. пополнили ряды «литовских полонеников», а нашествия крымских татар и столкновения на южных рубежах — ряды татарского полона. Каждая из этих групп имела свои правовые особенности. В октябре 1634 г., спустя четыре месяца после заключения Поляновского мира, по городам были разосланы царские грамоты с предписанием разрешить польским и литовским пленным свободный выезд на родину, а тем, кто не захочет выезжать, свободный выбор места жительства и поступления в холопы; запрещалось расторгать браки литовцев и поляков с русскими.²⁰

Уложение, ссылаясь на то, что в прошлом литовским полоняникам, вступившим в брак с русскими крестьянами и холопами, было предоставлено право выезда в Литву или освобождения от холопской зависимости, предписывало отказывать впредь в просьбах об освобождении тем из холопов литовского полона, которые остались жить у своих господ (XX, 69). Указ 1558 г. о службе полоняников до смерти своих господ к середине XVII в. оказался забытым.²¹ В Уложении есть статья, допускающая включение полоняников в духовные и в рядные приданые с передачей прав наследования женам и прямым потомкам вплоть до правнуков (XX, 61). Тем самым правовое положение полоняников приравнивалось к положению старинных видов холопства.²²

Пленные татары могли быть проданы и тем самым переходили в разряд купленных людей (XX, 98). Русским людям из религиозных соображений еще по указу 1627/28 г. запрещалось быть в услужении в холопах и жить во дворах некрещенных иноземцев. Соответственно иноземцы неправославных исповеданий могли держать слуг только из числа иноземцев (XX, 70). Освобождение от господ получали лишь те полоняники и другие иноземцы, которые, служа у неправославных, соглашались принять православие, но при этом должны были выплатить за себя выкуп в размере 15 рублей (XX, 71). Частично продолжая линию указа от 1 сентября 1558 г., Уложение допускало холопское состояние тех поокрещенных из полоняников, которые в «государеву службу не пригодятся». При этом оформление холопского

¹⁹ Колычева Е. И. Указ. соч., с. 33—48.

²⁰ См. Грамоту воеводе Перми и Чердыни: ААЭ, т. III. СПб., 1836, с. 389.

²¹ Колычева Е. И. Указ. соч., с. 45.

²² Кушева Е. Н. О плене как источнике холопства во второй половине XVII в. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 230.

статуса в отличие от указа 1558 г.²³ устанавливалось только в виде служилой кабалы (XX, 37), что отвечало общей линии правительственной политики первой половины XVII в. в холопьем вопросе. Сказанное о пленных позволяет несколько ограничить тезис о плене как об одном из источников наследственного холопства в середине XVII в.²⁴

Статус кабальных людей стал складываться с конца XV в.²⁵ Видным рубежом в его развитии явилось Уложение от 1 февраля 1597 г. Оно отменило право кабального человека освободиться от холопской зависимости путем выплаты долга и установило кабальную службу до смерти господина без права передачи кабального холопа по наследству. Освобождение по смерти господина от кабальной зависимости было сопряжено с освобождением от возврата кабального долга. В кабальную зависимость до смерти господина попадали и дети кабальных холопов, если они родились после оформления кабалы их родителями. Наконец, Уложение 1597 г. содержало требование регистрации старых и новых кабал в книгах приказа Холопьяго суда.²⁶ Для нашей цели нет нужды останавливаться на законодательных перипетиях, касающихся кабального холопства в начале XVII в. и связанных с событиями классовой борьбы того времени. Отметим только, что указ Василия Шуйского 21 мая 1609 г. провозглашал возврат к нормам Уложения 1597 г. относительно кабальных людей. Отсутствие в последующие сорок лет каких-либо законов по этому предмету говорит о том, что статус кабального холопства приобрел в первой половине XVII в. довольно устойчивый характер.²⁷ И Уложение 1649 г. не вносило в него каких-либо существенных перемен, хотя впервые в истории законодательства был выработан детальный и всесторонний свод законов о холопах, включавший в себя наслоения прошлых времен и итоги судебной практики по холопским делам.²⁸ Вместе с тем с Уложением 1649 г. связано окончательное завершение длительной

²³ Указ 1558 г. допускал поступление в полные и докладные холопы (см.: ПРП, IV, с. 551).

²⁴ Ср.: Колычева Е. И. Указ. соч., с. 45. — Ограничение Уложением роли плена в пополнении холопства отмечено в литературе (см.: Дьяконова М. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. Изд. 4-е. СПб., 1912, с. 358). Однако Е. Н. Кушева оспорила этот тезис М. Дьяконова (Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 231).

²⁵ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. кн. 2. Изд. 2-е. М., 1954, с. 119; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. М., 1960, с. 259.

²⁶ ПРП, IV, с. 372—373. — По Л. В. Черепнину, Уложение 1597 г. зафиксировало реально сложившуюся практику в отношении кабальных людей (Черепнин Л. В. Указ. соч., с. 259). В. М. Панях видит в Уложении 1597 г. преобразование кабального холопства «на совершенно новых правовых основах» (Панях В. М. Указ. соч., с. 105).

²⁷ Панях В. М. Указ. соч., с. 218—219.

²⁸ Яковлев А. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., т. 1. М.—Л., 1943, с. 290.

эволюции кабальных людей в кабальных холопов, важнейшим поворотным пунктом которой был указ от 1 февраля 1597 г. Давно отмечено, что Уложение 1649 г. знает только поступление в кабальное холопство.²⁹ Основным источником пополнения кабальных холопов составляли незакрепощенные элементы общества, не принадлежащие ни к служилому сословию, ни к феодально зависимому крестьянству. Значительная прослойка вольных «гулящих людей», отпущенные на волю холопы, среди которых заметную часть составляли кабальные же холопы, получившие отпускные по смерти своих господ, — весь этот пестрый конгломерат составлял основной костяк пополнения кабального холопства (XX, 7, 8, 16, 52). Сюда же относились новокрещенные из полоняников и служилых иноземцев, освобожденные от государственной службы (XX, 37); в весьма ограниченной форме попадали в кабальные холопы дети боярские — те из них, которые, будучи освобождены от холопства для прохождения государственной службы, с целью избежать ее вновь били челом о вступлении в холопы. Закон возвращал их в холопство к прежним хозяевам (XX, 3). По желанию господина было обязательным оформление служилой кабалы на «добровольного холопа», прослужившего во дворе бескабально более трех месяцев (XX, 16).³⁰ Наконец, ряды кабальных холопов пополнялись за счет купленных татар, на которых допускалось оформление служилых кабал (XX, 117).

Вместе с тем Уложение строго регламентировало источники пополнения кабального холопства. Регламентация шла по двум линиям — возрастной и социальной. Вслед за указом 1558 г.³¹ запрещалось оформлять служилые кабалы на лиц моложе 15 лет (XX, 20). В социальном плане из круга закабаляемых на будущее время в соответствии с Уложением от 23 июля 1641 г.³² исключались верстаные и неверстаные дети боярские (XX, 2), кроме тех, кто злостно уклонялся от государственной службы (XX, 3).³³ Запрет оформления служилых кабал распространялся и в отношении крестьян и бобылей — как чужих, принятых временно по пайму (XI, 32) или беглых (XX, 6), так и собственных (XX, 113). В равной мере запрещалось кабалить членов семей крестьян. При кабалении чужих крестьян санкцией служила потеря ссуды вместе с кабальными, которые возвращались прежнему владельцу в качестве крестьян. А при оформлении

²⁹ Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права, вып. 3. Изд. 3-е. СПб., 1889, с. 92; Дьяков М. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. Изд. 4-е. СПб., 1912, с. 360.

³⁰ О добровольных холопах см. ниже (с. 120—121).

³¹ Акты исторические, т. 1. СПб., 1841, № 154—XII.

³² ПРП, V. М., 1959, с. 370—371.

³³ Оставались в холопах и те дети боярские, которые дали на себя служилые кабалы до Уложения 1649 г. (XX, 1).

кабал на своих крестьян закон назначал санкцию в неопределенной форме: «что государь укажет» (XX, 113). Холопий приказ был обязан ежегодно рассылать грамоты городовым воеводам и приказным людям с запретом оформлять кабалы на крестьян и крестьянских детей (XX, 6).

При широком размахе процесса закабаления закон ограждал права на старые виды холопства. Если кабала оформлена на полного, старинного или докладного холопа, не имевшего отпусной, то при возникновении конфликта холоп отдавался тому, «чья крепость старее» (XX, 21). Кабала, оформленная на беглого холопа при жизни его хозяина, не имела юридической силы (XX, 114).

Наконец, исключалось насильственное оформление кабал на лиц, прослуживших добровольно во дворе господина менее трех месяцев. При нежелании оформить на себя кабалу эти лица отпускались на волю (XX, 16). Исходная ситуация, предусмотренная 7-й и 16-й статьями главы XX Уложения 1649 г., одна и та же: бьет челом в услужение вольный человек, в первом случае сразу же оформляя на себя служилую кабалу, а во втором — желая некоторое время послужить бескабально, добровольно: «А будет к кому придут какие люди и учнут бити челом в холопство, а скажутся, что они волные люди... Да будет те люди в холопье приказе в роспросе скажут те же речи...» (XX, 7). «А будет которые волные люди на Москве и в городе бьют челом кому в холопство добровольно, и бив челом, учнут у тех людей, кому они бьют челом в холопство, жити бескабално месяц, или два, или три месяцы...» (XX, 16). Исключение по закону такой практически возможной ситуации привело бы к сокращению притока вольных людей в кабальные холопы. Законодатели не могли пойти на подобный шаг, предпочтя путь сокращения срока бескабальной службы. Если указ от 11 октября 1555 г. легализовал добровольную службу, подчеркнув право лиц, вступающих в нее, покинуть хозяев «с отказом» и «без отказа» и лишив хозяев в последнем случае права иска о сносе на том основании, что на послужильца не была оформлена кабала,³⁴ то уложение от 1 февраля 1597 г. установило срок добровольной службы без оформления служилой кабалы в пределах полугода, по истечении которых хозяин мог оформить кабалу даже вопреки желанию послужильца. В этой связи Уложение 1597 г. впервые ввело термин «добровольный холоп», отнеся его исключительно к лицам, прослужившим добровольно не менее полугода.³⁵ Именно эти добровольные холопы лишались права

³⁴ ПРП, IV, с. 514.

³⁵ Это очевидно из слов Уложения 1597 г.: «И которые люди волные послужили у ково недель пять-шесть, а кабал на себя дати не похотят и тех людей отпущати на волю. А хто скажет послужил у ково добровольно с полгода и больше, а кабалы на себя дати не похочет, а сыщут, что тот добровольный холоп у тово человек служил с полгода и на тех вольных

покинуть своих хозяев, а интересы последних правительство брало под защиту.³⁶ Уложение 1649 г. пошло дальше. В нем нет понятия «добровольная служба». Речь идет здесь о том, что вольные люди быют челом добровольно непосредственно в холопы, воздерживаясь временно от оформления служилой кабалы. Уложение допускало такое состояние в течение трех месяцев, по истечении которых хозяин получал право безоговорочного оформления служилой кабалы на такого добровольного холопа (XX, 16). В то же время правительство не брало на себя защиты прав холоповладельцев в отношении лиц, служивших добровольно без оформления кабалы, отказывая в исках о сносе в случае их ухода «с отказом» или «без отказа» (XX, 17).³⁷ Отсюда следует, что бескабальная служба в холопах рассматривалась в Уложении как переходная стадия к холопству кабальному и не имела своего юридического статуса. Объективно это означало признание полноправным перед законом только состояния кабальной неволи.³⁸

Из сказанного видно, что закон ограждал от служилой кабалы и похолопливания как представителей господствующего класса, так и основной феодально зависимый класс — крестьянство. Право владения холопами — старинными и кабальными — было исключительной привилегией господствующего класса. Однако в силу того, что между прежними видами холопства (полное, старинное, докладное, купленные люди) и зависимостью по служилой кабале, при усилении с конца XVI в. холопских черт этой зависимости, существовали определенные правовые отличия,³⁹ объем правомочий различных групп господствующего класса в отношении холоповладения был не одинаков.

Церковные феодалы не имели полных и старинных холопов, в то время как верхушечный слой их — от протодьяконов и выше — имел право оформлять служилые кабалы на вольных людей, которые изъявляют желание жить у них. Низшее духовенство — попы, дьяконы, церковный причт и монастырские служки — лишались этого права (XX, 104). Лишались его и боярские люди, среди которых могли быть видные слуги бояр (XX, 105). На практике такое же положение было у посадских

холопей служилые кабалы давати...» (ПРП, IV, с. 374. — Подчеркнуто мною. — А. М.).

³⁶ Там же.

³⁷ Законодатели поступали здесь в полном соответствии с другими случаями отказов в исках о сносе при отсутствии регистрации крепостей, например при побеге новокрещенов (XX, 38).

³⁸ Несколько иную трактовку состояния добровольной службы и добровольного холопства см.: Папеев В. М. 1) Добровольное холопство в законодательстве XVI—XVII вв. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 198—216; 2) Холопство в XVI—начале XVII в., с. 27—47, 131—145, 219—242; см. там же литературу вопроса.

³⁹ О правовом статусе кабального холопа см. ниже (с. 128—131).

людей и черносошных крестьян.⁴⁰ У всех этих низших сословий вольные люди могли жить лишь по жилым записям «урочные годы» (XX, 104). Другой вид ограничений прав владения кабальными холопами шел по служебной линии. Воеводам и приказным людям запрещалось кабалить для себя жителей городов, находящихся в их ведении (XX, 58).

Уложение 1649 г. всесторонне регламентировало процесс оформления зависимости по служилой кабале. Вслед за Уложением от 1 февраля 1597 г. основное требование сводилось к обязательной регистрации служилых кабал в книгах Холопьяго приказа. В этой связи определялась степень законности кабал прошлых лет. Кабалы, заверенные дьяками и «за подъячих справкою», выданные в 1612 г. и ранее, были действительны и при отсутствии кабальных книг, в которых они зарегистрированы (XX, 56). Старые кабалы, писанные «до московского разорения», если отсутствовали книги и не было в живых дьяка, губного старосты или городского приказчика, подписавших их, признавались имеющими силу лишь при обнаружении других кабал с теми же подписями (XX, 103). Подтверждалось действие кабальных книг, присланных из городов в Москву до указа от 26 августа 1640 г. (XX, 107).

Текущее оформление служилых кабал варьировалось в зависимости от состояния кабалимого. Если это были вольные люди, то господин путем их допроса обязан был убедиться в этом и установить, что перед ним не служилые люди и не служилых господ дети, не холопы и не крестьяне. После допроса такие люди должны быть отведены в Холопий приказ и вновь подвергнуты допросу. Если показания совпадали с первоначальными, то таких лиц заносили в книги и на них выдавались кабалы (XX, 7). Холопы, бывшие челом в кабальное холопство после смерти своих господ, обязаны были предьявить отпускные за подписью своих хозяев или приказчиков. Отпускные требовались и в том случае, когда родители хотели переоформить служилые кабалы на имя своих детей (XX, 9).⁴¹ Вслед за боярским приговором 1606 г. закон запрещал оформление кабалы па имя двух лиц одновременно (отец с сыном, дядя с племянником), допуская владение только порознь и последовательно, с переоформлением кабал (XX, 47). Кабалы совместного владения, выданные до 1649 г., подлежали переоформлению (XX, 48). Наличие, таким образом, отпускной для оформления новой кабалы было обязательным. Закон, однако, допускал возможность ее отсутствия. Если холоп утверждал, что он служил по кабале,

⁴⁰ Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия..., вып. III, с. 87.

⁴¹ Предусматривался и такой казус: холоп, имея отпускную, бил челом в холопство, а затем, оставя отпускную, но до оформления новой кабалы, снова бил челом в холопство к другому лицу. Закон предписывал в таком случае оформлять кабалу на имя первого лица (XX, 10).

называл имя своего господина и указывал с какого года служил, то запись о кабале отыскивали в книге. При ее наличии и при отсутствии спора о холопе на него выдавали кабалу новому владельцу (XX, 12). Но если прежний хозяин холопа был жив, а отпускной не дал, то новая кабала не оформлялась (XX, 11).

Отпускная могла отсутствовать по причине внезапной смерти господина. В таком случае кабальный холоп имел право бить челом в Холопий приказ об отпускной и оформить кабалу на имя нового лица (XX, 15).

Отталкиваясь от указа от 30 мая 1641 г.,⁴² Уложение детализировало процесс оформления служилых кабал. Их писали площадные подьячие (XX, 19). Присутствие лица, на которого кабала оформлялась, было обязательным; запрещалось писать кабалы «заочно подставою». Виновные подвергались наказанию кнутом (XX, 23). Не разрешалось заочное включение в кабалы детей старше 15 лет, но в отношении недорослей это допускалось (XX, 110). Такие ограничения были связаны с тем, что неперменной частью формуляра служилой кабалы была запись кабалимого «в рожей и в приметы». Фиксация холопских примет в кабалах и в книгах была обязательной, как средство, помогающее решению тяжб о холопах (XX, 23, 76). Это требование выдвигалось во многих статьях Уложения и клалось в основу решения ряда казусов.⁴³ Если на одного холопа предъявлялись на суде две кабалы и обе записаны в книги, а «в рожей и в приметы» сойдется только одна, то спор решался в пользу владельца именно этой кабалы, даже если она оформлена позднее другой (XX, 75). В городах служилые кабалы подлежали заверке подписями воевод, приказных людей или губных старост. Если в каком-либо городе воевода и приказные люди неграмотны, а губного старосты нет, то служилые кабалы оформлялись в соседнем городе, где имелись грамотные представители власти (XX, 72). Служилые кабалы подлежали регистрации в записных кабальных книгах, которые ежегодно должны высылаться из городов в Москву, имея заверку подписями воевод, приказных людей и губных старост. Заверка кабал и кабальных книг только печатями без подписей не допускалась (XX, 73). В этой связи предусматривался казус: если кабала имела помету местных властей о записи в книги, но там ее не обнаруживали, то на воеводу или приказного налагывалось взыскание, а на холопа выдавали новую кабалу (XX, 28).

В Москве заверка кабал и регистрация их в книгах производилась в Холопьем приказе. Здесь снимали с отпускных копии, оформляли кабалы, приклеивая к ним отпускные и закрепляя подписями дьяков. Копии с отпускных оставались в приказе, а кабалы с отпускными и холопы «в рожей и в приметы»

⁴² Яковлев А. Указ. соч., с. 315—316.

⁴³ См. тл. XX, ст. 8, 23, 75, 76, 110, 117.

записывались в книги (XX, 8). Привод в приказ дающего на себя кабалу был обязателен. Кабала оформлялась на имя того, кто приводил холопа с кабалой. Ранее оформлявший кабалу на того же холопа без регистрации в приказе⁴⁴ терял на него право (XX, 28). А в случае побега холопа отсутствие регистрации кабалы влекло потерю права иска на «снос» (XX, 38).

Личу, ставшему кабальным холопом, выплачивалось «жалованье» (XX, 78). Указание этой суммы в служилой кабале было непременным условием; закон предписывал ее размеры: «писати служилые кабалы... на одного человека в трех рублях, а больше и меньше не писати» (XX, 19). Судебник 1550 г. устанавливал максимум долга по служилой кабале в размере 15 руб.⁴⁵ Установление Уложением от 1 февраля 1597 г. зависимости по служилой кабале до смерти господина без возврата ссуды значительно обособило служилую кабалу от заемной, в немалой мере лишив первую экономических черт с одновременным усилением ее крепостнической сущности. В силу этого обстоятельства и с учетом того, что господин кормил и одевал холопа (этого требовал закон), Уложение 1649 г. вслед за указом 1641 г. узаконило резкое снижение выплачиваемой вступающему в кабальную зависимость суммы и строго ограничило ее размеры 3 рублями.⁴⁶ В то же самое время Уложение оценивало работу мужчины в счет погашения долга по заемной кабале в размере 5 рублей в год (XX, 40). Сравнение этих цифр показывает, в какой мере зависимость по служилой кабале обрела крепостнический характер, а выплачиваемое холопу «жалованье» утратило реальный смысл. Основанием прав на кабального холопа могла быть только служилая кабала. Никакие личные «грамотки» об отдаче себя в холопы ее не заменяли (XX, 18).

Одной из основных черт правового положения кабального холопа была зависимость от господина до его смерти (XX, 63). Уложение стремилось предусмотреть возможные обходы этой нормы и устранить их. Детям воспрещалось держать холопов по отцовским кабалам; холопов следовало отпускать на волю, после чего они могли давать служилые кабалы на себя любым лицам (XX, 52). И при внезапной смерти холоповладельца кабальный имел право получить волю, несмотря на нежелание жены или детей умершего, и поступать в холопство к другим лицам по отпускной (XX, 15). Запрет оформлять кабалу на одного холопа двум лицам одновременно (отцу с сыном, дяде с племянником) (XX, 47) преследовал ту же цель.⁴⁷

⁴⁴ Надо полагать, и у воевод в городах.

⁴⁵ Судебники XV—XVI вв. М.—Л., 1952, с. 169, ст. 78.

⁴⁶ Яковлев А. Указ, соч., с. 315—316.

⁴⁷ Норма дана в приговоре от 7 января 1606 г. (ПРП, IV, с. 376). Однако толкование слов приговора «писати кабалы порознь, отцу опроченная кабала, а сыну опришечная кабала» в смысле разрешения оформлять одновременно две кабалы на одно лицо (там же, с. 402) нам пред-

Подтверждая в этой части приговор от 7 января 1606 г., Уложение тем не менее отошло от его установления отпустить на волю тех холопов, на которых незаконно оформлены кабалы одновременно на два и более лиц, предписав переоформление кабал на таких лиц в соответствии с требованиями закона (XX, 48).⁴⁸

Соответственно запрещалось включать кабальных холопов в духовные и давать их в приданое (XX, 61). Если кабальные люди были включены в духовную, но по смерти господина не хотели жить у его жены и детей, то они могли бить челом в кабальные кому-либо другому (XX, 63). Предусмотрен и случай, когда кабальные холопы могли попасть в духовные грамоты под видом старинных холопов или пных крепостных людей. При возникновении конфликта после смерти господина и при отсутствии старинных крепостей вопрос разрешался опросом холопов и проверкой их показаний по кабальным книгам. Если записи их кабал были обнаружены в книгах, то холопы подлежали освобождению от наследников своего господина. При отсутствии записей духовная вступала в силу (XX, 64). Не давала прав наследования и правая грамота на кабального холопа (XX, 81).

Не создавало исключения из правил ненаследования кабальных холопов приложение к ним старого принципа: по холопу — раба, по рабе — холоп (XX, 31). Частный случай такого приложения предусматривал вступление в брак холопа с холопкой жены или детей его господина. При смерти последнего права на холопа переходили к жене или детям, но и обратно — смерть жены или детей влекла передачу прав на холопку мужу или отцу (XX, 86). Отсюда ясно, что квалифицировать этот двусторонний акт как наследование (в смысле передачи от родителей к детям), как это делает К. Победоносцев, не представляется возможным.⁴⁹ Брак кабального холопа на вольной женщине делал ее холопкой по мужу (XX, 85). Другой аспект приложения того же принципа повлек установление потомственности кабальной пеголи. На родившихся от кабальных холопов распространялся статус их родителей (XX, 83). Женитьба холопа на вольной женщине не только ее делала холопкой, но распространяла

ставляется противоречащим основному закону службы по кабале до смерти господина. Более верной является мысль, что речь идет о последовательном заключении двух актов, из которых второй мог быть заключен по утрате силы первым (Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия..., вып. III, с. 100). См. об этом: Паясях В. М. Указ, соч., с. 195—199.

⁴⁸ В 1606 г. освобождение в таком случае кабальных холопов было санкцией за нарушение правил оформления служилых кабал; в 1649 г., поскольку речь шла о нарушениях, имевших место в прошлом, законодатели проявили заинтересованность не в установлении санкции, а в сохранении рядов кабальных холопов, в силу чего и предписывалось переоформление кабал.

⁴⁹ Победоносцев К. Исторические исследования и статьи. СПб., 1876, с. 23.

на детей те же узы зависимости (XX, 87), причем холопское положение детей должно было быть оформлено служилой кабалой даже против их воли (XX, 30). Однако дети, родившиеся до того, как их родители стали холопами, и живущие отдельно, холопству по родителям не подлежали (XX, 5). Этот закон заимствован из Судебника 1550 г.,⁵⁰ в котором отпесен к полным и докладным холопам. К середине XVII в. он утратил значение для всех старых форм холопства и имел отношение только к одной его разновидности — холопству кабальному.

В условиях феодального общества кабальная зависимость не только *de facto*, но и *de jure* нередко возникала из вольного найма.

М. Владимирский-Буданов отметил: «В древности право на действия лиц, особенно в договоре личного найма, легко переходило в право на лица (обязательственное право близко грапичило с вещным)».⁵¹ Именно поэтому Уложение, допуская временный вольный найм крестьян и бобылей, воспрещало оформлять на них жилые и ссудные записи и служилые кабалы, предписывая отпускать наймитов, как только минет срок найма (XI, 32). Эта частная норма была продиктована стремлением оградить целостность сословия крестьян в интересах тех же феодалов. Общей же нормы о запрете кабалить наймитов Уложение не содержит.

Наиболее часто особая форма личной зависимости возникала из практики займа. Отражая высокий уровень развития ростовщических операций, в сферу которых были втянуты не только торгово-ремесленные круги, но в еще большей степени состоятельные слои господствующего класса, Уложение вслед за предыдущим законодательством уделяет большее внимание долговому праву,⁵² регламентируя правовые следствия несостоятельности должников. При неуплате долга по заемной кабале или по «записи за рост служить» — как в случае признания заемщиком этой вины, так и вследствие установления ее в ходе судебного разбирательства и при отсутствии возможности вернуть долг — заемщик отдавался истцу «головою до искупа» (X, 206; XX, 39).⁵³ Искуп состоял в работе на займодавца в счет долга по официально установленному расчету: мужчины по 5 руб. в год, женщины — 2½ руб., дети должников в возрасте свыше 10 лет — по

⁵⁰ Судебники XV—XVI вв., с. 168, ст. 76.

⁵¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия..., вып. III, с. 93.

⁵² Об этом см. далее (с. 210—213).

⁵³ Отдача головою до искупа предусматривалась и в отношении сторожей, у которых произведена кража охраняемого ими имущества (X, 275). В 39-й статье XX главы воспроизведен с незначительной перестановкой отдельных слов указ от 15 октября 1557 года, по без последней фразы: «А в полные и в докладные тем ответчиком исцом своим в их исках не продаватись» (ПРП, V, с. 517).

2 руб. в год. Погашение таким путем иска влекло освобождение должника и членов его семьи от зависимости.

В случае смерти заимодавца до полной отработки долга права на должников переходили к наследникам до окончания «искупа» (XX, 40). Однако закон допускал для должников, обедневших в результате несчастных случаев (пожар, грабеж и другие бедствия), рассрочку уплаты долга по заемным кабалам, но не более как до 3 лет. При этом оформлялись поручные записи, по которым поручители выплачивали долг полностью в случае измены должника (отъезд за рубеж) или оставшуюся часть долга, если наличного имущества должника не хватало для полного погашения долга (X, 203).

Весьма важно и то обстоятельство, что сословно-классовая основа зависимости по служилой и заемной кабалам была различной. Если владение кабальными холопами было привилегией феодалов и верхов купечества, то ростовщичество не имело сословных границ — давать деньги в долг под проценты или по «записи за рост служить» могли и представители непривилегированных сословий, в равной мере пользуясь правовыми следствиями таких операций. При всей внешней близости зависимости по кабалам служилой и заемной (их срочность: по служилой кабале — до смерти господина, по заемной в случае несостоятельности — до отработки долга) следует признать, что это два самостоятельных и независимых друг от друга вида правоотношений. Отдача головою до искупа имела определенную социальную направленность. От нее освобождались «служилые люди всяких чипов, oprичь меньших» (X, 204, 264).⁵⁴ Долги служилых по отечеству предписывалось погашать за счет их имущества, включая имения и имущество их крестьян и людей (X, 264). Таким образом, дворянин не отрабатывал долг и не мог попасть в зависимость от перодовитого зажиточного человека, у которого брал деньги взаймы.

Несостоятельных должников отдавали кредиторам до искупа обычно с правежа.⁵⁵ Но с правежа должник мог быть выкуплен любым другим лицом, которое погашало его долг, и в таком случае по записи попадал в зависимость от данного лица. Если запись включала обязательство «жить у них, и у детей их во дворе служить и жениться, и женясь потому же служить во дворе...» (XX, 46), а срок службы не был обусловлен, то выкупленный должник служил практически пожизненно, передаваясь по наследству детям господина. «Бессрочная жилая запись» в правовом аспекте создавала своеобразный рецидив полного хо-

⁵⁴ К «меньшим» относились служилые люди по прибору, но из них освобождались от отдачи головою до искупа стрельцы, долг которых погашался из жалованья.

⁵⁵ Г. Котошихин пишет: «А которому ответчику псцова иску заплатить будет печем, и таких, быв на правеже, отдают тому иску в слуги заживать за те денги урочные годы» (Котошихин Г. Указ. соч., с. 119).

лопства.⁵⁶ Обычная жилая запись могла включать условие жить во дворе господина определенный срок или до его смерти. Если жена и дети господина не были упомянуты в записи, то лицо, давшее на себя жилую запись, получало волю по истечении обусловленного срока или по смерти господина. При попытке лиц, давших на себя запись, освободиться досрочно с них взимали штраф (XX, 44).

Своеобразным сочетанием жилой записи и заемной кабалы было оформление отдачи себя с женой и детьми в работу в голодное время «за корм» или под заемные деньги. Расчет производился по обычной норме.⁵⁷ В голодное же время родители могли отдавать в работу своих детей (XX, 43). События начала XVII в. привели к широкой практике такого рода, что не замедлило сказаться в текущем законодательстве и — как следствие этого — в Уложении 1949 г.

Включение в главу о холопах форм зависимости по заемной кабале, отдачи головою до искупа и по жилым записям говорит само за себя. Все это разновидности личной зависимости. При побеге должников кредитор мог заявить в Приказ, из которого они были выданы ему (X, 267). Убийство должника кредитором порицалось, но санкция, как и во многих других случаях, была неопределенной: «что государь укажет» (X, 268).

При всех особенностях правового положения старинных форм холопства, которые указаны выше, Уложение не отделяло их в сословно-правовом отношении от кабального холопства. Главенствующее положение последнего определяло общий правовой статус холопства вообще. Это дает основание рассматривать правовое положение холопов в целом. Вместе с тем правовое положение холопов есть производная от прав и обязанностей холоповладельцев. Поэтому целесообразно этот двуединый аспект проблемы рассматривать совместно. Другое условие анализа данного вопроса состоит в том, что положение холопов следует оценивать в сравнении с положением крестьян.

Экономической основой большего бесправия холопов, чем крестьян, служило отсутствие у холопов собственности, по крайней мере в юридическом смысле. Если в Уложении с крестьянами неразрывно связано понятие о животах (возврат крестьян из бегов вместе с животами и т. п.),⁵⁸ то относительно холопов животы упоминаются всего дважды и в обоих случаях в отрицательном для холопов смысле. Холопы, получившие волю после смерти своих господ, лишались права предъявлять иск о животах их женам и детям (XX, 65). Уложение допускало иск о животах к холопу только относительно платья, в котором он бежал от госпо-

⁵⁶ Г. Котошихин подтверждает практику такого рода: «или кто кого окупити похочет, тому и холоп вечной, по ево живот, или жепы его и детей» (там же, с. 113).

⁵⁷ См. выше (с. 126—127).

⁵⁸ См. выше (с. 102—103).

дина (XX, 93). Зато в большом числе случаев, когда в связи с побегими холопов речь шла об имуществе, говорится о сносе, о похищении беглыми холопами вещей, принадлежащих их господам.⁵⁹ Это не означает, что у холопов не было имущества. Во всяком случае у какой-то части из них, составлявших холопскую элиту, имущество могло быть значительным, но это скорее было владение, а не собственность. В юридическом смысле холоп — неимущий человек, вступающий в зависимость от господина через оформление либо служилой кабалы, получая 3 рубля «жалованья», либо кабалы заемной или жилой записи с обязательством отработки занятой суммы из расчета по 5 рублей в год (для мужчин). Отсюда обязанность холоповладельца кормить и одевать холопа, в то время как крестьянин кормил и одевал себя сам. Если господин в голодное или иное какое время прогонял холопа, не желая его кормить, и при этом не выдавал отпускной, предоставляющей холопу поступить к другому лицу, то холоп имел право бить челом в Холопий приказ о выдаче отпускной. Показания холопа проверялись путем опроса холоповладельца, и в случае их подтверждения ему выдавали отпускную (XX, 41).⁶⁰ Если же владелец холопа опровергал его показания, то холопа возвращали ему, обязав «кормить» и «голодом не морить» (XX, 42). И в случае возвращения беглого холопа закон предписывал «приказать накрепко» господину, чтобы он холопа «до смерти не убил» и не изувечил (XX, 92). Такие же оговорки содержатся в отношении должников из низших разрядов служилых людей по прибору и тяглых людей, которые за неуплату долга отдавались кредиторам головой до искупа. Сказанное означало определенное ограничение власти и прав холоповладельцев в отношении холопов и приравненных к ним категорий похолопленных людей, что делает их зависимость более мягкой и отличающейся от полных форм рабства.⁶¹ И тем не менее необходимо отметить, что запрет крайних мер насилия в отношении холопов не сопровождался назначением каких-либо санкций господам при нарушении предписаний закона.⁶² В отношении третьих лиц уже в XVI в. убийство ими холопа приравнивалось к убийству свободного человека и не проходило безнаказанно. Вообще по отношению к третьим лицам у холопа было больше прав, чем по отношению к своему господину.⁶³ Это по-

⁵⁹ В отношении крестьян снос упоминается в одной статье (XI, 14), в отношении холопов — в 9 статьях (XX, 17, 38, 39, 45, 55, 57, 67, 91, 96).

⁶⁰ Эта статья Уложения повторяет указ от 16 августа 1603 г.

⁶¹ В. И. Сергеевич допускал, что преднамеренное убийство холопа его хозяином не оставалось безнаказанным (Сергеевич И. В. Древности русского права, т. 1. СПб., 1903, с. 139). Однако преднамеренность едва ли можно было доказать.

⁶² Насилия в отношении крестьян, тем более увечье или убийство, были наказуемы. См. выше (с. 100—102).

⁶³ Колычева Е. И. Указ, соч., с. 237—239.

ложение оставалось в силе и в отношении кабальных холопов XVII в.

Право передачи по наследству и в качестве приданого, оставшееся в отношении старинных видов холопства,⁶⁴ не распространялось на кабальных холопов. Соответственно кабальный холоп имел право получить отпускную по смерти господина и бить челом в холопство другим лицам (XX, 52, 63, 64), а человек, отданный головой до искупа или попавший в долговую кабалу, освобождался по окончании отработки долга, право на который передавалось по наследству (XX, 39, 40). При нарушении этих правил холопы по закону могли обращаться в приказ Холопного суда с жалобой на своих господ. По государеву указу и боярскому приговору освобождались от неволи холопы бояр, изменивших русскому государству (XX, 33). Холопы некрещеных иноземцев получали свободу, если принимали православие (XX, 71).⁶⁵ Иноверцам воспрещалось держать русских из соображений различия вер (XX, 70). Освобождение холопов автоматически следовало при возвращении их из плена, кроме тех, кто попал в плен, будучи в бегах от своих господ. Отпущенным на волю отдавались их жены и дети «для полонского терпения» (XX, 34, 35, 36). Однако, как следует из другой статьи той же главы Уложения, возврату подлежали лишь дети, на которых нет самостоятельных кабал, т. е. малолетки. Дети, давшие на себя кабалы или иные крепости, оставались крепки своим господам (XX, 66). Эти законоположения можно поставить в связь с нормой, согласно которой на родившихся от кабальных холопов детей, если они жили бескабально «многие годы», надлежало оформлять кабалы даже против их воли (XX, 30).⁶⁶ А отсюда следует, что рождение от кабального человека не ставило потомство *de jure* автоматически в положение кабально зависимых. Ведь такие лица не были вписаны в кабалы родителей и нет никаких данных о том, что они вносились в них после рождения. Более того, та же статья, допуская насильственное похолопствование детей кабальных холопов по истечении «многих лет» проживания у господ вместе с родителями, говорит: «А будет те холопы из воли (подчеркнуто мною, — А. М.) кабал дати не похотят и на них кабалы дати и в неволю». Кабальными становились дети только в случае, если они родились до кабальной зависимости родителей, а затем были внесены в кабалы при их оформлении. Отсюда следует, что дети кабальных холопов признавались вольными людьми до оформле-

⁶⁴ Если старинный холоп был отпущен на волю при жизни хозяина, то его наследники теряли право на холопа как при жизни, так и после смерти холоповладельца (XX, 53).

⁶⁵ Находящиеся в зависимости от иноземцев по купчим при переходе в православие выкупались за свой счет в размере не более 15 руб. (XX, 71).

⁶⁶ Поскольку оформление кабал допускалось с пятнадцатилетнего возраста, не исключено, что указанные в 30-й статье «многие годы» сводились именно к этому сроку.

ний ими кабалы на свое имя. Другое дело *de facto*: связь малолетних с родителями и жизнь с ними ставила их в положение феодально зависимых. Но бесспорно, что юридически зависимость по служилой кабале не была ни наследственной, ни потомственной. Это обстоятельство существенно отличало положение кабального человека от положения крепостного крестьянина — и не в пользу последнего.

Побегам холопов и их сыску Уложение уделяет столь же большое внимание, как и побегам крестьян. В связи с побегам холопов предпринята попытка дать классово-политическую квалификацию побега как акта, влекущего за собою ссору между феодалами, что нанесло ущерб единству господствующего класса: «А что холоп, бегаючи от старого своего боярина, бил челом во двор иному, и тем учинил ссору, и за то бити его перед Холопым приказом кнутом на козле нещадно, чтобы на то смогря иным неповадно было так воровать» (XX, 22). Как следствие побега подчеркнут и материальный ущерб, в особенности в случаях разорения, причиняемого беглыми людьми прежним владельцам (XX, 4). В предшествующий период, начиная с Русской правды, беглые холопы разыскивались лишь как имущество и укрывавшие их возмещали господам материальный ущерб. Бегство холопа не представляло тогда уголовного преступления.⁶⁷ Уложение вменяет беглому холопу жестокое публичное наказание и одновременно узаконивает возмещение материального ущерба путем предъявления исков к держателям беглых через Судные приказы (XX, 4). Общая формула возврата беглых холопов гласила, что они возвращаются «по суду и по сыску» на основании кабальных и иных крепостей «с женами и детьми, которые дети с отцами писаны в одной крепости, и которые у кого в холопстве породилися» (XX, 4).⁶⁸ Подлежал возврату с женой и холоп, женившийся в бегах «на вольной девке или жонке» (XX, 87). По мужу-холопу после его смерти возвращалась из бегов и бывшая свободная женщина, его жена (XX, 85). Женившегося в бегах холопа возвращали к хозяину с новой женой только в том случае, если умерла прежняя. Если она была жива, то возвращали его одного (XX, 84). Эти же законы распространялись и на холопку, или, по терминологии Уложения, «рабу». Исключение составляло замужество беглых холопов, как и крестьянок, на служилых людях украинских городов. За кабальную «жонку» в таком случае выплачивался вывод в размере 50 руб. (XX, 27).

Сыском беглых холопов занимались либо сами холоповладельцы, либо по их челобитью приставы, или по договоренности

⁶⁷ ПРП, VI. М., 1957, с. 366—367.

⁶⁸ Родившиеся у кабальных холопов дети возвращались с родителями на том основании, что принадлежали им до 15 лет, когда на них оформлялись самостоятельные кабалы (см. с. 123). К родителям и к их хозяину возвращались беглые дети холопов, давшие на себя кабалы в бегах (XX, 83).

другие лица через «заказ» и «переем». В последнем случае сыщику выплачивались «переем» и «за прокорм» по 2 деньги на день за человека (XX, 88, 89). При любом способе поимки беглого доставляли в Холопий приказ, который устанавливал принадлежность холопа на основании 1) крепостных актов, 2) «отцами и матерями» (очная ставка с родителями), 3) повального обыска, 4) пытки холопов, 5) крестоцелования истца и ответчика. При столкновении по поводу одного и того же холопа двух и более крепостей или данных повального обыска вопрос решался в пользу старины (старшего документа) (XX, 24, 25, 49). Еще со времен указа 1623 г. иск о сносе требовалось подавать одновременно с иском о холопе (XX, 57). Видимо, наиболее частым предметом иска о сносе была одежда холопа, принадлежащая господину (XX, 93).

Если ответчик отрицал наличие у него беглых холопов, то прибегали к крестоцелованию. Когда же ответчик «отцелуется», а затем беглые у него объявятся, то в отношении него применялись те же меры, что и при ложных показаниях относительно беглых крестьян.⁶⁹ Если беглый холоп жил у ответчика, а затем сбежал, то ответчику давался поверстный срок для сыска беглого (максимум год). Если холоп не будет пойман, то ответчик обязан уплатить за него 50 рублей (XX, 50, 51). Та же ситуация имела место и в отношении лица, которое «прикажет человека во двор» и будет за него ручаться (XX, 91).

В Холопьем же приказе рассматривались дела в отношении беглых холопов, постригшихся в монахи или поставленных в поны. Иск при его подтверждении удовлетворялся, но холопы предварительно отсылались к патриарху или другим духовным властям, которые давали указ «по правилам святых апостол и святых отец» (XX, 67).⁷⁰

Холоп как объект владения становился предметом судебного спора о правах на него не только в связи с побегам. Но во всех случаях процедура следствия и суда была одинаковой. Стремясь упорядочить этот процесс, Уложение оставляло в силе все прежние решения и сделки о холопах (XX, 79, 119). До судебного разбирательства спорный холоп передавался приставу, в пользу которого шли пожелезное и прокорм, которые взыскивались с проигравшего дело (XX, 34).

А. И. Яковлев справедливо отметил, что Уложение рисует холопов в различных жизненных ситуациях: они ведут хозяйственные дела и тяжбы от имени своих господ и своего собствен-

⁶⁹ См. выше (с. 109).

⁷⁰ Холопы, самовольно надевшие на себя чернеческое платье и скуфы, отдавались своим господам непосредственно из Холопьяго приказа (XX, 68). В отношении беглых крестьян казус пострижения в монахи и поставления в поны в Уложении не предусмотрен. Не говорит ли это о том, что среди холопов были и выходцы из духовной среды, да и грамотность была распространена больше?

ного, несут за своих господ юридическую и нравственную ответственность (X, 39, 141, 239—264), занимаются подрядами, корчемством, совершают грабежи и даже убийства по воле господ, попадают за них на правеж, однако в уголовно-правовом отношении сами несут ответственность за действия, предпринятые по собственной воле.⁷¹ Более того, Уложение карало за самосуд над холопами в таких случаях (XXI, 79).

В определенных случаях холопы имели право на челобитье (XX, 41), могли обжаловать неверно указанную в документах форму их зависимости, — например, когда в духовной они указаны в качестве полных холопов, а па самом деле были кабальными и потому не подлежали включению в духовную (XX, 64). Могла бить челом и холопка, приневоленная господином к сожигательству и родившая от него детей (XX, 80).

Холопы давали показания на допросах — не только во всех случаях, которые касались их собственных жалоб (XX, 64, 80), но по усмотрению властей вообще для обысков (X, 173). К ним применялась процедура крестоцелования как одно из звеньев доказательств (XIV, 7). При спорах о холопах их присутствие на суде и показания были обязательными даже в том случае, если ответчик заявлял, что холопу не верит и готов сам отвечать. Показания холопов были доказательными по делу. Холопы привлекались и для очной ставки (XXI, 45). Однако в целом показания холопов приравнивались к показаниям крестьян и женщин (X, 173) и во всех случаях подлежали проверке или документальным подтверждениям.⁷² Показания холоповладельцев были выше показаний холопов и не нуждались в проверках (XX, 41; XXI, 48). Словом, в отношении прав положение холопа было двойственным — в значительной мере он оставался объектом права, но обладал и рядом черт субъекта права. М. Владимирский-Буданов справедливо отметил, что «институт холопства не есть только одно из вещных прав...».⁷³ Смягчение режима холопской неволи видно и в изменениях правовых последствий преступлений, нанесших материальный ущерб. По судебнику 1497 г. несостоятельный преступник отдавался истцу «головою на продажу», по судебнику 1550 г. — головою «до искупа». По Уложению 1649 г. преступления карались не рабством, а уголовными наказаниями.⁷⁴

⁷¹ Яковлев А. Указ. соч., с. 54.

⁷² Е. И. Колычева допустила преувеличение, когда писала, что «существовавшие когда-то ограничения правоспособности холопов все больше забывались». Этот процесс шел быстро в XVI в., «пока Уложение 1649 г. (X, 173) официально не зафиксировало возможность для холопов выступать „в обыску и допросе“ наравне с представителями свободных сословий» (Колычева Е. И. Указ. соч., с. 235).

⁷³ Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия..., вып. III, с. 99.

⁷⁴ Филиппов А. Н. Учебник истории русского права. Юрьев, 1912, с. 483.

Из сказанного видно сближение правового положения холопов с положением крестьян. В действительности эволюционировало не только холопское право в направлении крестьянского, но и наоборот. В XVI—первой половине XVII в. их взаимное сближение сделало значительный шаг, и Уложение 1649 г. послужило важным этапом на этом пути. Наряду с оплатой бесчестья крестьянам Уложение устанавливало плату за бесчестье в размере рубля для «деловых людей», под которыми следует понимать холопов и крестьян, используемых на господской пашне или выполняющих другие поручения господ (X, 94). Следовательно, собственно холопы платы за бесчестье не получали. В свою очередь, за бесчестье словом бояр, окольных и думных людей холоп наряду с людьми гостиной и сукопной сотен, тяглых слобод, стрельцами, казаками и иных чинов людьми подвергался битью кнутом и заключению в тюрьму на две недели (X, 92).

При всем несомненном сближении правового положения крестьян и холопов Уложение тем не менее содержало еще довольно четкое противопоставление и разграничение целого ряда черт статуса той и другой разновидности феодальнозависимых сословий. В социальной структуре феодального общества XVII в. в том виде, как она отражена в Уложении 1649 г., холоп и крестьянин были противопоставлены классу-антагонисту в различных терминологических аспектах: холоп — боярину, а крестьянин — вотчиннику и помещику. Это противопоставление пронизывает все Уложение, в особенности его XX и XI главы: «А будет про тех холопей бояре их...» (XX, 42); «А которые холопы после умерших своих бояр...» (XX, 65); если беглый холоп «придет к прежнему своему боярину» (XX, 84); «А от которого боярина сбежит холоп, а от другого боярина сбежит раба...» (XX, 115); «Так же будет кто вотчинники и помещики учнут государю бити челом о беглых своих крестьянех...» (XI, 2); «А у которых вотчинников и помещиков в писцовых книгах написаны крестьянские и бобыльские пустые дворы...» (XI, 5); «А у которых вотчинников и помещиков крестьян братья, дети...» (XI, 24).

В данном случае имеется в виду не обозначение различных прослоек господствующего класса, а терминологическое отличие, за которым кроются пока еще обособленные системы зависимости, что хорошо видно из 113-й статьи XX главы. Термины «вотчинник» и «помещик», с одной стороны, и «боярин» — с другой, отнесены к одному и тому же лицу в зависимости от того, кому это лицо противопоставлено — крестьянину или холопу. «А кто помещик или вотчинник возьмет служилую кабалу на своего крестьянина или на крестьянку свою... и тот крестьянин... или крестьянка... пожив у него в холопстве, от него сбежат, и в бегах дадут на себя кому другую кабалу..., а прежний их боярин за них поимается... и таких беглых людей из

холопства отдать прежним их бояром во крестьянство» (XX, 113).

Термин «боярин» по отношению к холопу дожил до середины XVII в. от тех далеких времен, когда помещиков не было, а холопы, ранее челядь, как класс-сословие противостояли князьям, боярам, дружинникам и составляли объект их владения.⁷⁵ Кроме исторического, указанное выше двоякое обозначение представителей господствующего класса по отношению к двум основным категориям подчиненных слоев населения имело и злободневный смысл. За этим скрывались различные формы прикрепления и зависимости — личная и поземельная.

Личная зависимость была преобладающей в отношении холопа, поземельная — в отношении крестьянина. Именно в силу значительно большего права распоряжения, граничившего с правом собственности, но все же не сливавшегося с ним, в отношении холопа, нежели в отношении крестьянина, связано и установление в пять раз большего размера вывода за кабальную вдову или девуку, чем за крепостную крестьянку (XX, 27).⁷⁶

Имевшее место начиная с XVI в. использование части холопов на пашне путем предоставления им земельного надела, а также на собственной барской запашке⁷⁷ хотя и сыграло определенную роль в направлении сближения холопов с крестьянами, однако не устраняло еще существенных различий форм зависимости, указанных выше. Уложение 1649 г. подтверждает это со всей очевидностью. В формально-юридическом плане сохранялась еще определенная градация между крестьянами и холопами. Дела о них рассматривались по ведомству различных государственных учреждений: крестьяне были ведомы в Поместном приказе, холопы — в Холопьем. Различной была документация зависимости — в отношении крестьян исходной и преобладающей была форма общей регистрации в писцовых и переписных книгах, в отношении холопов преобладающей формой регистрации была служилая кабала, документ индивидуального назначения. Отсюда — различная система доказательств принадлежности холопа (приметы, повальный обыск) и крестьянина (писцовые книги).

Основное назначение крестьянина — обрабатывать землю, вести свое хозяйство, нести тягло в различных проявлениях; основ-

⁷⁵ Зямин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973.

⁷⁶ К. Победоносцев объясняет это различие тем, что крестьянка без мужа и хозяйства не представляла ценности, в то время как холопка — рабочая единица (Победоносцев К. Исторические исследования и статьи, с. 5).

⁷⁷ Коретский В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970, с. 186—187; Колычева Е. И. Указ, соч., с. 103—104, 106, 108.

ное назначение холопа — служить господину. Отсюда большая близость холопа ко двору господина и к его личности. Этим, видимо, следует объяснить наличие в уголовно-правовой части Уложения статей, предусматривающих возможные преступления холопов против своих господ. Уже за умысел убить господина, не говоря об угрозе оружием, следовало отсечение руки (XXII, 8). Убийство же господина влекло смертную казнь «безо всякие же пощады» (XXII, 9).

Закон предусматривал, что холоп, как орудие господина, мог совершить преступление против третьего лица по наущению хозяина. Бесцельно пострадавшему в таком случае взималось в удвоенном размере с хозяина холопа, а они оба подвергались битью кнутом по торгам и тюремному заключению на месяц (XXII, 12). Как орудие чужой воли выступал холоп и в том случае, когда, — обороняя того, кому служил, — совершал убийство. Ответственность ложилась на господина холопа (XXII, 24).

Однако господин не нес ответственности за убийство, учиненное холопом «своим умышлением», если сам приводил холопа в приказ и очищал себя (XXII, 22). Как в данном случае, так и при пособничестве лицам, совершающим преступные действия против имущества или жены господина, холоп расплачивался жизнью (XXII, 16). Привлечение холопа к судебной ответственности по искам сторонних лиц исключало возможность для господина холопа быть свидетелем по делу, ибо он почитался причастным к делу (X, 178). На той же основе иски, адресованные холопу, могли быть предъявлены его господину (X, 229, XIV, 7), а выти за оговорных людей правились на господах и помещиках (XXI, 66).

Заключая анализ правовых норм Уложения 1649 г., относящихся к холопству, необходимо подчеркнуть, что только к середине XVII в. сложился наиболее обширный и всеобъемлющий кодекс холопского права, составлявшего в исторической ретроспекции важнейшую часть феодального права. Основными источниками холопской главы Уложения были как законодательные памятники конца XVI—начала XVII в., так и решения по текущим судебным делам о холопах первой половины XVII в.

В литературе отмечено, что после Уложения 1597 г. о холопах «внутри сословия шел... процесс унифицирования юридических категорий холопства с перспективой вытеснения их всех кабальными холопством».⁷⁸ С целью интенсифицировать процесс перехода свободных в кабальные законодатель сократил срок добровольной службы без оформления кабалы с 6 месяцев (по указу 1597 г.) до 3 месяцев, но не мог ставить задачей полную

⁷⁸ Папелюх В. М. Указ, соч., с. 253,

ее ликвидацию.⁷⁹ Отмеченная выше унификация правового положения холопов охватила все виды холопской зависимости, включая и те, которые возникали из заемной кабалы, самопродажи, отдачи детей в услужение и т. п.

Таким образом, линия Уложения 1649 г. на смягчение и ограничение холопства сочеталась с установкой на консолидацию холопского сословия, на укрепление его сословных рамок в эпоху наибольшей консолидации основных классов-сословий феодального общества. Развернувшийся в литературе спор о характере и степени изживания холопства⁸⁰ не может быть разрешен без учета правового статуса холопства по Уложению 1649 г. Его анализ показывает со всей определенностью, что несмотря на очевидные процессы в направлении изживания холопства и слияния его с крестьянством (общность многих правовых черт у крестьян и холопов) холопы в первой половине XVII в. оставались еще в значительной мере обособленным сословием.

ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Процесс формирования промышленно-торгового посадского населения протекал длительное время, знаменуя рост городов как центров ремесла и торговли. Наиболее интенсивно он проходил в период становления и развития русского централизованного государства, когда складывалось сословие посадских людей, живших на государственной земле и несших повинности в пользу государства.¹ Определение понятия «посадский человек» было дано в период посадского строения 1600—1602 гг., обязательным для него было наличие двух признаков: посадская старина, т. е. происхождение из посадской среды, и наличие торгов, промыслов или ремесленных заведений на посаде. Такой человек должен был жить на посаде и лишался права покинуть его. Определяющим был все же род занятий, что открывало возможность пополнения рядов посадских людей за счет преимущественно торгово-ремесленных крестьян, переселявшихся в города.² В городах центральных уездов, в Замосковье и в самой Москве широкое распространение получили владения церковных и светских феодалов в виде слобод, «осадных дворов» и дворов «на приезд», население которых не платило государевых податей и потому называлось белым. Такие же слободы у дворян и крупного духовенства

⁷⁹ Едва ли прав В. М. Панейх, утверждал, что «статьи о добровольном холопстве в Соборном Уложении 1649 г. свидетельствуют о недостаточно успешной борьбе властей за ликвидацию данного института» (там же, с. 252). В силу указанных выше обстоятельств правительство не могло быть заинтересовано в ликвидации добровольного холопства.

⁸⁰ Обзор дискуссии см.: там же, с. 253—261.

¹ Сахаров А. М. Города северо-восточной Руси XIV—XV вв. М., 1959; Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. I, М.—Л., 1947.

² Смирнов П. П. Указ. соч., т. I, с. 177—183.

были в непосредственной близости от посадов. Их население в значительной мере происходило из крестьян и холопов владельцев слобод. Ссылаясь на данные П. П. Смирнова, Е. В. Чистякова дает такую картину состава населения городов в первой половине XVII в. (без Сибири и Украины): из 107 413 дворов в 226 городах 60,1% дворов принадлежали служилым людям, 8,2% — вотчинникам; дворы собственно посадских черных людей находились в 73 городах и составляли всего 29% от общей суммы городских дворов.³ Отсюда и пестрота социального состава населения городов, неравномерность распределения социальных групп по городам и то очевидное обстоятельство, что ремесло и торговля не были монополией посадских людей. Ими занимались также население дворов служилых людей и белых слобод — бывшие крестьяне, холопы, сами служилые люди. Тем не менее государственное тягло, состоящее из денежных платежей и государевых служб, падало преимущественно на посадских людей, отчасти на служилых людей по прибору. Отсюда стремление посадских людей «заложиться за беломестцев» и избежать таким образом несения тягла. Относительно слабая имущественная дифференциация среди посадских людей, выражавшаяся в наличии «лутчих», «середних» и «молодних» людей (последние две категории составляли значительное большинство), и противоречия между ними не заслоняли их главной линии борьбы на посаде — борьбы всей корпорации посадских людей против беломестцев за возвращение закладчиков в тягло, за присоединение беломестных дворов и слобод к посадкам с последующим включением их населения, занятого ремеслом и торговлей, в посадское тягло. И главное требование посадских людей состояло в признании за ними исключительного права на занятия ремеслами, промыслами, торговлей и в защите посада от конкуренции в этих сферах деятельности со стороны частновладельческих крестьян. Другой весьма существенной стороной выступлений посадских людей была борьба против тяжелых налогов, служб и феодальных форм управления на посаде, получающая яркое выражение в городских восстаниях 1648 г. Все эти обстоятельства определили содержание челобитных посадских людей в первой половине XVII в., суть законодательства, политику правительства в посадском вопросе, создание сыскных приказов. Первый такой приказ был образован в 1619 г. В 1621—1622 гг. сыск и возвращение посадских закладчиков производили Владимирская и Новгородская четверти. В 1627—1631 гг. действовал приказ князя Б. М. Лыкова. В 1637 г. сыск производил Владимирский судный приказ. Наиболее продолжительной и активной была деятельность Сысчного приказа, действовавшего с 1637 по 1642 г. под руководством князя Б. А. Репнина и дьяка Мипы

³ Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII в. Воронеж, 1975, с. 36.

Грязева.⁴ Как видно из хронологии действия сыскных приказов, сыск закладчиков носил эпизодический характер. С другой стороны, поскольку частновладельческие слободы сохранялись, переход посадских людей в закладчики продолжался. В таких условиях ликвидировать закладничество не удавалось. Этим объясняются продолжавшиеся настойчивые требования посадских людей о сыске закладчиков и ликвидации белых слобод.

Большая группа дореволюционных историков⁵ считала, что в XIX главе Уложения, посвященной городам, воплощены требования выборных Земского собора 1648—1649 гг., изложенные главным образом в челобитных 30 октября и 25 ноября 1648 г.⁶ В позиции ряда буржуазно-либеральных историков сказывалось очевидное преувеличение роли земщины в создании Уложения 1649 г. Еще в досоветский период Н. Шаховская показала, что в возврате закладчиков в посадское тягло помимо посадских людей было заинтересовано и само правительство. В силу этого указы о возврате на посад закладчиков, издаваемые для сыскных приказов, легли в основание ряда статей XIX главы Уложения.⁷ В советское время эту линию исследования продолжил М. А. Дьяконов. Не отрицая влияния челобитных посадских людей на законодательство о посаде, Дьяконов путем текстологического сличения установил заимствование многих статей XIX главы из указной книги Приказа сыскных дел 1637—1642 гг. Вместе с тем деятельность Уложенной комиссии не ограничивалась простым заимствованием указов прошлого. В ряде случаев ею проведена переработка указов, в ходе которой были использованы челобитные посадских людей.⁸ Это направление в решении вопроса об источниках XIX главы Уложения поддерживал и продолжил П. П. Смирнов, давший тщательный анализ всего законодательства о посаде первой половины XVII в. Его вывод гласит, что, подобно тому как при составлении многих других глав Уложения использованы указные книги соответствующих приказов, XIX глава была составлена на основе такого же источника: «...вся или почти вся XIX глава Уложения составлена на основании старого московского законодательства последнего десятилетия (1638—1648 гг.)...».⁹ А это законодательство в значительной своей части включено в указную книгу Приказа сыскных дел 1648—1652 гг. кн. Ю. А. Долгорукова. К сожалению, указная книга Сыскаго приказа не дошла до нас в полном составе.

⁴ Смирнов П. П. Указ. соч., т. I, с. 369—378, 456—487.

⁵ К. А. Невостин, А. П. Щапов, В. И. Сергеевич, Н. П. Загоскин, С. Ф. Платонов и др.

⁶ Смирнов П. П. Указ. соч., т. II. М.—Л., 1948, с. 281—282.

⁷ Шаховская Н. Сыск посадских бегляков и закладчиков в первой половине XVII в. — ЖМНП, 1914, октябрь, с. 250—322.

⁸ Дьяконов М. А. Источники девятнадцатой главы Соборного Уложения 1649 г. — Исторический архив, кн. 1. Пг., 1919, с. 240—249.

⁹ Смирнов П. П. Указ. соч., т. II, с. 293—294.

Такой путь поиска источников XIX главы позволяет выяснить происхождение большинства ее статей, но не всех. И все же в общей форме ответ на вопрос о происхождении главы Уложения о посаде в итоге исследований М. А. Дьяконова и П. П. Смирнова намечается довольно определенный: «Если вторая половина XIX главы Уложения с 21 по 40 статью опиралась на законодательство 1637—1642 гг. о сысках, точнее — на записную книгу Приказа сыскных дел за эти годы, то первая часть ее исходила и, вероятно, воспроизводила указы и боярские приговоры морозовского законодательства о городах 1645—1648 гг.»¹⁰ Будучи закономерным итогом предшествующего законодательства, связанного с посадским строением, XIX глава Уложения одновременно является новым, большого значения этапом на пути развития законодательства о русском феодальном городе. X

Касаясь самого посадского строения, необходимо отметить, что политика правительства 30—40-х гг. XVII в. в отношении посадов была продолжением и расширением того сыска закладчиков, который был начат в 1619 г. X сыск закладчиков, составляющий основу посадского строения, ни по сути, ни по приемам не отличался от сыска беглых крестьян и, следовательно, был одним из случаев проявления крепостного режима. X Более того, П. П. Смирновым отмечено, что крепостническое законодательство о сыске и прикреплении посадских людей опережало законодательство о сыске и прикреплении частновладельческих крестьян. В 1619 г., например, был установлен десятилетний срок сыска посадских тяглов, в то время как срок сыска беглых крестьян был пятилетний. В посадское строение 1637—1638 гг. срок сыска посадских людей довели до 25 лет, срок сыска беглых крестьян увеличили с 1641 г. до 10 лет (при сыске до 15 лет свезенных крестьян).

Другой существенной стороной посадского строения было возвращение в посады земель, занятых в городах под белые слободы — преимущественно бояр и высшего духовенства. Эти две исторические посылки объясняют в значительной мере X содержание XIX главы Уложения. Оно сводится в основном к указанным двум моментам: 1) отчуждению частновладельческих слобод и вотчин, находившихся в пределах городов или примыкающих к ним, в пользу посадов с прикреплением к посадскому тяглу их торгово-промышленного населения и 2) сыску беглых посадских людей — закладчиков. X

X Анализируя содержание XIX главы, П. П. Смирнов отметил, что она касается определения статуса средневекового города в трех отношениях: его территории, состава населения посада и

¹⁰ Там же, с. 292. — Применительно к XIX главе мы ограничиваемся указанием ее источников в общей форме, поскольку данный вопрос разработан в литературе детальнее и глубже, чем в отношении любой другой главы Уложения.

привилегий, которые связаны с принадлежностью к нему.¹¹ Следует подчеркнуть, что доминирующим в этом процессе было формирование населения посада, определившее в конечном итоге и его неразрывную территорию.

Основанием восстановления и расширения состава посадских людей служили исторически сложившиеся начала: принадлежность к посаду (посадская старина), родство с посадскими людьми и, наконец, род занятий — торги и промыслы. Соответственно и формирование посадского населения делилось на две части, тесно переплетавшиеся в процессе посадского строения, но различные по своей сути: сыск и принудительное возвращение на посад бывших посадских людей — закладчиков и пополнение рядов посадских тяглых людей за счет определенной части внепосадского населения, проживавшего на посаде или в непосредственной близости от него и занятого торгами и промыслами. Сыску и возвращению на посад подлежали бывшие посадские люди с семьями, проживавшие в городских слободах, принадлежавших церковным и думным чинам и монастырям. Сыску подлежали и те из закладчиков, которые проживали в вотчинах и поместьях. Возвращались в посады закладчики, если они сами или их отцы до побега с посада платили тягло или жили на посадах и в слободах «у тяглых людей в сидельцах и в найми-тах» (XIX, 13).

На указанном основании в посады возвращались лица, проживавшие в новых местах в качестве закладчиков, крестьян и холопов, кабальных людей и служилых людей по прибору: стрельцов, пушкарей, затынщиков, воротников, повых казаков, солдат, ямщиков и псарей (XIX, 1, 9, 13, 20, 26, 27, 28, 30, 31, 32, 35).

Исключения в этих случаях предусматривались весьма небольшие. Не подлежали возврату в посад казаки верстания прошлых лет, получающие государево жалованье (XIX, 29). Здесь, очевидно, подразумевались казаки, верстаные в службу до Смоленской войны. В отношении же посадских людей, верставшихся в казаки после Смоленской войны, закон распространял требование об их возврате в посад (XIX, 30). Освобождались от посадского тягла лица, вышедшие из плена: «...для того, что они от тягла освободились полоном» (XIX, 33). Из посадских людей, по своей воле ставших стрельцами, в посад возвращались отец и двое сыновей, а третий сын оставался в стрельцах (XIX, 26, 27). В каждом отдельном случае по указу государя решался вопрос в отношении тяглых мастеровых людей, перешедших из посада в Оружейную палату и в иные приказы Москвы (XIX, 24). Отсюда следует, что мобилизация бывших посадских людей была настолько тотальной, что правительство не останавливалось перед уступками посаду в какой-то

¹¹ Смирнов П. П. Указ. соч., т. II, с. 294.

мере в ущерб военным и иным интересам государства, возвращая определенные категории стрельцов, казаков, других служилых людей по прибору и отчасти казенных мастеровых людей. Возврату в посад на основании родства с посадскими людьми подлежали члены семей и следующие лица: мужья дочерей посадских людей, вошедшие в их дом с условием содержать родителей жены (XIX, 23), вольные люди, женившиеся на тяглых посадских вдовах и поселившиеся в их домах (XIX, 22). Вместе с мужьями и детьми возвращались в посад беглые посадские вдовы и девки, вышедшие в бегах замуж за холопов (кабальных и старинных), крестьян и бобылей. В последнем случае переход холопов и крестьян в посад следует рассматривать как санкцию за женитьбу на беглой из посада. Такое допущение подтверждается нормой обратного значения: беглые старинные или кабальные люди, крестьяне и бобыли, женившиеся в бегах на посадских вдовах или девках, подлежали возврату своему владельцу с женами и детьми (XIX, 37, 38).

Вслед за указом от 13 ноября 1648 г., принятым в ходе подготовки Уложения по докладу царю членов Уложенной комиссии Н. И. Одоевского о челобитной стольников, стряпчих, дворян московских и городовых, детей боярских, торговых и посадских людей с жалобой на засилье в городах белых слобод,¹² Уложение предписывало всех бывших посадских людей, а также их родственников возвращать из закладчиков в посады «безлетно» и «безповоротно». Это установление следует понимать не только в смысле отмены существовавших до Уложения урочных лет сыска посадских людей, но и в смысле отсутствия каких-либо ограничений сыска исходными сроками. Такие начальные сроки сыска в Уложении были установлены в отношении беглых крестьян писцовыми книгами 1626 г. или переписными книгами 1646—1648 гг. Всем возвращенным в посад лицам, как и пребывающим в посадском тягле, категорически запрещалось покидать в будущем свое посадское положение: «ни за ково в закладчики не записыватися и ничьими крестьянами и людьми не называтися». Нарушение данной заповеди влекло наказание кнутом «по торгам» и ссылку в Сибирь на Лену. Уложение, — чего нет в указе от 13 ноября 1648 г., — предусмотрело и санкцию против тех, кто примет в будущем беглых посадских людей: «...быти от государя в великой опале, и земли, где за ними те закладчики учнут жити, имати на государя» (XIX, 13). Крепостнический характер этих санкций и степень их строгости с особенной ясностью выступают на фоне того обстоятельства, что Уложение не назначало никакой кары крестьянам за сам факт побега и не

¹² ААЭ, IV. СПб., 1838, № 32/1. — Поскольку указ принят по докладу царю членов Уложенной комиссии и в период работы над Уложением (ноябрь 1648 г.), его можно считать рабочим моментом составления Уложения, а нормы указа в той редакции, как они даны в нем и повторены в Уложении, принадлежащими Уложению.

устанавливало конфискаций владений феодалов за прием беглых крестьян. В последнем случае назначался лишь штраф. В отличие от требований закона начала 40-х гг. о возврате закладчиков в те посады, откуда они бежали, что крайне осложняло деятельность сыскных приказов,¹³ Уложение вслед за указами конца 40-х гг. установило принцип возврата беглецов в территориально ближайший посад или оставления в том городе, где они проживали.¹⁴ «...тем всем быти в тех городах в посаде, где кто ныне живет. А которые розвезены в уезды, в села и в деревни с посадов, и тех всех, сыскывая, свозити на посады тех городов, где кто сыскан будет» (XIX, 20).¹⁴

«Второй важнейшей стороной строения посадов по Уложению было пополнение рядов посадских тяглых людей.» Положенный в этом случае в основу включения в тягло и прикрепления к посаду принцип «по торгам и промыслам» был использован довольно разносторонне, что позволило применить его, хотя и в различном плане, к довольно широкому кругу лиц. П. П. Смирнов считает претворение принципа «по торгам и промыслам» — как в самом Уложении, так и в последующем посадском строении — «центральным пунктом успеха посадских людей в их борьбе» за сословные права. Этот принцип применялся при строении посадов еще Борисом Годуновым и позднее, но лишь эпизодически, тогда как теперь он становился постоянно действующей нормой. В этом и состояла новизна Уложения.¹⁵ Ликвидация частновладельческих белых слобод на посадах безотносительно к рангу их владельцев (патриарх, бояре, монастыри и т. п.) сопровождалась включением в тягло с прикреплением к посаду на общих основаниях всех торговых и ремесленных людей этих слобод. Подлежали включению в посады и поповы дети, церковные дьячки, пономари и вольные люди, проживавшие в городах на церковных землях и занятые торговлей и промыслами (XIX, 13). Исключение в данном случае предусматривалось только в отношении кабальных людей, и то ограниченно: у своих владельцев оставались «вечные» кабальные люди с условием перевода их «на свои дворы». А кабальные люди, родители которых были посадскими людьми или черносопными крестьянами, передавались в посад «за государя» (XIX, 1, 7). В равной мере включались в посад слободы феодалов (патриарха, монастырей, бояр), находившиеся в непосредственной

¹³ Смирнов П. П. Указ. соч., т. II, с. 299.

¹⁴ До Уложения были прецеденты к этой норме: по указу от 14/XI 1642 г. беглые посадские люди, осевшие в Москве, оставались в Москве, и наоборот: в Москву не требовали обратно тех тяглецов, которые жили по городам; П. П. Смирнов допускает возможность действия несохранившегося указа (периода правления Б. И. Морозова — 1645—1648 гг.), который мог быть источником 20-й статьи (Смирнов П. П. Указ. соч., т. II, с. 290—299). По указам 1635—1641 гг. беглых посадских людей, осевших в Новгороде, оставляли на новгородском посаде (ЦГАДА, ф. Оружейной палаты, № 41751, л. 225).

¹⁵ Смирнов П. П. Указ. соч., т. II, с. 300.

близости от Москвы и других городов, вместе со всеми проживающими в них промышленными и торговыми людьми, кроме кабальных, с теми же ограничениями, которые указаны выше. Второе исключение касалось пашенных крестьян, поселенных в слободах вблизи Москвы. Такие крестьяне подлежали возврату в свои вотчины и поместья, а их лавки, погреба и соляные варницы на посадах — продаже посадским тяглыми людьми (XIX, 5). Были обязаны продать свои лавки и промыслы на посадах торговые крестьяне тех вотчин и поместий, которые «от пасадов неблизко» (XIX, 9). Аналогичным образом Уложение решало вопрос о вотчинах и поместьях, расположенных в городах на посадах и около посадов («сошлись те вотчины и поместья с посады, дворы с дворами, или близко посадов»), а также в отношении частновладельческих сел и деревень, которые «в ряд с посады». Такие вотчины и поместья предписывалось «взять за государя и устроить к посадам податями и службами». В данном случае, однако, предусматривалась компенсация другими вотчинами и поместьями, пожалованными из государевых сел, территориально отдаленных от городов (XIX, 8). Не вполне ясно решался вопрос относительно пашенных крестьян сел и деревень, примыкающих к посадам и включаемых в его состав. О таких крестьянах предписывалось сообщать государю в каждом отдельном случае. «И тех крестьян указал государь описать себе статьею» (XIX, 9). По торгам и промыслам включалось в посад и обращалось в тяглых людей все постоянное население отдельных белых дворов и огородов, кроме дворника. Им мог быть кто-либо «из людей», бобылей или крестьян по усмотрению владельца двора или огорода, но не более как один человек. Попытка держать на огородах или дворах под видом дворников «многих крестьян и бобылей» влекла по закону конфискацию таких крестьян в пользу посада (XIX, 14). И так, пополнение рядов посадских людей на основе принципа «по торгам и промыслам» предусматривалось в Уложении преимущественно за счет торгово-ремесленного населения белых слобод и вотчин, находящихся в пределах городской черты либо примыкающих к ней, а также за счет служилого элемента, связанного с торгами и промыслами. Крестьяне тех же слобод и вотчин, занятые сельским хозяйством и одновременно имеющие лавки и промыслы на посаде, не приписывались к посаду, а переводились в свои вотчины и поместья, а их собственность на посаде подлежала продаже посадским тяглецам.¹⁶ Крестьяне полу-

¹⁶ Нам представляется ошибочным утверждение П. П. Смирнова, что по торгам и промыслам переводились в посад и крестьяне (Смирнов П. П. Указ. соч., т. II, с. 300). Уложение строго различало промышленно-торговых людей (среди которых, конечно, были крестьяне по происхождению, или «торговые» крестьяне — по терминологии того времени) и собственно пашенных крестьян, по-разному определяя их судьбы. Это хорошо видно из 5-й и 9-й статей XIX главы: «А которые слободы патриарши и властелипския, и монастырския, и боярския и думных и великих

чали лишь право привозить товары в Москву и другие города и торговать ими «на гостине дворе с возов и стругов», не заводя своих лавок (XIX, 17). Для ремесленных дел крестьяне могли приходить из деревень во дворы своих вотчинников лишь на короткие сроки (XIX, 14). Отсутствие закона о прикреплении к посадам пашенных крестьян, занятых торговлей и промыслами, и фактический запрет такого прикреплении вызывались интересами феодалов. Однако ущемление собственности крестьян в городах и стеснение их торгово-промышленной деятельности были исключительно в сословных интересах посадских людей.

В отличие от посадских существенно иным было правовое положение другой категории лиц на посаде. К ним относятся занятые торгами и промыслами служилые люди по прибору (стрельцы, казаки, пушкарники и др.), их насчитывалось к середине XVII в. в 150 городах более 60 тыс. человек. Отношение к тяглу и посадку той части из них, которая занималась торгами и промыслами, — а таких в городах центральных уездов было большинство, — определялось Уложением на основе того же принципа «по торгам и промыслам», но с иными правовыми последствиями.

чинов людей около Москвы, и те слободы со всякими промышленными людьми, опричь кабальных людей, по тому же по сыску, взяти за государя. А пашенных крестьян, будет которые обяжутся по роспросу их поместий и вотчин старинные крестьяне, а привезены на те земли, и с тех слобод велети тем людям, у кого те слободы будут взяты, свести в свои вотчины и в поместья. А будет у тех пашенных крестьян на Москве и в городех есть лавки, и погребы, и соляные варницы, и им те лавки и погребы и варницы продать государевым тяглым людям, а впредь лавок и погребов и варниц, опричь государевых тяглых людей, никому не держати» (ст. 5; подчеркнуто мною, — А. М.). «Которые в городех патриарши и митрополичьи и властелинские и монастырские вотчины, села и деревни, и боярские и окольных и думных и ближних и всяких чинов людей вотчинные и поместные села и деревни в ряд с посады и которые около посадов, и те села и деревни указал государь взяти за себя государя, и устроить их с посады, в ряд с своими государевыми тяглыми людьми, всякими податями и службами. А в которых их в тех селах и деревнях обяжутся пашенные крестьяне, и тех крестьян указал государь описать себе статью; «А будет в тех селах и в деревнях (что от посадов не близко, — А. М.) которые крестьяне обяжутся торговые, а у них в тех городех будут лавки и всякие промыслы, а они наперед сего в посадских людех не бывали и тягла не платили, и тех крестьян указал государь дати на крепкие поруки, что им впредь в лавках и в погребах не сидети и не торговати, и варниц и кабаков не откупати, а те лавки и погребы и варницы продати тяглым людям» (ст. 9; подчеркнуто мною, — А. М.). Наконец, 15-я статья XIX главы предписывала купленные крестьянами в Москве и по городам тяглые дворы, лавки и анбары продать посадским людям и впредь ими не владеть (Тихомиров М. Н., Енифанов П. П. Соборное Уложение 1649 г. М., 1961, с. 229, 230, 232). Как видим, из вотчин, находящихся около Москвы и в других городках, пашенные крестьяне в посад не переводились, их собственность на посадах подлежала продаже посадским людям. В селах и деревнях, расположенных от посадов «неблизко», даже у торговых крестьян (составители Уложения различали пашенных и торговых крестьян) предписано ликвидировать лавки и другие торгово-промышленные заведения на посадах путем продажи их посадским людям.

В общей форме положение служилых людей по прибору, занятых наряду со службой торговыми делами, определялось в Уложении следующим образом: «А которые всяких чинов люди на Москве емлют государево денежное и хлебное жалованье и лавки за собою держат, и наймуют, и всякими промыслы промышленуют, опричь стрельцов, и тем людям быти попрежнему в своих чинех, и служить государевы службы з государева жалованья. А с торговых со всяких промыслов быти им в тягле в сотнях и в слободах и в ряд с черными людьми подати давать, а службы никакой тяглою не служить, а кто не похочет в тягле быть, и тем людям лавки свои продать государевым тяглым людям» (XIX, 4).

Из этой общей формулы устанавливались, однако, исключения. Под него попадали стрельцы, казаки, драгуны, которые пользовались наибольшими льготами как наиболее привилегированная часть приборных людей. Они освобождались при наличии у них лавок и мастерских от тягла и от тяглых служб, но были обязаны платить таможенные пошлыны, а с лавок — оброк (XIX, 11). Наоборот, пушкарки, затишники, воротники, казенные плотники и кузнецы, имевшие торги и промыслы на посаде, облагались тяглом, государевыми податями и службами наряду с посадскими людьми, а с торговых промыслов были обязаны платить таможенные пошлыны (XIX, 12). Однако у всех этих служилых людей по прибору была одна общая существенная особенность, отличавшая их от посадских людей, прикрепленных к тяглу и посаду. Они могли освободиться от тягла по собственной воле при условии продажи в посад своих лавок и промысловых заведений: «А кто в тягле быти не похочет, и тем людям лавки свои продать государевым тяглым людям» (XIX, 4, 12).

Такое положение служилых людей по прибору на посаде в середине XVII в. объясняется тем, что в социальном отношении они занимали промежуточное положение между посадскими людьми и низшими разрядами служилых людей по отчеству. В то же время их правовой статус определялся промежуточным положением между прикрепленными и свободными людьми.

В итоге процесса пополнения и формирования посадского населения в городах и наряду с этим процессом происходило расширение и определение территории посадов. Территория складывалась главным образом в итоге отчуждения в посады частновладельческих белых слобод, т. е. непашенных торгово-промышленных поселков, расположенных как внутри городов, так и в непосредственной близости от них (XIX, 1, 5, 7). Уложение различает два вида таких слобод. Одни из них существуют на посадах исконно и главным образом в результате пожалований верховной властью или с ее санкции. Такие слободы подразумеваются в 1-й статье XIX главы. Им противопоставлены слободы, принадлежавшие тем же категориям феодалов, по устроенные в «городах на государевых посадских землях или на белых местах, на купленных и на не купленных, или на животинных выпусках без

государева указу» (XIX, 7). Это слободы, возникшие в итоге самовольного захвата феодалами посадской земли. И тот и другой вид слобод подлежал отчуждению в посад, но в отношении конфискации второго выдвинуто обоснование: «не строй на государевой земле слобод, и не покупай посадской земли». Определяя в этом отношении основную особенность территории посада, законодатель установил: «А впредь, опричь государевых слобод, пичьим слободам на Москве и в городах не быть» (XIX, 1).

Следующим составным элементом территории посадов являлись вотчины, а также отдельные вотчинные села и деревни, которые «в ряд с посады и которые около посадов». Установление об отписке в посад вотчинных и поместных владений в черте города или около него было принято 18 декабря 1648 г. по докладной выписи Приказа сыскных дел, т. е. в процессе работы над Уложением, и вошло в него (XIX, 9).¹⁷ Наконец, в территорию посада включались выгоны: в Москве — «на все стороны от земляного города ото рву по две версты» (XIX, 6), а в городах — «по-прежнему, как к которому городу были выгоны при прежних государех» (XIX, 10). Новую, расширенную и компактную территорию посадов, которая должна сложиться в результате реализации норм Уложения, П. П. Смирнов назвал неразрывной или сплошной.¹⁸ Это определение можно принять лишь с одной оговоркой: что присутствие феодалов на посаде и определенные формы их собственности в пределах города — дворы, примыкающие к ним усадебные участки и огороды — по закону не устранились. Однако пестрота состава территории средневекового города была в значительной мере преобразована и ликвидирована.

Посад стал более однородным по составу и посадским по существу. Фактически правительство провело тотальную мобилизацию как всех групп промышленно-торгового населения городов, так и всех территорий их поселения. В решительности мероприятий, в строгости законов и санкций видно значение, которое придавало феодальное государство росту и укреплению городов-посадов. Ликвидация на посадах частновладельческих слобод как своеобразного пережитка феодальной раздробленности была продолжением исторического процесса становления государственного города-посада. С этим процессом связано и завершение формирования сословия посадских людей по аналогии с западноевропейскими горожанами-бюргерами, которые были одним из сословий развитого феодального общества. Естественно поэтому, что в системе узаконений, касающихся посадов, первостепенное место занимали те, которые определяли обязанности и права сословия посадских людей.

✕ Посадским людям по Уложению принадлежало исключительное право владения городскими землями, дворами, лавками, ам-

¹⁷ Смирнов П. П. Указ. соч., т. II, с. 295.

¹⁸ Там же, с. 294, 296.

барами, занятия ремесленной деятельностью, торговлей, промыслами и откупам, сдававшимися от казны. Обретенная посадскими людьми привилегия монопольного владения на посаде торгами и промыслами была одновременно их обязанностью, обусловленной несением тягла и выполнением различных служб в пользу феодального государства.

Х Монопольное право собственности посадских людей на торгово-промысловые заведения на посаде негативно и в общей форме сформулировано так: «А впредь, опричь государевых слобод, ничьим слободам на Москве и в городах не быти» (XIX, 1) Уложение пытается предусмотреть все возможные пути отчуждения посадской собственности и нейтрализовать их. Так, если посадские люди попадут на правеж по искам беломестцев в просроченных заемных кабалах или по иным судным делам, то их дворы и лавки для уплаты долга разрешалось продавать только тяглым посадским людям. Переход таких дворов и лавок в руки беломестцев категорически воспрещался (X, 269). Аналогичным образом при просрочке заклада имущества посадских людей оно подлежало продаже посадским же людям. В случае, если кто-либо, в том числе и крестьяне, будет сам владеть имуществом по истечении срока заклада, лавки, амбары и промысловые заведения подлежали безденежному отчуждению в пользу государя (XIX, 16).

Бдительный надзор закона за тем, чтобы имущество не выходило за пределы корпоративной собственности посада, наиболее очевиден из категорического запрета продавать и закладывать имущество тяглых людей беломестцам. Нарушение такого запрета влекло санкции для обеих сторон: безденежное отчуждение купленной собственности в пользу посада и наказание кнутом тех, кто продал ее (XIX, 39). Запрет не только иметь свои лавки на посадах, но и нанимать их — как приезжим торговым людям, так и крестьянам — свидетельствовал о жесткой регламентации права собственности на посадах (XIX, 17, 37). Отсюда следует, что монопольное право посадских людей на принадлежащую им собственность сочеталось с весьма ограниченным правом распоряжения ею. Отчуждение собственности допускалось только в пределах посада и только в руки тяглых людей. В этом смысле права посадских людей на свои владения были близки правам чернососных крестьян на волостные наделы. П. Г. Рындзюнский в своем исследовании о гражданстве дореформенной России конца XVIII — первой половины XIX в. пришел к выводу, что па основную массу горожан распространялась система «государственного феодализма», которая, как еще ранее установлено Н. М. Дружининым, определяла собою феодально зависимое положение чернососных, а затем и государственных крестьян.¹⁹

¹⁹ Рындзюнский П. Г. Городецкое гражданство дореформенной России. М., 1958, с. 40—41; Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. 1. М.—Л., 1946, с. 29—34, 37.

Система государственного феодализма распространялась и на город XVII в.²⁰ Феодальная собственность на землю играла свою роль и на посаде. Торговое огородничество, садоводство и даже земледелие, которые были широко распространены в городах XVII в., а также различного рода промыслы (солеварение и т. п.) в силу низкой техники производства требовали больших участков земли, собственником которой, как и на черносошных землях, было феодальное государство. Сам характер тягла и других повинностей посадских людей и черносошных крестьян в принципе также был однороден, будучи централизованной феодальной рентой.

Монопольное право собственности на дворы и торгово-промышленные заведения в пределах посада послужило материальной основой формирования сословия посадских людей. Расширение и укрепление этой основы в процессе роста городов и посадского строения привело к закреплению в юридической сфере комплекса норм, определявших правовой статус посадского человека. В какой мере сословие посадских людей вписывалось в структуру феодального общества и на какой ступени сословной градации оно стояло, косвенно свидетельствуют статьи Уложения о бесчестьи. Посадские люди занимали место, близкое к концу сословной лестницы, но штраф в их пользу за бесчестье был существенно выше штрафа в пользу крестьянина. За бесчестье посадским лучшим людям полагалось по семи рублей человеку, средним — по шести, меньшим — по пяти рублей. Ниже их шли дворцовые, черносошные и частновладельческие крестьяне: по одному рублю. Выше — торговые люди Суконой сотни средней статьи: по 10 рублей человеку. В рамках городского населения, начиная от гостя, за бесчестье которого взыскивалось 50 рублей, посадские люди меньшей статьи и ямские охотники стояли на низшей ступени (X, 94).

Х Деление посадских людей по имущественному достатку на больших, средних и меньших в Уложении встречается только в установлениях о бесчестьи. Во всех остальных случаях касательно прав и обязанностей посадского населения оно рассматривается как единая категория. Важно и то, что при большой общей дифференциации штрафов за бесчестье различие штрафа для «лучших», «средних» и «молодых людей» исчислялось всего в один рубль. Не приходится сомневаться, что откупа, выборные должности и т. п. в первую очередь попадали в руки зажиточной части посада. И все же отсутствие в законе последовательного разграничения указанных категорий посадских людей и незначительная разница в штрафах за бесчестье свидетельствуют о сравнительно слабой дифференциации горожан, что обуславливало общность их интересов в борьбе против беломестцев, тяжелых налогов и служб, против феодальных форм управления и т. п. Соот-

²⁰ Чистякова Е. В. Указ. соч., с. 4—43.

ветственно права и привилегии закреплялись в Уложении за посадскими людьми в целом. Сумма выкупа из плена для посадских людей также устанавливалась единая — 20 рублей за человека (VIII, 6).²¹ Посадские люди наравне с черносопными и дворцовыми крестьянами имели право занимать должности голов и целовальников в таможах, а также в кабаках, мытах, перевозах на мостах, которые расположены в городах и в государевых дворцовых и черных волостях. Это означало, что указанным категориям населения принадлежало преимущественное право брать па откуп таможи, кабаки и другие объекты, связанные с поборами (IX, 6; XVIII, 23). В рамках больших, чем у частновладельческих крестьян, правомочий была значительнее и дееспособность посадских людей.

Наряду с городовыми дворянами и детьми боярскими посадские люди принимали участие в выборах губных старост, в ведении которых находились дела о разбое, убийствах и татьбе (XXI, 3, 4). Проявление дееспособности посадских людей видно прежде всего в процессе создания самого Уложения. Многочисленные челобитные посадских сыграли видную роль в выработке законодательства о сыске закладчиков и ликвидации беломестных слобод, это законодательство вошло в записные книги сыскных приказов и легло в основу XIX главы. В перечне сословий, челобитья которых побудили правительство учредить Монастырский приказ, имеются и посадские люди (XIII, 1). Представители посадов различных городов участвовали в Земском соборе 1648—1649 гг., принявшем Уложение. Словом, окончательно сложившееся к середине XVII в. и получившее юридический статус в Уложении 1649 г. сословие посадских людей стало играть видную роль в социальной структуре феодального общества.

Х Значение Уложения в данном случае как раз и состоит в том, что оно впервые в истории русского феодального законодательства посвятило посадку и посадским людям специальную главу. Вместе с тем Уложение отразило более высокий уровень развития торговли и ремесла в городах. Новые статьи, говорящие о ремесленниках, устанавливали ответственность мастеровых людей за сохранность сдаваемых им заказчиками материалов и за своевременность и качество изготовления изделий. В противном случае виновные подлежали судебной и материальной ответственности. Такие нормы предусмотрены в отношении портных в случае порчи ими материала заказчика или готового изделия (X, 273), в отношении ювелиров при порче ими драгоценных камней (X, 272) и в общей форме в отношении всех мастеровых людей (X, 193). А преступления денежных мастеров, связанные с изготовлением фальшивых денег, и специалистов по драгоценным металлам, допустивших подмеси олова и свинца в золото и серебро при из-

²¹ И по шкале сумм выкупа из плена посадские люди стоят перед крестьянами. Выше их были стрельцы и казаки украинских городов.

готовлении из них каких-либо изделий, выделены даже в специальную главу (V, 2).

✓Помимо посадских людей и служилых людей по прибору Уложение регламентировало сословные права высшей категории городского населения — гостей и торговых людей Гостиной и Суконной сотен.^Х Эти привилегированные торговые корпорации пополнялись преимущественно из посадских людей, разбогатевших на торгах и промыслах. В 1649 г. было гостей 13 человек, гостиной сотни — 158 человек и суконной сотни — 116 человек. В течение XVII в. число членов этих корпораций менялось, но незначительно. Немногочисленная, но наиболее богатая часть купечества — гости — обязаны были службой государю, будучи финансовыми советниками царя и агентами по торговым операциям казны. Каждый гость имел жалованную грамоту, определявшую его привилегии: право судиться судом царя, свободно выезжать за границу для торговых дел, не целовать крест на суде. Определены и ряд бытовых привилегий: право всегда топить избы и бани, варить и держать питье.²² Косвенно эти привилегии оговорены в Уложении в главе о пошлинах. При получении жалованной грамоты, освобождающей от постоев, тягла и разрешающей иметь питье, гости и торговые люди платили пошлину по 2 руб. 50 коп. с грамоты. Давались грамоты и на право иметь в Москве каменные лавки — также с уплатой пошлины (XVIII, 8, 9). Уложение касается лишь тех сословных черт гостей, которые вписываются в общую номенклатуру кодекса. Гости могли владеть вотчинами. Одним из источников приобретения вотчин гостями была продажа правительством порожжих поместных земель в вотчины (XVII, 45). В лестнице размеров бесчестья гости шли вслед за служилыми людьми по отчеству и именитыми людьми Строгановыми. Гостям размер бесчестья определялся до 50 рублей (X, 94). Сами гости за бесчестье патриарха наряду со стольниками, стряпчими и дворянами наказывались батогами, а за бесчестье митрополитов, архиепископов и епископов заключались в тюрьму (X, 30); за бесчестье, нанесенное думным чином, гость выплачивал штраф в их пользу в установленном размере (X, 91). Поскольку в феодальном судопроизводстве ценность свидетельского показания зависела от социального положения свидетелей, гости входили в тот ряд лиц от стольника и ниже, ссылки на показания которых были действительны даже при отводе их другой стороной, участвующей в процессе (X, 158). Дееспособность гостей не была ограничена. Указанные черты рисуют высокое положение гостей в социальной структуре феодального общества, выводящее их за пределы собственно городского населения.

Ниже гостей стояли торговые люди гостиной сотни, а за теми — корпорация торговых людей суконной сотни. В 1613 г.

²² Очерки истории СССР. ПерIOD феодализма. XVII в. М., 1955, с. 209.

гостинной сотне была выдана общая жалованная грамота, включавшая те же привилегии, что и гостям, но без права выезда за границу и владения вотчинами. По Уложению бесчестье торговым людям гостинной сотни большой статьи определялось в размере 20 рублей человеку, средней статьи — 15, меньшей — 10 рублей. У суконной сотни было такое же деление: для большой статьи бесчестье назначалось по 15 рублей, средней — по 10, меньшей — по 5 рублей (X, 94). Дифференциация штрафа за бесчестье для торговых людей была значительно большей, чем для посадских. Это обстоятельство связано с высоким уровнем развития торгового капитала и значительную ролью торговых людей в жизни развитого феодального общества. В правовом отношении представители гостинной и суконной сотен в ряде случаев были близки к служилым людям по прибору. И те и другие несли одинаковую кару за бесчестье высокопоставленных духовных лиц — патриарха, митрополитов, епископов: торговая казнь, батоги, тюрьма (X, 31).

Одинаковым было и отношение к собственности на посаде. Если городские торговые люди были записаны в гостиную и суконную сотни с обязательным проживанием в Москве, а в своих городах имели торги и промыслы и дворы на посаде, то им предписывалось торговые, промысловые заведения и дворы в городах продать тяглым посадским людям. В противном случае они обязаны платить тягло наравне с посадскими людьми.

Итак, Уложение 1649 г. выделяет три собственно городские категории населения — посадских людей, служилых людей по прибору и корпорация торговых людей.²³ Последние две группы занимали одинаковое положение в отношении основной феодальной повинности — государственного тягла. Они обязаны были платить его в случае наличия у них торговых и промысловых заведений на посадах, но имели право продать дворы и заведения тяглым посадским людям и тем самым освобождались от тягла. Третья группа, посадские люди, обладая монопольным правом собственности на посадские дворы и торгово-ремесленные заведения, вместе с тем была прикреплена к посаду и тяглу. Таким образом, положение посадских людей в отличие от других групп городского населения было приниженным, а их зависимость от государства носила феодальный характер. Это важно подчеркнуть, поскольку крупнейший исследователь истории посада П. П. Смирнов утверждал, что «главной задачей городской реформы была задача окончательного закрепощения городского населения по земле и тяглу от феодальной зависимости».²⁴ В действительности,

²³ Гостей, как немногочисленную и особо привилегированную группу, следует выделить особо.

²⁴ Смирнов П. П. Указ. соч., т. II, с. 721.

устранив зависимость торгово-ремесленного населения городов от крупных феодалов, правительство обложило его тяжелым государственным тяглом и поставило в прямую феодальную зависимость от государства, прикрепив к тяглу и посаду.

Посад и в период до Уложения 1649 г. был особой сферой приложения феодального права. Уложение послужило в этом смысле новым этапом. Оно в еще большей степени вводило развитие городов в рамки феодальных отношений и подчиняло это развитие интересам феодального государства. Закон о прикреплении посадских людей к посаду с запрещением его покидать получил в Уложении законченное и полное выражение. Посад замыкался в сословные рамки, неприкосновенность которых гарантировалась законом. Законодательство второй половины XVII в. не внесло существенных дополнений и изменений в эту основную норму Уложения.²⁵ Сказанное не означает, однако, что Уложение и посадское строение не имели большого положительного значения для развития русского города. Сама по себе ликвидация на посадах частновладельческих слобод, пережитка феодальной раздробленности, способствовала укреплению городов как центров ремесла и торговли. Указанные процессы проходили все же в рамках феодально-крепостнических отношений, но сам по себе рост городов и укрепление их экономики создавали предпосылки для зарождения в дальнейшем буржуазных отношений, подорвавших в конечном итоге устой феодализма.

²⁵ Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. Л., 1962, с. 260—322.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ, ПРЕРОГАТИВЫ И РЕГАЛИИ

Царь обладал всеми полномочиями государственной власти — административной, законодательной, судебной и военной, — хотя и продолжал делить власть с Боярской думой и отчасти с земскими соборами, которые в какой-то мере ограничивали его власть.

В середине XVII в. намечается ослабление роли земских соборов, а в уездах — выборного губного управления, которое все более вытеснялось властью воевод. На фоне этих событий Уложение 1649 г. дало наиболее полное и концентрированное выражение статуса власти царя как верховного главы государства в условиях начавшегося распада сословно-представительной монархии и зарождения абсолютизма периода развитого феодализма. В новом кодексе царской власти посвящены глава II — «О государственной чести, и как его государское здоровье оберегать» и глава III, касающаяся охраны порядка на государевом дворе. Несмотря на то что в названии второй главы значатся царские «честь» и «здоровье», охране здоровья государя из 22 статей главы посвящены только две (II, 1, 13). Глава открывается определением смертной казни за голый умысел против жизни и здоровья царя. Уложение впервые вводило в законодательство наказуемость голого умысла,¹ но, как обычно, устанавливало санкции дифференцированно. Если за умысел на жизнь или здоровье царя назначалась смертная казнь независимо от сословного положения виновного, то феодально зависимому человеку (слуге в широком смысле) за умысел в отношении своего господина определялось отсечение руки (XXII, 8). Умысел на жизнь и здоровье царя возведен в ранг преступлений государственных, политических. Остальные статьи II главы посвящены определению дру-

¹ ПРЦ, VI. М., 1957, с. 32. — Г. Г. Тельберг в словах статьи «на царское величество злое дело мыслил и делать хотел» видит не только голый умысел, но и какие-то подготовительные действия к его осуществлению (см.: Тельберг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в., М., 1912, с. 63—64).

гих видов государственных преступлений, как преступлений особо опасных, процедуры следствия по ним и характера санкций. К такого рода преступлениям отнесены «измена Московскому государству» и «скоп и заговор» против царя и «на его государевых бояр и околничих и на думных и на ближних людей, и в городах и в полках на воевод» (II, 18—20), т. е. против государственного строя в целом и его отдельных представителей.

Уложение предусматривало следующие виды измены: сбор рати, переписка и иные формы контактов с недругами русского царя и оказание им помощи — все это с целью завладеть Московским государством (II, 2); сдача недругу города или прием в русские города «иных государств зарубежных людей для измены же» (II, 3); сожжение города полностью или частично «умышлением и изменою» (II, 4). За все эти деяния, квалифицируемые как измена государству, определялась смертная казнь и конфискация поместий, вотчин и имущества (II, 2, 3, 4, 5). Сам характер преступлений подразумевал их субъекта, им могли быть только представители господствующего класса, преимущественно его верхов, и условия их совершения в ходе военных действий или в период мирных отношений между Россией и ее соседями. Смертной казни подлежали жены и дети изменщиков, если они знали про измену (II, 6). То же самое определялось и в отношении родителей, братьев и дядей изменника, если они жили с ним и были в курсе его действий (II, 9). Если же дети и жена про измену не знали, то наказания не несли, а из конфискованных вотчин и поместий им выделялась доля на прожиток, что «государь пожалует» (II, 7). В отношении родителей и боковых родственников при том же условии даже не применялась конфискация земельных владений и иного имущества (II, 10). Не подвергали наказанию и детей изменника, живших до измены «в розделе, а не с ним вместе», если и они не знали об измене (II, 8). Отсюда следует, что в основе определения ответственности за преступление родичей лежало не родственное начало, а участие, пусть пассивное. Преступнику некриминировалось стремление захватить власть с целью самому «государем быть». Иной формы власти, кроме монархической, законодатель середины XVII в. и не мог себе представить. Г. Г. Тельберг прав, когда в такой клаузуле видит «влияние исторических обстоятельств, характеризующих эпоху, непосредственно предшествовавшую Уложению». В стремлении самому быть государем составители Уложения предусматривали самозванство и политические интриги, столь характерные для первой половины XVII в.²

Правовое обеспечение государственной целостности и безопасности путем пресечения возможности переходов на сторону других государств — как в мирное, так и в особенности в военное время — логически дополнялось в Уложении VI главой «О проезжих гра-

² Тельберг Г. Г. Указ. соч., с. 76—80.

мотах в иные государства». В ней провозглашено право беспрепятственного проезда по торговым или другим личным делам в «иные государства», которые с «Московским государством» находятся в мирных отношениях, но при обязательном условии оформления проезжих грамот. Для их получения «на Москве бити челом государю, а в городех воеводам». Выезд за рубеж без проезжих грамот воспрещался (VI, 1). Воеводам предписывалось выдавать проезжие грамоты «без всякого задержания». Если задержки причиняли «простой и убытки», то воеводы были обязаны возместить ущерб вдвое и сверх того на них распространялась государственная опала (VI, 2). При поступлении извета о выезде кого-либо за рубеж и возвращении без проезжей грамоты назначался сыск — «сыскивати всякими сыски накрепко». Когда в ходе сыска устанавливалось, что подозреваемый ездил за рубеж без проезжей грамоты «для измены или для иного какова лихого дела», за измену он подлежал смертной казни; когда же ездил для торгового промысла, то за нарушение правил выезда за рубеж назначалось битье кнутом, «чтобы на то смотря иным неповадно было так делати» (VI, 3, 4). Таким образом, не всякий тайный переход через рубеж был изменой. Для такого обвинения нужен умысел против власти. В той же главе помещикам и вотчинникам порубежных городов вменялось в обязанность немедленно доносить государю или воеводам, когда они «почають в людех своих и во крестьянах какое дурно или измену», а уличенных приводить к воеводам (VI, 6). Вполне возможно, что Уложение 1649 г. законодательно закрепило практику оформления выездов за рубеж, проводимую до этого Посольским приказом.³

Презумпция измены наличествует и в главе VII, устанавливающей правовой режим воинской службы. Здесь речь идет об измене воинскому долгу: перебежке или — быть может, точнее — о временных переходах на сторону противника в военной обстановке с целью сообщения сведений о состоянии воинских частей. Виновный подвергался смертной казни через повешение на виду у неприятельских сил (VII, 20). Измена именно государству, а не только государю, предусматривается и в XX главе: «А будет, кто изменит, из Московского господарства отъедет в иное господарство, то его людей отпускать на волю» (XX, 33).

Другим, вслед за изменой, видом государственного преступления, предусмотренным Уложением, является, как указывалось выше, «скоп и заговор», т. е. в какой-то мере организованное выступление массы людей против царя, бояр, воевод и т. п. С целью предупреждения таких явлений закон обязывал всякого, кто узнает о готовящемся заговоре, доносить царю, боярам, а в городах воеводам и приказным людям (II, 18). В противном случае знавшему о скопе и заговоре, но не допесшему о них, угрожала

³ ПРП, VI, с. 48.

смертная казнь (II, 19). Запрещалось «самовольством, скопом и заговором» приходить к царю, боярам, думным людям, а в городах к воеводам и приказным людям. Отягчающим обстоятельством могло быть при этом избиение и грабеж должностных лиц. За подобные действия назначалась смертная казнь «без всякие пощады» (II, 20, 21). Как уже отмечалось, эти статьи были непосредственным откликом на восстание 1648 г. в Москве и других городах.⁴

Необходимо подчеркнуть, что та же самая мера наказания — смертная казнь — следовала за «скоп и заговор» безотносительно к тому, были ли они направлены против самого царя или воевод и приказных людей в городах. Таким образом, закон брал под защиту не только особу царя как монарха, а весь государственный аппарат в целом, все его звенья в равной мере. Поэтому справедливо замечание, что II глава Уложения «не делала никакого различия между преступлениями против государства и действиями, направленными против личности государя».⁵

Налицо, несомненно, правовое оформление понятий государственного суверенитета, государственной безопасности, подданства и воинского долга.

Квалифицируя нарушения этих устоев высокоразвитой феодальной государственности как наиболее тяжкие преступления, составители Уложения выдвинули и ряд законоположений, связанных с установлением достоверности таких деяний. Вообще нормы процессуального права занимают значительное место во II главе. Извет, донос о преступлениях такого рода возводился в норму закона, обязательную для всех. Не составляли исключения даже крестьяне и холопы, обязанные доносить на своих господ в случае их замыслов на «государское здоровье» или участия в изменном деле (II, 13). Но все изветы должны иметь непреложные доказательства. Если крестьянам и холопам не удавалось уличить своих господ, то их подвергали наказанию кнутом. При не подтвержденных свидетелями или уликами изветах со стороны представителей высших сословий дело переходило на рассмотрение царя (II, 12). Ложные изветы карались тою мерой наказания, которую должен был нести оговоренный (II, 17). Любопытно, что если городовые и полковые воеводы доносили на служилых и иных чинов людей, что «они приходили к ним скопом и заговором, и хотели их убить», а в результате сыска устанавливалось, что они приходили не «скопом и заговором», а лишь «немногие люди для челобитья», таким воеводам за ложный донос предписывалось «чинить жестокое наказание, что государь ука-

⁴ Отдельные выражения поручных записей относительно повстанцев г. Козлова в 1648 г. вошли в 20-ю и 21-ю статьи II главы Уложения (Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII в. Воронеж, 1975, с. 133).

⁵ Очерки истории СССР. Период феодализма, XVII в. М., 1955, с. 347.

жет» (II, 22). За ложное объявление за собою «государева дела и слова» даже под страхом перед побоями или по причине состояния опьянения назначалось наказание кнутом (II, 14).

При отсутствии лица, на которое поступил извет о «государевом великом деле» или измене, его надлежало разыскать и устроить очную ставку с изветчиком и произвести сыск по существу дела. Решение по делу выносилось в зависимости от результатов сыска (II, 16).

Закон допускал убийство изменника любым лицом, которое даже получало вознаграждение за убийство или привод изменника в виде «государева жалованья» из имущества убитого (II, 15). Однако по смыслу статьи убийство изменника допускалось только в погоне — «догнав на дороге». Убийство же захваченного изменника рассматривалось как преступление.⁶

В значительно большей мере, чем II глава, охране чести царя посвящена III глава: «О государеве дворе, чтоб на государеве дворе ни от кого никакого безчинства и брани не было». Бесчестье кого-либо словом на государевом дворе в присутствии «царского величества» рассматривалось как поругание чести государева двора и наказывалось не только уплатой бесчестья, как в обычных случаях, но и тюремным заключением на две недели (III, 1). Как бесчестье государева двора, карались более сурово, чем в обычных условиях, побои: удар рукою — тюремное заключение на месяц, при этом нанесение раны — оплата бесчестья вдвое и полтора месяца тюрьмы (III, 2). А смерть от раны, причиненной орудием, или даже просто ранение без смертельного исхода, но в присутствии царя, влекли смертную казнь и уплату кабальных долгов убитого. Угроза оружием без причинения вреда при том же условии влекла отсечение руки (III, 3, 4). А те же деяния в отсутствие царя наказывались слабее: за угрозу оружием назначалось три месяца тюрьмы, а при ранении — оплата бесчестья и увечья вдвое. Если ранение повлекло смерть — смертная казнь. при выздоровлении раненого — отсечение руки (III, 5). Сравнение этих статей со статьями I главы, предусматривающими совершение аналогичных преступлений в церкви, а также со статьями X главы (статьи 32—82) о преступлениях, совершенных вне церкви и царского двора, показывает, что различный характер санкций за одни и те же преступления зависел от места их совершения.

Особо оговорен в III главе запрет стрелять из пищалей и луков и других видов оружия в присутствии царя — как на царском дворе, так и во время царских выездов. А во дворе запрещалось носить такое оружие при себе. Нарушение запрета влекло наказание батогами и заключение в тюрьму на неделю (III, 6, 7). Жестоко каралось и воровство на царском дворе — трехкратное уличение в воровстве влекло отсечение руки (III, 9).

⁶ Тельберг Г. Г. Указ. соч., с. 44.

Нормы, направленные на охрану порядка в царском дворе, тем самым чести двора и безопасности государя, столь детально разработаны в законодательстве впервые. По своей сути они примыкали к законам, предназначенным для охраны порядка управления.

В своем исследовании по истории политического суда в России XVII в. Г. Г. Тельберг отметил, что в Уложении «впервые в истории русского законодательства дано было систематическое описание состава государственных преступлений» и определен процесс по этим делам.⁷

К государственному праву примыкают и законы, касающиеся прерогатив и регалий царской власти. К их числу относится прежде всего чеканка монеты, сосредоточенная в руках государства начиная с XVI в. В Уложении монетному делу посвящена глава, состоящая всего из двух статей, — «О денежных мастерах, которые учнут делати воровские деньги». Собственно к чеканке может относиться только первая статья. Она делит состав преступлений в отношении монеты на две части: во-первых, чеканка медных, оловянных или укладных денег вместо принятых в государстве серебряных, — это в чистом виде фальшивомонетничество; и, во-вторых, примесь в серебро меди, олова или свинца, т. е. порча денег с целью наживы. Таким образом, относить эту статью только к разряду фальшивомонетничества, как это встречается в литературе, не основательно. И тот и другой вид преступления закон расценивал как причинение убытка казне и определял виновным квалифицированную смертную казнь — залитие в горло расплавленного металла (V, 1). Другая статья той же главы карала мастеров за подмес к драгоценным металлам простых металлов при изготовлении заказов. В таком случае назначались торговая казнь и возмещение убытка заказчикам (V, 2).

Государственной монополией было изготовление и продажа пива, меда и вина. Общее управление этой регалией сосредоточивалось в приказе Новая четверть.⁸ На местах кружечными дворами заправляли «верные головы» и целовальники (IX, 6). Общипы отвечали за подбор и проступки выбранных ими целовальников.

⁷ Там же, с. 28, 30. — Тот же автор, подчеркивая крупный шаг, сделанный составителями Уложения в указанном направлении, для сравнения сообщает, что Русская Правда не говорит о политических преступлениях. Самое раннее упоминание о них встречается в Псковской судной грамоте в форме указания «переветника». В Судебнике 1497 г. указан «государский убийца и коромольник» (ст. 9). Судебник 1550 г. дополнил этот текст указанием на «градского сдавца» (ст. 61). В одном из боярских приговоров 80-х гг. XVI в. читаем о «кромолье о рокоше на царя государя» (там же, с. 50—51).

⁸ См. далее с. 173—174).

В XVII в. широкое распространение получили откупа на сбор казенных доходов с различных объектов, подлежавших обложению поборами: питейные сборы, сборы с кабаков, таможенные (мыты, перевозки, мостовщина), тамга, городские бани, мельницы, рыбные ловли и т. п. (IX, 13; XVIII, 24, 29, 30). Уложение разрешало сдачу на откуп указанных статей дохода посадским людям и крестьянам дворцовых и чернососных волостей; помещичьи и вотчинные крестьяне к откупам не допускались (XVIII, 23).⁹ Откупам ведал приказ Большого дворца. Лицам, взявшим что-либо на откуп, выдавались откупные грамоты. За приложение печати к ним в Печатном приказе взималась пошлина по 7¹/₂ денег с рубля. Если сумма откупа не превышала 6 рублей, пошлина взималась в размере 50 денег с человека (XVIII, 24, 26). Некоторым откупщикам предоставлялась привилегия — отсрочка рассмотрения жалоб на них в судебном порядке до окончания срока откупа. Но и в данном случае за оформление специальных грамот взималась пошлина по полуполтине с человека. В других случаях по жалобам на откупщиков суд рассматривал дела на следующий год после года поступления жалобы. (XVIII, 22, 23).

Сбор откупов и пошлин вне Москвы производился городскими воеводами, которые высылали деньги в соответствующие приказы. Если находился откупщик, который брал тот или иной откуп с наддачей по сравнению с тем, что выплачивал его предшественник, то откуп передавался ему. Интерес казны был определяющим. В то же время закон обязывал откупщиков держать в технически пригодном состоянии мосты и перевозки через реки, дабы не причинять ущерба проезжим людям. В противном случае ущерб взыскивался с откупщиков (IX, 13).

Несомненной прерогативой правительства был сбор пошлины за оформление деловой документации путем приложения казенной печати. Регламентации этого вопроса в Уложении отведена самостоятельная XVIII глава — «О печатных пошлинах». В ней выделены определенные группы лиц и типы пошлин, взимаемых с удостоверения актов. К первой категории относились землевладельцы и соответственно документы, касающиеся помещичьих дел. Пошлина в размере 2¹/₂ деньги с четверти пашни исчислялась в следующих случаях: с жалованных грамот на поместья;¹⁰ с ввозных грамот на отцовские поместья; за купчие на вотчины, приобретенные из порожжих земель;¹¹ с отказных грамот на завещанные и взятые в заклад вотчины; за переходящие

⁹ Не вытекающим из документа является заключение, что откупа сдавались гостям и людям суконой и гостиный сотен (ПРП, VI, с. 297).

¹⁰ Если поместье жаловалось в размере менее 20 четвертей или псковским лицам в совместное владение, пошлина бралась «с челобитья с человека» по полуполтине (XVIII, 2).

¹¹ В данном случае с купившего вотчины взималось в Поместном приказе с 1 рубля по алтыпу и в Печатном приказе дополнительно к почетвертной пошлине — полуполтина,

четверти при мене поместьями и вотчинами; при оформлении поместий и вотчин за родственниками с тех, кто получал землю, и, наконец, при возобновлении прав владения вотчиной и помещьем, ранее конфискованными, если новая дача будет превышать прежнюю (XVIII, 1, 14, 15, 17—20).

Пошлины с челобиття, а не с четвертей, в размере полуполтины с человека взимались в таких случаях: при выдаче ввозных грамот на старые поместья взамен утеранных; с оформления передачи поместий женам и детям дворян и детей боярских, убитых на государственной службе; при выдаче поместий из порозжих земель украинских городов и дикого поля; с жалованных грамот о пожаловании поместья в вотчину; с меновых при мене земельными владениями (XVIII, 3—6, 18, 19).

Освобождались от уплаты пошлин возобновленные жалованные грамоты на старые родовые и купленные вотчины; грамоты на поместья, выделенные взамен отошедших в «Литовскую сторону»; в качестве льготы освобождались от пошлин жалованные грамоты, наказные памяти в города и прочие документы, данные боярам и другим думным людям (XVIII, 7, 10, 11, 16, 56—57).

Освобождались от пошлин грамоты, выданные головам и сотникам стрелецких полков, стрельцам московских приказов, казакам на владение вотчинами и поместьями, а равно по делам о займах и долговых обязательствах (XVIII, 49—50).

Устанавливалось размежевание сбора пошлин между Москвой и Новгородом при пожаловании поместий повгородским помещикам (XVIII, 12, 13).

Следующая категория лиц, платившая печатные пошлины, — гости и торговые люди. За жалованные грамоты на различного рода льготы они платили по 2 р. 50 к., а за дающие грамоты на право иметь каменные лавки в Москве — по 1 р. 25 коп. (XVIII, 8, 9). На общем основании платили печатные пошлины торговые люди и уговорщики, ведшие хлебную торговлю в Архангельске, в помпозовых городах и в Сибири (XVIII, 67). Английским и голландским купцам предоставлялись различного рода льготы, в том числе освобождение от уплаты пошлин за приложение печатей к грамотам. Другие же иностранцы платили пошлины на общих основаниях (XVIII, 55).

Детально регламентированы пошлины и льготы по ним в отношении откупов.

Солпдным источником пополнения казпы были пошлины за приложение печатей к грамотам по судным делам. Пошлины взимались за посылку грамот в города по судным делам, за каждую грамоту по полуполтине — независимо от того, ссылались ли истец и ответчик на «общую правду» или свидетелей указывала одна сторона, и независимо от того, какое количество грамот послано (XVIII, 31, 32, 43, 44). Если дело велось не по инициативе сторон, то пошлины уплачивала сторона, признанная судом виновпой (XVIII, 31, 32, 33). За грамоты по челобитным

о долговых кабалах, долгах по духовной, купчей и о бескабальных исках пошлина была полполтины с грамоты и в том же размере с каждого акта (XVIII, 34—36). Грамоты по коллективным челобитьям оплачивались пошлиной в размере от 25 алтын и выше (XVIII, 37, 38). Повторные грамоты в города о вызове ответчиков в Москву — даже в том случае, если неявка ответчиков по первым грамотам вызвана их упорством или укрывательством их со стороны воевод, — оплачивались истцами, а им предлагалось сводить счета с другой стороной (XVIII, 43, 44).

От уплаты пошлин по различного рода грамотам освобождались служилые, посадские и папшенные люди сибирских, пермских, вятских и устюжских городов, «потому что место дальнее, и сибирские служилые люди приезжают к Москве временем»; освобождались от пошлин проезжие грамоты, выданные дворянам, детям боярским, татарским и стрелецким головам при их посылке в дальние сибирские города, а также грамоты «в управных делах», выданные головам, сотникам московских стрельцов и стрельцам; сюда подключались и грамоты по челобитьям стрельцов друг на друга, «потому что люди служилые, а земли за ними государевы», грамоты о выдаче денежной и хлебной руги монастырям и служилым людям по прибору о разрешении последним беспошлинно торговать в городах — «пошлин для их службы и бедности не имати» (XVIII, 47—53).

Следует подчеркнуть, что освобождений от взимания пошлин за приложение печатей к грамотам встречается немного. В социальном плане освобождение касалось верхов господствующего класса: думных людей, властей высокопривилегированных монастырей — Троице-Сергиева и Спасского Нового. Крестьяне же и монастырские слуги этих монастырей от уплаты пошлин не освобождались (XVIII, 56, 59—62).

Пошлинами оплачивались грамоты, удостоверяющие повышение в чине: при производстве из городских дворян или детей боярских по дворовому списку, из дворового списка — по выбору, а также при верстании жалованьем и земельным окладом; оплачивались и грамоты о назначении губными старостами, городовыми приказчиками, головами, сотниками и атаманами у казаков сибирских городов (XVIII, 65, 68—71).

Сказанное выше относительно функционирования и состава государственных органов, начиная с поездных и кончая Боярской думой и царем как главой государства, а также относительно правового обеспечения безопасности государства и неприкосновенности личности государя, позволяет заключить, что в Уложении 1649 г. получили воплощение и значительную разработку нормы феодального государственного права, достигшие к середине XVII в. относительно высокого развития.

Характеризуя государственный строй России XVII в., В. И. Ленин определил его как «русское самодержавие XVII века с боярской Думой и боярской аристократией...».¹ Отсюда следует, что цари в XVI—первой половине XVII в. делили власть с боярской аристократией, представленной в Боярской думе.² В литературе отмечено вместе с тем, что система государственного управления в XVI—XVII вв. сочетала учреждения небюрократического типа (Боярская дума) с бюрократическими учреждениями центрального и местного управления, имевшими чиновные элементы (приказная система, приказные люди, воеводы).³ Сказанное в полной мере подтверждается Уложением 1649 г., включающим и толкование функций, выполняемых Боярской думой. Она выступает прежде всего как законодательный орган наряду с царем и под его эгидой.

Само составление Уложения связано с законодательной функцией Боярской думы. По совету с Освященным собором и Боярской думой царь поручил Комиссии во главе с боярином Н. И. Одоевским составление Уложенной книги, среди источников которой значатся и боярские приговоры. Затем «государь указал» и «бояре приговорили» собрать Земский собор с целью обсудить и принять Уложение.⁴ В тексте ряда его глав содержатся ссылки на законы, принятые еще до Уложения по указу царя и приговору бояр. Но несравненно более ценно изложение указов, принятых с участием Боярской думы в момент составления Уложения. В 1641 г. в ответ на челобитную дворян и детей боярских с жалобой о непомерных сборах мыта и мостовщины по царскому и боярскому приговору принят указ, вошедший в состав 1-й и 2-й статей IX главы «О мытах и о перевозех и о мостах». Уложение оставляло в силе судные дела о холопах, решенные еще до него «по государеву указу и по боярским приговорам» (XX, 119).

В главе XVII «О вотчинах» помещен указ о выдаче прожитка вдовам и матерям из выслуженных вотчин. Указ начинается словами: «А ныне государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси указал, и бояре приговорили...» (XVII, 2).

В другой статье сказано: «А родовым и выслуженным вотчинам государь указал и бояре приговорили быти...» по указу

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 346.

² «Боярская дума» — литературный термин. В Уложении 1649 г. этот правительственный орган обозначен словами: «бояре», «думные люди», «думные дяки».

³ Демидова Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв. — В кн.: Абсолютизм в России. М., 1964, с. 208.

⁴ Тихомиров М. Н., Елифанов П. П. Соборное Уложение 1649 г. М., 1961, с. 67—69.

1628—1629 гг. (XVII, 4). Весьма важный указ о запрете продавать и закладывать в монастыри и духовным иерархам родовые, выслуженные и купленные вотчины был принят на Земском соборе 1648 г. по совету с Освященным собором и Боярской думой (XVII, 42). В главе XXV находим подтверждение указа 1634—1635 гг. о запрете держать, курить и продавать табак: «А ныне государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси указал и бояре приговорили: тем людям, у кого табак объявится, указ чинити против того же, как о том указано в прошлом во сто сорок второй год» (XXV, 11).

Подделка государевых грамот и указов с боярским приговором каралась смертной казнью (IV, 1).

В Уложении, однако, несоизмеримо больше ссылок на указы царя без приговоров Боярской думы. Если даже допустить, что в отдельных случаях возможны пропуски указаний на приговоры бояр, то и при этом условии именных указов, использованных в качестве материала при написании глав Уложения, будет много больше, чем указов с приговором Боярской думы. Уложение, видимо, отражало общее положение дела. Имеются сведения, что при царствовании Алексея Михайловича именных указов принято значительно больше, чем указов, имеющих боярский приговор. Но зато все крупнейшие вопросы законодательного порядка, в частности связанные с землевладением и крепостным правом, имеют приговоры Боярской думы.⁵

В тесной связи с участием Боярской думы в законодательной деятельности стоит ее участие в решении наиболее важных государственных вопросов внутренней и внешней политики, что в Уложении получило отражение в формуле: «А бояром и околничим и думным людям сидети в полате и по государеву указу государевы всякие дела делати всем вместе» (X, 2).

Боярская дума была высшей после царя судебной и апелляционной инстанцией. Уложение, повторяя Судебник 1550 г., провозглашало: «Суд государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси судити бояром и околничим и думным людям и диаком...» (X, 1).⁶ В качестве второй судебной инстанции, и прежде всего апелляционной инстанции, суд царя и Боярской думы выступал по отношению к приказам: «А спорныя дела, которых в приказах зачеи вершити будет не мощно, вносити из приказов в доклад к государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси, и к его государевым бояром и околничим и думным людям» (X, 2). Эта статья помимо указанного выше значения — передачи дел, решенных в приказах, по не удовлетворяющих одну из сторон, на

⁵ Ротенберг С. С. Монархия с боярской думой (к вопросу об установлении самодержавия в России). — Учен. зап. Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина, т. XXXV, Кафедра истории СССР, вып. 2, М., 1946, с. 93.

⁶ Повторена 1-я статья Судебника 1550 г. (Судебники XV—XVI вв. М.—Л., 1952, с. 141).

суд царя и Боярской думы как высшей апелляционной инстанции — имела, видимо, и другой смысл: приказы могли некомпетентно решать некоторые дела, относящиеся исключительно к компетенции царя и Боярской думы.⁷

Боярская дума имела и самостоятельную, независимую от царя, компетенцию в судопроизводстве. Так, например, при жалобе на судью со стороны потерпевшего, что судья «обвинил его не делом по посулам...», предписывалось «судное дело взнести слушати бояром, и учинити в том деле указ, смотря по делу» (X, 7). В другом случае на рассмотрение «всем бояром» передавались дела, когда какой-либо приказный судья «просудится и обвинит кого не по суду без хитрости» (в случае судебной ошибки, — А. М.) (X, 10).⁸

Высокому положению Боярской думы в государственной системе, а бояр и других думных чинов в сословной иерархии феодального общества соответствовала правовая защита их неприкосновенности. Показательно, что в главе «о государьской чести» содержится запрет приходить «самовольством, скопом и заговором» не только к царю, но и к боярам, окольничим и думным людям (II, 20). За нарушение этого запрета закон карал смертной казнью (II, 21).

В соответствии со своим положением бояре и другие думные чины пользовались рядом льгот. Они освобождались от уплаты печатных пошлин за жалованные грамоты на вотчины (XVIII, 16), а также за грамоты, посланные в города по их челобитью, или за посылку в города приставов с наказными памятями (XVIII, 56).

Из сказанного следует, что Уложение 1649 г. наглядно и четко определяет значение Боярской думы как органа государственной власти сословно-представительной монархии в России первой половины XVII в.

ЗЕМСКИЕ СОБОРЫ

Важнейшим признаком сословно-представительной монархии в России, сложившейся во второй половине XVI в., было функционирование земских соборов, в состав которых входили царь, Боярская дума, Освященный собор, состоявший из высших духовных чинов, и выборные представители дворянства — московского и городского, а также торговых кругов и верхушки посада. Крестьяне, и то лишь в лице представителей участников Земского ополчения 1612 г., принимали участие только в Земском соборе 1613 г. Земские соборы были органами государства. Это

⁷ ПРП, VI. М., 1957, с. 145.

⁸ Повторена 2-я статья Судобника 1550 г. (Судебники XV—XVI вв., с. 141).

понятие следует отличать от понятия «государственного учреждения», которое было звеном государственного аппарата.

Прибегая к земским соборам, цари стремились использовать возросший удельный вес в стране дворянства и верхушки городского населения. Соборы возникли не по требованию сословий для ограничения царской власти, а по инициативе государей для упрочения их власти. Формально ограничивая царскую власть, земские соборы объективно ее укрепляли. В этом состояла одна из особенностей сословных учреждений в России. Восстановленная после событий начала XVII в. сословно-представительная монархия достигла наибольшего подъема в первые три десятилетия, а к середине века стал намечаться ее упадок в связи с укреплением центральной власти и ростом абсолютистских тенденций. Последние земские соборы для решения вопросов большой государственной важности, значительные по составу, были собраны в конце 40-х—начале 50-х гг. XVII в.¹

Уложение 1649 г., само явившееся результатом деятельности одного из наиболее важных по значению и представительных по составу земских соборов и потому названное Соборным, тем не менее не отразило в своем составе земских соборов как органов государственного управления. Можно назвать лишь два-три случая, когда составители Уложения, приводя новые законодательные установления, ссылаются на соборы как основание таких решений. И все эти случаи относятся к ограничению прерогатив церкви — как в сфере поземельных владений, так и судебной компетенции.

Так, запрет высшим духовным чинам (патриарху, митрополитам и т. п.) и монастырям покупать, брать в заклад или в качестве вклада по душе родовые, выслуженные и купленные вотчины, а вотчинникам соответственно продавать или закладывать их духовным лицам и корпорациям был принят на Соборе 1648 г. (XVII, 42).

Тогда же принято решение о создании Монастырского приказа.² Основанием такого решения указано челобитье царю служилых людей от стольников до детей боярских, гостей, торговых людей гостинной, суконной и иных сотен и слобод и посадских людей (XIII, 1). В этом перечне авторов челобитья о создании Монастырского приказа отсутствуют думные чины и Оsvященный собор.

В условиях раздельных заседаний бояр и духовенства, с одной стороны, и выборных представлений от других сословий, с другой, правительство имело возможность в решении тех или иных вопросов опереться на одну из сторон, невзирая на несогласие другой стороны. Само по себе такое обстоятельство было

¹ Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978, с. 387—390.

² См. далее (с. 172—173).

уже признаком независимого положения царской власти и тем самым распада сословного представительства как определенной политической системы.

Помимо только что названных, Уложение содержит немало новых установлений, прямо или косвенно связанных с Собором 1648 г., но последний при этом не упоминается.

Ввиду значительного усиления абсолютистских черт монархии, отраженных в Уложении 1649 г., и в силу того обстоятельства, что кодекс возник в преддверии упадка земских соборов, становится понятным отсутствие каких-либо законоположений, касающихся их деятельности.

ПРИКАЗЫ

Наибольшего развития приказная система управления достигла в XVII в. Первая половина века была заключительным этапом ее сложения. Приказы являлись центральными исполнительными и судебными органами государственного аппарата сословно-представительной монархии. Несмотря на громоздкость, параллелизм и нечеткость разграничения функций, приказы к середине XVII в. сложились уже в единую систему централизованного управления, имея определенную структуру, стабильность штатов и довольно высокий уровень централизации деятельности. Вместе с кратковременно действовавшими приказами их общее число в XVII в. достигало 80, а длительно действовавших приказов насчитывалось до 40.¹ В Уложении 1649 г. упомянуто 16 приказов, два из них имеют собирательный характер — Судный приказ и Четверти. И тех и других было несколько.² Тот факт, что Уложение коснулось приказного строя лишь в относительно малой степени, объясняется, на наш взгляд, следующими тремя обстоятельствами. Во-первых, в Уложении нет конституционных норм, содержащих правовые основы структуры и компетенции органов государственной власти. Те из них, которые возникли до Уложения, подразумевались само собою действующими на основе сложившейся системы компетенции. И лишь в тех случаях, когда вводились новые органы управления или компетенция ранее возникших обретала особо важное для государства значение, Уложение уделяло им специальное внимание. Так, основанному по Уложению 1649 г. Монастырскому приказу отведена отдельная, XIII глава. Выделены в отдельные главы вопросы деятельности Печатного (гл. XVIII), Стрелецкого (гл. XXIII) приказов и Новой четверти, занимавшейся борьбой с корчемством (гл. XXV). Во-вторых, многие при-

¹ Устюгов Н. В. Эволюция приказного строя Русского государства в XVII в. — В кн.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.), М., 1964, с. 134.

² Там же, с. 137, 141, 148.

казы были одновременно административными и судебными органами. Детальное освещение в Уложении судопроизводства и процессуальных вопросов не могло не привести к упоминанию деятельности прежде всего тех приказов, в обязанность которых входил разбор дел в соответствии с их отраслевым или территориальным назначением. В-третьих, крупнейшие из приказов — такие как Поместный, Холопий и Разбойный — не могли быть не указаны по своему прямому назначению в силу того, что в Уложении уделено большое внимание поместно-вотчинному землевладению, правам феодалов на крестьян и холопов и борьбе с татьбой и разбоями. Этими указаниями составители ограничились.

Вопрос о классификации приказов является спорным.³ Мы не будем входить в рассмотрение этого спора и придерживаться той или иной классификации, поскольку речь идет о весьма ограниченном числе приказов. Примем лишь деление на приказы с внешнеполитической и внутриполитической ориентацией. Из первых в Уложении указаны Посольский приказ и Разряд, но оба упомянуты лишь в связи с подчиненными для них внутриполитическими функциями. На Посольский приказ возлагался сбор полоняничных денег, предназначенных для выкупа пленных. Раньше этим занимался Полоняничный приказ. Меняло Уложение и систему сбора — не по сошному письму, как ранее, а по новым переписным книгам 1646—1648 гг., т. е. подворно (VIII, 1).

В другом случае в связи с выдачей из Посольского приказа иностранным гостям и торговым людям проездных грамот оговорено: с английских и голландских гостей, которым дана государева жалованная грамота, не брать печатных пошлин с их челобитных на русских торговых людей «в торговле о управе» (XVIII, 55). Только в этой же главе о печатных пошлинах упомянут дважды крупнейший военный и тем самым внешнеполитический по своей определяющей функции Разрядный приказ. Из записей следует, что Разряд ведал производством по службе дворян и детей боярских: из городских производил в дворовые, а из дворовых в разряд по выбору. В более широком плане

³ Н. В. Устюгов делит приказы на государственные и дворцовые. Первые разделены на приказы, осуществлявшие задачи внутренней и внешней политики. Приказы, осуществлявшие задачи внутренней политики, поделены на приказы а) с общегосударственной, б) с областной компетенцией. Приказы с общегосударственной компетенцией в свою очередь делятся на административные, финансовые и судебные (см.: Устюгов Н. В. Указ. соч., с. 134—135). А. В. Чернов, сохранив деление приказов на государственные, дворцовые и патриаршие, дальнейшее деление государственных приказов производит по отраслям управления: военное дело, администрация, финансы, суд, внешняя политика. Выделены и приказы с областной компетенцией. Деление дано по ведущей функции приказов (Чернов А. В. О классификации центральных государственных учреждений XVI—XVII вв. — Исторический архив, 1958, № 1, с. 200—201). Там же см.: Обзор библиографии по классификации приказов (с. 195—201).

Разряд верстаи дворян и детей боярских в службу, назначали жалование и определял, «по которому городу велено службу служить». Разряд рассылал грамоты, которые поступали в Печатный приказ для приложения печатей и взыскания пошлин (XVIII, 65, 69).⁴ И, безусловно, обязанностью Разрядного приказа было оповещение через городских воевод ратных людей о сборе в назначенных пунктах в случае предстоящих военных действий (VII, 2). В решении внешнеполитических задач определенную роль, которая со временем возрастала, играл Стрелецкий приказ. В еще большей мере стрельцы как военная сила использовались внутри страны и в качестве повседневной полицейской силы, и для подавления народных движений. Уложение 1649 г. впервые в законодательстве определяло объем и характер компетенции Стрелецкого приказа, хотя на практике дело таким же образом обстояло и ранее. Стрелецкий приказ рассматривал все дела о стрельцах, кроме разбоя и татбы с поличным (XXIII, 1). Иски стрельцов к сторонним людям и встречные иски к стрельцам рассматривались в тех приказах, где ведомы ответчики и истцы, но при наличии «подписных челобитных из Стрелецкого приказа» (XXIII, 2). Таким образом, небольшая, всего из трех статей, отдельная глава Уложения касается лишь подсудности стрельцов.

Значительно больше внимания Уложение уделяло приказам, ведущей функцией которых были вопросы внутренней политики, касавшиеся экономической и социальной основы существующего строя — феодального землевладения, положения феодально зависимых слоев населения и обеспечения правопорядка, связанного прежде всего с охраной жизни и имущества господствующих и имущих кругов.

Вопросы поместно-вотчинного землевладения и положения крестьян входили в компетенцию Поместного приказа. Нами показаны основные линии политики правительства в каждой из этих областей — в том виде, как они отражены в Уложении. Здесь вкратце остановимся лишь на функциях самих приказов.

Поместный приказ вел писцовые книги, учитывающие хозяйственный потенциал землевладений всех типов, и переписные книги, основное назначение которых состояло в учете тяглого населения феодальных владений. С Уложением 1649 г. связаны писцовые книги 1626—1628 гг. и переписные книги 1646—1648 гг. (XI, 1, 2, 9). На их основе строилась вся поземельная и крестьянская политика правительства согласно нормам Уложения. Поместный приказ следил за соответствием всей поземельной документации, в том числе и выписей писцов, писцовым книгам (XVI, 52; XVII, 35). В спорах о земле приписывались во внимание записи и в прежних писцовых книгах (XVII, 25),

⁴ В указанных случаях размер пошлины был по полуполтине с человека (XVIII, 65, 69).

а при отсутствии их Приказ мог давать ввозные грамоты на прежние поместья на основе дозорных книг (XVIII, 3). Следующая крупная функция Поместного приказа состояла в верстании служилых людей по отчеству поземельной дачей с учетом оклада, назначаемого Разрядным приказом, и родовитости служилого человека (XVI, 1).

На Приказ возлагалась регистрация всех поземельных сделок между феодалами — купли-продажи вотчин (XVII, 34; XVIII, 15), их заклада, «поступки» и передачи по наследству (XVIII, 17), мены поместьями и поместий на вотчины (XVI, 2, 5, 54). Приказ следил за законностью владения поместьями (XVI, 12), осуществлял контроль за исполнением указа о запрете духовным иерархам и монастырям покупать и принимать в качестве вклада родовые, выслуженные и купленные вотчины и не имел права регистрировать такие сделки (XVII, 42); осуществлял также продажу порожних земель в вотчины, а при отсутствии у таких вотчин наследников отбирал их «на государя» (XVII, 45). То же делалось и в отношении выморочных поместий, которые подлежали передаче женам на прожиток (XVI, 13). На Приказе лежало разрешение всех поземельных конфликтов, в том числе связанных с закладом и выкупом заложенной земли (XVII, 32) и многих других. Словом, Поместный приказ был ответствен за исполнение всех установлений, вошедших в главы Уложения о поместных и вотчинных землях.

Следующая крупная функция Приказа состояла в контроле за соблюдением крепостного устава относительно крестьян. Прямой обязанностью Приказа была борьба с побегам крестьян и возврат их владельцам на основании писцовых и переписных книг (XI, 1, 2, 9). Как возврат беглых, так и остальные акты сделок на крестьян, согласно Уложению, подлежали регистрации в Приказе (XI, 6, 24). Однако до 1675 г. такие записи в Поместном приказе не производились, они велись в Холопьем приказе. В октябре 1675 г. вышел указ, по которому запись крепостных документов и купчих на крестьян должна была производиться в Поместном приказе в специальных книгах.⁵ На основе Уложения 1649 г. должно было произойти разграничение функций между Поместным и Холопьем приказами, но процесс этот затянулся до последней четверти XVII в.

Поместный приказ был обязан устанавливать и свободное состояние «пришлых людей», назвавших себя свободными и изъявивших желание записаться в качестве крестьян за какими-либо помещиками и вотчинниками (XI, 20). Во всех указанных случаях компетенция Поместного приказа распространялась на территорию центра и юга государства, исключая новгородские и исковские земли, подлежавшие юрисдикции приказных изб Нов-

⁵ Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. Л., 1962, с. 209.

города и Пскова, и территорию, подведомственную приказу Казанского дворца с центром в Казани (XI, 20; XVI, 68).

Видное место уделено в Уложении Холопью приказу, на который возлагался контроль за соблюдением статуса второй по численности категории феодально зависимого населения — холопов. Главнейшей его функцией было оформление служилых кабал в соответствии с требованиями закона и регистрация их в кабальных книгах (XX, 9, 10, 47 и др.). Велось расследование достоверности и соответствия закону служилых кабал, предъявляемых холоповладельцами в Приказ для регистрации (XX, 48). Одной из форм такого контроля было рассмотрение челобитных самих холопов с жалобами на неверное оформление кабал на них (XX, 14).

В этой связи Холопий приказ был обязан следить за тем, чтобы не оформляли кабалы на крестьян и бобылей, в том числе на беглых (XX, 6; XI, 23), и на детей боярских верстаных и неверстаных (XX, 2). Приказ преследовал насильственное холопопложение и наказывал виновных (XX, 23). Все это ставило перед Приказом необходимость контроля за оформлением кабал на свободных людей или на бывших холопов при наличии у них отпускных (XX, 7, 9). Сюда же относился контроль за соблюдением правового режима добровольных холопов (XX, 16, 17). Через Приказ получали отпускные холопы, бежавшие из плена (XX, 34). Важнейшей функцией Холопьего приказа была борьба с побегими холопов; беглые приводились в приказ, наказывались кнутом и возвращались владельцам. Приказ следил за соблюдением условий сыска беглых холопов, предписанных законом (XX, 22, 50). В Приказе же рассматривались дела о сносе беглыми имущества их хозяев и о возврате его по принадлежности (XX, 67, 88, 91, 93).

При отдаче беглого холопа владельцу Приказ наказывал ему «накрепко», чтобы он холопа «до смерти не убил», не изувечил и голодом не заморил (XX, 92). Отсюда, естественно, вытекала практика разбора в Приказе всех судебных дел о холопах и вынесение приговоров по ним (XX, 28, 41, 111, 112). Приказ выступал как судебная инстанция. Поскольку аналогичного рода функции в отношении кабальных холопов возлагались в уездных городах на городских воевод, Приказ осуществлял контроль за ведением этих дел на местах, получал ежегодно из городов кабальные книги, а в спорных случаях выступал как высшая инстанция по отношению к воеводскому суду. Наконец, на Холопий приказ возлагались регистрация других форм кабальной зависимости. Сюда относились купчие и данные на людей из татарского плена (XX, 74, 98, 99); освобождение от неволи крещеных татар (XX, 97). Подлежали регистрации в Приказе заемные кабалы и жилые или житейские записи. Последние оформлялись при отдаче родителями своих детей, племянников и т. п. в работу на урочные лета (XX, 45, 116). Словом, функции

Холопьего приказа получили в Уложении 1649 г. весьма детальное освещение.

Важную роль в сфере внутренней политики играл Разбойный приказ, призванный вести борьбу с разбоями, убийствами и воровством, представлявшими угрозу не только благосостоянию феодалов, купечества и всей зажиточной верхушки феодального общества, но в известной мере и его политическим устоям. Вот почему в Уложении 1649 г. Разбойному приказу уделено большое внимание. Фактически его деятельности посвящена специальная глава «О разбойных и татинных делах», насчитывающая 104 статьи.⁶ Разбойный приказ ведал разбои, убийства и татьбу в Московском уезде и в городах (XXI, 1). Те же дела, совершенные в Москве, были в ведении Земского приказа (XXI, 2). В уездных городах разбои, убийства, грабежи и воровство находились в ведении губных старост и целовальников, которые действовали по наказам Разбойного приказа (XXI, 3). Последний в отношении их был высшей не только административной, но и судебной инстанцией.

Земский приказ, называемый в Уложении Земским двором, как он обычно именовался в первой половине XVII в., ведал разбойными и татинными делами по Москве: «А которые люди крадут и убийственные всякие дела чинят на Москве и то ведать на Земском дворе» (XXI, 2). Уложение предписывало воров, которые в Москве «в карты и зерню играют», людей режут, грабят, шапки срывают, всем, кто это видел, задерживать и приводить в Приказ. Уклонение от задержания воров каралось штрафом по полтине с человека. Относительно обязанности каждого задерживать воров Приказ объявлял по торжкам через бирчей (XXI, 15). Для борьбы с ночными грабежами и разбоями в распоряжении Приказа были решеточные приказчики (XXI, 67).

На пути подчинения церковных корпораций общей системе государственной централизации заметным шагом явилось санкционированное Уложением создание Монастырского приказа, которому отведена отдельная глава. До 1649 г. управление хозяйственными делами монастырей, митрополичьих, архиепископских кафедр, сбор налога с их вотчин и суд над их населением были сосредоточены в приказе Большого дворца, что «рассматривалось, как личное управление со стороны царя хозяйственными делами церкви».⁷ С 1649 г. эти функции перешли к Монастырскому приказу. Он был создан, как указано в Уложении, «по челобитью стольников, и стряпчих, и дворян московских и родовых дворян, и детей боярских и гостей и гостиные, и су-

⁶ В значительной мере содержание XXI главы разобрано в главах данной работы, посвященных уголовному праву, судопроизводству и процессуальному праву (см. далее — с. 216—224, 241—249).

⁷ Устюгов Н. В. Указ. соч., с. 158—159.

конные и иных разных сотен и слобод и городовых торговых и посадских людей...» (XIII, 1), т. е. в интересах средних и низших слоев служилых людей по отчеству и верхушки торгово-посадского мира, которые наиболее активно боролись с духовными феодалами за землю и крестьян. Остальные статьи XIII главы Уложения определяли объем и границы юрисдикции Монастырского приказа.⁸ Ему были подсудны по всем недуховным делам представители духовенства — черного и белого — и зависимые от них люди и крестьяне, исключая патриарха и патриарших людей и крестьян. Их подсудность определялась XII главой Уложения: «О суде патриарших приказных, и дворовых всяких людей, и крестьян». Здесь речь идет о Патриаршем дворе как особой административной и судебной инстанции, равной по значению отдельному приказу. В отношении светских дел допускалось обращение с обжалованием решений Патриаршего двора к Боярской думе и к царю, которые были высшей апелляционной и судебной инстанцией в отношении всех приказов, в том числе и Патриаршего двора (XII, 2). Однако в части духовных дел Патриарший суд был высшим судебным органом.

В Уложении отражена деятельность некоторых финансовых приказов. Основной из них — приказ Большого прихода, возникший еще в середине XVI в., — упомянут лишь косвенно в двух случаях: в связи со сбором оброка с пустошей и порозжих земель в Московском уезде и в городах (XVI, 39) и с торговых людей в Москве за каменные лавки (XVIII, 9). Правительство Филарета сузило компетенцию этого Приказа.⁹ В частности, из его ведения были изъяты питейные сборы и переданы созданному в 1619 г. специальному приказу — Новой четверти. В связи с государственной монополией на продажу вина, составлявшую существенную статью дохода казны, борьба с частной продажей вина, корчемством приняла характер государственного мероприятия большой важности. Поэтому в Уложении — впервые в русском законодательстве — выделена специальная глава о борьбе с корчемством, получившая название «Указ о корчмах», содержащая 21 статью. Часть статей ее посвящена борьбе с продажей табака (XXV, 11—19), запрет которой введен указом 1634 г. и повторен указом 1649 г. (XXV, 11). Преследование корчемства и курения табака возлагалось главным образом на приказ Новой четверти (XXV, 10, 11, 17). В его распоряжении были объезжие головы и десятские. Последние выбирались ежегодно тяглыми людьми черных сотен и слобод (XXV, 20). Объезжие головы показывались пыткой, кнутом и отрешением от должности при укрывательстве лиц, имеющих вино для продажи и

⁸ Монастырский приказ просуществовал до 1677 г., а затем был восстановлен в 1701 г. (см.: Ундольский В. М. Отзыв патриарха Никона об Уложении царя Алексея Михайловича. — Русский архив, 1886, кн. 2, с. 641, 642).

⁹ Устюгов Н. В. Указ, соч., с. 148.

табак (XXV, 18). Десятские отвечали за то же в своем десятке и в случае укрывательства продажи вина и курения табака подвергались штрафу в размере десяти рублей. Остальные члены того же десятка штрафовались в размере пяти рублей (XXV, 20).

Рост бюрократизации государственного аппарата влек за собой увеличение объема бумажного делопроизводства. В развитии последнего существенную роль сыграло Уложение 1649 г., которое ввело обязательность регистрации в приказах всех актов крепостной неволи на крестьян и холопов и сделок на них, а также сделок по поземельно-имущественным вопросам. Это открывало дополнительные возможности пополнения государственной казны, сильно нуждавшейся в деньгах, путем сбора пошлин с оформляемых в приказах актов. С этой целью еще в конце XVI в. был создан Печатный приказ, в котором все акты сделок и грамоты, приносимые из разных приказов, удостоверялись государственной печатью, за приложение которой взималась пошлина. Размер пошлины варьировался в зависимости от характера акта и сделки.¹⁰ Значительное возрастание объема делопроизводства к середине XVII в. и признание законом юридической силы только за теми актами сделок и грамотами, которые имели государеву печать, послужили причиной выделения деятельности Печатного приказа в отдельную главу Уложения, названную «О печатных пошлинах». Она состоит из 71 статьи, детально регламентирующей порядок взимания и размеры пошлин за приложение печати к документам.

Возрастание числа официальных актов вызвало к жизни законы, направленные на преследование подделок актов и грамот. В Уложении этому посвящена IV глава «О подпизниках и которые печати подделывают», состоящая из четырех статей. Она следует за главами, посвященными государственным преступлениям, и открывает серию глав о преступлениях против порядка управления.¹¹ И хотя подделка документов («подписка») впервые упомянута в Судебнике 1550 г.,¹² в Уложении тем не менее разработан этот вопрос с такой степенью детализации, что законодательное преследование подделок документов в истории русского права становится принципиально новым. Уложение выделяло два состава преступлений такого рода. Первый — составление поддельных актов и грамот, приписка к подлинным грамотам «мимо Государева указу и боярского приговору», а также подделка печатей или подклейка подлинных печатей, снятых с официальных актов, к поддельным актам, которые именуются «нарядными». За это определялась смертная казнь (IV, 1, 2). Другой состав преступлений связан с использованием «нарядных писем». Смертной казни подвергались только те, которые знали

¹⁰ Взимание пошлин за приложение печати к документам, выдаваемым судом, упоминается в Судебнике 1497 г. (ст. 22, 23, 24).

¹¹ ЦРП, VI. М., 1957, с. 43.

¹² Судебники XV—XVI вв. М.—Л., 1952, с. 159, ст. 59.

о подделке и пользовались фальшивыми документами с корыстной целью (IV, 3, 4).

Отмена Уложением 1649 г. порядка непосредственной подачи челобитных царю сократила функции Челобитного приказа и привела в дальнейшем к его полному упразднению.

«Начальные люди» приказов назывались и судьями, поскольку большинство приказов совмещало административные и судебные функции. Фактически вершили делами в приказах дьяки. Помощниками дьяков и делопроизводителями приказов были подьячие.¹³ Низшим звеном приказного аппарата были приставы, недельщики, выполнявшие функции полицейской и исполнительной власти, — однако не всюду. В Новой четверти, например, как сказано выше, эту роль выполняли объезжие головы и недельщики.

Наиболее полно деятельность приставов и недельщиков раскрыта в Уложении применительно к судебным функциям приказов.¹⁴

Таким образом, Уложение дает представление о том, в какой мере приказы входили в состав государственного аппарата самодержавия и служили развитию бюрократических черт этой системы.

МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

В XVII в. основной административной единицей был уезд (VI, 5; X, 142, 145 и др.), делившийся на станы и волости (VI, 5; VIII, 1; XXI, 97). После событий интервенции и Крестьянской войны начала XVII в. наряду с губными и земскими учреждениями, введенными во второй половине XVI в., повсеместно в уездах было учреждено воеводско-приказное управление. Введение воевод означало дальнейшее развитие централизации управления, поскольку воеводы непосредственно и в большей мере, чем губные и земские учреждения, подчинялись центральным органам управления (прежде всего приказам). Воеводско-приказное управление явилось и дальнейшим шагом на пути бюрократизации государственного аппарата, ибо влияние бюрократических элементов в этой системе было значительным. Воеводы из числа бояр, дворян и детей боярских назначались Разрядным приказом и утверждались царем и Боярской думой.¹ Это влекло усиление власти дворян на местах.

В большие города назначалось несколько воевод: один — главный, остальные — товарищи; в небольших городах был один

¹³ О деятельности приказных дьяков и подьячих как судей см. в главе о судопроизводстве (с. 182, 219).

¹⁴ См.: там же, с. 232—233.

¹ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений доревольционной России. М., 1968, с. 70—74.

воевода. Практические функции воевод определялись наказами, поступающими из приказов.

С Уложением 1649 г. связана кодификация основных прав и обязанностей воевод по управлению уездом. Воевода выступает прежде всего как страж государственного порядка и неприкосновенности самодержавия. Люди разных чинов, начиная с воевод и приказных, были обязаны извещать вышестоящие власти о «скопе и заговоре» против самодержца (II, 18). Недоносительство в таких случаях каралось смертью «безо всякия пощады» (II, 19). Самовольное выступление «скопом и заговором» кого бы то ни было не только против царя и думных чинов, но и против воевод в полках и городах было категорически запрещено законом (II, 20). В качестве санкции за такие действия также определялась смертная казнь «безо всякия пощады» (II, 21). В этом смысле никаких различий между царем и воеводами не устанавливалось. Однако в случаях ложных донесений воевод о «скопе и заговоре» им назначалось «жестокое наказание, что государь укажет» (II, 22). Во всех таких установлениях слышны отголоски событий начала XVII в., но еще в большей степени восставший 1648 г.

Воеводы стояли во главе военных сил уезда и по царским грамотам были обязаны собрать и выслать дворянское ополчение в указанные срок и место «безо всякого мотчания» (VII, 2). На воевод порубежных городов налагались дополнительные обязанности — выдача проезжих грамот тем, кто собирался ехать за рубеж, и контроль за наличием этих грамот у выезжающих в соседние государства (VI, 1, 2).

Задержка выдачи проезжих грамот, причинявшая заинтересованным лицам «простой и убытки», угрожала воеводам государственной опалой и возмещением убытка потерпевшему в двойном размере (VI, 2).²

Предметом особой заботы воевод были крестьяне порубежных уездов. При получении «изветных челобитных» от помещиков и вотчинников о наличии «дурна» или «измены» у их крестьян воеводы были обязаны сыскивать «всякими сыски накрепко» и писать к государю, а тех, на кого будет извет, держать в тюрьме до государева указа (VI, 6).

Следующая функция городских воевод, как она рисуется по Уложению, имела полицейский характер. Если первую функцию можно определить как обеспечение государственной безопасности извне, то вторая состояла в надзоре за внутренней безопасностью и порядком. В данной области обязанности воевод в значительной мере совпадали и переплетались с обязанностями губных старост.³ В компетенцию последних входили «убийственные и

² Возможно, что в данном случае имелись в виду торговые люди, ведущие торги за рубежом.

³ О губных старостах см. ниже (с. 178—182).

татипные дела». В тех уездах, где губных старост не было, эти дела возлагались на воевод (XXI, 1, 3). О покраденных животах население должно было подавать письменные явки воеводам и губным старостам (XXI, 51). Если в городах появятся люди, у которых «уши резаны», а писем у них об освобождении из тюрем нет, то их надлежало приводить к воеводам, приказным людям и губным старостам. Воеводы и приказные люди должны таких людей допросить и довести о них в Москву на имя государя, а до получения указа держать их в тюрьме (XXI, 19). Судебно-административные функции воевод по гражданским делам были сопряжены с контролем за соблюдением законов и исполнением судебных решений. Наряду с губными старостами и приказными людьми воеводы вершили в подведомственных им городах и уездах суд по гражданским делам (X, 130). При невозможности решить дело на месте и отсылке его в приказ судья-воевода обязан послать одновременно поручные записи по истце и ответчике о явке их в Москву (X, 131). Сколько-нибудь определенных границ судебной компетенции воевод в Уложении не дано. Можно заключить, однако, что юрисдикция воевод различалась в зависимости от того, были при них дьяки или нет (XIII, 3).

Помимо собственных судебных обязанностей воеводы по грамотам из приказов производили обыски и сыски по судебным делам, которые вершатся в приказах, «и не мешкая отписывать о них» (X, 22). На воевод же возлагался контроль за исполнением судебных решений, как принятых на местах, так и в центре. Если ответчики «учнут... чиниться сильны» и не дадут порук по себе во исполнение приговора и к сроку в Москву не явятся, воеводы обязаны отписать об этом в Москву и по получении грамоты из приказа посылать за ослушниками стрельцов и пушкарей и под охраной отправлять их в Москву (X, 119).⁴ В этой связи воеводы вели большую переписку с разными приказами (XVIII, 64).

Одна из наиболее важных функций воевод состояла в контроле за соблюдением крепостного режима. Они были обязаны установить вольное состояние людей, изъявивших желание записаться в крестьяне или бобыли к местным помещикам и вотчинникам. По установлении факта, что приведенные с этой целью в съезжую избу не беглые крестьяне и не холопы и ни за кем не записаны, воеводы оформляли их запись в крестьяне и бобыли к тем, кто их приводил (XI, 20). То же и в отношении кабальных холопов. На воевод, помимо оформления новых кабал, возлагалась обязанность переоформлять служилые кабалы, написанные с нарушением требований закона (XX, 48). При этом служилые кабалы должны были «за руками» воевод и с печат-

⁴ В пользу посланных за ослушниками (стрельцы и т. п.) воеводы взыскивали езд, а в пользу истцов проести и волокиты (XVIII, 49).

тиями. Безграмотным воеводам запрещалось оформление служилых кабал. Дело в таком случае передавалось в другие города, где имелись грамотные воеводы и приказные люди (XX, 72). Кабальные записные книги воеводы ежегодно отсылали в Москву, опять-таки оформив их своими подписями, а не только печатями (XX, 73). Отсутствие записи какой-либо кабалы в книгах влекло для воеводы и приказных людей взыскание «что государь укажет» (XX, 28). Вели воеводы и следствие по челобитным тех, па кого служилые и заемные кабалы были оформлены против их воли путем насилия или обмана. Наказание виновных в таких случаях также лежало на воеводах (X, 251). Наконец, воеводы собирали деньги с небольших откупов (перевозы, рыбные ловли) и пошлины за откупа и высылали их в Печатный приказ (XVIII, 30).

За исполнение своих обязанностей воеводы получали денежное жалованье помимо вотчин и поместий, которые были у них, как у всех служилых людей. Брать поборы с населения запрещалось. В действительности воеводы широко прибегали к вымогательствам и не брезговали посулами. Многие восстания 1648 г. в городах Северо-Востока и Юга страны были вызваны как раз произволом воевод.⁵ Поэтому в законодательстве были предприняты попытки устранить возможность такого рода явлений. Уложение 1649 г. запретило воеводам вступать в какие-либо обязательственные отношения с местным населением (XX, 58). Кроме того, общий закон гласил, что если воеводы, дьяки и другие приказные люди «учнут городским и уездным всяких чинов людям чинити продажи и убытки», то по челобитью потерпевшей стороны назначался сыск и в случае подтверждения факта вымогательства с виновного должно быть взыскано взятое, да кроме того пеня в пользу государя, размер которой определялся «смотря по делу» (X, 150). Другой пункт Уложения предписывал дела о вымогательстве воевод по челобитьям населения рассматривать «безсрочно» и без отсрочек, за исключением жалоб на воевод Астрахани, Сибири, Терка, полковых воевод и лиц, имеющих дипломатические и иные важные поручения. Рассмотрение дел в отношении этих лиц откладывалось до тех пор, когда их «служба минется». Это установление имело общую силу для всех городских воевод независимо от их чина — бояре, окольничие и т. д. (X, 149).

На воевод при исполнении ими судебных обязанностей, как и на всякого судью, распространялся закон, заимствованный из Судебника 1550 г.,⁶ об ответственности, когда судья «по посулом или по дружбе, или по недружбе правого обвинит, а виноватого оправит, а сыщется про то допряма...». В таком случае с судьи

⁵ Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII в. (30—40-е годы). Воронеж, 1975, с. 127—133, 136—142 и др.

⁶ Судебники XV—XVI вв. М.—Л., 1952, с. 374, ст. 1—3.

брался «истцов иск втрое» в пользу истца, «да и пошлинны и пересуд и правой десяток взяти на государя». К этому, в отличие от Судебника 1550 г., добавлялось, что думные чины лишались чести, а недумных ожидала торговая казнь и лишение судейского дела (X, 5, 6). Несли воеводы ответственность (взыскание с них пошлин в пользу истцов) и в случаях преднамеренной (по посулам и дружбе) или непреднамеренной задержки с оформлением поручных записей на тяжущиеся стороны при передаче дела в приказ (X, 130; XVIII, 44).

Уложение предусматривало для воевод торговую казнь и взыскание в пользу истца за досрочный выпуск из тюрьмы татей и разбойников и использование их в качестве холопов или крестьян у себя или передачу их с этой целью другим лицам. В равной мере запрещалось оформление холопства на лиц, выпущенных из тюрьмы за неимением улик или по истечении срока заключения (XXI, 104).

Как видим, законодатель прилагал усилия, используя закон и устрашение, чтобы упорядочить функционирование местной администрации в интересах феодального государства. Однако в действительности лихоимство воевод и нарушение ими законности и после Уложения имели широкое распространение.

Другая, вслед за воеводой, видная фигура местной администрации — губной староста. В Уложении сказано: «А ведати в городех разбойные и убийственные и татиные дела губным старостам и целовальником по наказом из Розбойного приказу, а воеводам в городех таких дел ничем не ведать» (XXI, 3). Здесь четко определены функции губных старост и их размежевание с обязанностями воевод.

Не менее определенно указаны социальная природа губных старост и процедура их назначения: «А в губных старостах у таких дел в городех быти дворяном добрым и прожиточным, которые за старость или за рапы от службы отставлены, или за которых служили дети их и племянники, и которые грамоте умеют, а которые грамоте не умеют и тех в губные старосты не выбирать. А в которых городех дворян нет, и в тех городех в губные старосты выбирать из детей боярских добрых же и прожиточных людей против того же, как писано в сей статье выше сего. А быти губным старостам в городех по выбору дворян и детей боярских, и посадских и всяких чинов жилацких и уездных сошных людей, и имаги на тех губных старост у дворян и у детей боярских, и у посадских и всяких чинов жилацких и уездных людей, выборы за их руками и те выборы и дворян и детей боярских, кого выберут в губные старосты, присылати из городов к Москве в Розбойной приказ, а в Розбойном приказе губных старост приводити ко кресту по записи, какова запись о том в Розбойном приказе». В Приказе губному старосте давалась наказная память за дьячьей приписью о ведении дел о разбоях, убийствах и кражах (XXI, 4).

Итак, в отличие от воеводы, который назначался центральной властью, губной староста — лицо выборное. В качестве такового он перешел из XVI в.⁷ Должность эта строго сословная — губными старостами могли быть только дворяне и дети боярские; но в их выборе участвовал и ряд непривилегированных сословий — посадские, жилецкие, уездные сошные люди. Под последними понимались представители черносошных крестьян. От губных старост требовалась грамотность, что для воевод было не обязательно. Выбор старост утверждал Разбойный приказ, которому был подсуден весь губной аппарат (XXI, 6). За удостоверение грамот о назначении губными старостами взималась пошлина в Печатный приказ по 1 рублю с человека. Губное управление сосредоточивалось в губной избе, которая именовалась зачастую «губою». Но, «губою» именовался и округ, находившийся в ведении данного губного старосты (XXI, 82).

То обстоятельство, что в Уложении 1649 г. оговорена строго определенная компетенция губных старост, независимая от воевод, говорит о том, что Уложение отразило начальный этап «существования» этих двух органов местного управления, когда воеводам в наказах даже запрещалось вмешиваться в губные и земские дела. Они лишь наблюдали за деятельностью губных и земских органов. Но постепенно власть воевод усиливалась, и во второй половине XVII в. они полностью подчинили себе органы губного управления. Но и в Уложении заметно начало этого процесса. Начать с того, что губных целовальников, дьяков и тюремных сторожей из аппарата губных старост к присяге (крестоцелованию) приводили воеводы в присутствии самих старост (XXI, 4). Воевода выступал здесь как представитель государственной власти. И во всех других случаях, когда воеводы и губные старосты упомянуты в статьях Уложения совместно, воеводы поставлены на первое место.⁸ Со всей определенностью можно сказать, что в Уложении воевода выступает как первая фигура местного управления в рамках уезда. Это определялось ростом бюрократических начал в государственном управлении, его централизацией и постепенным отмиранием черт сословной монархии снизу.

Предписания губным старостам о борьбе с тяжкими уголовными преступлениями, данные в Уложении, в значительной мере воспроизводили основное содержание статей Уставной книги Разбойного приказа.⁹

⁷ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, с. 527—537.

⁸ Например, подозрительных лиц с резаными ушами велено задерживать и приводить к воеводам, приказным людям и губным старостам (XXI, 49); письменные явки о разбоях и воровстве в городах подавать воеводам и губным старостам (XXI, 51) (XVII, 52; XXI, 20, 104 и др.).

⁹ ПРП, V. М., 1959, с. 196, 197, 258—262.

Для облегчения борьбы губных старост с разбойниками и ворами правительство законодательно обязывало население принимать в ней активное участие. Каждый житель был обязан принять меры к задержанию разбойников, татей и привести их в губу или съезжую пазбу. (XXI, 8, 9). С этой целью закон отводил возможные встречные обвинения со стороны разбойников и татей в отношении приведенных их лиц, мотивируя отвод тем, чтобы «всяким людем безстрашно было воров имая в губу приводить» (XXI, 8). За укрывательство разбойников и татей налагалась пеня в размере 10 рублей (XXI, 20). А помещики за сокрытие разбойников из числа своих крестьян лишались поместий (XXI, 79). В случае необходимости применялся обыск путем опроса населения, и вопрос о разбое решался в зависимости от результатов обыска (XXI, 28, 29, 35, 36). Было также велено «на посадах и по слободам и в уездах, в селех и в деревнях, и по торжком кликати биричем» (XXI, 19).

Как и воеводы, губные старосты лишались права использовать осужденных разбойников и татей, а также освобожденных из тюрем в качестве своих холопов или крестьян или передавать их другим (XXI, 104). Если по закону дела о разбое и татьбе были отнесены лишь к компетенции губных старост, хотя и протекали под надзором воевод, то в отношении других дел функции были совмещенными, а как исполнители воеводы упомянуты первыми. Сюда относятся указанные выше дела по оформлению служилых кабал на кабальных холопов (XX, 48, 72), составление кабальных книг (XX, 73),¹⁰ межевание земель (XVII, 52) и т. п. Такой распорядок свидетельствовал о проходившем в первой половине XVII в. процессе подчинения губных старост воеводам, что влекло за собой утапвление системы субординации в рамках местного управления.

Губные старосты, как и воеводы, располагали своим аппаратом: «...да з губными же старосты в городех у разбойных и у татинных дел быти губным целовальником и дьячком, и у тюрем тюремным сторожем по выбору сошных же людеи, за крестным же целовапьем» (XXI, 4). В другом месте относительно выборности этих лиц сказано, что целовальников, подьячих, тюремных сторожей и палачей выбирают в посадах и уездах с дворянских сел и черных волостей, а также в вотчинах высших духовных чинов, монастырей, в поместьях и вотчинах бояр и дворян (XXI, 97). Относительно поместных и вотчинных владений сделана существенная оговорка: в тех из них, где меньше двадцати крестьян, выборы исполнительного аппарата губных органов не производить (XXI, 98). Такие выборы, следовательно, не были общесословной привилегией служилых людеи по отечеству —

¹⁰ До утапвления воеводского управления дела по оформлению холопских кабал в городах лежали на губных старостах и городских приказчиках (XX, 103).

мелкопоместные дворяне и дети боярские исключались, — как не были и общесловным правом крестьян. Но все же важно подчеркнуть, что в выборах низших чинов губного аппарата могли принимать участие и крестьяне, по крайней мере средних и крупных поместий и вотчин, что выборы не были привилегией только дворцовых и черносошных крестьян и проходили они под контролем губных старост (XXI, 101). На содержание губных целовальников, сторожей и на расходы в губные избы предписывалось «сбирати деньги с тех же с посадских и сошных людей, по их договору» (XXI, 97). Низший губной штат содержался за счет тяглого населения.

В случае побега заключенных из тюрем ответственность несли губные целовальники. С них взыскивались выти заинтересованными лицами, а если непосредственный виновник отсутствовал, иск обращался на губных старост и на уездных людей, кто «тех целовальников и сторожей выбирал». Таким образом, выборщики были в ответе за выбранных ими лиц. Губные старосты выплачивали выти в двойном размере в сравнении с целовальниками, поскольку несли основную ответственность за прочность тюрем и содержание тюремных сидельцев (XX, 104).

Главными фигурами городских воевод были дьяки и подьячие. Они составляли низшую ступень приказных людей, назначались сверху (X, 6) и были верстаны государевым денежным жалованьем (X, 93). Приказный аппарат располагался в воеводских или съезжих избах. Дьяки находились в крупных городах, при них — подьячие, в небольших городах у воевод имелись только подьячие. Функции городских дьяков и подьячих были тождественны функциям тех же лиц в приказах. Они ведали всем делопроизводством, включая судные дела. В равной мере тождественны были и их права.

Наличие дьяков в городах меняло объем юрисдикции воевод. В городах, где не было дьяков, иски «всяких чинов людей» к приказчикам и крестьянам духовных и светских феодалов, как и обратно — иски крестьян и приказчиков, могли быть рассматриваемы в размере не более 20 рублей (XIII, 3). Наличие дьяков при воеводе для разбора более крупных дел говорит о росте значения служилой бюрократии и усилении ее позиций на местах.¹¹ Подьячие являлись помощниками дьяков в больших городах, на них лежало делопроизводство съезжих изб, в мелких городах их обязанности были шире.

В распоряжении городских воевод, дьяков и подьячих находился назначаемый или выборный исполнительный аппарат по разным отраслям управления. Воеводы оказывали содействие приставам и недельщикам, присылаемым из приказов для ареста и доставки в Москву татей, разбойников, ответчиков по гражданским искам и т. п. Обычно по государственной грамоте городской вое-

¹¹ ПРП, VI, М., 1957, с. 188.

вода давал в распоряжение пристава «стрельцов, пушкарей и затинщиков, сколько человек пригоже», с помощью которых пристав задерживал «ослушников» и доставлял их в приказ (X, 144). До присылки приставов из приказа в города для вызова ответчиков направлялись государевы «зазывные грамоты». В случае отказа ответчика явиться в приказ и дать по себе поруки воевода отписывал в центр, прилагая к отпискам «доезжие памяти за руками тех людей, которые по них из городов посланы будут» и за подписями понятых, — и так до трех раз. После этого следовали посылка пристава и насильственный привод «ослушника» в Москву (X, 120).

Для опознания и конфискации краденого имущества из числа жителей города и уезда набирались понятые.

Сбор пошлин в таможенных, кабаках, на перевозах и мостах осуществляли выборные головы и целовальники, также подведомственные воеводам (XI, 6).

Таким образом, в низовых звеньях государственного аппарата принимали участие выборные из населения. Некоторые из функций выполняли выборные из крестьян, большей частью из черносошных, но в отдельных случаях привлекались и частновладельческие крестьяне.

Из сказанного очевидно, что на XVII в. приходится та стадия развития государственного аппарата, при которой он, по крайней мере в своих низовых звеньях, полностью еще не оторван от населения и в какой-то мере использует институты и обычаи, свойственные общинному строю.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ

Вооруженные силы были важнейшим рычагом государственного аппарата подпимающейся абсолютистской монархии. Они предназначались для разрешения как внешнеполитических задач, так и задач внутриполитических — подавления народных восстаний. XVII в. был «бунташным веком». Естественно поэтому, что в Уложении 1649 г. вооруженным силам уделено большое внимание. Им посвящено четыре главы: VII — «О службе всяких ратных людей Московского государства», XXIII — «О стрельцах», XXIV — «Указ о атаманах и о казаках» и VIII — «О искуплении пленных». Однако, как и в ряде других случаев, комплекс правовых норм, касающихся состава и функционирования вооруженных сил, не исчерпывается этими главами. VII глава, например, посвящена в основном правам и обязанностям ратных людей в походах. Вопросы же материального обеспечения воинских людей, их состава, положения в мирное время, подсудности и т. п. рассеяны по ряду других глав.

В Уложении вооруженные силы отражены преимущественно в том виде, как они сложились к XVII в. Частичное освещение

получили изменения, произошедшие в первой половине XVII в., — введение полков нового строя и т. п. Войско к моменту издания Уложения состояло из служилых людей по отечеству и служилых людей по прибору. К первой группе относились: служилые люди думные — бояре, окольничие, думные дворяне; служилые люди московские — стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы; служилые люди городовые — дворяне и дети боярские выборные («выбор»), дворовые («по дворовому списку») и городовые (городовой осадной службы). Вторую группу составляли стрельцы, казаки, пушкары, затынщики, воротники, даточные люди, а с 30-х гг. — солдаты, драгуны.

Во второй половине XVI в. основу войска составляло дворянское ополчение, дворянская конница, включавшая в себя главным образом городских дворян и детей боярских.¹ Командные должности занимали думные московские чины. В первой половине XVII в. положение изменилось. В 1630 г. общее число ратных людей составляло 92 555 человек. Из них дворян и детей боярских было 27 433 (30%), стрельцов — 28 130 (30,5%), казаков — 11 192 (12%), пушкарей и проч. — 4316 (4,5%), иноземцев и черкасс (украинцев) — 2783 (3%), татар, чуваш, мордвы — 18 701 (20%).²

Как видим, значительное большинство составляли служилые люди по прибору, т. е. постоянная часть войска, получавшая, как правило, хлебное и денежное жалованье и лишь частично — земельное обеспечение. Однако и служилые люди по отечеству составляли около одной трети. А если учесть, что верхушка из них занимала командные должности, а кроме того на бояр и дворян возлагались многие другие функции по управлению государством (помимо полковой на дворянах лежала городовая служба), становится понятным, почему важнейшим предметом Уложения 1649 г. было правовое обеспечение поместного и вотчинного землевладения и регулирование поземельных отношений среди господствующего класса. И тем не менее именно в сфере поземельного права наметились признаки кризиса дворянской конницы, упадка ее значения. В основе этого лежало развитие производительных сил, появление новых видов оружия, изменение способов ведения войны, в частности замена конных отрядов многочисленной армией пехоты.³ Дворянско-поместное ополчение все более теряло свое значение, хотя к середине XVII в. не утратило его полностью. Изменения правового статуса поместья, утрата им прежних черт и наметившееся слияние с вотчиной отражали указанные изменения.

¹ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954, с. 75—105.

² Там же, с. 130.

³ Калипичев Ф. И. Правовые вопросы военной организации Русского государства второй половины XVII в. М., 1954, с. 58.

В Уложении уже заложен принцип необязательности личной службы дворянина и возможности замены ее выставлением определенного числа даточных людей или выплатой установленной правительством суммы денег в зависимости от размеров поместий (VII, 17; XVI, 61). Речь идет в данном случае о престарелых и увечных дворянах, которые служить в полковой службе не могли (их непригодность подтверждалась на смотрах), а за неимением пригодных к службе родственников (детей, братьев, племянников) не были в состоянии выставить замену. Но такие замены даточными людьми допускались в Уложении и в отношении пригодных к службе дворян и детей боярских (X, 51, 152). Наборы даточных вместо дворян проводились в широких масштабах в 1655—1657 гг. и позднее. Уложение положило, следовательно, начало перелому в процессе комплектования русского войска. И хотя верстание как способ комплектования дворянского ополчения (XVIII, 69) оставалось в силе и по-прежнему осуществлялось на смотрах (XVI, 61), все большее значение начинали приобретать прибор, или вербовка. Уложение расширило возможности использования именно этого пути комплектования вооруженных сил, как наиболее отвечающего их новым задачам. В начале 50-х гг. стали применяться меры по привлечению помещиков при верстании в полки нового строя.⁴

С целью включения дворян и детей боярских в новый строй Уложение повысило призывной возраст новиков с 15 до 18 лет (VII, 17).⁵ Сказанное не означает, что старые дворянские отряды исчезли полностью. Сохранились, в частности, привилегированные полки московских дворян (XVI, 1; XVIII, 65, 68).⁶ Однако к началу русско-польской войны 1654—1667 гг. ополчение было невелико, мало дисциплинировано и слабо вооружено.

В составе второй части войска — служилых людей по прибору — на первом месте стояли стрельцы. Численно они даже превышали дворянское ополчение, оставаясь до 30-х гг. XVII в. единственной постоянной частью войска.⁷

Стрельцы делились на московских и городовых (X, 126). Содержание тех и других состояло из денежного и хлебного жалованья и отчасти земельных наделов. Средний стрелецкий оклад составлял 3 рубля и 12 четвертей ржи и овса в год. Во многих городах, особенно окраинных, вместо хлебного жалованья стрельцы паделались землями в размере 8—12 четвертей, что вынуждало их заниматься земледелием.⁸ Сотники московских

⁴ Там же, с. 59—60.

⁵ Друцкой С. А. Очерк истории русского военного права. СПб., 1908, с. 128—132.

⁶ Калининчев Ф. И. Указ. соч., с. 60.

⁷ Там же, с. 44; Чернов А. В. Указ. соч., с. 126, 130.

⁸ Чернов А. В. Указ. соч., с. 128.

стрельцов, вербовавшиеся из дворян, получали подмосковный поместный оклад в размере 50 четвертей на человека (XVI, 1).

Учитывая недостаточность материального обеспечения стрельцов, правительство разрешало им заниматься торговлей и промыслами в городах, предоставляя ряд льгот. С торговых промыслов они платили таможенные пошлины, а с лавок — оброк, но освобождались от посадского тягла и посадских служб (XIX, 14). При невозможности вернуть взятые займы деньги стрельцы — в изъятие из общего правила — не отдавались головою до искупа, а долг выплачивался истцу из жалованья стрельца (X, 265). Были и другие льготы: освобождение от уплаты пошлины по судным делам (X, 124, 126), за различного рода грамоты — в управных делах и в займах по кабалам и которые грамоты даны будут головам же и сотникам на вотчины и на поместья ввозные и отказные и жаловальные...» (XVIII, 49).

В другом случае уточняется, что от пошлин освобождаются городовые стрельцы, стрелецкие головы и сотники только в случае, если будут бить челом государю друг на друга или подавать челобитья о землях, денежном и хлебном жалованье, а также в том случае, когда им будут даны грамоты с указанием размеров беспошлинной торговли (XVIII, 51—53). Если же челобитные поданы ими на сторонних людей и в ответ получены государевы грамоты, то «пошлины имати по указу» (XVIII, 51). Без взимания пошлин оставались иски стрельцов в сумме до 12 руб., а к стрельцам — до 100 рублей. Иски свыше этих сумм облагались пошлиной в размере «с рубля по гривне, да с суда пересуду по пяти алтын по четыре деньги, да правого десятка по четыре деньги». Это правило распространялось и на родственников стрельцов, живших с ними (X, 126). Указанные меры предпринимались с целью облегчить положение стрельцов и сохранить их кадры.

Стрельцов, как и других служилых по прибору (пушкарей, затинщиков и др.), вербовали из числа охочих людей, но чаще по неволе — из числа посадских людей (XIX, 26) и других категорий населения. Тяглые посадские люди, перешедшие в стрельцы добровольно, вместе с первыми двумя сыновьями подлежали возврату в посад. Третьего сына оставляли в стрельцах (XIX, 26, 27). Беглые крестьяне, попавшие в состав стрельцов, казаков и пушкарей, подлежали возврату своим помещикам (XI, 2). Стрельцы составляли важную боевую часть походного войска в военное время. В мирное время они использовались для подавления восстаний, недовольства парода и для выполнения текущих полицейских обязанностей — поимки и привода ослушников, пьяниц и т. п. к воеводам или в приказы (X, 119, 141; XXV, 10). Из стрелецкого войска был образован Стремянной приказ — личная гвардия царя. Близость стрельцов по происхождению и положению к посадским людям, с одной стороны, и их роль полицейской силы — с другой, определили двойственность

поведения стрельцов в отношении повстанцев в городских восстаниях 40-х гг. и в Московском восстании 1662 г.⁹

Тем не менее значение стрельцов как военной и полицейской силы подчеркивалось наличием Стрелецкого приказа. Именно в этой связи Уложение 1649 г. впервые конституировало в специальной главе подсудность стрельцов Стрелецкому приказу по всем делам, кроме разбоя и кражи (XXIII, 1). При исках стрельцов к сторонним лицам дело могло рассматриваться в другом приказе, но при условии, если челобитная стрельца удостоверена Стрелецким приказом (XXIII, 2). Взаимные иски стрельцов о бесчестии их самих или членов семей рассматривались также в Стрелецком приказе, причем по просьбе виновного обычная мера наказания за бесчестие — штраф в пользу потерпевшей стороны — могла быть заменена — битьем кнутом (XXIII, 3). Иначе обстояло дело, если стрелец был повинен в бесчестии представителей высших сословий. За бесчестие духовных чинов от патриарха до епископа назначались батоги и тюрьма, а духовных чинов ниже епископа — штраф в пользу потерпевших (X, 31—82). Кнут и тюрьма полагались и за бесчестие бояр, окольных и думных людей (X, 92), а чином ниже — штраф в пользу обещенных (X, 93, 94).

В составе служилых людей по прибору следующую группу составляли казаки. По роду службы они делились на полковых, сторожевых (стапичников) и городских. Последние составляли конное войско, приписанное к городам во главе с казачьими головами (XVIII, 51, 52). Казаки получали денежное, кормовое и земельное жалованье. В результате испомещения образовалась группа поместных атаманов, положение которых было близко к положению детей боярских. Казаки-помещики составляли не более 12—15% всех служилых казаков. Остальные казаки получали земельные паделы и жалованье несколько выше, чем стрельцы. Была образована и особая группа беломестных казаков, оклады которых в размере 20—30 четвертей в поле были обелены и от податей и повинностей (XVIII, 10, 50).¹⁰ По указу от 15 июня 1637 г., вошедшему в Уложение, казакам запрещалось продавать или сдавать кому-либо свои земли (XVI, 50). В остальном казаки пользовались теми же льготами, что и стрельцы: освобождались от посадского тягла и служб при запятии в городах торговлей и промыслами, плата при этом лишь таможенные пошлины (XIX, II); освобождались от уплаты печатных пошлин при подаче челобитных и оформлении дел о земле, о взаимных претензиях и по судным делам. Пошлины взимались с них лишь за управные дела в отношении сторонних людей (X, 124; XVIII, 51—53). При невозможности погасить

⁹ Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII в. Воронеж, 1975, с. 66, 80, 82, 85, 86; Буганов В. II. Московское восстание 1662 г. М., 1964, с. 41—43.

¹⁰ Чернов А. В. Указ. соч., с. 128—130.

долг и откупиться на правеже казаки в отличие от стрельцов отдавались головою до искупа (X, 266).

Попытка определить подсудность атаманов и казаков и разбор их исковых дел связана с отдельной, XXIV главой Уложения. Здесь же указан порядок сбора пошлин с казаков и атаманов по судным делам. За бесчестье атаманов и казаков причиталось им возмещение «против их денежных окладов», а кормовым казакам — 5 рублей (XXIV, 1). В свою очередь казаки, как и стрельцы, несли ту же ответственность за бесчестье духовных лиц, думных и иных чинов. В истории русского законодательства законы об атаманах и казаках впервые даны в общем кодексе феодального права.¹¹

В правовом положении следующих разрядов служилых людей по прибору — пушкарей, воротников и затынчиков — были общие черты с положением стрельцов и казаков, например освобождение от пошлин по взаимным жалобам и челобитным («для их службы и бедности»), но были и существенные отличия. Те из них, кто покинул посадское тягло, возвращались в посад без каких-либо ограничений (XIX, 28). Пушкари, затынчики, воротники и кузнецы, имея лавки и торговые промыслы на посаде, платили, как стрельцы и казаки, таможенные пошлыны, но кроме того несли тягло и службы наряду с посадскими людьми (XIX, 12). Как и казаки, при невозможности вернуть долги они отдавались с правежа головою до искупа (X, 266).

К категории служилых людей по прибору отнесен в Уложении и особый разряд казенных и самопальных кузнецов, занятых изготовлением вооружения. В XXIV главе упоминают кузнецкий староста самопального дела, глава кузнецов, делавших самопалы, которому за бесчестье полагалось 5 рублей. Рядовым самопальным кузнецам бесчестье определялось в размере 4 рублей (XXIV, 2).

К числу служилых по прибору относились и даточные люди. Их вербовали из крепостных крестьян и холопов. Дворяне могли выставить даточных вместо себя (X, 151, 152), а в случае невозможности нести службу по возрасту или состоянию здоровья были обязаны это сделать (VII, 17; XVI, 61). Если беглые даточные не будут разысканы, их владельцы платили за каждого человека по 20 рублей (VII, 9). С 30-х гг. XVII в. началось формирование полков нового строя — солдатских, рейтарских и драгунских.¹² В Уложении 1649 г. солдаты упоминаются только в статье, предписывающей возврат посадских людей в тягло из солдатских полков (XIX, 31). Отсюда следует, что тяглых посадских людей в солдаты не брали. За драгунами Уложение закрепляло право иметь лавки и торговые промыслы на посадах, обязывая, как стрельцов и казаков, платить таможенные пошлыны, но освобождало от посадского тягла (XIX, 11).

¹¹ ПРП, VI. М., 1957, с. 441.

¹² Чернов А. В. Указ. соч., с. 133—155.

Рост военной машины складывающейся абсолютной монархий потребовал законодательного регулирования воинской дисциплины, взаимоотношений войска с населением и определения санкций за воинские преступления. Этим вопросам посвящена VII глава Уложения. Во вступительной части к ней сказано, что у русского царя с Польским, Литовским, Немецким и другими окрестными государствами заключен «вечный мир и докончание». Но если, гласит первая статья, впредь возникает война, то будет объявлено о сборе денег ратным людям на жалованье. Воеводы на местах получают оповещения о сроках и местах сбора ратных людей (VII, 2). Передвижение ставших значительными контингентов воинских сил выдвигало на первый план правовое регулирование взаимоотношений их с населением. Это характерно для войска феодального времени, поскольку оно в основном снабжалось за счет окрестных жителей. Ратным людям, идущим к местам сбора, предписывалось «на дороге и на станех никаким людем никакова насильства и убытка не чинити, своих и конских кормов ни у кого безденежно не имати» (VII, 2). Корм предлагалось покупать «прямою ценою». Эта же «прямая цена» была обязательна и для продающих продовольствие (VII, 5). Нарушение «прямой цены» влекло возмещение убытков потерпевшей стороне (VII, 7). При высокой рыночной цене кормов, которая могла быть разорительна для воинских людей, закон допускал установление властью царя или «по воеводскому рассмотрению» указной цены на конский корм и хлебные запасы. Однако закупка запасов по указной цене рассматривалась как мера исключительная и допускалась, только с ведома воевод и с участием приставов и лишь у тех, кто имел излишки сверх потребного для себя. Произвольная закупка ратными людьми продовольствия по указной цене воспрещалась (VII, 24). В двойном размере назначалось взыскание за покупку продовольствия и кормов по указной цене при наличии собственных запасов (VII, 25). За всякое насилие над населением ратным людям определялось наказание «смотря по вине» и компенсация причиненного ущерба (VII, 6). Конкретизацией этой общей формулы служат статьи, назначающие смертную казнь за убийство с целью грабежа или в драке и за изнасилование женщин (VII, 30, 32). Статья 30-я направлена против мародерства и имеет в виду крестьянское население: «А будет кто ратные люди... учнут ставиться по селом и по деревням во дворах или в гумнех для воровства...». Награбленное согласно этой статье должно быть возмещено в двойном размере.

Настойчиво звучит мотив о предохранении хлебов и лугов от потравы. «В запертых лугах сенных покосов» не травить. А запирать луга разрешалось с Троицына дня.¹³ В таком случае рат-

¹³ Троицын день принадлежал к числу переходящих праздников и отмечался на 50-й день после пасхи, празднование которой приходилось на время от 22 марта до 25 апреля (по старому стилю).

ным людям разрешалось располагаться и в запертых лугах, но на расстоянии не более чем 5 сажень от дороги. В запертых и в незапертых лугах ратные люди могли устраивать станы безвозмездно, но при этом «травы не толочити и лошадьми не травити» (VII, 4). Если ратные или какие другие люди «проездом для своих дел станут на поле близко хлеба и лошадьми хлеб потравят и вытолочат, или какой хлеб пожав свезут к себе на станы лошадям на корм», то обязаны возместить ущерб деньгами в двойном размере по цене, которую укажут «сторонние люди» (VII, 24).

Однако Уложение предусматривало возможность ложного обвинения служилых людей в различного рода преступлениях и определяло виновным в этом случае такое же наказание, какое следовало совершившему данное преступление (VII, 34). Из приведенных материалов очевидна прежде всего забота законодателя об охране поместных и вотчинных владений. Следует, однако, отметить, что оградить мирных жителей от злоупотреблений ратных людей едва ли удавалось в силу отсутствия организованной системы снабжения войск продовольствием. Справедливо замечание П. О. Бобровского, что глава VII в походах не имела юридической силы. Это доказано войной 1654—1667 гг., когда грабежи, насилия, опустошения со стороны ратных людей имели большой размах. Закон о возмещении убытков в двойном размере за разорение в военное время практически неприменим. Словом, глава VII могла иметь в виду лишь мирное положение государства.¹⁴

Заметное внимание уделено в Уложении воинской дисциплине. В широком смысле сюда входит весь круг вопросов, охватывающих как отношения ратных людей с населением, так и воинские преступления. В более узком смысле к дисциплине можно отнести вопросы распорядка. Запрещалось боярам и воеводам отпускать со службы ратных людей без указа государя (VII, 10). Отпуск со службы без указа, да еще осложненный посулами и поминками, влек «жестокое наказание, что государь укажет» (VII, 11). Без указа и без ведома воевод не имели права отпускать служилых людей сотенные головы (VII, 15). В противном случае им грозили батоги и тюрьма (VII, 16). Бояре и воеводы могли предоставить ратным людям временные отлучки домой только по их челобитным о «домовом разорении», о побегех холопов и крестьян или по другим «самым нужным делам», но не иначе как подтвердив правильность челобитных путем опроса дворян и детей боярских того же полка (VII, 13). Такие мотивы исключения из общего правила о запрете отлучек имели определенный классовый смысл. Но и эти причины отлучек теряли силу в период угрозы прихода врага и назревания военной опасности, когда отъезды из полков полностью исключались (VII, 14).

¹⁴ Бобровский П. Постоянные войска и состояние военого права в России в XVII столетии. М., 1882, с. 22—26.

Новые условия ведения войны, перестройка вооруженных сил и контакты с армиями более развитых западных государств потребовали от русского самодержавия определенных мер по укреплению воинской дисциплины с целью повышения боеспособности войска. Поэтому воинским преступлениям в Уложении 1649 г. отведено заметное место.

Формирование политического и правового понятий преданности монарху и государству выдвинуло на первый план в качестве преступления воинскую измену. Во второй главе «О государственной чести и как его государское здоровье оберегать» рассмотрены особо тяжкие виды измены военного времени, связанные с посягательством на государственную целостность и самостоятельность, — сдача города «недругу „изменою“», привод в город зарубежных людей «для измены» (II, 3) и сожжение города «умышлением и изменою» (II, 4). 4-я статья выделяет поджог города с целью сдачи врагу в особый состав государственных преступлений, отличных от простого поджога двора, который влек денежное взыскание (X, 223, 224).¹⁵ За эти преступления определялась смертная казнь (для поджигальщиков — сожжение) и конфискация поместий, вотчин и всего имущества (II, 5). Смертная казнь через повешение перед неприятельскими полками с конфискацией всего имущества угрожала за переход в неприятельские полки с целью разглашения военной тайны (VII, 20).

Другой вид преступления — бунт: приход «скопом и заговором» «в полках на воевод» влек смертную казнь «без всякие пощады» (II, 20, 21). В скопе и заговоре нельзя не усматривать проявлений классовой борьбы, которая распространялась и на войско.¹⁶

Третий вид преступлений — побег или самовольный отъезд со службы. Здесь Уложение выделяло ряд вариантов относительно социальной принадлежности ратных людей и обстоятельств побега. Наиболее тяжким был побег с поля боя. В таком случае виновному определялось битье «кнутом пешадно» и убавка наполовину поместного и денежного окладов (VII, 19). Заклад поместий и продажа вотчин дворянам и детьми боярскими, находящимися на государевой службе, и побег с нее влек наказание кнутом «без пощады» и отсылку беглецов «в полки с приставы». Кредиторы при этом теряли право на возврат своих денег (XVI, 69).¹⁷

Побег ратных людей «всяких чинов» с полковой службы до срока отпуска карался дифференцированно: за первый побег — битье кнутом, за второй — кнут и убавка поместного и денежного оклада. За побег в третий раз — битье кнутом и полная конфискация поместий (VII, 8).

¹⁵ ПРП, VI, с. 32.

¹⁶ Калитнычев Ф. И. Указ. соч., с. 148—149.

¹⁷ Таким путем наказывались те, кто брал под заклад поместья или покупал вотчины ратных людей в момент нахождения их в полках.

Побег со службы иноземцев, стрельцов и казаков влек их сыск, возврат в «полки с приставы», наказание кнутом и удержание «не заслуженного жалованья». За беглых, не разысканных даточных людей отвечали их владельцы. С них взималось по 20 рублей с человека (VII, 9). Безусловно, к разряду военно-уголовных преступлений относились случаи мародерства, грабежа и насилий над местным населением, погромы хлебов и лугов.

Регулирует Уложение и внутривойсковые материальные иски. За кражу лошади определялось отсечение руки (VII, 29); за кражу ружья — битье кнутом. Всякая кража влекла возмещение убытка потерпевшему (VII, 28). Найденные чужая рухлядь или заблудившиеся лошади должны быть явлены в полках. За утайку виновный обязан возместить ущерб владельцу (VII, 27). Отдельно рассмотрен казус, связанный с покупкой лошади одним ратным человеком у другого в период службы в полку. Если третье лицо предъявляло свои права на лошадь, а продавший ее отрицал факт продажи, то дело подлежало разбору в судебном порядке. Во внесудебном порядке вопрос не решался, поскольку на службе войсковые люди покупают лошадей без записки (XXI, 53). К преступлениям относились оскорбления и обиды, нанесенные нижестоящими разрядами служилых людей вышестоящим и духовным лицам (X, 21—99).

Полковые воеводы единолично решали вопросы о преступных деяниях, совершенных ратными людьми, и о их наказаниях. Помощниками воевод в процессе судопроизводства были полковые судьи и сотенные головы (VII, 26; X, 149). В период военной службы рассматривались только преступления, совершенные служилыми людьми в момент службы, и их взаимные претензии. Иски же к служилым людям со стороны и их взаимные претензии, относящиеся ко времени до начала службы, откладывались до тех пор, когда «государева служба минется» (X, 149). Военный суд был изолирован от общей военной системы, по судебные органы в войсках не были самостоятельными, поскольку в XVII в. не произошло еще отделения судебных функций от административной власти.¹⁸

К сфере военных и внешнеполитических отношений примыкал вопрос о военнопленных. Сюда входило положение иностранцев, захваченных в плен русскими, и освобождение из плена русских служилых людей, включая правовые последствия этого освобождения. В число пленных входили и мирные жители, захваченные во время военных действий или в результате враждебных набегов.¹⁹ Вопрос о выкупе пленных в русском законодательстве стоял с давних времен. В XVI в. был учрежден Полоняничный приказ. Итоги его деятельности требовали обобщения и законодательного закрепления, что и нашло выражение в отдельной,

¹⁸ Калнышев Ф. И. Указ. соч., с. 164.

¹⁹ Там же, с. 129.

VIII главе Уложения 1649 г. — «О искуплении пленных». Глава провозглашала обязательный ежегодный сбор денег со всей территории Русского государства для выкупа пленных. Как и всякий налог, этот сбор не касался дворянства. Сбор полоняничных денег (табл. 5) после Уложения производился по новым переписным книгам 1646—1648 гг., а не по сошному письму, как ранее, и поручался Посольскому приказу вместо прежнего Полоняничного. Далее в VIII главе помещен призыв о подаче помощи пленным, исходящий из христианского долга. Призыв этот — дословная выписка из Стоглава. Да и принцип сбора полоняничных денег со всего народа был установлен Собором 1551 г.²⁰

Т а б л и ц а 5
Размер сбора полоняничных денег *

Категория населения	Сумма сбора со двора
1. Посадские люди, ямщики, жильцы, крестьяне патриарших, митрополичьих и монастырских вотчин	8 д.
2. Черносотенные, дворцовые, поместья и вотчинные крестьяне	4 д.
3. Служилые люди по прибору	2 д.

* Приведено по VIII главе Уложения.

Уложение устанавливало и размер «окупа» за пленных (табл. 6). Размер выкупной платы зависел от социального положения пленного. Такой выкуп касался главным образом пленных, находившихся у турок и крымских татар. В отношении европейских стран преобладающим был размен пленными. По мнению одного из авторов специального труда о пленных, в сношениях

Т а б л и ц а 6
Размеры окупа за пленных *

Категории пленных	Размер окупа за человека
Дворяне и дети боярские, взятые в бою	Со ста четвертей оклада по 20 р.
взятые не в бою и не в посылках	Со 100 четвертей оклада по 5 р.
Стрельцы	40 р.
московские	25 р.
украинных городов	25 р.
Казаки	20 р.
Посадские люди	15 р.
Пашенные крестьяне	15 р.
Боярские люди	15 р.

* Приведено по VIII главе (2—7 статьи) Уложения.

²⁰ Гессен Ю. Пленные в России с древних времен. Пг., 1918, с. 65.

с этими странами Россия «дошла в вопросе о пленных до тех начал, которые признаны справедливыми общенародным правом последнего времени».²¹

Однако эта такса была примерной. Реальная цена выкупа пленных определялась торгом и часто была выше.²² Тем не менее смысл такой градации состоял в том, что представители привилегированных слоев и в первую голову те из них, которые попадали в плен в бою, могли рассчитывать на наиболее скорый выкуп из плена. Следует добавить, что размен касался только дворянского сословия. Посадские люди, крестьяне и холопы, как правило, не возвращались. Однако их собственное избавление от плена правительство стимулировало тем, что еще с XVI в. установило освобождение холопов и крестьян от своих господ, а от тягла — посадских людей, бежавших из плена (XIX, 33; XX, 34, 66). Однако крестьяне и холопы, бежавшие от своих господ прежде, чем попали в плен, при выходе из плена возвращались прежним господам (XX, 34, 35).²³

Подводя итоги, отметим, что Уложение 1649 г. впервые кодифицировало и дополнило правовые основы феодальной организации войска. Вместе с тем оно отразило грядущую утрату монополии дворянского ополчения в военном деле и наметило путь для создания вооруженных сил поднимающегося абсолютизма. Был санкционирован перевод дворян и детей боярских в войско нового строя. Сказанное не исключало роли и значения помещиков-дворян в армии — прежде всего как командной силы. Необходимым условием таких перемен явилось укрепление законодательным путем дисциплины ратных людей. К середине XVII в. стало возникать регулярное войско с его общими для всех военно-уголовными законами. Воинские преступления были выделены в особый разряд. Восстания и возмущения в войске против царя, полковых воевод и других начальных лиц считались особо опасными противогосударственными преступлениями.

ЦЕРКОВЬ

В период феодализма русская церковь была не только одним из крупнейших феодальных институтов, но и важнейшей составной частью феодальной государственности, ее идейным штабом. Особенностью развития православной церкви в отличие от католической было то, что на всем протяжении своей истории, тем более в патриарший период, она не обладала значительной долей самостоятельности и независимости от царской власти. Но, ко-

²¹ Лоховицкий А. О пленных по древнему русскому праву, М., 1855, т. IV, с. 20.

²² Гессен Ю. Указ. соч., с. 28—30, 65.

²³ Калинин Ф. И. Указ. соч., с. 129—132.

Нечно, определенная доля самостоятельности у нее была. Материальную основу ее составляли огромные земельные богатства, доходившие в конце XVI в. до $\frac{1}{3}$ всех феодальных владений. Решения соборов 1580—1584 гг. о запрете монастырям приобретать и получать в качестве вклада родовые и выслуженные вотчины не дали существенных результатов. Особенно заметные отклонения от этих решений допускались при патриархе Филарете (1619—1633).¹

Некоторая независимость была у церкви и в сфере управления и суда. Поэтому, на наш взгляд, Н. М. Никольский преждевременно зачислил церковь XVII в. в один из приказов.²

Такое положение ожидало ее лишь в первой четверти XVIII в. В первой половине XVII в. она сохраняла еще автономное управление, являясь своеобразным государством в государстве. Высшие церковные иерархи — патриарх, митрополиты, архиепископы — имели своих дворян и детей боярских, свою поместную систему, а в распоряжении патриарха были и высшие учреждения — приказы.³

Однако уже в XVII в., в частности в Уложении 1649 г., сделан определенный шаг в направлении лишения церкви самостоятельности. Политику правительства по отношению к церкви, определяющую ее положение и роль в государственной системе, можно охарактеризовать до известной степени как двойственную. С одной стороны, под давлением дворянства и посадских кругов на Земском соборе 1648—1649 гг. был отменен указ 1628 г. о праве продажи и отдачи выслуженных вотчин в монастыри «на помин души», — правда, с правом последующего их выкупа родичами. Указ 1628 г. повторен в Уложении (XVII, 42), и тут же взамен его дан новый указ, категорически запрещающий духовным иерархам и монастырям покупать или брать в заклад родовые, выслуженные или купленные вотчины: «А ныне государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси советовав со отцем своим и богомолцем святейшим Иосифом патриархом Московским и всея Руси, и с митрополиты, и со архиепископы, и игумены, и со всем Освященным собором, и говоря с своими государевыми бояры, и с околничими, и з думными людьми и с стольники, и с трыпчими, и з дворяны московскими, и з городовыми дворяны и детми боярскими указал и собором уложили: впредь с нынешняго Уложения патриарху и митрополитам и архиепископам, и епископам, и в монастыри ни у кого родовых и выслуженных и купленных вотчин не покупать и в заклад не имати, и за собою не держати, и по душам в вечный поминок не имати никоторыми делы, и в Поместном приказе за

¹ Устюгов Н. В., Чаев Н. С. Русская церковь в XVII в. — В кн.: Русское государство в XVII в. М., 1961, с. 295—329.

² Никольский Н. М. История русской церкви. Изд. 2-е. М.—Л., 1931, с. 118.

³ Церковь в истории России (IX в.—1917 г.). М., 1967, с. 145—146.

патриархом, и за митрополиты, и за архиепископы, и епископы, и за монастыри таких вотчин не записывати, а вотчинником никому вотчин в монастыри не давати. А кто и напишет вотчину в монастырь в духовной, и тех вотчин в монастыри по духовным не давати, а дати в монастырь родителем их денги, чего та вотчина стоит, или что умершей вотчине цену напишет в духовной. А будет родители той вотчины себе взяти не похотят, и денег в монастырь не заплатят, и ту вотчину прикащиком продать сторонним людям, а деньги дати в монастырь по умершаго душе по духовной. А будет кто с сего Уложения вотчину свою родовую, или выслуженную, или купленную продаст, или заложит, или по душе отдаст патриарху, или митрополиту, или архиепископу, или епископу, или в которой монастырь, и та вотчина взяти на государя безденежно, и отдать в роздачу челобитчиком, кто о той вотчине учнет государю бити челом» (XVII, 42).

В последующих двух статьях той же главы устанавливался запрет передавать родовые и выслуженные вотчины в монастыри при пострижении их владельцев в монахи. Вотчины оставались у родичей, которых закон обязывал вносить деньги в монастырь на содержание постригшихся. То же правило распространялось и на тех, кто постригся до соборного приговора 1648 г. (XVII, 43, 44). Мы воспроизвели этот приговор полностью ввиду его особой важности.

Церковь лишилась по Уложению легальной возможности увеличивать свои земельные владения. Другим шагом ограничения экономической мощи церкви было лишение иерархов и монастырей права иметь свои слободы и промыслово-торговые заведения на посадах и конфискация в пользу посадов тех из них, которые были уже в их владении. И хотя эта мера касалась всех частновладельческих слобод, но не менее 60% из них приходилось на долю церковных владений.⁴ Следует подчеркнуть, что, несмотря на все запреты и конфискации, Уложение 1649 г. не прекратило роста церковного землевладения,⁵ но все же подорвало его неограниченные легальные возможности. Важным было и то обстоятельство, что запрет продавать и отдавать вотчины в монастыри дан не в виде специфического церковного установления, как это было в 1580—1584 гг., а в качестве общегосударственного закона,⁶ введенного в новый кодекс.

С Уложением 1649 г. связана и попытка лишить высшее духовенство, за исключением патриарха, а также монастыри административных и судебных привилегий, главным образом юрисдикции по отношению к церковным людям в части основной массы гражданских и уголовных дел. До этого по тарханным или несудимым грамотам суд по недуховным делам в отношении кли-

⁴ Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. II. М.—Л., 1948, с. 593—607.

⁵ Устюгов Н. В., Чаев Н. С. Указ. соч., с. 300—301.

⁶ Никольский Н. М. Указ. соч., с. 119.

риков от митрополитов и ниже, а также монастырей осуществлялся в приказе Большого дворца, основным назначением которого были дела по управлению дворцом. Здесь же духовные вотчинники, минуя общегосударственные учреждения, подлежали суду самого царя.⁷ Суд царя, осуществляемый через приказ Большого дворца, был высшей инстанцией для духовенства по недуховным делам. На уровне же приказов все дела, касающиеся церкви, духовных лиц и зависимых от них людей, были в ведении суда патриарших приказов.

Уложение по челобитью служилых людей от стольников и ниже, гостей, торговых и посадских людей учредило Монастырский приказ как государственное учреждение, возглавляемое, как и все приказы, окольничими и дьяками и специально предназначенное для разбора гражданских и наименее важных уголовных дел⁸ в отношении духовных лиц всех рангов вплоть до митрополитов и их людей и крестьян (XIII, 1). За церковью сохранялся лишь суд по церковным делам. В ведение Монастырского приказа передавались и все церковные и монастырские земли. Придавая этому шагу особо важное значение, составители Уложения выделили учреждение Монастырского приказа и определение его юрисдикции в самостоятельную главу. Смысл такой акции состоял в том, что Уложение установило в качестве общей меры для духовенства, не исключая монастырей, одинаковую, как и для светских лиц, подсудность по недуховным делам. Учреждение Монастырского приказа имело важное значение и в плане усиления централизации государственного аппарата.⁹ «Эти меры, помимо их юридического значения, — пишет Н. М. Никольский, — наносили также церкви немалый материальный ущерб, лишая ее постоянных и крупных доходов в виде судебных пошлин».¹⁰

Касаясь конкретной стороны судопроизводства, Уложение поясняло, что иски духовных лиц и их людей и крестьян к лицам педуховного ведомства рассматриваются в тех приказах, где кто судим. Встречный иск удовлетворяется в том же суде, что и основной (XIII, 2). Более того: иски, не превышающие двадцати рублей, как исходящие от духовных лиц и зависимых от них людей, так и предъявляемые им, подлежали юрисдикции городских воевод (XIII, 3). В данном случае подсудность духовных лиц подвигалась под общее положение.

Усиление государственного контроля над церковью, связанное с организацией Монастырского приказа, и ряд установлений Уложения, повлекших ущемление материальных прав духовенства, вызвали сильное недовольство с его стороны. Наиболее яркое выражение такая реакция получила в резко отрицательном от-

⁷ Устюгов П. В., Чаев Н. С. Указ. соч., с. 302.

⁸ По крупным уголовным делам — разбой, убийство и т. п. — церковные люди, как и все остальные, были подсудны Разбойному приказу.

⁹ Устюгов П. В., Чаев Н. С. Указ. соч., с. 304.

¹⁰ Никольский Н. М. Указ. соч., с. 119.

ношении к Соборному уложению патриарха Никона. По его словам, Уложение было «бесовской», «беззаконной книгой», созданной Собором, созданным «боязни ради и междуусобия от всех черных людей, а не истинныя правды ради». Наибольшие нападки Никона встретили те статьи Уложения, которые устанавливали светский суд для духовенства, конфискацию церковных слобод в городах и запрет передачи вотчин в монастыри.¹¹

Указанное ограничение привилегий церкви в области управления и суда не проведено в Уложении последовательно и до конца. В руках главы церкви — патриарха — оставался высший орган управления патриаршими вотчинами и всеми людьми, подчиненными патриарху: Патриарший двор, на котором «судные дела слушает и указывает патриарх». Для выполнения таких функций в распоряжении патриарха были приказы и свой штат приказных людей (XII, 1).¹² Патриарший двор одновременно являлся высшим церковным судом для всего государства в отношении преступлений по делам религии и значительной части бытовых преступлений. Церковь как феодальный институт продолжала еще сохранять привилегии, которых уже были лишены другие крупные феодалы. Патриарх, митрополиты, архиепископы имели служилых людей — дворян и детей боярских, которых наделяли поместьями из своих земель (XII, 1; XIII, 1).¹³ Однако в отношении юрисдикции ограничения коснулись и патриарха. Если Патриарший двор был высшей инстанцией по церковным делам, то этого не было в отношении дел светских даже применительно к патриаршим людям. Уложение оговаривало, что если «патриарши приказные люди в каком деле правого обвинят, а виноватого оправят по посулом, или по дружбе, или по недружбе», то потерпевшим предоставлялось право «на тех патриарших приказных людей бити челом государю». По этим челобитьям спорные дела предписывалось «из патриарших приказов вносить к государю и ко всем бояром» (XII, 2). Отсюда следует, что Боярская дума и царь, являлись высшей апелляционной инстанцией в отношении церковного суда — по крайней мере по делам, не имеющим отношения к преступлениям против религии.¹⁴ За неправый суд, вызванный взяткой или пристрастным отношением

¹¹ Ундольский В. М. Отзыв патриарха Никона об Уложении царя Алексея Михайловича. — Русский архив, кн. 2. М., 1886, с. 611, 612, 619; Мнения патриарха Никона об Уложении. — Записки отделения Русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества, т. 2. СПб., 1861, с. 426, 427, 445—451. — Уже в 1657 г. Алексей Михайлович по настоянию Никона отменил подсудность патриарших людей и крестьян в исках менее 20 рублей суду городских властей (ПСЗ, I. СПб., 1830, № 200).

¹² Патриарший двор имел приказы: Дворец, Разряд, Казенный и Судный.

¹³ О размерах этих владений см.: Устюгов Н. В., Чаев Н. С. Указ. соч., с. 301.

¹⁴ В Судебнике 1550 г. такой нормы нет.

к сторонам (дружба, вражда), патриаршие судьи несли ответственность наравне с государственными судьями. Так же как и в отношении Монастырского приказа, церковные люди, подчиненные Патриаршему двору, могли судиться и не в церковном суде, если иск, поданный ими, касался лиц, подсудных другим приказам. Подсудность дела тому или иному суду определялась по ответчику (XII, 3).¹⁵

Благодаря Уложению церковный суд воспринял ряд процедурных моментов светского суда, фиксированных в X главе — «О суде». В их числе были очные ставки и повальные обыски, которых не было в церковном суде до 1649 г.

Самодержавие XVII в. стремилось, с одной стороны, ограничить экономическую мощь церкви и подчинить ее общегосударственной системе централизации, а с другой — решительно брало церковь под защиту закона с целью оградить ее учение, идеи и организацию самой церковной жизни от посягательств как ее идейных противников, так и уголовных элементов и нарушителей установленного порядка. Обе эти стороны политики самодержавия четко представлены в Уложении.

В какой мере правительство придавало значение защите церкви как своего идейного штаба, показывает то обстоятельство, что в Уложении первой дана глава «О богохульниках и о церковных мятежниках» и лишь на втором месте глава о чести государя и о предупреждении посягательств на его здоровье. «Уложение явилось первым светским законодательным памятником, в котором были подробно разработаны, определены и поставлены на первое место составы преступных деяний против религии».¹⁶

В Судебнике 1497 г. среди наиболее опасных преступлений названа церковная татьба, под которой в соответствии с переводом Герберштейна понимается святотатство.¹⁷ Однако, как отмечено в литературе, специальных составов святотатства Судебники 1497 и 1550 гг. не содержат. В значительно большей мере враждебные христианской церкви проявления культа — языческие обряды, суеверия, волхование, чародейство, скomorошество и т. п. — получили определение и осуждение в постановлениях Стоглавого собора 1551 г.¹⁸

Первая глава Уложения показывает, что царская власть брала под защиту закона христианское вероучение в целом, определяя всякое выступление против него как возложение хулы на бога. Эта емкая формула позволяла подвести под нее любое враждебное православию религиозное и общественное движение или учение. Вместе с тем понятие хулы вносило в определение состава преступления целенаправленный политический смысл. В этой связи Уложение вводило понятие «богохульства» и опре-

¹⁵ ПРП, VI. М., 1957, с. 184.

¹⁶ Там же, с. 23.

¹⁷ Судебники XV—XVI вв. М.—Л., 1952, с. 58, 160.

¹⁸ ПРП, VI, с. 24.

деляло за него безотносительно к конкретной форме проявления квалифицированную смертную казнь через сожжение (I, 1).

Вместе с тем из 9 статей I главы Уложения только 1-я статья брала под защиту, да и то в общей форме, вероучение христианской церкви.¹⁹ Остальные 8 статей брали под защиту закона саму церковь как учреждение и сложившийся в ней чин службы. Другим предметом заботы законодателя была охрана чести и неприкосновенности высших иерархов — патриарха, митрополитов, архиепископов, епископов и т. д., — прежде всего в момент совершения ими службы в храме. Все эти статьи в смысле состава деяний, подлежащих осуждению, носят сугубо конкретный и в значительной мере светский, гражданский характер. Любой человек, именуемый в Уложении «бесчинником», за срыв богослужения в церкви любым способом подлежал смертной казни «безо всякия пощады» (I, 2). «Бесчинником» именуется и то лицо, которое в церкви «учнет говорити непристойные речи патриарху или митрополиту, или архиепископу или епископу, или архимандриту или игумену и священническому чину, и тем в церкви божественному пению учинит мятеж». Виновному в таком случае назначалась торговая казнь, т. е. битье кнутом на базарной площади (I, 3). В данном случае нельзя не видеть отклика на события 1648 г. в Москве и других городах, затронувшие не только церковные круги в целом, в особенности высший клир, но и порядок церковных служб. Впрочем, для включения в Уложение 1649 г. соответствующих статей были основания и в повседневной жизни церкви. Заявивший пост патриарха после Филарета Иоасаф жаловался на беспорядки в церквах: «...мирские люди стоят в церквах с безстрашием и со всяким небрежением, во время св. пения беседы творят неподобные с смехотворением... во время же св. пения ходят по церквам шпыни с безстрашием... от них в церквах великая смута и мятеж, то они бранятся, то дерутся... иные во время св. пения в церквах ползают, писк творят и большою соблазн возбуждают в простых людях».²⁰ Утрата благочестия, а отсюда и покорности — вот что страшило высшие церковные круги и само правительство.

Не отрицая возможности заимствований из Моисеева закона, Кормчих, Стоглава как источников при составлении статей

¹⁹ В 1-й статье названы основы христианского вероучения: Иисус Христос, богородица Мария, честный крест, святые угодники. Однако богословы позднейшего времени писали о 1-й статье I главы Уложения: «Закон ограничен узкими пределами. Не упомянуто о христианской вере вообще, о священном писании, о таинствах церкви и недостает важного различия между богохулением и кощунством» (см.: Архангельский М. О Соборном уложении царя Алексея Михайловича в отношении к православной церкви. — Христианские чтения, 1881, кн. 8, с. 52; Попов А. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904, с. 150—157).

²⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. 2, т. VI—X. Изд. 2-е. СПб., 1896, с. 1362,

I главы Уложения, на что указывают многие историкИ, следует подчеркнуть, что сама действительность 30—40-х гг. XVII в. давала для этого более чем достаточный материал.²¹

Последующие 4 статьи I главы касаются уголовных преступлений, совершенных в стенах церкви. Убийство каралось смертной казнью (I, 4). А при ранении как следствии нападения и избияения назпачалась «торговая казнь без пощады», тюремное заключение на месяц и возмещение в двойном размере бесчестья раненому (I, 5). Характер санкций определялся местом совершения проступка. Тем же определялась и смертная казнь за убийство в церкви без рассмотрения в данном случае обстоятельств и мотивов преступления, хотя Уложение в иных случаях отличало преднамеренное убийство от непреднамеренного. Убийство, совершенное вне стен церкви без умысла — в драке или в состоянии опьянения, — каралось торговой казнью (XXI, 69). Повышенное наказание определялось и в случаях удара без ранения или словесного оскорбления, нанесенных в церкви, — батоги и выплата бесчестья потерпевшему в первом случае, тюремное заключение на месяц и выплата бесчестия — во втором. За определением санкций следует сентенция: «...чтобы на то смотря в церкви божий никакова безчинства не было» (I, 6, 7). Во всех таких случаях совершивший преступление определялся как «безчинник» — термин, который в других случаях в Уложении не встречается.

И уж совсем мирским веет от двух последних статей I главы, запрещавших во время церковной службы подачу челобитных царю и патриарху и другим церковным чинам о личных делах. И здесь запрет объяснен опасением, чтобы «от того в церкви божией церковному пению смятения не было, понеже церковь божия устроена приходити на молитву» (I, 8). Нарушителя этого запрета, как лицо, забывшее страх божий и презревшее царское повеление, надлежало «вкинути в тюрьму, на сколько государь укажет» (I, 9).²² И как общая сентенция ко всем статьям I главы, за исключением разве 1-й статьи, дано поучение: «И православным христианом подобает в церкви стояти и молитися со страхом, а не земная мыслити».

Любопытно, что кража церковного имущества, совершение которой предполагается вне времени богослужения, выделена из состава преступлений против церкви и рассматривается в общем составе статей XXI главы — «О разбойных и о татиных делах». И тем более странным и непоследовательным выглядит выделе-

²¹ Автор специального исследования о положении церкви по Уложению отмечал, что источники статей I главы не известны. Они принадлежат к статьям, написанным по «требованию жизненных явлений» (Архангельский М. Указ. соч., кн. 10, с. 361).

²² Запрет непосредственной подачи челобитных царю по судным делам, минуя приказ, которому данное лицо подсудно, имел общий характер (X, 20).

ние из I главы и помещение в составе других уголовных преступлений, наказуемых смертной казнью, совращения православных в нехристианскую веру, по смыслу статьи в мусульманскую, поскольку речь в ней идет о бусурмане и обрезании. Бусурмана в таком случае предписано «сжечь огнем безо всякого милосердия», а совращенного русского человека направить к патриарху или к иным духовным властям (XXII, 24).

Анализ I главы Уложения «О богохульниках и церковных мятежниках» показывает, что подавляющее внимание уделено в ней именно мятежникам, или, как они именуются в тексте статей, бесчинникам. Беря под защиту закона основы православного вероучения в самой общей форме, без определения направлений, враждебных ему, и объединяя эти движения под общим наименованием богохульства, государственная власть как бы предоставляла церковникам самим разбираться в делах веры. Другое дело, когда речь шла о порядке и благочинии церковных служб. Видя в их ослаблении падение авторитета церкви и ее влияния на массы, законодатели включили в Уложение детально очерченный состав преступлений уголовного и политического характера, угрожавших церковному благочинию, и дифференцировали санкции в отношении виновных.

Стремление подкрепить авторитет церкви, и прежде всего высших иерархов, пронизывает все Уложение. В духе традиции любое перечисление феодалов начинается с высших духовных чинов — патриарха, митрополитов и т. д.; за ними идут думные чины — бояре, окольничие и прочие; и, наконец, чины московские и городовые.

Неприкосновенность духовного сословия особенно ярко проступает в вопросе возмещений и наказаний за бесчестье. Из 73 статей X главы Уложения, посвященных этому вопросу, 64 касаются возмещения за бесчестье духовенства всех рангов. В их составе значительное место заняло перечисление крупнейших монастырей по городам с указанием суммы штрафа за бесчестье архимандритов, игуменов и келарей этих монастырей (X, 32—81). Две статьи посвящены бесчестью приказных людей патриарха и его слуг. Таким образом, определение взысканий за бесчестье лиц недуховных сословий дано всего в 7 статьях. Только в одной — 94-й статье X главы — определены штрафы за бесчестье для лиц недворянского и недуховного сословий, начиная с именитых людей Строгановых и кончая крестьянами. Если охране чести государя посвящена в Уложении отдельная глава,²³ то защита чести патриарха открывает собою шкалу взысканий за бесчестье. За бесчестье патриарха словом даже думные чины — бояре, окольничие и другие думные люди — отдавались патриарху головою (X, 27). Бесчестье со стороны патриарха

²³ См. выше (с. 154—159).

в отношении каких бы то ни было лиц законом не предусмотрено. А бесчестье со стороны митрополитов и ниже, вплоть до монастырских старцев, в отношении бояр, окольничих, думных людей и других рангов феодалов и гостей каралось штрафом в пользу потерпевших «против их окладов, что кому государева денежного жалованья» (X, 83).

Таким образом, Уложение подтверждает высказанную в литературе мысль, что главенство в православной церкви принадлежало царю. Это официально было подтверждено Церковным собором 1660 г.: «...ему же [царю] свою церковь господь преда», обязав его «о благочинии церковном тщатися» и «о православныя церкви благостроения попечение творити».²⁴ Именно это «тщание» и «попечение» о церковном благочинии и благостроении и получило отражение в Уложении 1649 г. в виде комплекса определенных правовых норм.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ

Заметный рост ремесла, торговли, начальный этап складывания всероссийского рынка, усложнение государственного аппарата в центре и на местах — все эти процессы, приходящиеся на XVII в., сделали в значительно большей мере, чем это было в предшествующее время, необходимым государственно-правовое регулирование режима внутренних путей сообщения. Дорожный правовой статус, постепенно сложившийся к середине XVII в., получил наиболее полное выражение в Уложении 1649 г. По содержанию он делится на две части: регламентация сбора проезжих пошлин и обеспечение сохранности и благоустройства дорог. В какой мере эти явления в законодательстве отражают сдвиги, происшедшие в экономике и государственном аппарате России, показывает то обстоятельство, что столетие назад, в Судебнике 1550 г., ничего не говорится о проезжих пошлинах и правовом режиме дорог.¹

С XVI в. состав, размер и места таможенных сборов были определены в уставных таможенных грамотах, исходивших от верховной власти.² Все пошлины, взимавшиеся в сфере торговли, делились на проезжие и торговые и отличались большой дифференциацией. Для правового статуса дорог имели значение проезжие пошлины.³

²⁴ Никольский Н. М. Указ. соч., с. 122.

¹ В Судебнике 1550 г. имеются только 2 статьи (94 и 95), говорящие о пошлине за клеймение купленных лошадей (см.: Судебники XV—XVI вв. М.—Л., 1952, с. 174—175).

² Тихонов Ю. А. Таможенная политика Русского государства с середины XVI в. до 60-х годов XVII в. — Исторические записки, 1955, т. 53, с. 250—290.

³ Осокин Е. Внутренние таможенные пошлины в России. Казань, 1850 г.

Сложившаяся в XVI в. таможенная система стала препятствием для экономического развития России в XVII в. От нее страдали не только люди, занятые торговлей, но и широкие слои рядового дворянства, на плечи которого падали многие казенные поручения, связанные с разъездами по стране, и крестьяне, которые также терпели от произвола таможенных откупщиков и целовальников. Вот почему в составе Уложения 1641 г. по делам о сыске и вывозе крестьян, принятом в ответ на челобитье дворян, имеется пункт, касающийся проезжих пошлин.⁴ Эти установления вошли позднее в Уложение 1649 г. и были дополнены рядом новых норм. Регламентации сбора проезжих пошлин, государственному обеспечению дорог посвящена в Уложении IX глава: «О мытах, и о перевозех и о мостах». Указ, или Уложение 1641 г., послужило источником значительной части тех статей IX главы (1, 2, 9, 10, 19, 20), которые регламентировали порядок сбора проезжих пошлин. В данный момент затруднительно назвать источник статей (7, 11—18), установивших ответственность за техническое состояние и благоустройство дорог, мостов и перевозов.⁵ Вполне вероятно, что редакция этих статей является самостоятельной. Можно назвать лишь один прецедент из прошлого законодательства. В Судебнике 1589 г. волостным общинам Севера предписывалось государеву дорогу от Москвы до Холмогор, в том числе перевозки и мосты на ней, держать в полном порядке, в зимнее время ставить вехи для обозначения пути, в лесах расчищать дорогу. Предписывалась ширина дороги и мостов на реках (1½ сажени). Если из-за плохого состояния дорог и мостов провозжие люди потерпят материальный урон, то ущерб возмещает та волость, которая ответственна за данный отрезок пути.⁶ Таким образом, в IX главе Уложения 1649 г. слились две струи, наметившиеся в законодательстве прошлых времен лишь в общих чертах или по частному поводу.

Рассмотрим содержание IX главы, состоящей из 20 статей. Первые 3 статьи провозглашали освобождение дворян, служилых людей, в том числе иноземцев и гонцов, посланных по государственным делам, от уплаты проезжих пошлин (мыта, перевоза и мостовщины) по всем дорогам, как проходящим по государевым и дворцовым землям, так и в вотчинах и поместьях. От уплаты пошлин освобождалось и имущество указанных лиц, провозимое не для продажи самими дворянами и их крестьянами. При нарушении запрета взыскания проездных пошлин в указанных случаях в отношении виновных определялась санкция: возмещение материального ущерба втрое и наказание кнутом. При взыскании

⁴ ПРП, V. М., 1959, с. 368—369.

⁵ К. Верховский источником этих статей называет Литовский статут (см.: В е р х о в с к и й К. Источники Уложения царя Алексея Михайловича. — Юридический вестник, 1889, т. III, ноябрь, с. 369—388). См. также выше мнение В. Чернова (см. 29—31).

⁶ Судебники XV—XVI вв., с. 413, ст. 223, 224.

пошлин с крестьян, провозивших имущество господ не для продажи, закон ограничивал санкцию только возмещением убытка в указанных размерах. Основанием для вчинения иска служила жалоба потерпевшего, а доказательством — крестное целование (IX, 1—3).

Если же дворяне и иные служилые люди будут провозить с собой торговых людей с товарами, то санкция обращалась против них, как нарушителей закона: взыскание проездных пошлин втрое и наказание кнутом. И обратно: попытка торговых людей выдать себя на таможенных пунктах за служилых лиц каралась телесным наказанием и взысканием пени в пользу государя в размере 5 рублей с человека (IX, 4, 5). Косвенно отсюда следует, что торговые люди и провозимые ими товары подлежали обложению проездными пошлинами. Однако в ряде последующих статей видна тенденция к ограничению действия этого правила. Закон оставлял в силе только прежние («изстари») таможенные пункты и сборы на них, на которые в прошлом даны жалованные грамоты. Учреждать же по дорогам, на реках, плотинах, мостах и т. п. новые таможенные пункты и пошлины «без указа», «своим вымыслом» запрещалось под угрозой изъятия этих пунктов в пользу государя. Соответственно воспрещалось самовольное устройство таможенных пунктов на водах, принадлежащих феодалам (IX, 9, 10, 17).

В зимнее время торговые люди получали по желанию легальную возможность объезда мостов по льду, освобождаясь тем самым от уплаты мостовщины, а сборщикам проездных пошлин запрещалось окалывать лед у берегов и у мостов «для своей корысти». Нарушение закона влекло телесное наказание и пеню в пользу государства (IX, 7). И только в тех владениях, где дороги плохи, а на них настилов и на непроходимых реках мостов нет и изстари не бывало, законодатель — в целях улучшения состояния дорог и идя навстречу потребности оборудования новых — допускал возможность по челобитьям феодалов учреждения новых пунктов сбора проездных пошлин, как возмещения затрат, связанных со строительством настилов, мостов и перевозов (IX, 16).

В целях устранения препятствий для судоходства делать на реках новые запруды, плотины и мельницы разрешалось только при неперменном условии строительства проходов для судов. Если строительство новых плотин и мельниц влекло затопление прежних дорог и бродов, а владельцы сооружений, пропуская проезжих людей, незаконно брали с них перевоз и мостовщину, то мельницы, мосты и перевозки подлежали сносу. Они получали санкцию только в ответ на челобитье владельцев о их сохранении при отсутствии незаконного сбора пошлин и при условии в дальнейшем беспошлинного проезда по мостам, плотинам и перевозам, сооруженным на местах затопления прежних дорог (IX, 18—20).

В комплекс правового обеспечения дорог входили и предписанные законом обязанности феодалов по их сохранению и благоустройству. Закон обязывал чинить настилы и мосты и держать их в порядке, дабы проезжим людям не было убытка от неисправных дорог. В противном случае, если по причине плохих дорог был бы причинен ущерб имуществу служилых или торговых людей, следовало возмещение убытка в государевых землях со стороны должностных лиц или откупщиков, а в частных — их владельцев. На них же возлагалось обязательство взамен пришедших в ветхость сооружений построить новые (IX, 11—13). С юридической точки зрения здесь вступают в силу обязательства из причинения вреда. В случае хозяйственной необходимости за феодалами сохранялось право затопить или распахать старые дороги, но при неперемennom условии: построить новые, хорошего качества и вблизи от прежних дорог. Если новые пути оказывались хуже старых или имели большой объезд, то надлежало восстановить прежние (IX, 14, 15). Как видим, содержание IX главы ставит под сомнение возможность отнести ее нормы к финансовому праву.⁷ Дело в том, что в данном случае нет установлений о составе и размере проезжих пошлин. Законодатель ставил целью разработку правового режима, диктующего, с кого и при каких обстоятельствах брать или не брать проезжие пошлины на дорогах. Глава содержит, таким образом, определенный комплекс гражданско-правовых норм, существенную часть которых составляет сервитутное право.

Итак, Уложение 1649 г. включает в себя определенный правовой статус сухопутных и водных путей, как средств сообщения и торговли, сложившийся в первой половине XVII в. В его основании лежит двойкий интерес: государственный, связанный с необходимостью облегчить передвижение по дорогам служилых людей и гонцов, и торговый, продиктованный целью оградить интересы торговли. Признавая прежнее право феодалов на сбор проездных пошлин на дорогах, проходящих через их владения, фиксированное в жалованных грамотах, Уложение изымало из его действия служилых людей, а в отношении лиц, занятых торговлей, проявляло тенденцию к ограничению таможенных сборов, ограничивало произвол феодалов и возлагало на них ответственность за сохранность и содержание сухопутных и водных путей.

⁷ См., например: ПРП, VI. М., 1957, с. 73.

ПРАВО И СУДОПРОИЗВОДСТВО

1. ПРАВО

Поскольку право в феодальном обществе было юридическим выражением господствовавшего сословного строя, то и в основе его структуры лежало сословное начало. Историки права выделяют следующие разновидности феодального права: вотчинное (ленное), крепостное, каноническое (церковное) и городское. Поместно-вотчинное землевладение, положение основных классов-сословий и рассмотрено нами в аспекте сословного характера права. Однако Уложение возникло на той высокой стадии развития феодализма и феодальной государственности в России, когда наряду с основными институтами собственно феодального строя получили значительное развитие сопутствующие социально-экономические явления — товарно-денежное обращение, начало процесса образования всероссийского рынка, функционирование торгового капитала и рост политического значения крупного купечества. Эти явления в совокупности настолько продвинули развитие права, что начинают все более принимать общесословный характер такие его разновидности, как право залоговое, обязательственное и связанные с ними договорные отношения в области займа, поклажи, подряда. Поэтому возможно выделить в составе феодального права формы, свойственные как развитому частному римскому праву, так и праву последующего периода буржуазного развития: право гражданское, уголовное, государственное и процессуальное.

В историко-правовой литературе, включая учебные пособия, имеет место вычленение в феодальном праве общепринятых форм. Тем более это правильно для периода развитого феодализма, хотя полного отделения публичного права от частного и уголовного права от гражданского тогда еще не было. Необходимо помнить, что даже при значительном развитии товарного хозяйства «право-равенство» не вытесняло еще «право-привилегию» до тех пор, пока не была ликвидирована его основа — внеэкономическое принуждение к труду.¹

¹ Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Т. II. Исторические типы государства и права. М., 1971, с. 236. — В России

В условиях зрелого феодализма и в обстановке высокого уровня товарно-рыночных отношений дальнейшее развитие и укрепление феодальной собственности на землю шло в направлении расширения прав феодалов на все виды распоряжения землей и ее отчуждения, включая мену, залог и продажу. Законодательство и практика выработали определенные правила приобретения собственности, прежде всего поземельной. В Уложении этот вопрос детально разработан в отношении двух основных форм феодального землевладения того времени — вотчин и поместий.² Уложение содержит серию статей, посвященных охране прав собственности на объекты сельскохозяйственного производства и промыслов. Здесь вступали в силу обязательства из причинения вреда. Уложение в данном случае не устанавливало общей нормы ответственности. Она определялась в зависимости от объекта, которому причинен ущерб. Во многих случаях, в том числе и при посягательстве на земельную собственность, устанавливалась гражданско-правовая ответственность. Однако преступное повреждение чужого имущества влекло уголовные санкции.³ Возмещение ущерба согласно иску в порядке обязательств из причинения вреда по судебному решению следовало в таких случаях: потрава хлеба скотом, насильственный сбор и повреждение чужого хмеля, покос сена, нарушение чужой птичьей привады, охота на ней или порча приспособлений для ловли птиц; то же при порче в чужом угодье бортовых деревьев или похищение пчелиного улья; порубка леса, кража яблок в саду, овощей в огороде (X, 215—222, 286, 287).

Нередко возмещение ущерба следовало в форме уплаты потерпевшему строго фиксированной суммы, которая в таком случае принимала форму штрафа. В том же виде следовало возмещение за ущерб, причиненный чужому скоту. При обнаружении скота на своей ниве допускалось задержание его на своем дворе до выяснения вопроса о потраве и получения компенсации, после чего следовал возврат скота по принадлежности. Разрешение такого конфликта допускалось и внесудебным путем, по обоюдному согласию сторон (X, 208). Но в случае гибели задержанного скота от голода или других причин следовало возмещение ущерба хозяину по рыночной или «указной» цене. Гибель скота, захваченного насильственно, безотносительно к потраве, влекла уплату хозяину указной цены в двойном размере, и сверх того «за насильство» определялась государева пошлина вдвое (X, 209, 210).

только во второй половине XVIII в. появляется в законодательстве определение гражданского права, которое охраняет собственность всякого гражданина (там же, с. 235).

² См. относительно вотчин с. 79—93, поместий — с. 58—78.

³ Софроненко К. А. Соборное уложение 1649 года — кодекс русского феодального права. М., 1958, с. 45—46; ПРП, VI. М., 1957, с. 158—159.

В Уложении предусмотрена также уголовная или гражданская ответственность владельцев животных (в том числе собак) за ущерб, причиненный не имуществу, а людям. В данном случае возмещались бесчестье и увечье, а если понесен материальный урон, то убыток погашался в двойном размере (X, 281—284).

И хотя указанные выше акции, следствием которых был материальный ущерб, можно рассматривать как гражданские правонарушения, влекущие возмещение ущерба, в отдельных случаях (порча бортей, кража ульев, гибель скота от голода) штраф в пользу потерпевшего совмещался с уголовной санкцией — наказанием кнутом, взысканием пени или судебных пошлин в пользу казны и т. п. (X, 240, 249). Да и штраф был санкцией двойственной по своей юридической природе. Уголовный характер штрафа состоял в том, что установленная сумма могла не соответствовать ущербу, но в то же время это было возмещением ущерба, поскольку деньги шли в пользу истца.⁴

В делах по обязательствам из причинения зла Уложение различает действия умышленные и непреднамеренные, влекущие разные правовые последствия. Допускалось, что при сжигании соломы или травы на своих нивах и лугах огонь мог причинить ущерб чужим огородам или нивам. Сыском устанавливалось, сделано ли это «хитростью» («пустил огонь по ветру») или «пожжение учинится без хитрости» — повинны внезапные буря, вихрь и т. п. В первом случае убытки возмещались по иску, а во втором — «истцовых исков не правити потому, что такое запаление учинится изволением божиим, а не ответчиковым умышлением». Если в результате нечаянного пожара в доме сгорят другие дома, иска также не возбуждали, поскольку «запаление учинилось не по его умышлению». Но когда сгорит дом, снятый по найму, «небрежением» постояльца, то следовала полная компенсация ущерба.⁵ Аналогично расценивался пожар в лесу. Если причиной его была «недружба» или «пастухов небрежение», следовали возмещение ущерба владельцу леса и сверх того пени в государеву казну. «А будет... такое дело учинится без хитрости», то никаких взысканий не предусматривалось (X, 223—227).⁶

Развитие кредитных операций, сопутствующее росту товарно-денежных отношений, привело к оформлению залогового права, которое к середине XVII в. получило разностороннее законодательное выражение. В Уложении залоговое право нашло выражение главным образом применительно к залогоу (закладу) не-

⁴ ПРП, VI, с. 159.

⁵ Умышленный поджог двора квалифицировался как уголовное преступление и карался смертной казнью (X, 228).

⁶ По мнению М. Ф. Владимирского-Буданова и К. Верховского, источником указанных статей X главы является Литовский статут (см. с. 16, 17, 19, 20). Между тем охрана земельной собственности феодалов и государства была важнейшим предметом законодательства периода, предшествующего Уложению.

движимого имущества. Законом устанавливалась регламентация этих процессов применительно к отдельным видам земельных владений-поместий, различного типа вотчин (родовых, выслуженных, купленных), прав и сроков выкупа заклада, оформления и юридической силы закладных и т. п.⁷ Заложенная земля могла оставаться в руках залогодателя или же перейти в руки залогодержателя. В таком случае кредитор получал право временного пользования землей, что заменяло уплату процентов. Допускался и залог дворов на посаде (XIX, 16). В Уложении отражен и залог движимого имущества. Заклад оформлялся закладной кабалой. Просрочка выкупа заложеной вещи влекла передачу прав на нее залогодержателю: «А будет кто кому в долгу в деньгах, или в ином в чем нибудь заложит что до срока и кабалу закладную на тот свой заклад даст, а в кабале напишет будет он того своего закладу на срок не выкупит, и на тот его заклад та закладная кабала и купчая, и дав он такую кабалу, того своего закладу на срок не выкупит, ему впредь до того своего закладу дела нет, и владети тем его закладом тому, кому он заложит, и вольно тому такой заклад продати и заложить и в приданые дать» (X, 196). Из статьи очевидны техника заклада и правовые последствия просрочки. При этом разница в сумме займа и стоимости заложеной вещи не учитывалась.

При гибели или пропаже заклада, например от пожара или воровства, вместе с имуществом залогодержателя последний должен заявить об этом окольным людям и подать в приказ письменную явку, что «гибель учинилась не его хитростию». В таком случае ответственности он не нес. Если же залогодатель указывал в челобитной, что пропали только его вещи, а имущество кредитора цело, то дело подлежало судебному разбирательству (X, 194). При гибели находящегося в закладе скота не по вине кредитора должник возвращал ему половину занятой суммы. Но если заемщик бил челом на кредитора, что тот «над закладом его учинил хитрость», дело переходило в суд и решалось в зависимости от исхода судебного разбирательства (X, 197). В случае заклада движимого и недвижимого имущества в момент спора о правах на него оставление его в закладе или досрочный выкуп определялись характером судебного решения (X, 244). Таким образом, основное требование закона в отношении заклада состояло в том, что залогодержатель должен вернуть вещь в том виде, в каком ее получил, а залоговые отношения прекращались погашением долга.⁸

В Уложении получило закрепление и дальнейшее развитие обязательственное право. Начиная со второй половины XVI в.

⁷ См. выше (с. 86—87).

⁸ Юшков С. В. История государства и права СССР, ч. 1. М., 1961, с. 305; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1905, с. 593.

(указ от 15 октября 1557 г.) запрещалось заемщикам продаваться в полные холопы за долг. Закон предусматривал в случае неплаты долга отдачу их заимодавцам головою до искупа. Именно в этой части Уложение повторило данный указ (XX, 39).⁹

Таким образом, обязательства, вытекающие из договоров, распространялись уже не на само лицо, а на его имущество или на его действия, следствием чего было погашение долга. При невыплате долга взыскание обращалось сперва на двор, движимое имущество, а затем на вотчины и поместья. Лишь несостоятельность должника влекла выдачу его кредитору головою до искупа, т. е. до отработки долга по установленной законом повременной оплате труда. Ответственность по обязательствам не была индивидуальной. Друг за друга отвечали супруги, родители и дети.¹⁰ По обязательствам несли ответственность холопы и крестьяне за своих господ, а господа в свою очередь за своих людей и крестьян.¹¹ Долги по обязательствам переходили по наследству (X, 132, 207). Рассрочка в уплате долгов до трех лет предусматривалась законом в отношении лиц, подвергшихся стихийным бедствиям (пожар, наводнение, грабежи) (X, 203). Уложение дополнило право отсрочки по тем или иным обязательствам, распространив его в отношении недорослей, вдов или девок, которые сами за себя ответить не в состоянии, «а родимцев у них на Москве нет». Если «родимцы» имелись вне Москвы и им по обязательствам предоставлена отсрочка, то эта же отсрочка распространялась и на родственных им недорослей, девок и вдов (X, 185).

В основе обязательственных отношений лежал договор. К середине XVII в. закон требовал письменного оформления договоров, которые в зависимости от характера сделки назывались заемными кабалами, записями, крепостями, заемными памятями. Уложение строго регламентировало процедуру оформления договоров. Заемные кабалы и иные крепости писались площадными подьячими, и они же вписывались в документ в качестве послухов. «В больших делах» послухов вписывали по пяти-шести человек, а в небольших — по два-три человека. Менее двух послухов вписывать не разрешалось. Заемные кабалы и иные крепости должны быть именными и за подписью лиц, на чье имя составлен документ. За неграмотных подписывали духовные отцы или родственники и доверенные лица. Заемную память разрешалось писать самому или поручить своему человеку, но при условии скрепления своей подписью. Такой вариант оформления, причем без послухов, свободно допускался в отношении заемных кре-

⁹ Запрет отдачи себя в полные холопы в Уложении не повторен, поскольку полное холопство рассматривается в Уложении как рудиментарный институт.

¹⁰ Юшков С. В. Указ. соч., с. 305; Софроненко К. А. Указ. соч., с. 43—44.

¹¹ См. выше (с. 104, 132, 133).

постей на сумму не свыше 10 рублей деньгами или соответственно товаром (X, 246, 247). В сельской местности неграмотным людям разрешалось при оформлении крепостей на сумму не свыше 10 рублей прибегать к помощи земских старост или церковных дьячков других сел. Попам, дьячкам и иным людям своих вотчин писать крепости не разрешалось. Такие документы теряли юридическую силу (X, 248, 249). В селах допускалось также оформление сговорных, свадебных и духовных памятей.

Купчие, данные и закладные на вотчины и дворы и иные крепости «в больших делах» оформлялись только площадными подьячими с указанием послухов, с подписями сторон и с регистрацией акта в приказе (X, 250). Такого рода договоры, оформлявшие крупные сделки и получавшие официальную санкцию, назывались крепостными.

Широкая практика договорных отношений, естественно, порождала злоупотребления. Уложение предусматривало три вида преступных деяний, связанных с заключением договоров: составление ложной заемной кабалы или иной крепости по соглашению с площадными подьячими; заключение сделки под принуждением; попытка ложного обвинения в принуждении к сделке. Закон в этих случаях давал потерпевшему право путем срочной (не позднее недели) подачи челобитной обжаловать действия своего контрагента, а воевод и приказных людей обязывал принять незамедлительные меры к расследованию дела. За подложную крепость определялась торговая казнь, возмещение бесчестья и тюрьма на полгода. Площадным подьячим угрожалось отсечение руки, послухам — торговая казнь и тюремное заключение. Торговая же казнь и возмещение бесчестья определялись за ложное обвинение в принуждении к сделке; — и, разумеется, — выполнение условий заключенного договора. Допускалось, что ложное обвинение в принуждении к сделке делалось на суде. В таком случае уголовная ответственность не устанавливалась, а суд признавал сделку действительной и требовал выполнения ее условий (X, 251—253).

Преследовалась и купля-продажа вещей, на которые продавец не имел права собственности. Покупатель лишался приобретенного и привлекался к судебной ответственности по обвинению в утайке краденого (XXI, 64, 65; в отношении вотчин — XVII, 35). Наказуемы по Уложению и ложные иски, которые рассматривались как продиктованные желанием кого-либо «испродать» и «поклепать напрасно». Виновный выплачивал в пользу ответчика «проести» по гривне за день. А за иски «с прибавкою» истцы выплачивали государевы пошлины втрое (X, 18, 19).

К получению денег путем залога имущества примыкал договор займа, который оформлялся заемной кабалой, регистрируемой в Холощьем приказе.¹²

¹² См. выше (с. 126—128).

Вслед за указом 1646 г.¹³ Уложение запрещало взимание процентов по долгам (X, 255), но фактически они взыскивались в обычном размере — 20%, хотя и были лишены судебной защиты. Формой подмоги и закрепления крестьян была ссуда, оформляемая ссудной записью (XI, 23, 32; XVIII, 40, 47). Обеспечение уплаты долгов по займу достигалось путем выплаты заряда неустойки (XX, 44, 45), поручительством и взысканием долгов на наследниках (X, 203, 207). Еще по указу 1628 г.¹⁴ исковая давность по займам устанавливалась в течение 15 лет. Уложение допускало уплату долга частями, причем каждый взнос помещался на заемной кабале, и с этого момента право взыскания остальной части продолжалось на последующие 15 лет. Отсутствие такой записи делало факт уплаты юридически несостоятельным.

Те же последствия влекло неполноценное оформление кабал (X, 254, 256—258). Наоборот, попытка должника «оболживить» достоверную и правильно оформленную кабалу влекла для него взыскание долга в двойном размере, и только признание вины на суде освобождало его от наказания. В равной мере крепость, составленная по всем правилам и не обжалованная до суда, не могла быть аннулирована в судебном порядке (X, 253, 259).

Устанавливалась очередность уплаты долга: иностранцы имели преимущество перед русскими людьми в сроке получения долга, а царская казна получала такие же преимущества перед частными лицами (X, 260). Несостоятельным должникам давалась отсрочка до трех лет, но при условии оформления поруки. Если поруки не было, то должник отдавался истцу до искупа. Из этого правила исключались дворяне и дети боярские, которые ставились на правож. Частный случай отдачи головою до искупа предусматривался в отношении лиц, занявших деньги для торговли, но промотавших их «своим безумием» (X, 203, 204, 206, 261). В XVII в. получил развитие порядок передачи обязательств третьим лицам. Однако у кредитора и должника права на этот счет были различными. Кредитор мог передать свои обязательства третьему лицу без согласия должника, но должник не мог сделать этого без согласия кредитора.

Если в прошлом поклада рассматривалась как дружеская услуга, то в первой половине XVII в. она квалифицируется законом как имущественный договор, требующий письменного оформления и обязывающий хранителя вещей нести за них ответственность. Отсутствие документа лишало права иска о покладе (X, 189, 192). Исключение допускалось лишь для служилых людей, находящихся в полках. При срочной отправке куда-либо они могли оставить свое имущество на хранение по месту расквартирования, не успев оформить договор поклаки. В случае возникновения претензий дело разбиралось в сыском порядке. За лож-

¹³ ПРП, V. М., 1959, с. 383.

¹⁴ Там же, с. 343—344.

ные иски о поклажах служилых людей предписывалось «бити кнутом нещадно» (X, 190, 191). Хранители вещей не несли ответственности в случае гибели имущества от стихийных бедствий и не по их вине. Однако лицо, вскрывшее опечатанную поклажу, отвечало за пропажу вещей (X, 194, 195).

Уложение регламентирует некоторые из сторон договора подряда. При отрицании подрядчиком (мастером) наличия заказа с целью присвоить материал заказчик имел право возбудить иск. Подрядчик отвечал за материал, взятый у заказчика для работы (X, 193, 272, 273). Предусмотрена и ответственность нанимателя за предмет имущественного найма — помещение или рабочий скот (X, 274).

В состав гражданских правоотношений входило и сервитутное право, т. е. право на чужую вещь. В Уложении фиксированы сельские и городские сервитуты. К первым относилось право ставить запруды на реке в пределах своего владения, но при условии, что соседним помещикам запруды не принесут ущерба; право иметь свои угодья — озера, покосы, борти — в пределах чужих или общих для данной округи владений, не причиняя ущерба чужой собственности; и наоборот, хозяин владений (леса, лугов), в пределах которых находятся сервитуты, обязан предоставить к ним доступ (дорогу) и не причинять им вреда. В противном случае следовало возмещение ущерба (X, 238—243).¹⁵ Вопрос о городских сервитутах вытекал из сопряжения соседних дворовых сооружений и возможной отсюда угрозы чужой собственности: возведение построек на меже соседа, печей, поварен вплотную к соседским стройкам, сброс мусора с высоких кровель на вплотную стоящие низкие и т. п. (X, 277—279).¹⁶

К гражданско-правовой сфере относится и договор личного найма. В законодательстве, в том числе и в Уложении, предписывалось лицам, не имеющим права владеть холопами, заключать письменные акты при найме лиц в услужение. Такой договор найма, обычно именуемый жилой записью, заключался на срок не более пяти лет и регистрировался в Холопском приказе.¹⁷ В случае нарушения условий жилой записи со стороны отдавшего себя или своих детей в услужение выплачивалась неустойка (XX, 44, 45).

Важную часть гражданских правоотношений составляло семейное право. Но по составу предусмотренных преступлений и следуемых за них санкций оно в равной мере относилось и к уголовному праву. В соответствии с церковными канонами Уложение допускало только три брака. Четвертый брак не получал санкции и не влек юридических последствий. Дети от четвер-

¹⁵ Подробнее см. с. 205—206.

¹⁶ Сервитуты, на мой взгляд, представляют собой характерное для феодализма чересполосное сопряжение собственности, принадлежащей разным лицам.

¹⁷ О социальной природе найма по жилой записи см. с. 127.

того брака не имели права наследования, а жены и дочери по смерти мужа и отца не получали земли на прожиток.¹⁸ Лишались соответствующих прав внебрачные дети: «К законным детям того, кто его у наложницы приживет, не причитать, и поместей и вотчин того, кто его беззаконно прижил, ему не давати». Даже последующая женитьба на наложнице не меняла бесправного положения детей, рожденных от нее до брака (X, 280). Заключению брака предшествовал сговор, оформляемый рядной записью, по которой в качестве будущего приданого намечалась передача жениху наряду с имуществом полных, докладных и купленных холопов (XX, 31, 61). Сговорные (рядные) и свадебные записи могли оформляться непосредственно на местах (в селах, деревнях, поместьях) с участием земских старост или церковных дьячков, но с обязательными подписями сторон (X, 250).

В семейных отношениях в XVII в. сохранялись освященные обычаем и церковью права мужа в отношении жены и отца в отношении детей. По Уложению жена могла быть отдана мужем в услужение и записана в кабалу вместе с ним. Оставалось в силе и право родителей отдавать детей в услужение на определенный срок в счет полученной ссуды с условием ее отработки (XX, 43).¹⁹ Муж в сравнении с женой, а родители в отношении детей имели преимущества и в уголовном праве. Убийство женой мужа влекло для нее смертную казнь путем закапывания живою в землю по шею. Смертная казнь ожидала женщину, если она жила «блудно», т. е. невенчаным браком. В последнем случае закон предусматривал отягчающее обстоятельство — убийство незаконнорожденных детей, причем не обязательно самою матерью (XXII, 14, 26).²⁰

Уложение впервые вводит в светское законодательство рассмотрение преступлений детей в отношении своих родителей. До этого они регламентировались церковным законодательством.²¹ Грубость в отношении родителей, избивание, завладение их имуществом, ложные изветы, отказ почитать и содержать в старости — влекли для детей наказание кнутом «нещадно» и повеление «быти у отца и у матери во всяком послушании... а извету их не верити». Запрещалось детям жаловаться на родителей в судебном порядке. «За такое челобитье бити кнутом, и отдати их

¹⁸ См. с. 70—74. — В светском законодательстве запрет четвертого брака и вытекающие отсюда последствия введены Уложением (В л а д и м и р с к и й - Б у д а н о в М. Ф. Обзор истории русского права, с. 441).

¹⁹ См. подробнее с. 128.

²⁰ В Уложении не указано, но по актам XVII в. известно, что муж за убийство жены наказывался кнутом и покаянием (ПСЗ, т. 1. СПб., 1830, № 355). За систематическое избивание жены, как свидетельствует Котошихин, по ходатайству родственников жены перед духовными властями мужа направляли в монастырь на смирение и, если он не исправлялся, допускали развод (Котошихин Г. О России царствования Алексея Михайловича, М., 1906, с. 156).

²¹ ПРИ, VI, с. 435.

отцу и матери» (XXII, 4—6). Убийство родителей детьми каралось смертной казнью «безо всякия пощады». То же ожидало и пособников (XXII, 1, 2). Убийство же родителями детей каралось тюремным заключением на год с последующим публичным покаянием у церкви (XXII, 3). Таким образом, почти неограниченные права родителей в отношении детей, а мужа в отношении жены отражали в области семейных отношений важнейшую черту феодального права — права-привилегии.

Этот же принцип, но в меньшей степени, сказывался в сфере имущественных отношений членов семьи. В то же время в XVII в. наблюдалась тенденция к переходу от семейной общности имущества к раздельности имущества супругов, детей и родителей.²² По указу 1627/28 гг. жены и дети получали права совладения с мужьями и родителями на купленные земли, которые вносились в купчие на имя мужей, жен и детей (XVII, 45). По наследственному праву, закрепленному в Уложении, бездетные вдовы получали в форме прожитка часть поместий или купленных вотчин, за отсутствием таковых прожиток выдавался из выслуженных вотчин мужа (XVI, 16; XVII, 1, 2). С 1627 г. была установлена доля вдовы в движимом имуществе мужа. Она составляла четвертую часть. Были расширены и имущественные права детей, в особенности дочерей до их замужества. Часть земли переходила к мужу в качестве приданого, но права на него оставались за женой (XVI, 17). В целом к середине XVII в. наблюдается расширение наследственных прав дочерей, жен и боковых родственников. Разумеется, это в первую голову касалось господствующего класса и означало укрепление его экономического базиса.²³

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Уголовное право в XVII в. развивалось в условиях резкого обострения классовых противоречий. Заметным стимулом его развития, расширения круга деяний, подлежащих уголовному преследованию, послужили события начала XVII в. и восстания 30—40-х гг. Уголовное законодательство принимало все более карательный характер. Сказанное нашло достаточно емкое и разностороннее воплощение в Уложении 1649 г. В нем получило дальнейшее развитие и уточнение понятие преступления. Под ним стали понимать всякое противление царской воле, нарушение предписаний и в то же время нарушение правопорядка, установленного государством. Четче стало разграничение сути уголовного преступления и гражданского правонарушения, хотя, разумеется, таких понятий тогда не существовало. Уложение различает и стадии преступления: умысел, покушение на преступление и совершение преступления. В отличие от ранних стадий в развитии

²² Юшков С. В. Указ. соч., с. 309.

²³ Подробнее см. с. 70—74.

законодательства, например Русской правды, по Уложению ответственность за уголовное преступление несли все лица феодального общества, не исключая бояр и дворян, с одной стороны, крестьян и холопов — с другой. Вместе с тем оставался четко выраженным основной принцип феодального права — права-привилегии. Степень наказания определялась в зависимости от сословно-социальной принадлежности потерпевшего и преступника. За одно и то же преступление наказание было тем сильнее, чем выше положение потерпевшего и ниже — преступника.¹

Уложение впервые дает определенную классификацию преступлений. На первое место поставлены преступления против церкви, до того бывшие объектом церковного законодательства (гл. I).² Затем идут преступления против государства и особы государя (гл. II), против порядка управления (гл. III—IX).³ Здесь впервые устанавливается понятие голого умысла как стадии развития преступления, направленного против жизни и здоровья царя.

Разновидностью антигосударственных преступлений было «воровство» в смысле восстания, скопа, заговора, обычно направленных против представителей государственной власти (II, 22) и сопровождавшихся погромами их дворов и имущества. Отсюда самозванец назван вором (XVII, 25), а общее определение «воровства» как антигосударственного деяния дано в следующих словах: «А которые воры чинят в людях смуту (подчеркнуто нами, — А. М.) и затевают на многих людей своим воровским умыслом затейные дела, и таких воров за такое их воровство казнить смертию» (XXII, 13). К «воровским делам» присоединены преступления против порядка управления в форме изготовления подложных документов или фальшивых денег («воровские письма», «воровские деньги») (IV, 2).⁴

Перечисленные преступления в общей массе входят в состав уголовных, но могут быть выделены в специальные подгруппы преступлений государственных (политических) и против порядка управления. В Уложении они обособлены в специальные главы. Собственно уголовные преступления можно подразделить на две группы — должностные и против прав и жизни частных лиц.

¹ Софроненко К. А. Соборное уложение 1649 года — кодекс русского феодального права. М., 1958, с. 46; Юшков С. В. История государства и права СССР, ч. 1. М., 1964, с. 311—312; Иваница С. С. Государство и право России в период сословно-представительной монархии. М., 1960, с. 46—47.

² См. выше (с. 194—203).

³ См. выше (с. 154—159).

⁴ Гораздо чаще термин «воровство» употребляется в Уложении в смысле общего понятия для разбоя и татьбы, но и здесь оно предполагает выступление «скопом и заговором» (X, 198), что указывает на недостаточное четкое расчленение понятий «воровства» в смысле политическом и уголовном (XXI, 8, 24, 33, 39, 54, 62, 70, 73, 79 и др.).

О них говорится главным образом в X, XXI и отчасти XXII главах.

Первую группу составляли преимущественно преступления должностных лиц судебных органов. Уложение требовало от судей всех рангов «всякая расправа делати всем людем Московского государства, от большого и до меньшого чину, выправду» (X, I).⁵ Основной вид преступлений здесь составлял неправый суд за взятку или в результате пристрастного отношения к подсудимому по мотивам дружбы или вражды. Мотив о посуле как служебном преступлении является одним из доминирующих в Уложении в части приказного и воеводского управления и судопроизводства, свидетельствуя о процветании коррупции и произвола среди феодальной администрации.⁶ При неправом суд^н истцов иск обращался против судей любого звания, повинны в этом, причем в тройном размере. С них же взыскивались судебные пошлыны, пересуд и правый десяток, которые шли в пользу казны. Судьи снимались с должностей, думные чины лишались чести, а недумные подвергались торговой казни (X, 5, 6, 15). Аналогичные кары за те же преступления предусматривались и в отношении судей патриаршего двора (XII, 2). При подобных обстоятельствах те же санкции распространялись на городских воевод и дьяков (X, 5—8).

Определяя строгие кары для судей за посул и неправоe решение дела, Уложение предусматривало возможные обходные пути таких нарушений закона — получение посула не самим судьей, а его родственниками. Предписывалось «сыскивати про посул всякими сыски накрепко». Если посул взят родственником судьи без его ведома, то судья не нес ответственности (X, 7).⁷

⁵ Некоторые исследователи склонны видеть в этих словах Уложения неосуществимую в те времена декларацию о справедливом правосудии, невзирая на лица (ПРП, VI. М., 1957, с. 145). По нашему мнению, речь идет здесь о соблюдении закона в судопроизводстве, который для всех был обязательен, но законы, как известно, не для всех сословий были одинаковы.

⁶ В основе установлений против посулов безусловно лежало следующее обстоятельство. В челобитной 1641 г. дворяне и дети боярские просили устранить обычай давать судьям посулы, когда стороны до судебного решения обещали судьям вознаграждение, если их дело будет выиграно: «И посулы б государь велел вывестъ» (Смирнов П. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в. — Чтения ОИДР, 1915, кн. 3, с. 13). Здесь речь, видимо, идет о ликвидации одного из институтов обычного права, сохранившегося со времен феодальной раздробленности и состоявшего в своеобразной форме (в виде посулов) вознаграждения судей. Если ставить вопрос таким образом, то с Уложением 1649 г. следует связать ликвидацию именно этой системы обеспечения судей, обусловленную общими процессами централизации государственного управления — ликвидацией кормлений и т. п.

⁷ Взяточничество в скрытой форме среди судей и приказных людей имело место и после Уложения. Об этом красноречиво говорит Г. Котляхин: «...хотя на такое дело положено наказание и чинят о тех посулах крестное целование в жестоком проклипательством, что посулов не искати и делати в правду по царскому указу и по Уложению — ни во что

Наказывались и нерадивое отношение к судебским обязанностям, волокита с рассмотрением дел в приказах «для своей корысти», изменения текста судного списка при его переписке на бело подъячим по собственному усмотрению или по велению дьяка, вынос судного дела из приказа «для хитрости» и т. п. В случае пропажи дела при выносе его из приказа с дьяка взыскивались истцов иск и государевы пошлыны; сверх того дьяк и подъячий подвергались наказанию кнутом и устранились от должности (X, 11, 13). Закон предусматривал возможность окончательного оформления дела подъячим по велению дьяка, получившего посул, не в том виде, как было при судовождении. За это назначалось суровое наказание: дьяку торговая казнь и лишение должности, а подъячему отсечение руки (X, 12). Наказывалось кнутом и неисправное ведение записи судебных дел и сбора судебных пошлын, а при рецидиве — торговая казнь и лишение должности (X, 128, 129).

Таким образом, в Уложении регламентировалась ответственность дьяков и подъячих за нарушение законности судопроизводства. Если кто-либо из них тянул с подготовкой дела к вершению в ожидании посула и это подтверждалось, то виновный выплачивал проести пострадавшему по две гривны за день с момента начала дела и нес наказание: дьяков били батогами, а подъячих — кнутом. Но в случае ложных челобитий в их адрес с таким обвинением виновным назначалось «таковое же наказание, что указано дьяком и подъячим» (X, 15, 16). Словом, закон брал под защиту судебные органы от наветов. Считались преступлением ложное челобитие о вымогательстве судей и приказных людей, ложные свидетельские показания и доносы, драки в суде, нанесение оскорблений судьям и т. п. (X, 14, 17, 170). За клевету определялось битье кнутом, тюрьма «до государева указа» и выплата судье за бесчестье (X, 7—9).

За должностные преступления определялись наказания и в отношении низового аппарата — приставов, недельщиков и губных целовальников. Им запрещалось брать лишние поборы, в том числе «хоженое». Повторные проступки такого рода влекли наказание кнутом и лишение должности (X, 144, 146). Суровее определялось наказание недельщикам, когда они в обмен за посул предоставляли татям и разбойникам возможность побега или без доклада воеводе отдавали татя на поруки. С них взыскивали всю сумму иска, били кнутом и сажали в тюрьму «до государева указа» (XXI, 83, 86). То же и в отношении губного целовальника. За отпуск татя и разбойника или за побег с отобраным у них имуществом его собственное имущество шло в пога-

их есть вера и заклинительство, и наказания не страшатся, от прелести очей своих и мысли содержать не могут и руки свои ко взятию скоро допущают». Судьи берут не сами лично, но «по задней лестнице чрез жепу или дочерь или чрез сына и брата и человека» и делают вид, что «будто про то и не ведают» (Котошихин Г. Указ, соч., с. 117—118).

шение иска, а недостающее возмещалось имуществом тех, кто выбирал губного целовальника. При поимке целовальника били кнутом и лишали должности (XXI, 84).

Преступления против имущества, прав и жизни частных лиц получили в Уложении детальную разработку в XXI («О разбойных и татинных делах»), XXII («Указ за какие вины кому чинити смертная казнь, и за какие вины смертию не казнити, а чинити наказание») и отчасти в X («О суде») главах. По систематике преступлений и их правовой квалификации названные главы являются бесспорным шагом вперед в сравнении с Судебником 1550 г. и указными книгами Разбойного приказа, материал которых широко использован в Уложении.

Важную категорию преступлений составляло убийство. Однако вслед за боярским приговором от 17 февраля 1625 г.⁸ правовая квалификация убийства и соответственно определение санкций ставятся Уложением в зависимость от наличия или отсутствия умысла, с одной стороны, и социальной принадлежности убийцы и убитого — с другой. Так, при убийстве в городе или на селе «боярским человеком» «боярского человека» (холоп — холопа) убийца подвергался пытке, и если он утверждал под пыткой, что «убил не умышлением, в драке, пьяным делом», то его били кнутом, отдавали на «чистую поруку» и в холопы с женой и детьми тому, у кого он убил человека. Тот же закон действовал и в отношении крестьян (XXI, 69, 73). В ином положении был служилый человек. При убийстве чужого крестьянина — также «не умышлением» (что и в данном случае устанавливалось пыткой) — помещик возмещал ущерб другому помещику лучшим своим крестьянином с его женою, детьми и имуществом, выплачивал кабальные долги убитого и подвергался заключению в тюрьму «до государева указа» (XXI, 71). А в отношении убийства хозяином человека, отданного за долги головою до искупа, закон даже не ставил вопроса о мотивах и обстоятельствах убийства и не определял наказания, ограничиваясь ссылкой на то, что «государь укажет» (X, 268). Это подчеркивает бесправное положение должника на искупе.⁹

В Уложении представлена и категория нечаянных убийств. К ним отнесены убийство испугавшимся животным, например лошадью, наскочившей на кого-либо вместе с седоком или всадником, если «удержати ее будет не мочно»; или случай, когда при стрельбе из пищаля и лука по зверю и птице нечаянно будет убит кто-либо находящийся за укрытием (гора, городьба) и невидимый стрелявшему, а вражды между ними не было. В таком случае «наказания за такое дело никому не чинити, для того, что такое дело учинится без хитрости», «грешным делом, без умысления» (XXII, 18, 20). К обстоятельствам, устраняющим вину,

⁸ ПРП, V. М., 1959, с. 204.

⁹ Подробнее см. с. 126—127.

законодательство того времени, в том числе и Уложение, отнесло необходимую оборону к крайней необходимости. Убийство, совершенное хозяином дома при нападении воровских людей, «бороняся от себя, и дом свой обороняя», должно быть немедленно объявлено властям, и, если факт необходимой обороны подтверждался, в вину это не ставилось. Точно так же нанесение ранения или увечья зачинщику драки в порядке самообороны оставлялось без последствий (X, 200, 201). Примечательно, что закон снимал ответственность со слуги за убийство при защите своего господина. Претензии в таком случае могли предъявляться только к господину (XXII, 21). Это была тоже необходимая оборона. По этике феодального общества защита господина, его очага и жены входила в обязанность слуг (XXII, 16). Закон давал широкий простор проявлению этой обязанности, предусматривая смертную казнь слуге за убийство только в том случае, когда господин, очищая себя, приводил слугу в приказ и извещал о совершенном им убийстве. В таком случае господин не нес ответственности (XXII, 22). Наконец, презумпция необходимой обороны давала право убить чужое животное при его нападении, например собаку, но только «ручным боем, не из ружья, бороняся от себя» Стоимость животного не возмещалась (X, 283).

И только умышленное убийство влекло смертную казнь независимо от социальной принадлежности убийцы (XXI, 72). Убийство, совершенное в церкви, на государевом дворе, в суде — судьи, приставов, надельщиков и понятых при исполнении ими служебных обязанностей — расценивалось только как умышленное и каралось смертной казнью. В отношении такого рода убийств, собственно, даже не ставился вопрос об их преднамеренности или случайности. Квалификация преступления определялась местом и условиями его совершения (I, 4; III, 3; X, 105, 106, 142). Смертной казнью карались убийство женщины и насилие над ней, совершенные воинскими людьми (VII, 30, 32). Закон брал под защиту честь женщины. Преднамеренным квалифицировался поступок, когда «кто с похвалы, или с пьянства, или умыслом наскочет на лошади на чью жену, и лошадь ее стопчет и повалит, и тем ее обесчестит» (XXII, 17).¹⁰ В случае смертельного исхода инцидента виновный подвергался смертной казни. Той же мерой наказывались убийства, совершенные при разбое и татьбе (XXI, 13, 18).

Казнить «смертию безо всякия пощады» предписывалось слуг, убивших своих господ; детей за убийство родителей; жен, убив-

¹⁰ М. Ф. Владимирский-Буданов отмечает, что в этой статье и в следующей, 18-й, говорящей о том, что испуганную лошадь нельзя было сдерживать и она совершила наезд, повлекший смертельный исход, смешаны умышленное деяние с неумышленным, а это последнее — со случайностью (Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1905, с. 347).

ших мужей; за убийство братьев и сестер, а также за убийство незаконнорожденных детей (XXII, 1, 7, 9, 14, 26).¹¹ Сводничество каралось торговой казнью (XXII, 25). В данном случае наказывались преступления против нравственности, связанные с нарушением заповедей семейного очага, охраняемых феодальным законом в духе церковных канонов.

В связи с этими казусами Уложение предусматривало случаи подстрекательства и пособничества, связанные с убийствами. Говорится о пособничестве детям в убийстве их родителей; жёнице, прижившей внебрачно детей, в их убийстве; в убийстве сестер и братьев. В отдельную статью выделено «смертное убийство... по чьему научению», т. е. подстрекательство. Во всех таких случаях исполнители, пособники и подстрекатели несли одинаковое наказание (XXII, 2, 7, 19, 26).

Уложение выделяет как квалифицированное убийство отравление «зельем». Виновного подвергали пытке на предмет выяснения других подобных действий с его стороны, а затем казнили (XXII, 23).¹² Преследуя за самосуд над татем и разбойником, Уложение допускало убийство того и другого при особых обстоятельствах: убийство татя с поличным на месте преступления, «в дому»; в погоне за татем со сторонними людьми, когда тать окажет сопротивление при задержании. А за убийство изменника при погоне за ним полагалось даже вознаграждение. Непременным условием ставилось незамедлительное предъявление убитого или раненого татя окольным людям, а затем доставка его в приказ с поличным, «и тем от того убийства свободится». Самосуд над татем («учнет пытать у себя в дому») влек компенсацию татю бесчестья и увечья и освобождение его от пыток в приказе при дальнейшем рассмотрении дела о краже уже в судебном порядке (XXI, 88, 89; II, 15). А помещики за самосуд над своими людьми и крестьянами, замешанными в татьбе и разбое, лишались поместий (XXI, 79). В данном случае очевидно стремление государственной власти сосредоточить дела о татьбе и разбое исключительно в своих руках. Уложение предусматривало предупредительные меры и наказания на случай угрозы убийством. При подтверждении факта угрозы в судебном порядке виновный подвергался тюремному заключению на три месяца, по истечении которых был обязан дать письменное ручательство не исполнять своей угрозы. Нарушение обязательства влекло смертную казнь (X, 135).

Выше отмечалось, что Уложение выделяло в качестве преступления голый умысел против жизни и здоровья. Такой умысел предусматривался в политическом и социальном планах в двух

¹¹ За убийство законных детей родители несли слабые наказания (см. с. 215—216). Убийство же незаконнорожденных рассматривалось как следствие блуда и каралось по совокупности, строже.

¹² ПРП, VI, с. 437.

отношениях — против жизни и здоровья государя и умысел слуги (холопа, крестьянина) на жизнь господина. В первом случае определялась смертная казнь, во втором — отсечение руки (II, 1; XXII, 8).

Следующий вид преступлений против личности — увечье, нанесение ран и побоев. Здесь предусмотрено нападение скопом и заговором с воровской или разбойной целью на чей-либо двор, в результате чего могло быть нанесено ранение или увечье хозяину двора или членам его семьи. Закон выделял главных исполнителей преступления и их соучастников. Тому, кто наносил ранение, предписывалось отсечь руку, а «товарищей его, которые с ним приезжали, бити кнутом и дати на поруки». Соучастники нанесения телесных повреждений отвечали в меньшей мере, чем главный виновник. Сверх этого со всех участников нападения бралось за бесчестье и за увечье вдвое в пользу пострадавшего (X, 199). Еще со времени Русской правды предусматривалось членовредительство как следствие индивидуальной расправы. Уложение уделяет такому составу преступлений значительное место. За «мучительное ругательство над кем-нибудь — отсечение руки, ноги, носа» и т. п. виновный подвергался тому же наказанию, да сверх того «из вотчин его и из животов» в пользу потерпевшего взыскивался штраф — за всякое членовредительство по 50 рублей. Самовольное избиение ослопом, кнутом, батогами каралось торговой казнью, тюремным заключением на месяц и взысканием за бесчестье и увечье в двойном размере (XXII, 10, 11). Вместе с тем Уложение, как и в других случаях, и здесь допускало возможность подстрекательства и научения. Если надругательство учинено по указанию того, кому исполнитель служил, что устанавливалось пыткой виновного, ему определялось наказание кнутом по торгам, тюремное заключение. Взыскание за бесчестье в равной мере ложилось на подстрекателя и исполнителя. Но когда «чей-нибудь человек такое надругательство над кем учинит собою», то после пытки ему назначалась смертная казнь (XXII, 12). И здесь степень наказания зависела от социальной категории виновного и пострадавшего. Побой наказывались как самостоятельное преступление независимо от возможности последующего грабежа.¹³

Крупнейшими преступлениями против прав личности в соответствии с предшествующим законодательством Уложение считало разбой и татьбу. Они наносили ущерб важнейшему из прав общества того времени — праву собственности, имущественному праву. Уложение различало разбойные нападения на жилище, поселения и ограбление в пути (X, 276; XII, 16). Разбой как действие, сопряженное с применением насилия против личности с использованием оружия или орудий нападения и обычно пред-

¹³ Юшков С. В. Указ. соч., с. 315.

полагавшее групповые нападения, квалифицировался как преступление более опасное, чем татьба, а потому и был наказуем суровее, тем паче если он носил повторный характер или сопровождался убийством, сожжением двора и хлеба (XXI, 16—18). Законом пресекался грабеж населения со стороны воинских людей. Наказание определялось в зависимости от характера и размеров содеянного и включало возмещение материального ущерба (VII, 30, 32). Самосуд над людьми, замешанными в разбое и татьбе, в свою очередь рассматривался как уголовное преступление (XXI, 79, 88).

В Уложении вслед за указной книгой Разбойного приказа широко разработана тема «попоровки» и попустительства разбоем и татьбе. Эти действия предусматривались в весьма различной форме. Важнейшей из них была организация «станов и приездов» разбойников и татей, т. е. предоставление постоянного и временного убежища. Такое укрывательство влекло наказание, аналогичное тому, которое устанавливалось разбойникам. К этому примыкали «подвод» и «попоровка», наказуемые аналогичным образом (XXI, 63). Предусматривалась попоровка и со стороны низших звеньев исполнительной власти на местах — недельщиков и губных целовальников — в форме отпуска разбойника или татя за посул.¹⁴ Преднамеренное укрывательство каралось штрафом до пятидесяти рублей (XXI, 77, 78).

Уложение помимо пристанодержательства выделяло и другие формы укрывательства — ложные показания в обыске, молчание местных жителей о проживании у них преступников. За недоносительство назпачалась пеня в пользу государя (XXI, 20, 61, 62). Закон ставил целью лишить преступников убежища; «... а татем бы и разбойником пигде пристанища не было» (XXI, 20).

Уложение различало укрывательство преступников и укрывательство краденых вещей, последнее — в форме поклажи или покупки разбойной и татиной рухляди. В таком случае виновные возмещали иски пострадавшим, а сами отдавались «на чистые поруки с записью». Если же порук не было — заключались в тюрьму. За покупку разбойной рухляди без поруки взымалась выть. Купленное же «за чистое с порукою» взысканию не подлежало (XXI, 64, 65, 74, 75).

В Уложении нетрудно заметить и религиозный характер многих статей уголовного права, отразившийся на степени определения состава преступлений и характера санкций в отношении тех лиц, которые «забыв страх божий и презрев царское повеление» (I, 9); «забыл божий страх и государево крестное целование» (X, 186); «забыв страх божий и христианский закон» (XXII, 25); «кто не бояся бога и не опасаяся государские опалы и казни» (XXII, 10).

¹⁴ См. выше (с. 181—182).

Цель наказания, господствовавшая на ранних стадиях развития русского права, состояла во всех видах возмездия, — начиная от тальона по принципу «око за око, зуб за зуб» и кончая материальным возмещением ущерба, причиненного потерпевшему, — а также в извлечении выгод для казны. К середине XVII в. по мере роста и централизации феодальной государственности и усиления классовой борьбы целью наказания все более становится устрашение. В Уложении 1649 г. эта цель является господствующей. Отсюда значительная часть статей памятника после определения санкции содержит приписку: «Чтобы на то смотря и иным не повадно было так делать». Такие сентенции, главным образом при назначении материальных санкций, носят наставительный характер. Прежние цели наказания остаются, но имеют подчиненный характер. Возникает и новая цель — изоляция преступника от общества. Широко практикуется пополнение казны за счет преступников путем конфискации их имущества и назначения штрафов.

Наказания, предусмотренные Уложением, делятся на виды: смертная казнь, телесные наказания, лишение свободы, лишение чести, имущественные взыскания (штрафы).¹ Смертная казнь назначалась в Уложении в 60 случаях² и делилась на простую и квалифицированную (изошренную). К первой относились отсечение головы, повешение, утопление. Ко второй — сожжение, заливие горла металлом, четвертование, колесование, закапывание в землю по плечи, «посажение» на кол и т. п. С целью достичь наибольшего эффекта устрашения смертные казни проводили публично. Срочность их осуществления и сама процедура казни зависели от характера преступления. Государственных преступников казнили вскоре же. Татей и разбойников, приговоренных к казни, сажали в тюрьму на шесть недель «для покаяния». Возможна была отсрочка до полугода в том случае,

¹ Сергеевский Н. Д. Наказания в русском праве XVII в. СПб., 1887, с. 1—79; Иванов С. С. Государство и право России в период сословно-представительной монархии. М., 1960, с. 47—48; Софроненко К. А. Соборное уложение 1649 года — кодекс русского феодального права. М., 1958, с. 50—51.

² Сергеевский Н. Д. Указ, соч., с. 83. — Однако число случаев применения смертной казни по Уложению в литературе указывается различное. Не ясно, по какой причине С. В. Юшков указывает только 35 случаев (Юшков С. В. История государства и права СССР, ч. 1. М., 1961, с. 313). Н. Д. Сергеевский, приводящий 60 случаев упоминания смертной казни в Уложении, вероятно более точен. Прав и Н. П. Загоскин, подчеркивающий, что если к числу случаев применения смертной казни добавить телесные наказания, упомянутые в Уложении как «жестокие» и «безжалостные», а также наказания, связанные с изувечением человека, часто заканчивающиеся смертью наказуемого, то «границы фактического применения смертной казни на основе Уложения должны быть еще более расширены» (Загоскин Н. П. Очерки истории смертной казни в России. Казань, 1892, с. 43—44).

когда преступники оговаривали соучастников, которых надлежало разыскивать. Для этого давалось полгода, по истечении которых — независимо от того, нашли или не нашли соучастников, — разбойников казнили (XXI, 21, 34).

Телесные наказания делились на членовредительные и болезненные. В первом случае осужденным причинялось увечье — отрезали руки, ноги, пальцы, уши, нос, язык, пороли ноздри. Частичное отрезание ушей и вырывание ноздрей служили средством мечения преступников, осужденных за разбой и татьбу. Повторное преступление влекло проставление дополнительной меты такого рода.

Членовредительным было наказание по принципу тальона. В Уложении прямо сказано: «А будет кто не бояся бога, и не опасаяся государския опалы и казни, учинит над кем нибудь мучительское наругательство, отсечет руку, или ногу, или нос или ухо, или губы обрежет, или глаз выколлет, а сыщется про то допряма, и за такое его наругательство самому ему то же учинити» (XXII, 10).³ Помимо принципа тальона, членовредительные наказания широко предписывались Уложением по другой системе, в основе которой лежало стремление покарать тот орган человеческого тела, которым совершено преступление: урезание языка за хулу на бога или за непристойные речи, отсечение руки у подьячего, совершившего подлог в судном деле, и т. п.

Болезненные наказания состояли в битье кнутом или батогами. Наиболее тяжелым было битье кнутом. Оно делилось на простое и нещадное, служившее часто замаскированной смертной казнью. Около 100 статей Уложения содержат предписание о наказании кнутом без проставления числа ударов и характера наказания. Такая неопределенность санкции открывала простор для произвола властей.⁴

Следующим по тяжести наказанием было лишение свободы. Оно подразделялось на тюремное заключение и ссылку, причем ссылка в украинные города и на другие окраины в отношении разбойников и татей следовала непосредственно за отбытием тюремного заключения.⁵ Последнее было срочным, бессрочным и пожизненным. Срочное заключение продолжалось от одного дня до четырех лет, бессрочное — «до государева указа», «насколько государь укажет» или «покамест порука будет». Уложение предписывало использование заключенных на «государевых» работах в кандалах.⁶

³ По поводу данной статьи Н. Д. Сергеевский замечает: «...это наказание, можно думать, весьма редко применялось на практике: ни в одном известном нам памятнике XVII века мы не нашли указаний хотя бы на один случай применения этой статьи» (Сергеевский Н. Д. Указ. соч., с. 132).

⁴ Иванов С. С: Указ. соч., с. 52.

⁵ См. ниже.

⁶ См. ниже.

Следующий вид наказания — лишение чести и чина. Он применялся главным образом к служилым людям различных рангов и носил позорящий характер. Именно такое назначение придавалось акту отдачи головою бояр и дворян. Позорящий характер носила и торговая казнь в отношении служилых и разного рода именитых людей.

Имущественные наказания состояли в конфискации вотчин, поместий, убавке оклада, а также в конфискации движимого имущества и штрафах. Этот вид наказаний к середине XVII в. занял подчиненное место, но не утратил прежнего своего значения — компенсации материального ущерба потерпевшему и пополнения государственной казны. Более того, Уложение вводит в ряде статей взыскание пени в пользу государственной казны в качестве дополнительного наказания, чего в данных случаях не было ранее.

Немалая часть санкций носит весьма неопределенный характер и выражена в общей форме — «быть от государя в опале», «казнить торговой казнью да вкинути в тюрьму» и т. д. Характерным для судопроизводства времени Уложения была множественность наказаний за одно и то же преступление. Приведенного в губу татя с одной татьбой пытали и в пных татьбах и убийстве. Если на пытке он утверждал, что воровал впервые, то его за первую татьбу били кнутом, отрезали левое ухо и заключали в тюрьму на два года. Имущество татя отдавалось псцам в погашение иска. Из тюрьмы таких лиц посылали в кандалах на работы. По окончании тюремного заключения отсылали в украинные города, «на какое дело пригодится», предварительно вручив письменное свидетельство, заверенное дьяком, об отбытии заключения. Так же поступали и с приведенным впервые разбойником — с той разницей, что отрезали правое ухо и заключали в тюрьму на три года (XXI, 9, 16). Отрезанные уши были опознавательным признаком татей и разбойников. Вторичное уличение в татьбе или разбое влекло пытку с целью узнать о других татьбах и разбоях. Если тать винулся в двух татьбах без убийства, то его били кнутом, урезали правое ухо и заключали в тюрьму на четыре года, используя на работах в кандалах.

По окончании заключения отсылали в украинные города с письмом об отсидке срока. Повинного во втором разбое, даже без убийства, ожидала смертная казнь (XXI, 10, 17). За третью татьбу назначалась смертная казнь, а имущество татя шло истцу. Татьба и разбой, сопряженные с убийством, также карались смертной казнью (XXI, 12, 13, 18).

Не было и соответствия наказания преступлению. Здесь прежде всего сказывалось право-привилегия, по которому наказание тем больше, чем ниже на сословной лестнице подсудимый и выше потерпевший. Таким образом, система наказаний по Уложению 1649 г., как и право вообще, носит сугубо классовый ха-

ракет и служит — путем широко разветвленных мер устрашения — целям утверждения воли господствующего класса, возведенной в закон.

2. СУДОПРОИЗВОДСТВО И ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

В развитии феодального судопроизводства и процессуального права для первой половины XVII в. характерно сосуществование состязательного (обвинительного) и розыскного (следственного) процессов при явном преобладании второго над первым. Рост классовой борьбы и усиление абсолютистских черт монархии выдвигали на первый план розыскной инквизиционный процесс, как наиболее эффективное средство подавления народных выступлений и укрепления правопорядка в интересах господствующего класса. Вместе с тем существовало известное различие сфер применения того и другого процессов. Розыскной явно господствовал в политическом и уголовном судопроизводстве, а состязательный имел преобладание в делах гражданских. Однако при отсутствии достаточно определенного разграничения между уголовным и гражданским правом, уголовным и гражданским процессом указанное разделение сфер применения состязательного и розыскного процессов не следует абсолютизировать. Обычно споры по договорам купли-продажи, займа, поклажи, а также нанесение оскорблений, должностные преступления, убийства, учиненные не с целью грабежа, в том числе в ходе судебных разбирательств, рассматривались по правилам обвинительного процесса.

Политические преступления и наиболее тяжкие уголовные (разбой, грабеж, татьба и сопряженные с ними убийства), а также крепостные дела о холопах, крестьянах, помещиках и вотчинах рассматривались с применением розыскного процесса.¹

Сказанное в полной мере отражено в Уложении 1649 г. Вопросам судоустройства и судопроизводства посвящена в нем X глава — «О суде», самая большая, содержащая 287 статей. Правовые нормы даны в X главе не по отраслям права, а по объектам правонарушений. Поэтому в одной и той же статье, а иногда и в группе соседних статей, посвященных одному и тому же вопросу, нормы материального и процессуального права, как уголовного, так и гражданского, сопряжены.²

Другая важная особенность судопроизводства того времени — отсутствие отделения суда от административных органов. Более того, следует подчеркнуть, что судебная функция была важнейшей задачей администрации; этим, надо полагать, и вызвано то, что судебные и процессуальные вопросы получили в законодательстве до Уложения и в Уложении детальную регламентацию.³

¹ ПРП, V. М., 1959, с. 137—138.

² ПРП, VI. М., 1957, с. 144—145.

³ Наиболее крупными сводными памятниками до Уложения 1649 г. были Уложение от 11 января 1628 г. о судебных делах и Уложение от

Все судебные органы XVII в. делились на государственные, церковные и вотчинные. Таким образом, система судебных органов соответствовала системе органов государственной власти и управления. Уложение не касается вотчинного суда, хотя изымает из его ведения дела о татьбе и разбое и узаконивает некоторые нормы отношений феодалов с крестьянами и холопами.

Государственные судебные органы состояли из трех инстанций: 1) губные, земские учреждения, воеводы на местах, 2) приказы и 3) суд Боярской думы и царя. Суд полковых воевод и судей при них над воинскими людьми в период их службы в полках тоже был разновидностью государственного суда. Уложение, развивая установление Судебника 1550 г.,⁴ провозглашало: «Суд государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси, судити бояром и околничим и думным людем и днаком, и всяким приказным людем, и судьям...» (X, 1). Здесь в форме перечисления чинов и должностей названы все категории лиц государственного аппарата, причастные к судопроизводству.

Важнейшим центральным судебным звеном были приказы, среди которых имелись судебные (судные, четвертные приказы) и приказы со специальной подсудностью (Земский, Поместный, Разбойный, Холопий).

Высшей судебной и апелляционной инстанцией в отношении приказов были Боярская дума и царь: «А спорные дела, которых в приказах зачем вершити будет не мощно, вносить ис приказов в доклад к государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси, и к его государевым боярам и околничим и думным людем» (X, 2). В данной статье, возможно, заключена и другая мысль — приказы могли быть некомпетентны в рассмотрении некоторых дел, относящихся к компетенции царя и Боярской думы.⁵ Аналогичная ситуация предусмотрена и в отношении местного суда в лице воеводы или губного старосты. Не будучи в состоянии решить судебное дело, они обязаны отправить его в Москву, в приказ, и одновременно выслать поручные записи на истца и ответчика о их явке в суд. В противном случае с них взыскивались проесты, волокиты и судебные пошлины (X, 130, 131).

Уложение регламентировало порядок работы судей прежде всего в приказах и на местах. В приказах обычно было несколько судей. Во главе некоторых приказов стоял боярин, или окольничий, или думный человек «с товарищи» — человека три-четыре. Уложение предписывало решать судебные дела коллегиально («всем вопче»). При отсутствии кого-либо по болезни или по другой уважительной причине остальные судьи решали дела самостоятельно (X, 23). За злостное уклонение от явки в приказ

17 ноября 1628 г. о порядке судопроизводства по заемным и иным делам (ПРП, V, с. 208, 211).

⁴ Судебники XV—XVI вв. М.—Л., 1952, с. 141, ст. 1.

⁵ ПРП, VI, с. 145.

«многие дни» судья подвергался наказанию, «что государь укажет» (X, 24). По воскресеньям, крупным церковным праздникам и в дни тезоименитств в приказах никаких дел не рассматривали, кроме «самых нужных государственных дел» (X, 25). Судебное решение считалось окончательным и могло подлежать пересмотру только в порядке апелляции в высшую инстанцию. Поэтому добавлять какие-либо документы к судному списку — новые свидетельские показания и т. п. — после судопроизводства не допускалось. Предписывалось судьям «после суда своим вымыслом в судном деле никому по дружбе или по недружбе... ничего не прибавлявати, ни убавлявати...» (X, 24, 22). Вслед за Судебником 1550 г. закон предусматривал возможность судебной ошибки, когда судья «просудится... без хитрости». Если это подтверждалось, то в отношении судьи определялось то взыскание, которое «государь укажет», а дело передавалось на рассмотрение «всем боярам» (X, 10).⁶ Уложение допускало отвод судей сторонами по мотивам родства или пристрастного отношения к одной из тяжущихся сторон, но не иначе как до судебного процесса. Такие жалобы после суда во внимание не принимались (X, 3, 4).

Судебное делопроизводство в приказах, как и всякое другое, лежало на дьяках и подьячих. «А судные дела в приказах записывати подьячим». Запрещались при этом исправления (чернение, скребление) и вписывание между строк. Подьячий был обязан положить дело «на стол к вершению вскоре». После судебного решения стороны «прикладывали руки» к записям. Затем подьячий переписывал дело набело, а дьяк, сверив белой экземпляр, скреплял его своей подписью. Черновой экземпляр тоже сохранялся «впредь для спору». Запрещалось показывать судное дело сторонам и выносить из приказа. Если подьячий делал это, наговоря какой-либо из сторон, дело от него отбиралось и передавалось другому подьячему (X, 11, 13). Подьячие вели в приказах и книги записи судебных дел и сбора судебных пошлин с точным обозначением даты слушания дела. Книги скреплялись подписями дьяков (X, 128, 129). Такое делопроизводство применялось для менее важных уголовных и гражданских дел, которые рассматривались в порядке обвинительного процесса, т. е. суда, при активном участии сторон. К гражданским делам такого рода относились исковые дела, вызванные нарушением условий договоров мены, купли-продажи, займа, поклажи-сделки, не требовавшие утверждения крепостным порядком.⁷

СУДОПРОИЗВОДСТВО ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Основанием для возбуждения дела служила исковая челобитная потерпевшей стороны. Дьяк визировал такой иск, после чего

⁶ Судебник 1550 г. в этом случае не назначал взыскания судье (Судебники XV—XVI вв., с. 141, ст. 2).

⁷ Юшков С. В. Указ. соч., с. 317.

он приобретал значение приставной памяти. Обязательным было указание в исковой челобитной и приставной памяти цены иска и места жительства ответчика (X, 100, 102). Кроме того, к искам о займах, покладах и разных долгах должны быть приложены кабалы и заемные памяти. Без них дело не подлежало рассмотрению (X, 189).

Уложение запрещало непосредственное обращение к царю по судным делам без предварительного разбора их в соответствующем приказе. Нарушение такого порядка влекло наказание батогами, а для тех, «кто почестнее», — заключение в тюрьму на неделю (X, 20). Наказывалось обращение к царю и в том случае, когда отказ бояр, окольничих и дьяков в приказах был обоснованным и устанавливалось, что челобитье подано «не делом». Жалоба царю на бояр, окольничих и дьяков в таких случаях расценивалась как ложная. Ее автор за оскорбление думных чинов и воевод наказывался кнутом, а за бесчестье подьячего — батогами (X, 14).

Для вызова сторон в суд из приказа выдавались зазывные грамоты, направляемые местным властям. Стороны могли договориться между собой о сроке явки в суд, подав при этом «отсрочные челобитные» (X, 108). При явке по зазывной грамоте в суд только ответчика истца выжидали неделю, по истечении которой он терял право на иск, исключая крепостные дела. неявка же ответчика в течение недели влекла автоматическое решение дела в пользу истца. В случае болезни стороны могли прислать в суд вместо себя любого родственника. При отсутствии родственников суд через приставов свидетельствовал болезнь и откладывал разбор дела до выздоровления стороны.

Для решения дел и взыскания иска определялся недельный срок (X, 109—111). Дело решалось в пользу истца, если ответчик, выслушав на суде исковую челобитную, не давал ответа. Иск взыскивался с него «без суда» (X, 101). Наряду с одним иском истец мог одновременно предъявить иски к тому же ответчику и по другим делам. Опротестование со стороны ответчика в данном случае не имело силы (X, 103).

По зазывным грамотам стороны представляли поручительство о своевременной явке в приказ для суда. До окончания дела они не могли выехать из Москвы более чем на три дня. В противном случае виновная сторона проигрывала дело и уплачивала все пошлины (X, 112, 116). неявка в суд по троекратному вызову зазывными грамотами ответчика или доверенных лиц и непредставление порук влекли решение дела в пользу истца, погашение иска за счет ответчика и его поручителей и уплату проестей, подписных и печатных пошлин и волокиты по три рубля за месяц (X, 114, 115, 117). Но за ответчиком могли быть посланы из приказов приставы, если с мост присланы воеводские отписки с приложением доездных памятей «за руками» «тех, кто за ответчиками был послан», и «за руками» сторонних людей — по-

нятых, удостоверявших, что ответчики «учинились сильны» и «на поруки не далися». Приставы арестовывали их с помощью местных стрельцов, пушкарей и доставляли в Москву (X, 119, 120, 141). При попытке ответчика скрыться от пристава последний был обязан принять меры к его задержанию и получению порук за него о его своевременной явке в суд (X, 137—139).

Институт поручительства был важным звеном феодального права. Он уходил корнями в общинные порядки, в обычное право, но в условиях развитых феодальной государственности и права играл роль гаранта выполнения судебных решений и исправного поступления судебных пошлин в государственную казну. Поручители несли ответственность своим имуществом за явку ответчика в суд и исполнение им приговора. Однако в случае погашения иска и уплаты пошлин за ответчика, за которого они ручались, поручители имели право в дальнейшем взыскать с него свои издержки да сверх того проести и волокиты по три рубля и убытки, понесенные в ходе суда и сыска (X, 130, 131, 155). В случае смерти ответчика до полного погашения долга поручители не несли ответственности (X, 205). Поручители выбирались из числа «людей добрых, которым бы в том мочно было верить» (X, 203).

Если исключались получение поруки о явке ответчика в суд и его арест (за отсутствием на месте), пристав мог взять его людей или крестьян и держать их до тех пор, пока ответчик не явится (X, 140—141).

За избиение приставов при исполнении ими служебных обязанностей ответчикам или их людям назначалось наказание кнутом, тюрьма и взыскание за бесчестье и увечье, а за убийство — смертная казнь (X, 142). Но в свою очередь за ложное челобитие о сопротивлении и избиении приставу и попаятым назначалось битье кнутом и пени по два рубля с человека (X, 143). Ответчиков, привезенных в Москву с помощью приставов, а тем более когда они оказали сопротивление, били батогами и взыскивали во внесудебном порядке в пользу истца проести, волокиты и езд челобитчику. А в иске «дати суд и по суду указ учинити до чего доведется» (X, 140, 141).

Судя по 141-й и 142-й статьям Уложения, понятия «пристав» и «недельщик» совпадают. По другим статьям, недельщики — самостоятельные должностные лица в приказах, выполнявшие по неделям различные поручения, в том числе и обязанности по разысканию и приводу сторон в суд. На недельщиков, когда они были выборными, брались поруки в том, что им «никаким воровством не промышляти, и челобитчиком продажи и убытков ни в чем не чинити и колодников из приказа и от себя с дворов без указу не отпускати» (X, 147). Недельщики получали езд за сто верст по полтине, а в пределах города — хожепое, 10 денег. При посылке «по общую правду» езд взимался поровну с истца и ответчика, а затем по окончании суда виноватая сторона возвра-

пала оправданной стороне вторую половину езда. Таким образом, недельщики получали вознаграждение в форме езда с виноватой стороны. Они выезжали с наказными и приставными памятьми, за исключением городов, в которых проживали сами. Недельщики действовали «с товарищи», которые должны были быть зарегистрированы в приказах и именовались «заговорщиками». Недельщикам и заговорщикам воспрещалось брать подношения и причинять другие убытки населению под страхом наказания торговой казнью и взыскания взятого (X, 144, 146, 148). Приставы и недельщики, упустившие лиц, отданных им под охрану, обязаны в назначенный срок произвести их розыск. Если скрывшиеся не будут найдены, иск в пользу истца взыскивается с приставов и недельщиков (X, 271). Детальная регламентация обязанностей приставов и недельщиков по доставке в приказы и охране ответчиков означала заметное усиление роли государственного начала в судопроизводстве по гражданским исковым делам. Истец и ответчик могли помириться на любой стадии судебного разбирательства, в том числе и до него. Для этого требовалось подать в приказ мировые челобитные и уплатить судебные пошлины (X, 124).¹

По системе суда или состязательного процесса рассматривались не только материальные иски, но и челобитные, связанные с причинением бесчестья словом, других обид, а также некоторые крепостные дела, например о беглых крестьянах или небольших кражах. В последнем случае доказательством мог служить привод вора в приказ или к воеводе с поличным. Потерпевший и здесь являлся истцом (X, 229, 270).

Судебное разбирательство совмещало в себе и следствие по делу, и собственно суд. Судоговорение протекало в форме диалога между истцом и ответчиком в присутствии судей. Рассматривались и предъявленные сторонами документы — заемные кабалы, закладные и т. п. При ссылке сторон на крепости, которых не было в наличии, судья обязан прервать суд и отправить истца или ответчика за крепостями. Если последние пахотились вне Москвы, в других городах, для их доставки давался поверстный срок. Таким же образом поступали, когда ответчик заявлял, что ему ничего не известно о вменяемом обвинении и что нужен срок для выяснения обстоятельств дела (X, 22, 229). Суд, таким образом, часто не был единовременным актом, а прерывался на значительный срок и затем возобновлялся.

Система доказательств в судебном процессе по гражданским делам была разнообразной. Во всех имущественных и крепостных делах существенное значение имели письменные доказательства. Следующий вид доказательств — послушество, т. е. свидетельские показания. Они делились на индивидуальные, групповые и по-

¹ Состав и размер судебных пошлин: по иску «с рубля по гривне; с суда пересуду по 6 алтын 4 деньги; правого десятка 4 деньги» (X, 124).

важные и имели различную степень доказательности. Степень доказательности зависела также от сословной категории свидетелей. Тот или иной сословный и количественный состав свидетелей зависел от размеров иска. Так, при иске размером не менее 50 рублей каждая из сторон могла «слатися» на стольников, стряпчих, дворян московских и городовых, детей боярских, стрельчих голов и сотников, гостей, дьяков и подьячих «по имяном на десять человек». В таком случае отвод указанных свидетелей другой стороной во внимание не принимался; свидетелей допрашивали «по государеву крестному целованию» и вершили дело по их сказке (X, 138).² При иске в 20 рублей достаточна ссылка на десять же человек поименно из числа гостиной, суконной, черной сотен и посадских людей, стрельцов и иных служилых по прибору (X, 159). Градация размеров иска и состава свидетелей соответствовала, очевидно, сословному положению истцов и ответчиков. Уложение исходило, таким образом, из теории формальных доказательств, характерной для феодального права.³

К участию в судебном поединке в качестве свидетелей допускались холопы, крестьяне и женщины. Однако холопы, отпущенные на волю, не могли быть свидетелями по искам, предъявленным их бывшим господам. Учитывая зависимое положение холопа, закон запрещал привлекать в качестве свидетеля его господина при возбуждении иска к самому холопу. Не допускались в качестве свидетелей на стороне своих мужей жены истцов и ответчиков. Но родители того и другого могли свидетельствовать на стороне своих сыновей (X, 173, 174, 176—178).

Разновидностью свидетельских показаний была ссылка из вынудных. Если из группы свидетелей, на которую ссылается сторона, несколько или даже один покажут против нее или сошлутся на свое незнание, то дело автоматически решалось не в пользу данной стороны (X, 160).

Важным элементом судебных доказательств была общая ссылка, или общая правда, когда обе стороны ссылались на одного и того же или на одних и тех же свидетелей. Этому виду доказательств придавалось особое значение. Предписывалось: «А будет истец с ответчиком на суде пошлутся оба на общую правду, хотя на одного человека, и по обчей ссылке дело и вершити. А сверх тоя обчия ссылки повальным обыском сыскивати не посылати, чтобы от того истцу и ответчику лишния проестии и волокиты не было» (X, 167). При этом если в общей ссылке из трех человек один покажет одно, а двое — другое и начнут уличать первого во лжи, то «в таком деле верить двум, а одного отставить» (X, 169). Закон признавал действительными показания только той общей ссылки, участники которой сами были очевид-

² Бояре, окольные и другие думные чины в качестве свидетелей не привлекались. Это была их сословная привилегия (X, 178).

³ ПРП, VI. М., 1957, с. 154.

цами событий, а не знали о них понаслышке (X, 172). Вообще действительной признавалась первая ссылка, тем более — если мнения сторон относительно выбора ссылки сходились. Если истец и ответчик сходились на ссылке «из виноватых», то все последующие ссылки любой из сторон судом отводились. Как и в других случаях, закон допускал возможность ложных показаний общей ссылки в результате подкупа. Виновных предписывалось «бити кнутом нещадно» и с них же взыскать возмещение убытков ложно оговоренной стороне. Но и обратно, обвинение общей ссылки во лжи без предъявления доказательств влекло наказание виновного «кнутом нещадно» и уплату за бесчестье (X, 170, 171).

При отсутствии у сторон общей ссылки, которой отдавалось предпочтение, суд мог прибегнуть к повальному обыску, т. е. к опросу оковых людей по существу обстоятельств дела.⁴ Обыск производили специальные сыщики. В наказных памятях сыщикам указывалось: «...с великим подкреплением, чтобы они обыскивали вправду... другу не дружили, а недругу не мстили»; объявляли обыскным людям о необходимости говорить «во обыску прямо вправду, никого не бояся, и никому не норовя ни которыми делы» под страхом государевой опалы и казни. То же самое ожидало и самих сыщиков за нарушение указанных предписаний (X, 161, 167). Участие в обыске населения, знающего суть дела, было обязательным. Ложное уклонение под предлогом незнания дела влекло наказание. И только действительное незнание освобождало от показаний (X, 164, 165). Процедура повального обыска сводилась к тому, что сыщики опрашивали каждого человека в отдельности, записывая обыскные речи. Опрашиваемые ставили под ними подписи, за неграмотных подсылали их духовные отцы. Литовцы, пемцы, татары расписывались на своем языке, неграмотные ясачные люди ставили «их знамяны». Обыскные люди могли сами писать обыскные речи.

Показания дворян и детей боярских запрещалось писать в одни обыскные речи с показаниями их людей и крестьян. Никакие отводы обыскных людей не допускались. Воспреещалось писать кого-либо в обыскные речи заочно. Процедура обыска включала клятвенные заверения: архимандриты, игумены, старцы давали их по иноческому обещанию; протопопы, попы, дьяконы — по священству; дворяне, дети боярские, всякие служилые, посадские люди, крестьяне — по крестному целованию; татары, чуваш,

⁴ Г. Г. Тельберг в предпочтении общей ссылки сторон повальному обыску и в допущении законодателем возможности различных показаний обыска, требующих очной ставки и пытки (см. ниже), видит падение роли этого способа доказательств (Тельберг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912, с. 209). Такому суждению, на наш взгляд, противоречит детальная регламентация процесса повального обыска в Уложениях.

черемисы, вотяки и другие ясачные люди — по шерти (X, 161).⁵

Если среди подвергнутых повальному обыску возникал раскол и одни показывали в пользу истца, а другие — ответчика, то суд решал вопрос в пользу той стороны, за которую высказалось большинство. Однако допускалось, что потерпевшая сторона могла подать челобитную с обвинением большей части обыскных людей в ложных показаниях. В таком случае от каждой части обыскных людей из числа посадских, служилых по прибору и лучших людей и крестьян духовных и светских вотчин и поместий бралось из каждой сотни по два человека, которым устраивалась очная ставка. Если устанавливалось, что большая часть обыскных людей солгала, то с них бралась пеня «за лживые обыски», размер которой (в рублях с человека) дифференцировался пословно и по должностям и определялся (X, 162) следующим образом: архимандриты платили 50 рублей; игумены и келари — 40; казначей, строители и старцы — 30; рядовая братия — 5; служки монастырские больших монастырей — 20; малых монастырей — 5; протопопы — 40; протодьяконы — 30; попы — 20; дьяконы и дьячки — 10; столыльники, стряпчие, дворяне московские, жильцы, дворяне городовые и дети боярские — 30; старосты посадские — 20; посадские люди, ямщики, прикащики вотчин и поместий — 10; старосты и целовальники — 5; крестьяне, бобыли — 1 рубль с человека. Сверх пени из числа обвиненных обыскных людей каждого десятого прикащика и лучшего крестьянина били кнутом, а духовных лиц отсылали для смирения к патриарху, митрополитам, архиепископам и епископам. Следовало и возмещение проести и волокиты потерпевшим от лживого обыска (X, 162). Лица, по делу которых был назначен повальный обыск, а также их представители на суде не имели права находиться в том городе, где проходил обыск. Этим устранялась возможность их влияния на опрашиваемых людей (X, 156, 157).

Когда с помощью очной ставки или другим путем не удавалось установить, которая часть обыскных людей солгала, прибегали к пытке. Тот, кто на пытке повинулся, подвергался наказаниям и сверх того платил невинно перенесшим пытку за бесчестье и увечье вчетверо (X, 163).

Очная ставка и пытка в гражданских делах, которые решались путем состязательного процесса, были вспомогательным средством дознания и применялись относительно редко, в особых случаях. Уложение предусматривает применение очной ставки при насильственном оформлении заемных и служилых кабал (X, 251, 252) и в спорах о вотчинных и поместных делах главным

⁵ Следует согласиться с М. М. Федоровым, что в Уложении признаны обычаи ясачных народов и юридически зафиксирована возможность применения обычного права (Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII—начало XIX века). Якутск, 1978, с. 20—24).

образом среди родичей (XVI, 23, 54, 59). Что касается пытки, то кроме вышеуказанного случая она упомянута всего один раз, и то в связи с делом уголовного характера — подозрением в поджоге двора (X, 202). Зато в делах о разбоях и татбе очная ставка и пытка — наиболее распространенные приемы дознания.

Иное дело — крестное целование, которое рассматривалось как одно из важнейших средств доказательства правоты показаний в ходе судебного разбирательства — как показаний сторон, так и всех видов показаний свидетелей, — в особенности в тех случаях, когда отсутствовали или были недостаточными иные доказательства, а также при повальном обыске.

Применение в судебном процессе присяги (рота) и крестного целования, известное со времен договоров Руси с Византией, проходит через все памятники раннего русского права — Русскую правду, Псковскую судную грамоту, Судебники 1497 и 1550 гг. и указы первой половины XVII в. В Уложении крестоцелованию отведена самостоятельная XIV глава, состоящая из 10 статей. В этой главе приведены в определенную систему прошлое законодательство о крестном целовании и практика его применения, внесена строгая регламентация.

Запрещалось целовать крест при судебном разбирательстве лицам моложе 20 лет. И только при отсутствии лиц (своих людей или родственников), могущих заменить истца или ответчика при крестоцеловании, допускалось снижение возраста до 15 лет. Каждому разрешалось давать клятву путем крестоцелования всего три раза по трем разным искам. Четвертое дело решалось с помощью сыска или его приходилось «розымать пыткой». При одновременном рассмотрении двух или трех исков к одному и тому же лицу, если дело доходило до веры, требовалось крестоцелование по каждому иску в отдельности. Служилые люди по отечеству могли поручать целование креста своим людям. За отсутствием таковых должны целовать крест сами. «А наемным людям и подставою креста не целовать». (XIV, 1, 2, 5, 8). При исках иноземцев к русским людям и наоборот дело разбиралось в том приезде, где «иноземец учнет искати». Русский целовал крест, иноземец приносил клятву по своей вере. Но при этом для иноземцев ставился крест, нарисованный на иконе. При исках к иноземцам крестоцелование было добровольным. Вопрос о том, кому приносить клятву, мог по просьбе русской стороны решаться жеребьевкой (XIV, 3, 4).

Духовенство исключалось из процедуры крестоцелования в силу своего сана. Черное духовенство — от архимандрита и ниже — давало клятву по иноческому обещанию, белое — от протопопа и ниже — по священству. Светские феодалы приводились к кресту начиная от стольников и ниже. Крестоцелование как средство судебного дознания распространялось на все непривилегированные слои населения — посадских людей, крестьян, холопов, — «для того чтобы они сказывали правду, как им стать на

страшнем суде христове». Не исключались из этой процедуры и женщины (X, 158, 161, 173).

Устанавливался процессуальный порядок целования креста. Требовалось присутствие дворянина, подъячего и целовальника. Назначалось определенное время дня, которое менялось в зависимости от времени года: в сентябре—октябре со 2-го часа по 6-й час дня; с ноября по февраль с 1-го по 5-й; с марта по июнь со 2-го по 7-й; в июле и августе с 3-го по 6-й час дня (XIV, 6).⁶ Вне указанных часов крестоцелование запрещалось. Истец и ответчик обязаны подходить к кресту три дня подряд в указанное время. Тот из них, кто на третью ставку не явится, не подав предварительно объяснительной челобитной, или креста не целует, считался виновным. Ложное крестоцелование каралось «жестоким наказанием». Эта угроза подкреплена ссылками на священное писание, карающее за ложное целование креста отлучением от церкви. Так законодательное воздействие дополнялось воздействием моральным (XIV, 9, 10).

Помимо повального обыска, в котором крестоцелование было обязательным завершением опроса населения, в других случаях крестоцелование, ввиду его исключительной значимости, применялось относительно редко, главным образом когда отсутствовали или были недостаточны другие средства дознания, если «про такое дело сыскать будет нечем» (X, 195, 232, 281).

Иски менее рубля решались путем жеребьевки (XIV, 10). Но жеребей как форма «божьего суда» применялся и при иных делах. Таким путем решался вопрос о передаче супружеской пары беглых крестьян или холопов, когда они, принадлежа различным владельцам, вступали в брак в бегах (XI, 34; XX, 115). Жеребьем разрешались иски духовных чинов к суженым людям о бесчестьи, поскольку крестоцелование духовенству было противопоказано. При исках мирских людей к духовным лицам сторонам давалось «на волю, чего они похотят, по жеребью ли, или по святительскому допрашиванию», т. е. допускался по желанию сторон допрос духовных лиц высшими сановниками церкви — от епископов до патриарха (XIII, 4, 6). Жеребьем мог быть решен вопрос, кому крест целовать при исках русского к иноземцу или наоборот (XIV, 4). К жеребью прибегали в спорах о земле при отсутствии других доказательств. Частный случай такого спора предусматривал казус, когда часть опрашиваемых старожильцев держала сторону истца, а другая часть — ответчика. Жеребьем здесь устанавливалось, чьей стороне решать вопрос о земле с помощью «образного хождения». Обряд хождения с иконой при споре о земле мог применяться и без жеребья (X, 236, 237; XVII, 52).

⁶ Первый час мог соответствовать по современному счету времени 3, 4, 5, 6, 7, 8 часам, в зависимости от времени года, от восхода солнца. Соответственно передвигались и остальные часы.

Уложение предусматривало возможность ложных исков, подкрепленных путем подкупа свидетелей и поручителей, и стремилось нейтрализовать их. Подложность любой ссылки лишала ее юридической силы для других дел (X, 179, 182).

Касаясь самого судебного разбирательства, Уложение устанавливало строгий порядок его проведения, предписывая истцу и ответчику «став перед судьями искати и ответати вежливо и смирно и не шумно, и перед судьями никаких невежливых слов не говорити и межъ себя не бранитися». За взаимную ругань и бесчестье, которые квалифицировались как бесчестье судьи, полагались недела тюрьмы, а потерпевшему возмещение за бесчестье. При ударе рукой — бесчестье вдвое. Угроза оружием без последствий влекла наказание батогами, ранение — кнутом. Убийство каралось смертной казнью и уплатой кабальных долгов убитого. Однако ранение и убийство, причиненные в порядке самообороны при нападении другой стороны, если это подтверждалось судьями, не влекли наказания. Закон усиленно охранял честь и жизнь судьи, как представителя государственной власти. Бесчестье судьи словом в суде влекло наказание кнутом или батогами и уплату за бесчестье; за удар и ранение — отсечение руки и судье за бесчестье в двойном размере; за убийство — смертная казнь и уплата кабальных долгов убитого. Определяя суровые санкции за уголовные преступления в суде, законодатели допускали возможность ложных челобитий со стороны судей о бесчестьи, назначая для них те же наказания (X, 105—107).

Рассмотрение судебного дела называлось вершением (X, 10, 15, 24—24, 112, 121, 123), под которым понималось и само решение суда, т. е. приговор и его исполнение. Впрочем, решение суда именовалось и собственно приговором, в который записывались имена судей и их товарищей (X, 23). Рассмотрение дела в суде данной инстанции считалось окончательным, если стороны не располагали данными, компрометирующими судей или порядок судопроизводства. Только в таком случае допускалась апелляция к суду Боярской думы и царя.⁷ В этой связи под страхом наказания батогами воспрещались повторные иски по тому же делу в ту же инстанцию в случае примирения сторон до суда, решения дела в пользу ответчика путем крестоцелования или после вынесения приговора (X, 154).

Для упорядочения судопроизводства составители Уложения ввели в него специальную главу «О вершенных делах». В ней провозглашалось, что «судные всякие дела всяких чинов людей во всех приказах», вершенные до Уложения, пересмотру не подлежали (XV, 4). Особо оговорен окончательный характер решения спорных дел примирением с митрополитами, епископами и монастырскими властями. Это положение распространялось и на их

⁷ См. выше (с. 163—165).

преемников (XV, 1). Запрещен пересмотр и спорных дел о поместьях, вотчинах и крестьянах, решенных и оформленных письменно до Уложения, при переходе этих владений в другие руки после 1649 г. Исключение предусматривалось только в отношении поместных крестьян, отпущенных на волю прежним владельцем поместья, поскольку выдача отпусковых поместным крестьянам воспрещалась (XV, 2, 3).

В XV главе выделен раздел о третейском суде, относящемся к числу особых судов, функционирование которого представляет интерес для изучения судопроизводства того времени. К компетенции третейских судов относились только гражданские дела по искам. По взаимному согласию стороны (истец и ответчик) обращались к третьим лицам с просьбой рассудить их, давая запись, что они подчинятся третейскому приговору; в противном случае с них взыскивалась государева пеня и третейским судьям уплачивалось за бесчестье. В случае разногласий у третейских судей (когда один выносил приговор в пользу истца, а другой — ответчика) и при условии, что в третейской записи содержится указание государевой пени, дело передавалось на рассмотрение в приказ. Тот третейский судья, приговор которого не совпадал с приговором суда в приказе, нес наказание или уплачивал пеню по указанию государя, да сверх того обвиненной им стороне возмещал проести и волокиты за весь срок рассмотрения дела. Обжалование приговора третейского суда истцом или ответчиком во внимание не принималось, поскольку «он тех третьих себе сам излюбил, и быти тому делу по тому, как третье приговорят» (XV, 5).

В делах о материальных исках за приговором в случае принятия решения в пользу истца следовало погашение иска. Судом выдавались правяжные выписи, а на должников оформляли поруку. При отсутствии возможности уплатить долг меры взыскания варьировались в зависимости от сословно-социального положения должников. Лица недворянского происхождения при отсутствии порук по ним отдавались истцу головою до искупа.⁸ Естественно, такая участь ожидала в наибольшей мере представителей низших несостоятельных слоев общества. Представителей низших слоев служилых людей по отчеству — детей боярских и дворян — ставили на правеж: «А на правеже дворян и детей боярских бити до тех мест, покамест с должники розделаются» (X, 204). Средние группы служилых по отчеству — жильцы, дворяне московские, стряпчие и стольники — могли вместо себя посылать на правеж своих людей (X, 151). Устанавливался единый срок правежа для всех категорий должников — за каждые сто рублей стоять на правеже месяц. За иные суммы долга срок правежа устанавливался из этого расчета. По челобитью должника допускалась отсрочка уплаты долга не более как на год (X,

⁸ См. выше (с. 126—127).

261). При невозможности уплаты долга по истечении месячного срока пребывания на правеже в продажу шли дворы и имущество должника «или истцов иск. велети за них правити в поместьях их и в вотчинах на людех и их и на крестьянех». В счет долга могла идти и пустая вотчина (X, 262, 263). Должники из служилых людей по прибору, кроме стрельцов, при неуплате долга на правеже отдавались истцу головою до искупа. В этих случаях на истцах бралась порука, что они не убьют и не изуечат должников. По окончании срока отработки кредитор должен привести должников в приказ, откуда их получил (X, 265, 266). Существовала легальная возможность выкупа должника с правежа путем уплаты его долга. Такой акт оформлялся специальной записью (XX, 146). В этом крылась опасность для феодалов, посылавших на правеж своих людей, потерять работника, что должно было стимулировать своевременную уплату долга. За неуплату долга по иску заключали и в тюрьму. Если в течение пяти лет и более иск не возобновляли, заключенных отдавали на поруки с обязательством привести их в случае возобновления иска (XXI, 92).

СУДОПРОИЗВОДСТВО ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ И УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В судопроизводстве по политическим и уголовным делам безраздельно господствовал розыскной, инквизиционный процесс, в котором активная роль принадлежала не сторонам, а судьям как представителям государственной власти. Политический процесс всегда начинался с извета представителю власти на то или иное лицо о его замысле относительно преступления или уже о совершенном преступлении. Из 22 статей II главы Уложения 6 статей посвящено регулированию извета, как своеобразного процессуального института, представляющего собой начальную и необходимую стадию политического процесса.¹ Необходимость извета вытекала из обязанности, возложенной законом на каждого жителя государства безотносительно к его сословному положению, доносить властям о замыслах и действиях любых лиц, угрожающих безопасности государства или жизни и здоровью государя. В противном случае закон карал смертной казнью за недоносительство (II, 13, 18, 19; VI, 6).

Следующий за изветом этап политического процесса — сыск: «сыскивать против извету» (II, 16). Средствами сыска были очная ставка изветчика с обвиняемым, показания свидетелей и полевой обыск (II, 12, 22). В задачу сыска входило установить, действительно ли виноват обвиняемый или изветчик «затял на него такое дело поклепав напрасно». В силу этого и подозревае-

¹ Тельборг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912, с. 30, 116—162.

мый и изветчик на время процесса брались под стражу. Оба выступали перед судом как бы в одной ипостаси.

Важнейшей особенностью права феодальной поры была решающая доказательная сила признания вины подсудимым. Поэтому целью сыска было домогательство признаний любыми средствами — вплоть до угроз пыткой или применения самой пытки.² Сыск начинался с «распроса». Сперва допросу подвергался изветчик. И если он, сказав первоначально за собой «государево дело или слово», затем заявлял на допросе, что говорил это «избывая от кого побои, или пьяным обычаем» (II, 14), то дело обычно этим и кончалось, а изветчик получал наказание кнутом. За распросом изветчика, если он подтверждал извет, шел распрос обвиняемого и свидетелей или, наоборот, сперва свидетелей.

Следующей обязательной процедурой была очная ставка изветчика с обвиняемым. Однако закон допускал одно существенное исключение. Когда феодалы приводили к судьям своих крестьян и холопов с изветом на них в государственном преступлении или разбое, очной ставки не требовалось. Было достаточно доноса господ (VI, 6).

Пытка как элемент сыска по государственным делам во II главе Уложения не упомянута, но в практике дел такого рода применялась.³ Наоборот, повальный обыск во II главе упомянут, но на практике не имел широкого применения, поскольку обязательность извета по политическим делам ставила под сомнение возможность ответа опрашиваемых, подтверждающего причастность обвиняемого к измене. В таком случае неизбежно возник бы вопрос о недоносительстве.⁴ Поэтому применение повального обыска точно предусмотрено во II главе в отношении скопов и мятежей (II, 22). Во всех остальных случаях — измена, переход за рубеж без проезжей грамоты и т. п. — указывалось: «...да будет про него в сыску скажут», — где под «сыском» совсем не обязательно понимать повальный обыск.

За сыском следовал приговор: «по сыску указ учинить». Содержание приговора могло быть двояким: или он обвинял того, на кого сделан извет, и определял меру наказания, когда изветчик «доводил» и довел извет до конца, или же обвинял изветчика, если он «не довел» и «такое дело затеял... напрасно». В данном случае изветчику определялось наказание, «чего бы довелся тот, на кого он доводил» (II, 16, 17).

Кроме указов «по сыску» были указы «по рассмотрению, как государь укажет». Они принимались в тех случаях, когда изветчик в доказательство правоты извета «никого не поставит, и ни чем не уличит, и сыскати про такое государево великое дело будет нечим» (II, 12). Обычные уголовные дела при отсутствии

² Там же, с. 172—173.

³ Там же, с. 198—208.

⁴ Там же, с. 209—211. — Мы не исключаем того, что в данном случае Г. Г. Тельбергом привнесена логика XX в.

доказательств прекращались, но в отношении дел политических, ввиду их особой важности, и недоказанные обвинения — в тех случаях, когда отсутствовали и доказательства преднамеренно ложных действий изветчика, — передавались на рассмотрение государя.

В политических делах роль царя и Боярской думы как верховного судилища была первостепенной и решающей. Компетенция городских воевод ограничивалась только розыском и отпиской государю, после чего оставалось ждать «государева указа», т. е. приговора (II, 22; VI, 6).

В системе московских центральных учреждений еще не сложился приказ, исключительным предметом которого были бы государственные дела.⁵ Наиболее часто политические дела рассматривались в Разрядном приказе. Здесь также применялся принцип подсудности — где кто судим. Не составлял исключения приказ Тайных дел.⁶ Приказы, как и низовой аппарат, не были решающей инстанцией в политических делах. Приговор по ним исходил от верховной власти.

Наконец, касаясь судопроизводства по государственным делам, необходимо отметить требование Уложения относительно спешности их рассмотрения. Устанавливая, что в праздничные дни «никого не судити и в приказах не сидеть», Уложение вводило исключение: «опричь самых нужных государственных дел» или «опричь великих царственных дел» (X, 25).

Государственные преступления были частью уголовных дел, другую часть которых составляли разбойные и татинные дела. Тем не менее в Уложении 1649 г. государственные дела, как и собственно уголовные, выделены в особые системы дел. В составе кодекса им посвящены самостоятельные разделы: политические освещены преимущественно во II и III главах, уголовные — в XXI и отчасти в XXII главе.

Оба вида преступлений различаются прежде всего по цели: политические направлены против государства и особы государя, разбойные и татинные — против личности, ее имущества, здоровья и жизни. Во втором случае основное назначение законов состояло в охране имущества и жизни представителей господствующих слоев общества.

Второе отличие состояло в системе подсудности. Если политические дела после розыска, произведенного на местах и в приказах, получали завершение путем приговора, вынесенного верховной властью, то разбойные и татинные дела были подведомственны Разбойному приказу, за исключением преступлений, совершенных в Москве, которые входили в компетенцию Земского приказа.

⁵ Веретенников В. И. Из истории Тайной канцелярии. 1731—1762. Харьков, 1911, с. 6—12.

⁶ Гурлянд И. Я. Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902, с. 301—306.

В городах ими занимались губные старосты и целовальники по наказам из Разбойного приказа и под контролем воевод.⁷

Третье отличие касалось процессуальных моментов. В делах о разбое и татбе не было изветчика. Здесь не привлекались и родственники обвиняемого, поскольку в отношении их не ставился вопрос о «ведении» или «неведении». Наконец, допускалось некоторое упрощение розыскного процесса, поскольку цель уголовного преступления была ясна заранее.⁸

XXI глава Уложения, источником которой являются Уставные книги Разбойного приказа 1616—1636 гг. и 1635—1648 гг.,⁹ предусматривает как исходный момент процесса иск или «письменную явку» потерпевшего о краже или захвате его имущества вследствие разбойного нападения. С момента привода к властям кого-либо с поличным устанавливался двухнедельный срок для подачи челобитной и возбуждения иска. Тем, кто был в отлучке, предоставляли поверстный срок. Если иск не возбуждался в течение двухнедельного или поверстного срока, истцам отказывали, а приведенных с поличным отпускали (XXI, 30). Иск и челобитье предъявляли в приказ, а в городах — воеводам и губным старостам. Требовалось в иске «свои животы описывать имянно» (XXI, 51) и подкреплять описание указанием на поличное, «язычную молку» или «облихование лихого человека» путем обыска. Достаточно было наличия одного из этих доказательств, чтобы делу давали ход розыскным путем. При их отсутствии челобитье отсылалось в один из судебных приказов по подсудности истца, где оно разбиралось в судебном порядке. Если в результате расследования дело доходило до пыток, то истца и ответчика направляли в Разбойный приказ (XXI, 49).

В делах о татбе и разбое примирение сторон запрещалось законом. Даже устанавливалась ответственность за примирение с татями и разбойниками (XXI, 31).

Поличное, или вещественное, доказательство играло существенную роль в процессе по разбойным и татбыным делам. Не всякий предмет, добытый преступным путем, имел значение поличного, а только тот, который изымался с соблюдением определенных формальных условий. Для изъятия поличного необходимо участие пристава из приказа и понятых, «сторонних людей добрых, кому мочно верить». Поличное с участием тех же лиц отво-

⁷ См. выше (с. 179—182).

⁸ Тельберг Г. Г. Указ. соч., с. 173. — Едва ли прав автор, когда в извете как форме личной заявки о преступлении, а затем в очпой ставке, следовавшей за изветом, видит элементы состязательного процесса, т. е. суда, и, таким образом, склонен судопроизводство по политическим делам в процессуальном плане рассматривать как в некотором роде промежуточное между состязательным процессом и розыском. Ведь извет был обязательным по закону, чего нельзя сказать об иске.

⁹ ПРП, V. М., 1959, с. 183—323. — Здесь указан источник или precedent в отношении почти каждой статьи XXI главы Уложения.

зилось в приказ совместно с татем или без него, если на месте изъятия поличного никого не оказалось. Сопротивление, оказанное при изъятии поличного, или захват поличного и татя силой у официальных лиц влекли компенсацию убытков, понесенных истцом, и применение пытки по поличному (XXI, 57, 87).

Состав поличного мог быть весьма разнообразным — домашнее имущество, скот, хлеб или сено в поле, выловленная в пруде рыба и т. п., — причем размер денежного эквивалента краденого для определения состава преступления и приемов следствия («а поличное и гривны не стоит») не имел значения (XXI, 89, 90).

Человек, приведенный в приказ с поличным, которое изъято у него с участием пристава и понятых, должен «очистить» поличное и дать отвод. В противном случае прибегали к пытке по поличному. Приведенный в приказ с поличным без пристава мог бить челом о том, что его «тем поличным истцы ополчили сильно». По этому поводу назначался сыск «всякими сыски накрепко», и дело решалось в зависимости от исхода сыска. Закон предусматривал и «подмет» поличного. В том и другом случае виновным в этом назначалось «жестокое наказание, при многих людех бити их кнутом нещадно» (XXI, 50, 54—56).

Предусмотрен и такой вариант, когда пытаемый по поличному утверждал, что поличное он купил или выменял. С оговоренным им человеком устраивали очную ставку и решали вопрос в зависимости от ее исхода (XXI, 74, 75). Подобно тому как каждый человек должен отвести от себя поличное, жители села или деревни в целом, если в их селения вели следы разбойников и татей, должны были отвести след. Иначе они попадали под следствие (XXI, 60).

Привод татей и разбойников в Разбойный приказ, схваченных же в Москве — в Земский, а в городах — в губные избы еще задолго до Уложения был обязанностью населения, уклонение от которой каралось по Уложению штрафом в размере полтины с человека. В Москве, на посадах в городах, в селах и деревнях о необходимости задерживать татей, разбойников и лиц с резаными ушами, не имеющих письменных свидетельств об освобождении из тюрем, население оповещалось через бирочей. Обязательным было и оказание помощи лицам, которых грабят и избивают. Отказ от помощи в ответ на их призыв и уклонение от погони за нападавшими рассматривались как своеобразная форма пособничества и каралась штрафом и кнутом.¹⁰ В этой связи законодатель устанавливал гарантии безопасности преследователей и лиц, приводящих татей и разбойников к властям, предписав, что оговор их в татбе и разбое со стороны задержанных ими преступников не имел силы (XXI, 8, 15, 19, 59).

¹⁰ ПРП, V, с. 253.

Наличие у приведенного к властям человека поличного, не очищенного и не отведенного им, служило основанием для применения пытки. Захват разбойника на месте преступления также вел непосредственно к пытке (XXI, 28, 50). Пытке в розыском процессе придавалось исключительно большое значение, поскольку исторгнутое с ее помощью признание преступником своей вины было решающим обстоятельством для вынесения приговора. Если II глава, посвященная политическим преступлениям, вовсе не упоминает о пытке, то XXI глава по справедливому замечанию Г. Г. Тельберга, представляет собою «законченный и систематический свод правил, регулирующих пыточное производство в розыске по уголовным делам».¹¹ Даже признание приведенного с поличным в татбе или разбое, данное им в допросе до пытки, не освобождало его от пытки в предполагаемых «иных разбоях и в татбах, или в убийстве и дворовом пожого» (XXI, 9, 58, 64). Не освобождало от пытки и заявление преступника, что он знает «государево великое дело». Его пытали по обвинению в татбе или разбое и лишь после этого допрашивали о государственном деле (XXI, 103).

Приоритет показаний, исторгнутых пыткой, виден из нормы, согласно которой показания, данные при допросе до пытки, считались недействительными, если обвиняемый менял их во время пытки (XXI, 100). И наоборот, когда тати и разбойники, сидя в тюрьме, оговаривали кого-либо, о ком не говорили на пытке, их новые показания не считали действительными. Не брались во внимание показания преступников, сделанные перед казнью. Наконец, даже иск потерпевшего от татбы и разбоя возмещался не в том размере, который указывался им, а в размере, указанном татем или разбойником на пытке (XXI, 23, 25, 33, 93).¹² Пытка разбойников и татей не отменялась на праздничные и теозоименитные дни (XXI, 32).

Помимо поличного и захвата татя или разбойника на месте преступления, основаниями для применения пытки в розыском процессе служили язычная молка и облихование в повальном обыске. При пытке пытаемый часто оговаривал соучастников преступления, а передко и непричастных людей. Такой оговор называли «язычной молкой». Она влекла за собой очную ставку — «язык» ставился «с очей на очи» с «оговоренным человеком» и должен был опознать его «среди многих людей». Если язык не узнавал оговоренного или, узнав, «сговаривал с него», то языка вновь пытали, подозревая в нем подставного человека. При подтверждении на новой пытке со стороны языка факта, что он по-

¹¹ Тельберг Г. Г. Указ. соч., с. 207.

¹² Эта норма, видимо, связана с частыми в практике случаями завышения исков. Данное предположение подкрепляется другой статьёй, по которой, если преступник заявляет на пытке, что не помнит, что брал или наградил, иск удовлетворялся в размере $\frac{1}{4}$ указанного в нем (XXI, 24).

клепал оговоренного напрасно, последнего все же «давали за пристава и про него обыскивали» (XXI, 44). К определению значимости язычной молки законодатель подходил дифференцированно.

Оговор под пыткой в разбое и татьбе бродячего человека и опознание на очной ставке влекли для него непосредственное применение пытки и решение его судьбы в зависимости от его показаний. Без предварительного обыска, только по язычной молке, подвергались пытке «причинные люди», т. е. причастные к делу или просто подозреваемые. Назначение обыска было обязательным, если оговаривали на пытке «знатных» людей. При оговоре феодалов и зависимых от них людей, если он подтверждался обыском, первыми пытали феодальнозависимых людей. Феодалов же в таком случае подвергали пытке только при условии оговора их феодальнозависимыми людьми (XXI, 38, 39, 40, 47).

Феодалы были ответственны за предъявление властям своих людей и крестьян, оговоренных в татьбе или разбое в ходе следствия, и несли ответственность за их укрывательство (XXI, 77, 78). В отличие от Уставной книги Разбойного приказа, назначавшей пытки в зависимости от числа оговаривавших лиц, Уложение в качестве определяющего признака для назначения пыток брало социальную принадлежность оговоренного.¹³ Отсюда не следует, конечно, что пытки в отношении феодалов на следствии не применялись. Но они регламентировались в большей мере, чем во всех остальных случаях.

Если оговоренный на пытке в татьбе и разбое и опознанный на очной ставке не признавал вины, за исключением случаев, указанных выше, он мог просить о повальном обыске. Право на обыск особо подтверждено в отношении «знатных людей» (дворян, детей боярских, торговых людей) — при условии, что прежде они не были замешаны в татьбе и разбое, но оказались оговоренными татями и разбойниками во время их пытки (XXI, 39). Обыск назначался и в том случае, когда пытаемый оговаривал других, а своей вины не признавал. Если «в обыске их [пытаемых] многие люди назовут лихими людьми», то «тех людей по язычным молкам и по лихованным обыскам казнить смертию, а животы их продать в выть». Но когда разбойник на пытке отрицал свою причастность к разбою, а «многие люди» в обыске обвиняли его, то его «по обыскам» пытали вторично. При отрицании вины на второй пытке закон требовал его «по обыском вкинуть в тюрьму» (XXI, 28, 41). Различие между двумя этими нормами состоит в том, что в первом случае отягчающим вину обстоятельством признавалось обвинение других в разбое при сокрытии своего участия в нем. Использование же обыска как средства проверки показаний, данных под пыткой, означало усиление черт розыскного процесса в судопроизводстве.

¹³ ПРП, V, с. 244; VI, с. 418.

Уложение предписывало определенную процедуру оформления обыска в отношении татей и разбойников. Оговоренных на пытке и опознанных на очной ставке, если они просили об обыске, отдавали за пристава, т. е. брали под стражу. «Дворы их и во дворах животы их и хлеб молоченой запечатати; а стоячей хлеб и земляной переписать же, и приказати беречь тутощним и сторонним людем с поруками, докуды дело вершится» (XXI, 35). Предупредительные меры, направленные на задержание подозреваемых лиц и арест их имущества, упоминаются в Уложении неоднократно (XXI, 63). Дальнейший ход дела зависел от результатов обыска. Облихованных в обыске большинством его участников подвергали пытке и, если на пытке добивались признания в содеянном, обычно казнили; в отношении оговоренных ими новых лиц поступали так же как и в отношении их самих. Коль скоро пытка не вынуждала признаний, то сажали в тюрьму «до государева указа», а имущество шло в погашение иска. Пытали и в том случае, когда обыскные люди по своим показаниям распадались на равные части — одна обвиняла, а другая оправдывала. И здесь исход дела зависел от результатов пытки. Признание в преступлении влекло санкцию в зависимости от содеянного, а непризнание сопровождалось передачей пытанного на «чистую поруку». С тех же, кто его оговаривал в обыске, брали выть (XXI, 35, 39, 42).

Другой вариант исхода обыска предусматривал неопределенность его результата: одни утверждали, что не знают оговоренного, а другие, что знают, но не могут сказать, лихой или добрый он человек. В таком случае оговоренного заключали в тюрьму до указа, а животы продавали в выть. И только полное оправдание подозреваемого в обыске влекло его освобождение в форме передачи «на чистую поруку с записью» тем обыскным людям, которые его «одобряют», с имущества снимали арест и возвращали владельцу. В записи указывалось, что «ему впредь не красти и не розбивати, и лихим людем, татем и разбойником приезде к себе не держати, и татинные и разбойные рухляди не перекупати, и иным никаким воровством не воровати». Особо оговаривалось, что при возникновении в дальнейшем в отношении данного лица нового дела поручителям «его поставити». Если станет известно о его участии в разбое, а обыскные люди скрыли, то оговоренному назначалась пытка (XXI, 29, 36, 43). За ложные показания при повальном обыске обыскные люди привлекались к ответственности. Сам факт ложных показаний расценивался как укрывательство татей и разбойников (XXI, 61).

Закон оставлял право за облихованными в обыске людьми опротестовать обыск на том основании, что «окольные люди лихо вали по недружбе». Пытка в таком случае отменялась и назначался повторный обыск. И если во втором обыске «их многие люди одобряют, и воровства на них никоторого не скажут», причем в новом обыске обыскных людей будет больше человек на

15—20, то дело вершилось по этому обыску. На первых же обыскных людей, «которые их лиховали неделом», накладывались государева пеня и наказание по государеву указу. Если же повторный обыск подтверждал причастность обвиняемого к лихим делам, то его снова пытали. Вину — казнили, не вину — сажали в тюрьму «по обыскам» (XXI, 44, 76).

Из сказанного видно, что в розыском процессе пытка и обыск как средства дознания тесно взаимодействовали и дополняли друг друга, но для назначения очной ставки и пытки обличение в обыске было обязательно не во всех случаях. Привод и обвинение феодалом своих людей и крестьян в татьбе, разбое или подводе, «а языки на них в том не говорят», служили достаточным основанием для назначения пытки без обыска (XXI, 48). Свидетельство феодала в отношении зависимых от него лиц имело большую доказательную силу, чем показания в обыске многих местных жителей. Вместе с тем необходимо отметить, что Уложение устанавливало единые основания для возбуждения уголовного преследования за татьбу и разбой, независимо от социальной принадлежности обвиняемого. Однако допрос под пыткой дворян применялся лишь после того, как донос на них подтверждался предварительным допросом под пыткой соучастников преступления из числа их холопов и крестьян (XXI, 47).

Примером многократности пыток может служить казус, когда пытанный по поличному утверждал, что купил или выменял поличное у другого лица. Если оговоренный «на очной ставке запрется» и будет отрицать продажу или обмен поличного, то владельца поличного пытали вновь. Подтверждением им тех же показаний на новой пытке влекло пытку оговоренного. Признание последним под пыткой продажи или мены поличного подразумевало назначение ему новой пытки с целью установить, у кого он взял поличное. Если не винулся, то его отдавали на чистую поруку. Иск же по поличному взыскивали на том, у кого поличное (XXI, 75).

Заключая обзор судопроизводства и процессуального права, отметим, что детальная регламентация процедуры следствия и судебного процесса в Уложении — свидетельство развитости судопроизводства в XVII в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В феодальном обществе право в своем развитии проходит три стадии: относительно единое право, партикулярное и унифицированное.¹ Каждая из этих фаз отвечает определенному уровню развития производственных отношений и политической надстройки. Стадия унифицированного права возникает в процессе становления единого государства. В России она отмечена возникновением единых кодексов национального права — Судебников 1497, 1550 гг. и — как вершины процесса — Уложения 1649 г.

Уложение возникло в пору значительной по масштабам законодательной деятельности царского правительства, приходящейся на второе—пятое десятилетия XVII в. Уложение 1649 г. — качественно новый в истории феодального права России кодекс, значение которого состоит прежде всего в дальнейшей разработке системы феодального законодательства. В нем представлено право, выражающее коренные интересы господствующего класса и регулирующее в масштабе всей страны многие процессы социально-экономической, политической и правовой сфер феодальной России. Тем самым в значительной мере были преодолены остатки партикуляризма, свойственные предшествующему периоду.² Преобладающей формой права стал закон, который в заметной мере потеснил и подчинил себе обычное право.

Другой аспект всеобщности закона выражен в словах предисловия к Уложению: «...чтобы... суд и расправа была во всяких делах всем равна»,³ — под которыми следует понимать всеобщее подчинение государственному суду и закону. Но закон не

¹ Общая теория государства и права. Т. 2. Общая теория права. Л., 1974, с. 68—69.

² Наряду с Судебником 1550 г., имевшим общероссийское значение, существовал Судебник 1589 г., действовавший в черпосопных волостях Севера России (см.: Судебники XV—XVI вв. М.—Л., 1952, с. 423—442). Одним из признаков преодоления партикуляризма было то, что Уложение в ряде случаев распространило законы, имевшие до него локальное значение (например, законы о корчемничестве, применявшиеся только в Москве), на всю территорию государства.

³ Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное Уложение 1649 г. М., 1961, с. 67.

был одинаков для всех сословий. Право-привилегия для феодального класса остается доминирующим принципом Уложения.

Проведение же принципов территориальной и посословной общности права в период до Уложения в условиях ограниченных сфер действия письменных законов, выраженных главным образом в форме многочисленных, исходящих от разных инстанций указов, было невозможно. Введение единого и напечатанного кодекса законов не только отвечало возросшим задачам феодальной государственности, но и делало возможным унификацию и упорядочение феодального судоустройства и судопроизводства в масштабах всей страны. Сказанное касалось всех сфер общественной жизни феодальной России, начиная от землевладения и правового положения классов и кончая политической и правовой надстройками.

Маркс и Энгельс определяли феодальную собственность на землю как собственность сословную, корпоративную, иерархическую. Эти ее черты объясняют отсутствие единого права собственности для всех классовых групп, что видно из Уложения. Даже в отношении земельной собственности права менялись в зависимости от того, была ли земля «отчиной», «куплей», приданым и т. п., не говоря уже о различии прав на вотчины и поместья. Вместе с тем, закрепляя прежние и открывая новые аспекты сближения поместья с вотчиной и их взаимопроникновения (мена поместий на вотчины, продажа поместий в вотчины), Уложение способствовало расширению и укреплению социальной базы феодального строя России. В той мере, в какой Уложение открывало выход поместьям в вотчины, оно смотрело вперед; в той мере, в какой оно ограничивало этот процесс и гарантировало правовую неприкосновенность поместья, Уложение отражало текущие потребности, продиктованные внутриполитической и внешнеполитической обстановкой первой половины XVII в. В целом Уложение 1649 г. послужило крупной вехой на пути развития феодального вотчинного и поместного права в направлении укрепления феодальных прав на землю и создания единого права феодальной поземельной собственности.

В полном соответствии с поземельным правом складывался правовой статус крестьянства. Монопольное право владения крестьянами закреплялось в Уложении за всеми категориями служилых чипов по отечеству. Закон о наследственном (для феодалов) и потомственном (для крепостных) прикреплении крестьян с вытекающим отсюда правом бессрочного сыска беглых, распространенный как на частновладельческих, так и на чернососных крестьян и бобылей, еще более закабалил феодально зависимых людей. Уложением узаконена целая система документальных оснований крепостной зависимости и сыска беглых крестьян. В то же время признание экономической связи феодального владения с крестьянским хозяйством нашло выражение в защите законом имущества и жизни крестьянина от произвола феодала.

В части гражданских дел, касающихся личных имущественных прав, и в уголовных делах крестьяне оставались субъектом права. Крестьянин мог участвовать в процессе в качестве свидетеля, быть участником повального обыска. Таким образом, Уложение 1649 г., завершив юридическое оформление крепостной зависимости, одновременно стремилось замкнуть крестьянство в сословных рамках, запрещало переход в другие сословия, законодательно в какой-то степени ограждая от своеволия феодалов. Это обеспечивало для той поры устойчивое равновесие и функционирование всей феодально-крепостнической системы.

Уложение 1649 г. включает обширный свод законов холопьяго права, составляющий важнейшую часть права феодальной России. Кодекс отразил завершение процесса отмирания прежних категорий холопства и вытеснения их кабальным холопством. А это последнее, будучи также обречено на отмирание в относительно близком будущем, в XVII в. продолжало быть средством мобилизации феодальной системой свободных элементов общества. Одним из каналов такой мобилизации стало добровольное холопство. Вместе с тем кодекс холопьяго права был создан в ту пору, когда холопство уже проделало заметный шаг в направлении слияния с крепостным крестьянством. И все же доминирующей оставалась линия Уложения на консолидацию холопьяго сословия, на укрепление его сословных рамок в эпоху наибольшей консолидации основных классов-сословий феодального общества. Этим определялось обособленное положение кабальных холопов, продолжавших играть важную роль в социальной структуре общества.

В определении правового положения сословия посадских людей Уложение в значительной мере опиралось на законодательство 20—40-х гг., принятое в ходе так называемого посадского строения. Уложение закрепило за посадскими людьми монопольное право владения и распоряжения дворами и торгово-ремесленными заведениями на посадах, но в то же время прикрепило их к посаду и тяглу. Другие прослойки городского населения — служилые люди по прибору и гостинная и сукодная корпорации торговых людей — несли государственное тягло в том случае, если имели торговые и промысловые заведения на посадах, но могли продать их посадским людям и тем самым освободиться от тягла. Положение посадских людей, таким образом, в сравнении с положением этих групп было принижено, и хотя они получили удовлетворение своих сословных требований в форме почти полной ликвидации боярских и монастырских слобод и промысловых заведений на территории посадов, Уложение, однако, еще более вводило развитие городов в рамки крепостнических отношений и подчиняло это развитие интересам феодального государства. Посад замыкался в сословные рамки, неприкосновенность которых гарантировалась законом.

Правовое положение основных феодально зависимых сословий — крестьян, помеотно-вотчинных и черносошных, холопов,

посадских людей — показывает, что в России к середине XVII в. на базе сословной замкнутости сложилась общегосударственная система крепостного права.

Соответственно этому Уложение закрепляло права и привилегии господствующего класса феодалов под эгидой дворянства. Интересы дворянства сыграли важную роль в формировании многих законов относительно землевладения, крестьянства, судопроизводства. Еще В. О. Ключевский отметил, что в Уложении «главное внимание обращено на дворянство, как на господствующий военно-служилый и землевладельческий класс; без малого половина всех статей Уложения прямо или косвенно касается его интересов и отношений. Здесь, как и в других своих частях, Уложение старается удержаться на почве действительности».⁴ В сущности и декларация Уложения — «всяких чинов людям от большего и до меньшого чину суд и расправа были во всяких делах всем равна» — есть прежде всего стремление пойти на — встречу требованиям дворян в части равных законов и суда для бояр и дворянства. Уложение во многих отношениях осуществило это равенство, хотя и не во всем. Привилегированная часть боярства (прежде всего члены Боярской думы) подсудны суду царя. И все же с Уложением связан определенный шаг на пути превращения боярства как родовитого и обособленного слоя, стоявшего над дворянством, в дворянскую знать XVII в., политически и по происхождению в значительной мере связанную с дворянством. Сказанное позволяет заключить, что Уложение 1649 г. отразило через призму закона заметный этап процесса консолидации основных классов-сословий России периода развитого феодализма: крестьянства, посадских людей — горожан — и господствующего класса под эгидой дворянства.

Уложение 1649 г. впервые в истории русского законодательства дало наиболее полное выражение статуса власти царя в условиях перехода от сословно-представительной монархии к абсолютизму. В кодексе раскрыт состав государственного аппарата центрального (царь, Боярская дума, приказы) и на местах (воеводское управление, губные старосты и их аппарат). Нормы, регулирующие деятельность центральных учреждений, представлены преимущественно в части судопроизводства.

Уложение показывает, что феодальное государство — хотя и главный, решающий, но не единственный элемент политической организации феодального общества. Важную роль играет церковь, которой отведена отдельная глава, поставленная на первое место. В интересах усиления царской власти Уложение подрывало экономическую мощь церкви, лишив ее легальной возможности увеличивать земельные владения, иметь слободы и торгово-промышленные заведения в городах. Созданием Монастырского

⁴ Ключевский В. О. Сочинения, т. III. М., 1957, с. 142.

приказа ограничивались привилегии церкви в области управления и суда. Эта реформа не была последовательной. В руках патриарха оставались земельные владения и собственный суд, который, однако, был подчинен царю и Боярской думе. Вместе с тем Уложение брало под защиту закона вероучение церкви и сложившийся в ней чин службы, видя в их ослаблении падение авторитета церкви и ее влияния на массы.

В сфере местного управления Уложение отразило ведущее положение бюрократических звеньев воеводской власти, но в то же время показало, что низовой аппарат не был еще полностью оторван от населения и использовал институты и обычаи, свойственные общинному строю.

Наличие в политической организации России середины XVII в. элементов, формально не принадлежащих к органам государственного аппарата, не противоречило тому обстоятельству, что ведущей силой было феодальное государство. Отсюда получили в Уложении правовое оформление понятия государственного суверенитета, государственной безопасности, подданства и воинского долга. Впервые в истории русского законодательства дано систематическое описание государственных преступлений и определен процесс по ним. Таким преступлениям придан политический характер; они квалифицируются как измена государю и Русскому государству, а их целью признается стремление самому быть государем (самозванство).

В особый разряд выделены военные преступления, основными из которых считались переход на сторону неприятеля и любые формы сношений с ним. Впервые введено понятие умысла как стадии преступления и определено наказание за него. В этих разделах Уложения значительное место занимают нормы процессуального права по делам о политических преступлениях. Исходным процедурным моментом является извет — донос, возводимый в норму закона, обязательную для всего населения.

В Уложении получили значительную разработку вопросы материального и процессуального права и судопроизводства. Заметно стремление совершенствовать судебно-административную систему, оградить ее от злоупотреблений со стороны воеводского и судебного аппарата и обеспечить соответствующее законам решение судебных дел.

Правовая защита земельной собственности как собственности феодальной не исключала защиты земельных владений крестьян — неперемennого условия сельскохозяйственного производства в феодальном обществе. В сфере защиты земельной собственности и объектов сельскохозяйственного производства тесно переплетались предусмотренные законом уголовная и гражданская ответственность. Наиболее часто при защите объектов сельского хозяйства и имущества вступали в силу обязательства из причинения вреда. Уложение различало при этом действия умышленные и непреднамеренные, влекущие разные правовые по-

следствия. В первом случае следовало возмещение ущерба, во втором — нет.

В Уложении закреплена та стадия развития обязательственного права, при которой вытекающие из договоров обязательства распространялись не на само лицо, а на его имущество. При невозможности выплаты долга следовала его отработка («отдача головою до искупа») по установленной повременной цене. Здесь также выступал сословный характер права: крестьяне и холопы несли ответственность по обязательствам своих господ.

Уложение предусматривало широкую практику договорных отношений, которые скреплялись официально разрешенными актами (договора поклажи, подряда и сервитутное право).

Семейное право по Уложению совмещало в себе элементы гражданского и уголовного права. В основе его лежали имущественные отношения. Имело место расширение наследственных прав женщин (вдов, дочерей, сестер). Ряд семейных преступлений впервые регулируется светским законодательством (например, преступления детей против родителей). В целом Уложение закрепляло неограниченное право родителей в отношении детей, а мужа в отношении жены.

На разработку норм уголовного права первой половины XVII в. оказало воздействие усиление классовой борьбы, связанное с событиями начала XVII в. и восстаниями 1648 г. В Уложении уточнено понятие «преступления» как противления царской воле и правопорядку, установленному государством, и даны стадии преступления: умысел, покушение на преступление и совершение преступления. Впервые в истории русского законодательства дана классификация преступлений (антигосударственные, против церкви, уголовные и гражданские правонарушения). По систематике преступлений и их правовой квалификации соответствующие разделы Уложения — песомненный шаг вперед в сравнении с судебниками и указными книгами Разбойного приказа. Из уголовных преступлений большое внимание уделено убийству. Санкция определялась в зависимости от наличия умысла или его отсутствия, социального лица преступника и потерпевшего и места совершения преступления (в церкви, царском дворе или вне этих мест). Увечье, побои и членовредительство наказывались физически, не исключая принципа тальона, а также возмещением бесчестья. Крупнейшими преступлениями считались разбой и татьба. Разбой, как более опасный вид преступления, наказывался суровее, чем татьба.

Получило дальнейшее развитие вменение вины. Уложение закрепило возникшие в законодательстве предшествующего периода понятия умысла, неосторожности, случайности, хотя и не было еще сколько-нибудь четкого их разграничения. Были выделены обстоятельства, влияющие на определение степени виновности или на ее устранение, — необходимая оборона, крайняя необходимость. Однако применение средств самообороны и ее послед-

ствия не ставились в связь со степенью опасности. Отягчающим вину обстоятельством признавалась повторность преступления. Получили более подробную, чем в судебныхниках, разработку вопросы соучастия в преступлении. Выделялся главный виновник от пособников, попустителей, укрывателей и недоносителей. Наконец, в отличие от ранних стадий развития русского права, уголовная ответственность ложилась теперь на все прослойки общества, хотя и на основе принципа права-привилегии. Окончательно закрепилось положение, когда на государственные органы возлагалась обязанность карать преступников независимо от жалоб потерпевших.

В обстановке усиления классовой борьбы и роста государственного аппарата система наказаний носила откровенно террористический характер. Целью становился устрашение. Видами наказаний были: смертная казнь, телесные наказания, лишение свободы, лишение чести, имущественные взыскания (штрафы). Смертная казнь делилась на простую и квалифицированную и применялась более чем в шестидесяти случаях. Телесные наказания были членовредительные и болезненные. Изоляция от общества (тюремное заключение, ссылка) предусматривалась в большем числе случаев, чем в предыдущем законодательстве. Характерной была множественность наказаний за одно и то же преступление. И систему наказаний пронизывало право-привилегия.

Для судопроизводства XVII в. характерно сосуществование состязательного (обвинительного) и розыскного (следственного) процессов. Рост классовой борьбы и усиление абсолютистских черт монархии выдвигали на первый план розыскной инквизиционный процесс. Он преобладал в политическом и уголовном судопроизводстве, а состязательный — в гражданском. Однако четкого разделения между ними не было. Другая особенность судопроизводства феодального времени, в том числе и по Уложению, состояла в отсутствии отделения суда от администрации.

Процессуальное право также получило детальную разработку. В части гражданских дел дана подробная регламентация порядка работы судей и судебного разбирательства. Существенное значение имели письменные доказательства (документы, крепости) и свидетельские показания. Значимость последних определялась сословным положением свидетелей. Свидетельские показания были индивидуальными, групповыми, повальными. Видное место в системе доказательств занимала общая ссылка сторон на одних свидетелей. При отсутствии или недостаточности доказательств прибегали к крестоцелованию. В гражданском судопроизводстве допускалось примирение сторон.

Судопроизводство по политическим преступлениям отличалось от судопроизводства по собственно уголовным делам 1) по цели (политические — против государства, уголовные — против личности, ее жизни, имущества), 2) системой подсудности (полити-

ческие входили в компетенцию Боярской думы и царя, разбой и татьба — Разбойного приказа и воевод на местах), 3) процессуально.

В политических делах практиковались извет и сыск по нему с целью получить признание вины подсудимым — как решающее доказательство; в разбойных делах и в делах по татьбе — иск, письменная явка о краже или грабеже, поличное. В розыскном процессе большое значение придавалось пытке с целью получить признание вины самим подсудимым. Пытка и обыск в ходе следствия сменяли и дополняли друг друга.

Своеобразная предметная система права Уложения определялась особенностями общественного и государственного строя России середины XVII в. Нормы материального и процессуального права нередко совмещались, а судебный процесс дан в последовательности от возбуждения дела до исполнения судебного решения.

С технико-юридической точки зрения Уложение как кодекс феодального права явилось значительным шагом вперед в сравнении с судебниками и указными книгами приказов: в нем дана более развитая система права.

Будучи действующим сводом права своего времени, Уложение 1649 г. служит вместе с тем и крупным памятником юридической мысли. В нем в отношении охраны собственности, жизни и здоровья людей, государства и особы царя определены, обобщены и систематизированы правовые понятия, которых в такой степени обобщения и конкретизации не было в предшествующем законодательстве. Уложение 1649 г., дважды напечатанное на протяжении XVII столетия общим тиражом 2400 экземпляров, было значительно и как произведение культуры, письменности, язык которого в большой степени приближался к разговорной «речи московского типа».

Как кодекс права Уложение во многих отношениях отразило поступательные тенденции развития феодального общества. В сфере экономики оно закрепило путь образования единой формы феодальной земельной собственности на основе слияния двух ее разновидностей — поместий и вотчин. В социальной сфере Уложение отразило процесс консолидации основных классов-сословий, что, с одной стороны, привело к определенной стабильности феодального общества, а с другой — подготовило условия для обострения классовых противоречий и усиления классовой борьбы, на которую безусловно влияло установление государственной системы крепостного права. Недаром с XVII в. открывается эра крестьянских войн.

В сфере политической кодекс 1649 г. отразил начальный этап перехода от сословно-представительной монархии к абсолютизму. В отношении церкви как политического института Уложение определило некоторые пути подчинения ее государству, частично наметив меры, осуществленные в ходе преобразований первой четверти XVIII в.

В сфере суда и права с Уложением связан определенный этап централизации судебно-административного аппарата, детальная разработка и закрепление системы суда, унификация и всеобщность права на основе принципа права-привилегии.

Указанные черты Уложения 1649 г. объясняют, почему оно более двухсот лет не утрачивало своего значения: открывало собою в 1830 г. Полное собрание законов Российской империи и в большой мере было использовано при составлении XV тома Свода законов и уголовного кодекса 1845 г. — «Уложения о наказаниях». Использование его во второй половине XVIII в. и в первой половине XIX в., в период развития капитализма и разложения феодальных отношений, означало, что консервативные режимы этого времени искали в Уложении опору для укрепления самодержавного строя.

С Л О В Н И К

ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В КНИГЕ ТЕРМИНОВ УЛОЖЕНИЯ¹

Алтын	— денежная единица. В алтыне 6 денег, или 3 копейки.
Архиепископ	— главный епископ, глава самостоятельного церковного округа.
Архимандрит	— высшее духовное звание монашествующего священника, начальник выдающегося по значению или по древности монастыря.
Батог	— палка, хлыст, употреблявшиеся для наказания преступника.
Безвытно	— без уплаты <i>выти</i> (см.).
Безчинник	— нарушитель порядка церковной службы.
Белозерцы	— жители города Белозерска, или Белоозера (в XVII в.).
Беломестцы	— владельцы городских <i>Белых мест</i> (см.), а также жители этих мест.
Белые места	— городские дворы и дворовые участки бояр, крупного духовенства и монастырей, освобожденные от податей и повинностей.
Беспоместный	— не имеющий поместья.
Бесчестье	— деяние, направленное против чести и достоинства лица; пени, штраф за оскорбление чести.
Биричь (бирюч)	— глашатай, объявлявший указы в публичных местах.
Бити челом	— просить о чем-нибудь, подавать <i>челобитье</i> (см.).
Бобровые гоны	— места ловли бобров.
Бобровые угодья	— места, где водятся бобры.
Бобыли	— обедневшие крестьяне, освобожденные от крестьянского тягла и платившие бобыльский оброк. Были и зажиточные бобыли, занятые промыслами и ремеслом.
Бортное дерево	— дерево с дуплом, в котором водятся пчелы.
Бортные ухажья	— участки лесного пчеловодства.
Бояре	— высший разряд служилых людей.
Боярские люди	— холопы и крестьяне.
Бусурман	— неправославный, в узком смысле — мусульманин.

¹ При составлении Словника использованы Указатели книг: Тихомиров М. Н., Елифанов П. П. Соборное Уложение 1649 г. М., 1961, с. 309—448; Памятники Русского права, вып. VI, М., 1957, с. 469—501.

Варницы	— соляные варницы — заведения, в которых из соляного раствора вываривалась соль.
Вера	— присяга (см. <i>Крестное целование</i>).
Верстанье	— зачисление на военную службу с назначением денежного и поместного оклада.
Вершение	— завершение дела и исполнение приговора (чаще в смысле предания смертной казни).
Вину отдать	— простить.
Власти	— название высшего духовенства.
Воевода	— командир войска, правитель города и уезда.
Волокита	— длительная задержка в рассмотрении и решении дел.
Волость	— местная административная единица, часть уезда.
Воля	— освобождение от крепостной и холопской зависимости.
Воротник	— служилый человек, приставленный к городским или крепостным воротам.
Вотчина	— земельное владение, принадлежащее феодалу по томственному с правом продажи, залога, дарения.
Вотчина выслуженная	— вотчина, полученная за службу.
Вотчина родовая	— вотчина, унаследованная феодалом от своих предков.
Вотчик	— владелец вотчины по наследству.
Вчинать	— возбуждать иск.
Выбор	— высший слой провинциального дворянства, отобранный для службы в Москве и войске.
Вывод	— побор, взимаемый с крестьян при выходе крестьянских девушек замуж в другие поместья, вотчины или волости.
Выдать головою	— отдать должника кредитору до отработки долга.
Выпись правяжная	— выпись для исполнения судебного приговора (см. <i>Правеж</i>).
Выть	— доля, участок, пай, единица обложения.
Гать	— топкое место, дорога, заваленные хворостом, соломой, землей.
Голова	— выборный или назначенный человек, стоящий во главе дела: таможенный, стрелецкий, казачий и т. п.
Головы верные	— лица, выбранные для сбора таможенных, кабацких и иных денег.
Головы объезжие	— лица, несшие полицейскую службу в пределах города.
Головы стрелецкие	— начальники стрелецких приказов.
Города понизовые	— города, находившиеся по среднему и нижнему течению Волги (Казань, Астрахань и др.).
Города украинные	— города на окраине государства, главным образом на его южной границе.
Городовой приказчик	— лицо, в ведении которого находился город или его строительство.
Городьба	— изгородь, ограда.
Гости	— высший слой русского купечества XVII в.
Государево великое дело (или слово)	— форма обвинения в государственном преступлении, в замыслах или высказываниях против царя и членов его семьи.
Государево и земское дело	— общегосударственное дело.
Грамота	— всякий письменный документ вообще.
Грамота взвозная	— выдавалась на владение поместьем.

- Грамота данная — содержала подтверждение дара на землю.
- Грамота духовная — завещание.
- Грамота жалованная — грамота на пожалование вотчиной или поместьем.
- Грамота зазывная — по такой грамоте ответчик вызывался на суд в Москву.
- Грамота несудимая — освобождала от общей подсудности, от повинностей.
- Грамота отпускная — выдавалась холопу или крестьянину, отпускаемым на волю.
- Грамота полная — оформляла полное холопство.
- Грамота правая — «судный список», включавший протокол допроса сторон и решение суда.
- Губа — административный округ.
- Губная изба — орган местного управления, ведавший уголовными преступлениями на территории *губы* (см.), во главе которой стоял губной староста.
- Дача — реальный надел поместного владения; противопоставляется *окладу* (см.).
- Двор прибылый — вновь построенный и заселенный.
- Двор тяглый — двор, владелец которого несет крестьянское или посадское тягло.
- Дворяне выборные — высший разряд провинциальных (городовых) дворян, служивших в дальних походах «по выбору» и получавших высшие поместные оклады и дачи.
- Дворяне городовые — дворяне провинциальных городов.
- Десяток правый — судебная пошлина, взимаемая при пересмотре дела.
- Десяцкие — старосты по выбору населения.
- Дети боярские — низший разряд служилого дворянства, мелкие помещики.
- Дети боярские верстанные — внесенные по «разбору» в служилый список и наделенные поместьями.
- Дети боярские городовые — приписанные к городам, в отличие от московских.
- Дикое поле — нераспаханная степь на юге страны. В XVII в. дикое поле шло на юг от Курска и Белгорода.
- Доезд — см. *Память доездная*.
- Долг кабальный — долг, связанный с закабалением человека (см. *Кабала заемная*).
- Доправить — получить, выискать.
- Драгуны — конные ратные люди.
- Духовная — см. *Грамота духовная*.
- Дьяк — вершил всем делопроизводством в приказах. Дьяки были и в воеводских избах больших городов.
- Дьяк думный — дьяк, заседавший и ведший делопроизводство в Боярской думе.
- Дьякон — церковный служитель.
- Дьячок — писец и делопроизводитель в земской или в губной избе. Другое значение — низший церковный служитель.
- Езд — плата с ответчика в пользу *пристава* (см.) и *недельщика* (см.).
- Епископ — одно из высших лиц в церковной иерархии, стоящее во главе особого округа — епископии.

Жалованье государево	— земельное, денежное и хлебное жалованье, которое получали служилые люди.
Жеребьевка	— разновидность «божьего суда» при решении судебных споров об имуществе. Участники спора тянут жребий, который покажет, кому из них достался спорный предмет.
Животы	— имущество.
Животы глухие	— имущество беглого крестьянина, стоимость которого не известна хозяину.
Жильцы	— дворяне московского чина, стоявшие на служебной лестнице выше городских дворян.
Заговорщики	— помощники или «товарищи» <i>недельщика</i> (см.).
Заказ	— запрещение.
Закладная	— документ на заклад имущества.
Запертые луга	— огороженные луга.
Запираться	— отрицать обвинение.
Запись жилая	— запись, оформлявшая зависимость от займодавца с обязательной отработкой процента.
Запись поручная	— запись с поручительством за кого-либо.
Запись поступная	— запись о добровольной уступке имущества.
Заповедь	— запрещение.
Заряд	— сумма денег, данная под неустойку.
Зернь	— игра в кости.
Извет	— донос.
Искуп	— отработка долга.
Истина	— сумма долга по займу (без процентов).
Кабала	— письменный документ, ставящий в зависимость одно лицо от другого.
Кабала заемная	— заемный документ.
Кабала закладная	— документ на заклад имущества.
Кабала служилая	— документ, оформлявший кабальное холопство.
Кабальное холопство	— см. <i>Холоп кабальный</i> .
Казнь торговая	— наказание кнутом на торговой площади.
Клепать, поклепать	— ложно обвинить.
Книга кабальная	— книга записи кабал.
Книга отдельная	— книга с записью актов на выдел земли.
Книга отказная	— книга с записью актов на отказ (передачу) земли от одного владельца к другому.
Книга переписная	— книга переписи тяглых дворов с указанием мужского населения.
Книга писцовая	— книга записи тяглых дворов городов и уездов с указанием размеров тягла.
Колодник	— арестант.
Корм	— деньги и съестные припасы, выдаваемые за службу.
Корчма	— тайный кабак, питейный дом, место незаконной продажи вина, пива, меда.
Крепость	— документ.
Крепость нарядная	— документ поддельный.
Крестное целование	— клятвенное обещание и заверение, закрепленное целованием креста.
Купец	— покупатель.
Купчая	— документ, оформляющий покупку имущества, земли.

Лета	— годы.
Лихие люди	— разбойники, грабители.
Лихое дело	— убийство, разбой, кража.
Люди даточные	— набирались в войско с поместий и вотчин по разверстке.
Люди думные	— заседающие в Боярской думе (бояре, окольничие и думные дворяне).
Люди лучшие	— состоятельные, зажиточные.
Люди обыскные	— люди, принимавшие участие в обыске (см.).
Люди приказные	— люди, служившие в приказах и в воеводских избах (дьяки, подьячие, писцы).
Люди ратные	— военные люди.
Люди служилые	— название всех людей, обязанных службой государству и получающих поместье или денежное жалованье. Делятся на два разряда: служилые люди по отечеству (феодалы) и служилые люди по прибору.
Люди тяглые	— посадские люди и крестьяне, обложенные пода- тями и повинностями, <i>тяглом</i> (см.).
Люди черные	— см. <i>Люди тяглые</i> .
Люди ясачные	— обложенные <i>ясаком</i> (см.).
Межа	— граница земельных владений.
Межевание земель	— установление границ между владениями.
Мостовщина	— пошлина за проезд по мосту.
Мотчанье	— волокита, задержка.
Мыт	— пошлина с провозимых товаров.
Наддача	— прибавка к поместному окладу.
Нарядное дело	— преднамеренное дело, злоумышление.
Недельщик	— человек, исполняющий поручение суда по неделям.
Недоросль	— дворянин, не достигший совершеннолетия и не несущий службы.
Нопокрещены	— принявшие православие.
Образное хождение	— применялось при спорах о границах земельных владений, вдоль которых ходили с иконой.
Обыск	— опрос местных людей с целью установить причастность подозреваемого к преступлению.
Обыск повальный	— при нем взрослое окольное население подвергалось повальному опросу.
Обыскные речи	— показания свидетелей при обыске.
Одабривание	— приравнивание худой и средней земли поместий к хорошей земле в определенном отношении.
Оклад	— размер земельного и денежного жалованья, назначаемого служилому человеку за службу в зависимости от чина и рода службы.
Окольничий	— второй чин после боярина.
Окуп	— выкуп.
Опала	— царский гнев, сопровождающийся репрессиями — конфискацией имущества, арестами и ссылкой.
Отвод поличного	— отклонение подозрения в краже путем доказательства законного приобретения вещи.

Откуп	— сбор казенных доходов откупщиком за определенную сумму денег, внесенную им в казну.
Откупщик	— человек, взявший на откуп казенные доходы.
Память доездная	— документ, даваемый посланному с наказом выяснить, находится ли на месте то или иное лицо.
Память приставная	— память <i>приставу</i> (см.).
Пашня живущая	— обрабатываемая.
Пашня четвертная	— пашня, измеренная в четвертях и обложенная тяглом.
Пеня	— штраф в пользу казны за правонарушения.
Переем	— плата за поимку холопа или за привод пойманной лошади.
Пересуд	— судебная пошлина, взимаемая при пересмотре судебного дела.
Печатная пошлина	— пошлина за наложение печати.
Поверстный срок	— льготный срок для предоставления документов, свидетелей и т. д. в суд в зависимости от расстояния местожительства ответчика до Москвы в верстах.
Подвод	— привод воров, грабителей.
Подворье	— дворы епископов, монастырей в городах.
Подмет	— подбрасывание вещей с целью обвинения в краже.
Подпищик	— составитель подложной, фальшивой грамоты.
Подьячий	— помощник дьяка, делопроизводитель в приказах и воеводских избах.
Подьячий площадной	— писец, сидевший на площади и составлявший челобитные и другие бумаги по заказу частных лиц.
Пожелезное	— пошлина за взятие под стражу или содержание под стражей.
Поклажея	— положенное на сохранение или под заклад.
Поличное	— украденная вещь, найденная у вора и уличающая его в краже.
Полон	— плен.
Полоняник	— пленник.
Поместная дача	— см. <i>Дача</i> .
Поместный оклад	— см. <i>Оклад</i> .
Поместье	— земельное владение, данное обычно в пожизненное владение на условиях военной или какой-либо другой государственной службы.
Поместье прожиточное	— поместье, данное служилым людям, не несущим службы из-за старости или болезни, а также вдовам и их детям.
Помета	— отметка на документе о его регистрации.
Понятой	— лицо из местного населения, взятое для присутствия при обысках, дознаниях и т. п.
Порука	— поручительство за кого-либо. Оформлялось поручной записью.
Поручник	— поручитель.
Посад	— община городских жителей, обложенных податями и повинностями.
Послук	— свидетель.
Посулы	— взятки, обещание заплатить за благоприятный исход дела.
Пошлина	— разовый сбор, налог.
Правеж	— взыскание недоимок и долгов посредством битья кнутом на площадях.

Приполок	— добавка, дополнительная часть урожая, семян.
Пристав	— должностное лицо, выполнявшее обязанности по обеспечению явки сторон в суд.
Приставище	— убежище, притон.
Продажи	— убытки, взыскания, пени.
Проести и волокиты	— убытки, связанные с оттяжкой в ведении дела.
Прожиточные люди	— зажиточные.
Протодьякон	— старший дьякон в соборах.
Протопоп	— настоятель собора.
Пыточные речи	— показания, данные под пыткой.
Разбор	— смотр служилых людей для определения годности их к военной службе.
Распросные речи	— показания на допросах.
Род	— родня, родственники.
Рост	— проценты на выданные в займы деньги.
Рухлядь	— имущество, вещи.
Свада	— сводничество, блуд.
Сказка	— донесение, показание.
Скоп и заговор	— предумышленное скопление людей для бунта.
Слобода	— часть города, обычно заселенная людьми одного рода занятий.
Служилые люди «по отечеству»	— бояре, дворяне, дети боярские, обязанные службой и получающие жалованье в виде земли, хлеба, денег.
Служилые люди по прибору	— стрельцы, пушкары, воротники, городовые казаки и пр. Получали хлебное и денежное жалованье, частично земельный надел.
Снос	— похищение вещей.
Собор освященный	— организация высших иерархов церкви.
Сотня гостинная	— организация крупных торговых людей Москвы.
Сотня суконная	— организация торговых людей Москвы с меньшими торговыми и промысловыми оборотами, чем в гостинной сотне.
Ссылка (опчал)	— ссылка кста и ответчика на одного или нескольких свидетелей по судебному делу.
Стольник	— придворный боярский чин.
Стряпчий	— придворная должность и звание, ниже столтника.
Сыск	— расследование, следствие.
Таможня	— пункт сбора торговых пошлин.
Тать	— вор.
Татьба	— кража.
Тягло	— повинности крестьян и посадских людей.
Урочные лета	— срок сыска беглых крестьян.
Хоженое	— см. <i>Езд.</i>
Целовальник	— выборные должностные лица, целовавшие крест и обещавшие честно исполнять свою должность.
Цена указная	— цена, установленная законом.

Челобитная	— прошение.
Черная волость	— волость, населенная черносошными (государственными) крестьянами.
Черные люди	— люди, обложенные тяглом, повинностями.
Шерть	— присяга мусульман на коране, язычников — по своему обычаю.
Явка	— сообщение и объявление о чем-либо на суде или по начальству.
Язык	— оговоривший при розыске другого человека в совершении преступления.
Язычные молки	— словесные показания, словесная молва.
Ясак	— подать, взимаемая с народов Поволжья и Сибири.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ¹

- Алексей Михайлович, царь 3—6, 13,
14, 16, 19, 20, 24, 25, 27, 33, 37,
44, 45, 47, 49, 50, 52—54, 62, 67,
95, 164, 173, 195, 198, 200, 204,
215, 229
- Ардашев Н. Н. 44
- Арсеньев К. И. 6
- Архангельский М. 37, 200, 201
- Бахрушин С. В. 34
- Беляев И. Д. 11, 35
- Бернер А. Ф. 4
- Бибииков Г. И. 92
- Бобровский П. О. 190
- Борзово Володимер, гость 55
- Борисов В. К. 21, 22
- Буганов В. И. 187
- Ваденюк П. Е. 20, 21, 52—54
- Валк С. Н. 111—113
- Василий Великий, православный бо-
гослов IV в. 37
- Венедиктов А. В. 102
- Веретенников В. И. 243
- Верховский К. 19—22, 62, 65, 204,
209
- Вершинская А. А. 5
- Веселовский С. Б. 24—26, 38, 95
- Владимирский-Буданов М. Ф. 14, 16,
17, 19, 21—23, 29, 30, 35, 38, 44,
45, 95, 101, 119, 122, 125, 126, 133,
209, 210, 215, 221
- Власьева Окулина, помещица 73
- Воейков Ортемий, жилец 73
- Волконский Ф. Ф., окольничий 43—
45, 48
- Волошенинов Михаил, думный дьяк
53
- Гавренев Иван, думный дьяк 53
- Гальперин Г. Б. 5
- Герберштейн С., цесарский посол
XVI в. 199
- Гессен Ю. И. 29, 193, 194
- Глотцнер Т. 27, 28
- Годунов Борис, царь 143
- Горская Н. А. 34
- Готье Ю. В. 62, 68, 80—82, 94
- Греков Б. Д. 34, 35, 39, 94, 95, 97,
98, 118
- Грибоедов Ф. А., дьяк 43, 44, 48, 49,
53, 54
- Грязев Мина, дьяк 138, 139
- Гурлянд И. Я. 243
- Демидова Н. Ф. 163
- Дмитрий Алексеевич, великий князь
52
- Долгоруков Ю. А., князь 49, 50, 139
- Дружинин Н. М. 109, 110, 148
- Друцкой С. А. 185
- Дьяконов М. А. 22, 25, 28, 29, 35,
38, 94, 118, 119, 139, 140

¹ Указатель составлен А. А. Вершинской.

Елизарьев Федор, думный дьяк 53
Епифанов П. П. 9, 16, 33, 34, 36,
39, 43, 52, 53, 145, 163, 250, 259
Ерошкин Н. П. 175
Есипович Я. Г. 10, 22

Забелин И. Е. 20, 21, 53
Загоскин Н. П. 13, 21, 45, 52, 54,
95, 139, 225
Заозерский А. И. 92
Заозерская Е. И. 100
Зимин А. А. 29, 31, 91, 135

Иван Грозный, царь 13
Иванов С. С. 32, 217, 225, 226
Иванова О. Е. 5
Иоасаф, патриарх 200
Иосиф, патриарх 53, 195

Кавелин К. Д. 8, 9, 19
Калачев Н. В. 18—20, 22, 53
Калинычев Ф. И. 33, 184, 185, 191,
192, 194
Карамзин Н. М. 5
Киселев П. Д., государственный
деятель XIX в. 110, 148
Ключевский В. О. 14, 15, 17, 35, 51,
94, 103, 253
Колычева Е. И. 111, 112, 114, 117,
118, 129, 133, 135
Копанев А. И. 5, 67, 72, 103
Корецкий В. И. 32, 34, 95, 135
Котошихин Г. 67, 98, 101, 102, 127,
128, 215, 218, 219
Кушева Е. Н. 117, 118

Ланге Н. И. 23
Лаппо И. И. 26, 31
Лаппо-Данилевский А. С. 76, 81,
83—85
Латкин В. Н. 14, 17, 22, 23, 26, 50,
53, 55
Лев Премудрый, византийский им-
ператор X—XI вв. 37

Ленин В. И. 163
Леонтьев Гаврила, дьяк 43, 44, 48,
49, 53, 54
Лигарид см. Папсий Личарид
Липовский В. 9, 16
Лоховицкий А. 194
Лушнов С. П. 54
Луцу Василий, молдавский госпо-
дарь 32, 34
Лыков Б. М., князь 138
Львов А. М., князь 21

Майерберг, барон, посол импера-
тора, переводчик Уложения 55
Майков В. В. 48, 49
Максимович Л. 114
Маньков А. Г. 35, 109, 153, 170
Маркс К. 251
Маргысевич И. Д. 36, 59
Мейчик Д. М. 20, 21, 48, 52—54, 55
Миллер Г. Ф. 20, 21
Михаил Всеволодович, князь Чер-
ниговский 45
Михаил Федорович, царь 43
Морозов Б. И., правитель при Алек-
сее Михайловиче 39—41, 45, 46
Морошкин Ф. 7—10
Мюллер Р. В. 41

Назаров В. Д. 31
Неволин К. А. 80, 139
Пеклюдов Н., криминалист XIX в. 4
Нечаев Григорий, дьяк Печатного
приказа 24
Никольский Н. М. 195—197, 203
Николай I, император 7
Никон, патриарх 21, 37, 46—48, 173,
198
Новомбергский Н. Я. 24, 55
Новосельский А. А. 34, 95
Посов Н. Е. 180

Огановский Н. 80
Одоевский Н. И., князь, глава Уло-

женной комиссии 3, 13, 16, 25,
36—38, 43—51, 142
Одоевский Яков, сын Одоевского
Н. И. 46
Ордин-Нащокин А. Л., боярин 46
Осокин Е. 203

Паисий Лигарид, Александрийский
патриарх 47
Панях В. М. 32, 34, 111, 113, 114,
118, 121, 125, 135, 137
Петрикеев Д. И. 100
Петр I, император 7
Пичета В. И. 31
Платонов С. Ф. 14, 49, 111
Плещеев Л. С., глава Земского при-
каза 40, 48
Победоносцев К. П. 125, 135
Полевой Н. 44, 45
Поляк А. Г. 31
Поммеренинг К., шведский резид-
ент 51, 52
Попов А. 200
Попов А. Н. 9, 10
Потоцкий Павел, шляхтич 46
Преображенский А. А. 34, 80
Прозоровский С. В., князь, член
Уложечной комиссии 43—45, 48

Решниц Б. А., князь, глава Сыск-
ного приказа 138
Риггубер Лаврентий, дипломат 46
Рождественский С. В. 59, 94
Ротенберг С. С. 164
Рыпдзюнский П. Г. 148

Сахаров А. М. 137
Сахаров А. Н. 28
Седашев В. Н. 62, 63, 69, 76, 83
Сербина К. Н. 5, 31, 32, 34
Сергеевич В. И. 12, 13, 26, 35, 129,
139
Сергеевский Н. Д. 23, 225, 226
Смирнов И. И. 34

Смирнов П. П. 23—25, 28, 29, 34,
40—42, 43, 50, 51, 56, 95, 137—141,
143, 144, 147, 152, 196, 218
Скрынников Р. Г. 91
Соловьев А. В. 26, 47
Соловьев С. М. 14, 200
Соломон, царь 47
Софроненко К. А. 33, 208, 211, 217,
225
Сташевский Е. Д. 80, 81, 95
Сторожев В. Н. 19, 38, 59—63, 65,
66, 68, 69, 72—74, 76, 80—82, 84—
87, 89
Стрепнев С. Л., боярин 47
Строгановы, именитые люди 108,
202
Строев В. 5—8, 10, 13, 19, 45
Сухотин Л. М. 92

Тарановский Ф. В. 26, 27
Тельберг Г. Г. 23, 24, 154, 155, 158,
159, 235, 241, 242, 244, 246
Тиктин Н. И. 18, 19, 22
Тихомиров М. Н. 16, 33, 34, 36, 39,
42, 43, 49, 52, 53, 56, 145, 163,
250, 259
Тихонов Ю. А. 34, 203
Траханянов П. Т., глава Пушкар-
ского приказа 40

Ундольский В. М. 47, 173, 198
Устюгов Н. В. 34, 167, 168, 172, 173,
195—198

Федоров М. М. 61, 236
Филарет, патриарх 200
Филиппов А. Н. 14, 133
Фридерик, герцог саксонский 46

Хелли Р. 28
Хофман П. 27
Христина, шведская королева 52

- Чаев Н. С. 195—198
 Черешнин Л. В. 32, 34, 38, 51, 118, 166
 Чернов А. В. 34, 60, 168, 184, 185, 187, 188
 Чернов В. М. 29—31, 36, 38, 204
 Черных П. Я. 32, 35—37, 45, 46, 48, 49, 52, 54, 55
 Черская Д. 27, 28
 Чистой Н., думный дьяк 39, 40
 Чистякова Е. В. 34, 39—41, 52, 138, 149, 157, 178, 187

 Шапиро А. Л. 98
 Шаховская Н. 25, 139
 Шереметев Ф. И., боярин, глава Печатного приказа 24
 Шмелев Г. Н. 17, 22
 Шорин В., гость 40
 Шпилевский С. М. 10, 11, 13

 Щапов А. П. 12, 13, 139

 Энгельман И. Е. 95
 Энгельс Ф. 251

 Юшков С. В. 33, 37, 38, 210, 211, 216, 217, 223, 225, 230

 Яковлев А. И. 49, 111, 118, 123, 124, 132, 133
 Якубов К. И. 51

 Czerska D. 27, 28
 Glötzner V. 28
 Hellie R. 28

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Историография Уложения	5
Составление кодекса, первые его издания, структура	39
I. Социально-экономический строй и правовое положение классов	58
1. Феодальная собственность и класс феодалов	58
Поместное землевладение, помещики	58
Вотчинное землевладение, вотчинники	79
2. Феодально зависимые люди	93
Крестьяне	93
Холопство	111
Городское население	137
II. Государственный и политический строй	154
Царская власть. Прерогативы и регалии	154
Боярская дума	163
Земские соборы	165
Приказы	167
Местное управление	175
Вооруженные силы	183
Церковь	194
Правовое обеспечение торговых путей	203
III. Право и судопроизводство	207
1. Право	207
Гражданское право	208
Уголовное право. Виды преступлений	216
Система наказаний	225
2. Судопроизводство и процессуальное право	228
Судопроизводство по гражданским делам	230
Судопроизводство по политическим и уголовным делам	241
Заключение	250
Словник использованных в книге терминов Уложения	259
Указатель имен	267

Аркадий Георгиевич Маньков
Уложение 1649 года —
кодекс феодального права России

*Утверждено к печати
Ленинградским отделением Института истории СССР
Академии наук СССР*

Редактор издательства *А. Ф. Варустина*
Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *З. А. Соловьева*
Корректоры *Ж. Д. Андропова, Л. М. Бова, А. А. Гинзбург*
и *А. И. Кац*

ИБ № 9065

Сдано в набор 8.10.79. Подписано к печати 26.02.80. М-36523.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 17=17 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 19.6. Тираж 4200. Изд. № 7405. Тип. зак. 789. Цена 2 р. 10 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
72	7 снизу	прожитков	прожитком
74	18 сверху	племянницам	племянникам
89	3 »	представлял	предоставлял
92	12 »	(VIII, 11)	(II, 11)

Зак. № 789.